

ISSN 2223-2982



СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 10-2 2024 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

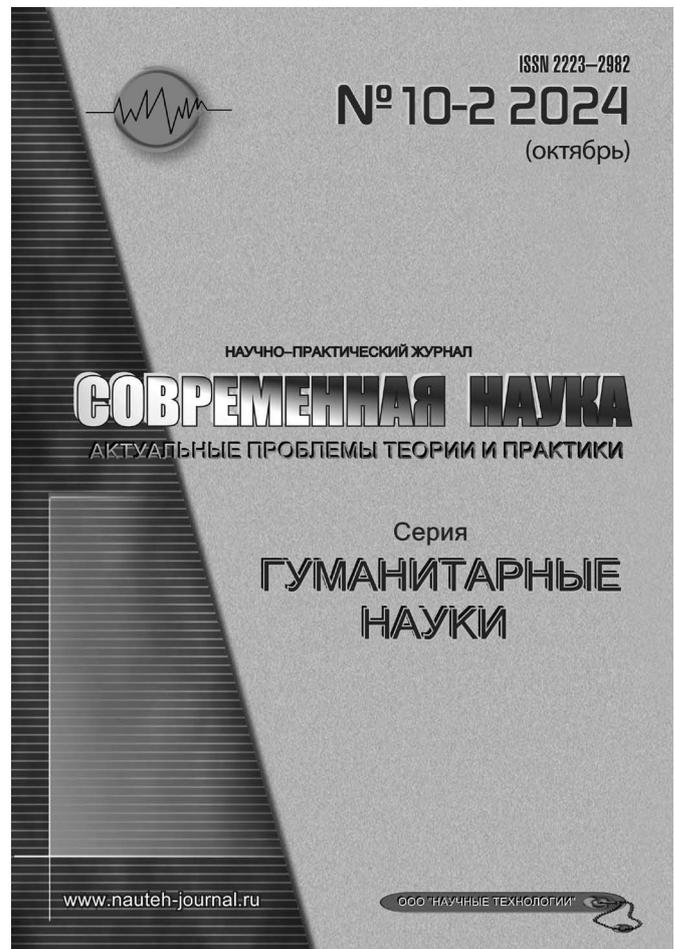
Серия: Гуманитарные науки №10-2 (октябрь) 2024 г.

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 15.10.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982



9 7 7 2 2 2 3 2 9 8 2 3 6

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Алешин В.С. – Заводские лаборатории Народного комиссариата тяжёлой промышленности в Ленинграде: трудности функционирования 1930-х годов

Aleshin V. – The factory laboratories of the People's Commissariat of Heavy Industry in Leningrad: challenges of operation in the 1930s. 7

Беликова Н.Ю., Чикаева К.С. – Религиозный вопрос в политике большевиков в первые годы существования советской власти

Belikova N., Chikaeva K. – The religious question in the policy of the Bolsheviks in the early years of the soviet government. 10

Бобохонов Р.С., Следзевский И.В. – Эволюция исламского фундаментализма. История и современность

Bobokhonov R., Sledzevsky I. – The evolution of Islamic fundamentalism. History and modernity. 15

Бочко В.Ю. – Развитие политической системы США 1800–1865 гг. в материалах и заданиях современных школьных учебников

Bochko V. – Development of the U.S. Political System (1800–1865) in the materials and tasks of the modern school textbooks. 21

Горкуш С.В. – Проблемные аспекты исторической обусловленности октябрьской революции 1917 г. в трудах советских историков 1920–1970-х гг.

Gorkush S. – The tricky issues of the reasons of the October revolution of 1917 in the works of soviet historians in the 1920s - 1970s. 27

Майоров Г.А. – Диалектика взаимоотношений КПРФ и КПК и специфика их организационно-коммуникативных отношений

Mayorov G. – The dialectics of the relationship between the communist party and the CPC and the specifics of their organizational and communicative relations. 30

Нин Яньхун, Го Чжэ – Обучение китайских студентов в России в период 1978–2019 годов

Ning Yanhong, Guo Zhe – Education of Chinese students in Russia in the period 1978-2019. 36

Фан-Юнг Г.Ю. – Уровень реальной заработной платы рабочих на Казанском стеариново-мыловаренном и химическом заводе

Товарищества братьев Крестовниковых накануне юридической отмены крепостного права
Fan-Yung G. – The level of real workers salary at the Kazan stearic-soap and chemical plant of the Krestovnikov Brothers Partnership before the abolition of Russian serfdom. 41

Фан-Юнг Г.Ю., Щигорцова Е.С. – Значимые особенности производственной политики «Ушковской» фирмы, реализуемой на Кокшанском и Бондюжском химических заводах до начала XX века

Fan-Yung G., Shchigortsova E. – Important peculiarities of the production policy of the "Ushkovs" company, implemented at the Kokshansky and Bondyuzhsky chemical plants until the beginning of the 20th century. 48

Федоров Д.А. – «Киевлянин» и консервативные тенденции в реформировании гимназического образования в 80–90-е гг. XIX в

Fedorov D. – The newspaper "Kievlyanin" and conservative trends in reforming secondary education in the 80-90s. 19th century. 53

Шпачук Н.Ю. – Развитие Росгосстраха в 1990-е годы <i>Shpachuk N.</i> – The development of Rosgosstrakh in the 1990s	57
---	----

Педагогика

Абраухова В.В., Хвостов А.Г. – Неформальное обучение в организациях студенческого самоуправления как фактор формирования социально-активной личности обучающихся и их профессиональных и надпрофессиональных компетенций <i>Abraukhova V., Khvostov A.</i> – Informal education in student government organizations as a factor in the formation of a socially active personality of students and their professional and supra-professional competencies	61
--	----

Борисова О.А. – «Инженерная и компьютерная графика» в техническом вузе на современном этапе <i>Borisova O.</i> – "Engineering and computer graphics" in a technical university at the present stage	68
---	----

Евтушенко С.Я. – Основные формы контроля для проверки знаний на уроках русского языка как иностранного <i>Yevtushenko S.</i> – The main forms of control for testing knowledge in the lessons of Russian as a foreign language	71
--	----

Емельянова О.В., Коровина С.В., Кругликова О.В., Королева Т.Э. – Особенности работы педагога в дистанционном формате <i>Emelyanova O., Korovina S., Kruglikova O., Koroleva T.</i> – Features of a teacher's work in a remote format	74
--	----

Картушина Н.В., Барыбина Е.И. – Влияние мотивации на качество обучения студентов-лингвистов иностранному языку <i>Kartushina N., Barybina E.</i> – The influence of motivation on the quality of teaching foreign language students	78
---	----

Ковалева А.С., Рубцова А.В. – Формирование иноязычной дискурсивной компетенции студентов инженерных и экономических направлений подготовки на основе семиотического подхода <i>Kovaleva A., Rubtsova A.</i> – Formation of foreign language discourse competence of students of engineering and economic directions of training based on a semiotic approach	82
--	----

Мусафиров М.К., Попрядухина Н. Г. – Проблема генезиса и организации советского внешкольного воспитания на материалах Оренбуржья <i>Musafirov M., Popryadukhina N.</i> – The problem of the genesis and organization of soviet extracurricular education based on the materials of Orenburg region	88
---	----

Свердлов Б.К. – Роль музыки в процессе формирования чувств национальной идентичности у младших школьников <i>Sviardlou B.</i> – The role of music in the process of forming feelings of national identity in younger schoolchildren	92
---	----

Скопа В.А., Ан С.А. – Проблемы художественно-эстетического воспитания в образовательном пространстве: история и современность <i>Skopa V., An S.</i> – Problems of artistic and aesthetic education in the educational space: history and modernity	96
---	----

Филология

Агошкова Т.В. – От метафизики к логическому анализу: Р. Карнап и перспективы философии языка в современной науке <i>Agoshkova T.</i> – From metaphysics to logical analysis: R. Carnap and the prospects of the philosophy of language in modern science	100
--	-----

Байбуз Г.В. – Медицинские термины в современном политическом дискурсе: функциональный аспект <i>Baybuz G.</i> – Medical terms in modern political discourse: functional aspect	103
--	-----

- Бодулева А.Р., Янгирова Г.В.** – Передача языковой игры в аудиовизуальном переводе (на материале сериала «Sherlock») *Boduleva A., Yangirova G.* – Translation of language game in audiovisual translation (based on the series "Sherlock").....106
- Гаврилова Ю.В.** – Связь и сопоставление французского и английского языков в работах британского лингвиста Джона Орра *Gavrilova Ju.* – Connection and comparison of French and English in the papers of British linguist John Orr110
- Гущина К.Н.** – Телесная топика в имажинистском дискурсе *Gushchina K.* – Body topic in imagist discourse113
- Добриева З.И.** – Глаголы эмоционального состояния в текстах публицистического стиля *Dobrieva Z.* – Verbs of emotional state in journalistic texts.....118
- Зуев А.В.** – Торговый флот российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в произведениях современников *Zuev A.* – The merchant fleet of the Russian empire in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries in the works of contemporaries124
- Исаева Е.В., Ду Вэньхао, Исаева Я.М.** – Разработка русско-англо-китайского словаря терминов беспилотных авиационных систем *Isaeva E., Du Venhao, Isaeva Ya.* – Development of russian-english-chinese dictionary of terms of unmanned aerial systems128
- Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф.** – О прилагательных акыллы "умный" – акылһыз "глупый" в башкирском языке *Isyangulova G., Akilova M.* – About adjectives акыллы "smart" – акылһыз "stupid" in the Bashkir language133
- Кирдянова Е.Р.** – Лейтмотив одиночества в новеллистике Т. Шторма *Kirduanova E.* – The leitmotif of loneliness in the novel by T. Storm.....136
- Комкова Н.И., Ломакина О.В.** – Функциональный потенциал паремий и крылатых единиц в художественном тексте (на примере рассказов Б.В. Шергина) *Komkova N., Lomakina O.* – The functional potential of paremias and winged units in a literary text (using the example of short stories by B.V. Shergin)139
- Кулимова Р.Х., Хачетлова С.М.** – Компаративное описание языков в лингводидактических целях *Kulimova R., Khachetlova S.* – Comparative description of languages for linguistic and didactic purposes144
- Ван Л., Дун С.** – Исследование конструирования идентичности в мультикультурном контексте В. Перелешина *Wang L., Dong X.* – A study of identity construction in the multicultural context of V. Pereleshin147
- Ван Л., Дун С.** – Конструирование культурной идентичности русского писателя В. Перелешина в перспективе «Чо-и» *Wang L., Dong X.* – The construction of cultural identity of the Russian writer V. Pereleshin in the perspective of "Diaspora"153
- Лю Сянчжи, Мэн Яодэн** – Обзор восприятия советской литературы в Китае *Liu Xiangji, Meng Yaodeng* – Review of perception of soviet literature in China158
- Лю Цзямин** – Анализ Распространенных Смысловых Единиц на основе корпуса: на примере очень, весьма и сильно *Liu Jiaming* – A Corpus-based Study on Extended Units of Meaning: taking очень, весьма and сильно as examples164
- Лю Цзямин** – Анализ метафорического фрейминга в политическом дискурсе – на примере «Послания Владимира Путина Федеральному собранию» 2024 г *Liu Jiaming* – Analysis of Metaphorical Framing in Political Discourse – On the Example of 2024 Vladimir Putin's Address to the Federal Assembly172

Панеш У.М., Бешукова Ф.Б. – Отечественная литература XX века: факторы формирования, проблемы создания квалификационной картины <i>Panesh U., Beshukova F.</i> – Domestic literature of the XX century: formation factors, problems of the creation of the qualification picture.....180	Токарева М.С. – К интерпретации новеллы З.А. Волконской «славянская картина V столетия»: просветительский и романтический аспект <i>Tokareva M.</i> – To the interpretation of Z.A. Volkonskaya's short story "Slavic picture of the fifth century": enlightenment and romantic aspects ...208
Пирманова Н.И. – Методические особенности изучения однородных определений в средней школе <i>Pirmanova N.I.</i> – Methodological features of studying homogeneous definitions in secondary school.....186	Хуан Хаонань – Тенденции развития визуальной идентификации новых потребительских товаров в Китае <i>Huang Haonan</i> – Trends in the development of visual identity of new consumer products in China214
Саввинова С.Н. – Лексические омонимы в эвенском языке <i>Savvinova S.</i> – Lexical homonyms in the Even language189	Хушвахтов Б.С. – Апеллятивные онимы в военном дискурсе (на материале английского языка) <i>Khushvakhtov B.</i> – Appellative onyms in military discourse (based on the material of the English language)219
Слепцова Е.В. – Значение немецких заимствований в русском языке для межкультурной коммуникации: история и современность <i>Sleptsova E.</i> – The importance of German German loanwords in Russian for intercultural communication: history and contemporaneity.....192	Цховребова Б.Ф., Зангиева З.Н. – Фразеологические единицы, объективирующие эмоции и чувства любви в осетинском и английском языках <i>Tskhovrebova B., Zangieva Z.</i> – Phraseological units that objectify emotions and feelings of love in the Ossetian and English languages223
Сюй Инжуй – Перевод и межъязыковая интерференция в контексте культурных различий <i>Xu Yingrui</i> – Translation and interlanguage interference in the context of cultural differences.....197	Информация
Тихомиров Д.П. – Ненормативная лексика как одна из составляющих коммуникации в соревновательных онлайн-играх <i>Tikhomirov D.</i> – Profanity as one of the components of communication in competitive online games202	Наши авторы. Our Authors.....228
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....230

ЗАВОДСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ТЯЖЁЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЛЕНИНГРАДЕ: ТРУДНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ 1930-Х ГОДОВ

Алешин Владимир Сергеевич

Аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
vlasgalsh@gmail.com

THE FACTORY LABORATORIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF HEAVY INDUSTRY IN LENINGRAD: CHALLENGES OF OPERATION IN THE 1930S

V. Aleshin

Summary: The article examines the issues related to the functioning of one of the components of the sectoral science in the USSR – factory laboratories. Using Leningrad, the largest industrial and research center, as a case study and materials from the Central State Archive of Historical and Political Documents (CGAIPD SPb) in Saint Petersburg, it is demonstrated that by 1936, the laboratories of factories under the People's Commissariat of Heavy Industry were not adequately fulfilling either the technical quality control of production or scientific research works. The author identifies the reasons behind this phenomenon and highlights the acute contradiction between the industrial policy of the Soviet Union and the unsatisfactory state of the factory laboratories in Leningrad during the 1930s.

Keywords: soviet science, industrial history, history of Russia, heavy industry.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы функционирования одной из составных частей отраслевой науки СССР – заводских лабораторий. На примере Ленинграда, крупнейшего промышленного и научно-исследовательского центра, и материалах фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга доказано, что лаборатории заводов, подведомственные Народному комиссариату тяжёлой промышленности, к 1936 г. должным образом не выполняли ни технический контроль качества выпускаемой продукции, ни научно-исследовательскую работу. Автор установил причины, обусловившие это явление, а также указал на острое противоречие между индустриальным курсом Советского Союза и неудовлетворительным состоянием заводских лабораторий города Ленина в 1930-е гг.

Ключевые слова: советская наука, тяжёлая промышленность, история промышленности, индустриализация, Ленинград, заводская наука.

Сущность индустриальной модернизации Советского Союза – насущная проблема для академического сообщества историков. Интерес современных исследователей к обозначенной проблематике неслучаен, поскольку достижение высоких показателей плановой экономики и создание промышленных гигантов совмещались с многочисленными препятствиями и просчётами, придававшими большевистской индустриализации противоречивый характер [2, с. 159–160; 3, с. 67–68]. При этом подчеркнём: анализируя наиболее дискуссионные аспекты промышленной политики ВКП(б), на сегодняшний день учёные далеко не исчерпали перечень возможных тем, которые могли бы углубить понимание технологического рывка нашей страны в годы выполнения пятилетних планов.

Давно назрела необходимость в пристальном изучении фабрично-заводских лабораторий (ФЗЛ) – одним из звеньев отраслевой науки СССР [12, с. 419–420]. Хотя государственная власть уделяла им значительное внимание, в отечественной историографии феномен практически не изучался. Комплексные исследования по теме отсутствуют, несмотря на редкие упоминания ФЗЛ в со-

ветской и российской монографической литературе [4, с. 60, 87, 90, 91–92, 110; 12, с. 419–420]. При этом имеются работы, рассказывающие о деятельности лабораторий заводов как в целых регионах [см. подробно: 7, 8], так и на конкретных предприятиях [см. подробно: 1, 11, 15].

В исследовании предпринята попытка углубить существующее представление о фабрично-заводских лабораториях 1930-х гг., сосредоточившись на материалах Ленинграда – города развитой индустрии и новаторских разработок в турбостроении, электротехнике, радиотехнике, станкостроении и не только [13, с. 367]. Для достижения цели автором вводятся в научный оборот документы областного и городского комитетов партии, ныне хранящиеся в фондах Р-24 и Р-25 Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Создание передовых и наукоёмких отраслей производства стимулировало устремления большевиков к повышению производительности труда и действенному использованию всех имеющихся ресурсов. В 1932 г. резолюция XVII конференции ВКП(б) провозгласила, что

эти устремления определяли «...дальнейшее развёртывание процесса овладения техникой на основе всё более тесного сотрудничества научно-исследовательских учреждений с промышленностью...», а также требовали «...решительного усиления фабрично-заводских лабораторий и организации их при больших новостройках» [10, с. 276]. Ставку на активизацию лабораторий заводов и фабрик подтвердил в 1934 г. и XVII партийный съезд [16, с. 665]. В ту пору они мыслились как «штабы технической мысли», призванные обеспечить научную основу всех производственных процессов на предприятии [9, с. 4].

Руководители советской индустрии полагали, что лаборатории будут использоваться в 3 направлениях: выверенном применении доступного сырья, экспериментальной проверке осуществлённых нововведений, улучшении применяемых способов производства и создании новых [9, с. 5]. Однако, до начала пропагандистской кампании в отношении ФЗЛ, последние находились в глубоком упадке на большинстве предприятий: отсутствовали стандарты лабораторного обслуживания и систематическая подготовка квалифицированных кадров, не было необходимых помещений и контрольно-измерительных приборов [17, с. 4]. Это приводило к снижению качества продукции и высокому проценту брака на предприятиях [6, с. 4–5]. Очевидно, что сохранение такого положения оказывалось немислимым в контексте сталинских преобразований индустрии.

Время реализации второго пятилетнего плана ознаменовалось массовым появлением лабораторий на крупнейших производствах СССР. Например, к 1934 г. на 24 предприятиях, подведомственных Народному комиссариату тяжёлой промышленности (НКТП, Наркомтяжпром), имелись собственные ФЗЛ. Некоторые из них насчитывали несколько сотен человек, обладали внушительными бюджетами и значимыми технологическими достижениями, включая такие ленинградские заводы, как Кировский и Ижорский [5, с. 5–12]. Между тем, вопреки заявленным успехам в строительстве ФЗЛ, материалы ЦГАИПД СПб свидетельствуют о значительных затруднениях на этом пути.

29 января 1936 г. заместитель наркома тяжёлой промышленности М. Л. Рухимович подписал приказ о пересмотре сети, структуры и работы научно-исследовательских институтов НКТП. Согласно первому пункту документа, все работы НИИ, дублирующие схожие в заводских лабораториях, передавались на предприятия наркомата вместе с кадрами и оборудованием. Исходной целью нормативного акта явилось «... максимальное развитие научно-технической работы на предприятиях промышленности» [14, с. 262]. При этом сохранилась докладная записка заведующего отделом науки ленинградского горкома ВКП(б) Кашарского, датированная

23 августа 1936 г. В ней повествуется о «полном провале» обозначенного приказа в Ленинграде. Кашарский подчёркивал «совершенно неудовлетворительное состояние» заводских лабораторий» и «полное нежелание» дирекции заводов обзавестись ими [18, л. 102]. Конкретизируя причины сложившегося положения, партиец указывал на забвение ФЗЛ – при развернувшейся технологической реконструкции многих промышленных предприятий того времени, лабораториям остро не хватало своих помещений; общую бедность оборудования лабораторий, препятствующую даже контролю качества продукции; крайне слабую квалификацию сотрудников, большинство из которых не имели учёных степеней, званий и получили образование после 1930 г.; несовершенную систему оплаты труда в лабораториях, чья деятельность достаточным образом не стимулировалась дополнительными выплатами [18, л. 103-104]. Наконец, ФЗЛ зачастую подчинялись не техническим директорам или главным инженерам, а «лицам совершенно второстепенным» [18, л. 114а].

Фактически получалось так, что заводские лаборатории Ленинграда не шли ни в какое сравнение с зарубежными ФЗЛ (США, Германия), довольно посредственно выполняли свою работу и не развивались из-за «консерватизма» руководителей предприятий [18, л. 114а]. Здесь нельзя не заметить, что о последнем препятствии развёрнуто писали российские авторы, рассказывая о противоборстве между сотрудниками центральной лаборатории Ижорского завода и его управляющими по вопросу производства танковой брони [11, с. 42–51; 15, с. 39-44].

Более развёрнутый анализ сложившегося положения имеется в докладных записках председателя совета заводских лабораторий Наркомтяжпрома И. П. Харитоновна, адресуемые в 1936 г. промышленно-транспортному отделу и вновь отделу науки ленинградского горкома ВКП(б). Так, среди 35 предприятий Ленинграда только 3 (Охтинский комбинат, завод им. Сталина, завод «Красный выборжец») имели силы и средства для «серьёзной научно-исследовательской работы» в лабораториях, занимаясь одновременно техническим контролем [19, л. 39–40]. Лишь завод «Красный химик» располагал достаточными помещениями для исследований и контроля качества [19, л. 39]. Только в 4 лабораториях (заводы – Кировский, им. Сталина, «Светлана», им. ОГПУ) были немногочисленные сотрудники с учёными званиями и степенями [19, л. 40; 18, л. 129]. Обычно даже наиболее компетентные среди них не отправлялись в заграничные командировки для получения передового опыта иностранных коллег [19, л. 41; 18, л. 131]. Характерно, что, как и Кашарский, Харитонов возлагал основную ответственность за проблемы заводской науки на управляющее звено [19, л. 42].

Как мы увидели, заводские лаборатории тяжёлой

промышленности Ленинграда функционировали в значительной степени неудовлетворительно, что противоречило партийным установкам организаторов социалистической индустрии 1930-х гг. Для решения крупной проблемы потребовалось изменение отношения руко-

водителей к делу фабрично-заводских лабораторий, значительные денежные вливания, направленные на строительство помещений и закупку приборов, качественное повышение образовательного уровня трудящихся и рационализация всех исследовательских занятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедель А.Э. «Заводская» наука в атомном проекте СССР // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 31–37.
2. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., Проспект, 2023. 800 с.
3. Давыдов А.Ю. «Социалистическая реконструкция» 1930-х гг.: СССР идёт к большой войне. СПб.: Евразия, 2023. 384 с.
4. Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. 271 с.
5. Заводские лаборатории тяжёлой промышленности: Сборник Совета заводских лабораторий НКТП СССР / под общ. ред. А.А. Арманда; НИС-техпроп НКТП. М.; Л.: Сектор ведомственной и заочной литературы, 1935. 290 с.
6. Задачи 1932 года и заводские лаборатории // Заводская лаборатория. 1932. № 2. С. 3–6.
7. Кальниченко В.С. Организация деятельности заводских лабораторий на предприятиях Урала в 20-30-х гг. XX. в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всероссийской научной конференции, 7 апреля 2004 г.: В 2-х томах. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. С. 383–388.
8. Кальниченко В.С. Деятельность Уральского областного комитета ВКП(б) по созданию сети заводских лабораторий в годы первых пятилеток // Уральский Политехнический институт им. С.М. Кирова. Труды. Сб. 234. Свердловск, 1975. С. 21–28.
9. Комиссаров А.М. Для чего нужны заводские лаборатории. Нижний Новгород: ОГИЗ – Нижегородское краевое издательство, 1932. 20 с.
10. XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Стенографический отчёт. М.: Партийное издательство, 1932. 296 с.
11. Мильников А.А. Бронетехника: ижорский вклад (К 300-летию Ижорских заводов и города Колпино). СПб.: ЮПИ, 2022. 230 с.
12. Наука большой страны: советский опыт управления / под. ред. Е.А. Долговой; авт.: М.В. Грибовский, И.Г. Дежина, Е.А. Долгова, М.О. Окунева, Е.А. Стрельцова, Д.Л. Сапрыкин, С.Б. Ульянова; Российский государственный гуманитарный университет, Центр истории российской науки и научно-технологического развития. М.: РГГУ, 2023. 625 с.
13. Очерки истории Ленинграда. Т. 4: Период Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в СССР. 1917–1941 гг. / ред. С.И. Аввакумов и др. М., Л.: Наука, 1964. 942 с.
14. Приказ по Народному комиссариату тяжёлой промышленности о пересмотре сети, структуры и работы научно-исследовательских институтов // Заводская лаборатория. 1936. № 3. С. 262.
15. Ривкин С.И. Путеводная звезда: Очерк об истории Центральной заводской лаборатории Ижорских заводов. СПб.: Гуманистика, 2004. 168 с.
16. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии большевиков. 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
17. Уншлихт И.С. За научную основу социалистической промышленности // Заводская лаборатория. 1932. № 1. С. 4–5.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2-В. Д. 1608.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 11. Д. 111.

© Алешин Владимир Сергеевич (viasgalsh@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

THE RELIGIOUS QUESTION IN THE POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE EARLY YEARS OF THE SOVIET GOVERNMENT

*N. Belikova
K. Chikaeva*

Summary: The article is devoted to the religious aspect in the policy of the Bolsheviks in the early years of the Soviet government. The relevance of the article is since it examines an extremely important aspect of the relationship between state power and the largest spiritual institution in society, which was the Russian Orthodox Church (ROC). The purpose of the study is to reveal the nature of the relationship between the political power that has existed in Russia since October 1917 and the ROC, to show the influence of its policy on the state of the religious issue in Russia in the early years of the Soviet government. The authors show the incompatibility of the ideology of the new political government and its current policy with the principles on which the Russian Orthodox Church and its followers in Russian society have existed for a long time. During their research, they consider the internal political actions that the Bolsheviks carried out in order to eliminate the religious issue.

Keywords: society, public consciousness, religious values, new government, Russian Orthodox Church (ROC), Bolshevik government, revolution.

С самого начала после прихода к власти большевистского правительства было очевидно, что идеологемы марксизма практически никак не соотносятся с традиционным вероучением православной церкви, которое преобладало в царской России до революции. Конфликт между двумя мировоззрениями – революционным, рационально-марксистским, атеистическим и традиционными религиозными представлениями большинства российского населения наметился очень скоро. После октября 1917 г. в России установилась совершенно другая власть, которая поставила перед собою ранее невиданную задачу: разорвать все установившиеся на протяжении веков культурные связи и традиции и создать совершенно новую пролетарскую культуру, интернациональную по своему характеру и решительно отмежевывающуюся от традиционной российской культуры. В результате должен быть построен совершенно новый мир, не связанный с существовавшей ранее тысячелетней российской культурой. Чтобы добиться этого, большевики решили упразднить то, что спаивало российский народ в целостную единую общность, а именно: Русскую

Аннотация: Статья посвящена религиозному аспекту в политике большевиков в первые годы существования советской власти. Актуальность статьи обусловлена тем, что в ней рассматривается чрезвычайно важный аспект взаимоотношения государственной власти и крупнейшего духовного института в обществе, которым являлась Русская православная церковь (РПЦ). Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть характер взаимоотношений политической власти, существующей в России с октября 1917 г., и РПЦ, показать влияние ее политики на состояние религиозного вопроса в России в первые годы существования советской власти. Авторы показывают всю несовместимость идеологии новой политической власти и ее текущей политики с принципами, на которых длительное время существовала Русская православная церковь и ее последователи в российском обществе. В ходе своего исследования они рассматривают те внутривластные действия, которые большевики проводили в целях ликвидации религиозного вопроса.

Ключевые слова: общество, общественное сознание, религиозные ценности, новая власть, Русская православная церковь (РПЦ), большевистское правительство, революция.

православную церковь, которая на протяжении веков придавала российскому обществу необходимое единство и консолидацию. Поэтому большевики в первую очередь нанесли удар по православной церкви.

Необходимо отметить, что с началом революционных потрясений православная церковь пыталась сохранить более-менее приемлемые и конструктивные взаимоотношения с новой государственной властью в России. Конечно, большинство ее служителей, а также руководство считало данную власть абсолютно безбожной и сатанинской. «Ежегодно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных людей, и даже на одре болезни лежащих, виновных только в том, что честно выполняли свой долг перед Родиной, что все свои силы полагали на служение блага народного» [6, с. 74–76]. Поэтому опасения большевистского правительства относительно той роли, которую продолжала играть православная церковь в российском обществе, строго говоря, были не вполне беспочвенны.

Но церковное начальство всячески предостерегало последователей РПЦ от желаний активно противостоять новой власти, от связи с некими оппозиционными группировками и силами по отношению к ней, от противодействия ее мероприятиям, проводимым на местах и вообще от любого конфликта с ней. В разъяснениях церковного начальства в данный период прямо указывалось на то, что любая власть, установившаяся в стране, – власть от Бога, и раз уж ему было угодно установить такой политический режим в России, то ни в коей мере не следует противодействовать ему или активно сопротивляться его нововведениям. «Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях. Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских. Не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрения советской власти. Подчиняйтесь ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию» [8].

Они также призывали всемерно подчиняться новому начальству в мирских делах и не подавать никаких поводов власти для осуществления ею политических репрессий либо гонений на церковь. Церковнослужителям предписывалось на местах осуществлять определенную обрядовую деятельность, вести церковные дела так, чтобы они никак не затрагивали интересы новых властей. При этом сами по себе обряды и богослужебная деятельность никак не должны были становиться инструментом, с помощью которого демонстрируется политическая позиция, не иметь никакого политического подтекста и не идти вразрез с организационными установлениями новой власти.

В целом же церковь по отношению к большевикам занимала достаточно умеренную и лояльную позицию. Вместе с тем даже такая относительно лояльная позиция совершенно не устраивала большевистское руководство, которое видело в церковной организации свою соперницу в борьбе за умы и сознание граждан новой России. Большевики любым путем пытались ослабить церковь и свети ее влияние в обществе к минимуму. Поэтому очень скоро в большевистской партии возобладала политическая линия, направленная на разрушение традиционной церковной организации и сокращение ее влияния до минимальных пределов.

Причем дело не ограничивалось только лишь политическими преследованиями церковных иерархов или прямыми репрессиями по отношению к ним. Большевики стремились всячески расколоть Русскую православную церковь, внести в ее среду раздор и противоречия и этим добиться снижения ее значения в обществе, низведя ее фактически до мелкой незначительной организации, занятой своими проблемами и потерявшей всякое влияние на народные массы. Отсюда движение обновленцев в РПЦ, которое всемерно поддерживалось действующей властью, появление в церковной среде

разнообразных раскольников, реформаторов, которые всячески стремились ослабить изнутри единую церковную структуру и вызвать внутри нее разлад и многочисленные конфликты.

Все эти наметившиеся противоречия в значительной мере, конечно, отвлекали церковь от ее внутренних дел, направленных на сохранение своего места и роли в российском обществе, а также от возможности реализации того духовного идеологического потенциала, который в этот период у нее, безусловно, имелся. Часто церковные власти вместо того, чтобы укреплять собственное единство и заниматься нуждами верующих, были вынуждены тем или иным способом отвечать на действия большевистской власти, принимать какие-либо решения и меры, связанные с ее давлением на православное духовенство, церковную организацию и православное сообщество по всей России. Так, например, священники и прихожане одного из приходов г. Костромы в своем обращении в Совнарком от 22 февраля 1920 г. заявляли: «Пора же, наконец, и на местах лицам, заведующим отделами по отделению Церкви от Государства, понять, что физическое стеснение в религиозной области ведет не вперед, не к лучшей жизни, а возвращает назад, к диким временам» [4].

Данные мероприятия, проводившиеся по отношению к РПЦ, неприкрытое давление на нее, различные репрессивные меры, осуществляемые большевистскими властями в отношении к церковной организации и ее служителей, в определенной степени все же способствовали радикализации православного сообщества, и среди последователей РПЦ в России находилось немало сторонников активных оппозиционных действий по отношению к новой власти, а также тех, кто считал ее сатанинской, дьявольской силой, чья деятельность направлена на разрушение России и ее полную ликвидацию. В церковной среде, конечно, существовали люди крайне оппозиционных взглядов по отношению к советской власти. Так, в частности, на одном из заседаний Всероссийского Церковного Поместного Собора один из докладчиков выступил со следующим призывом: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [2].

Но все же таких бескомпромиссных противников новой власти было в общем числе верующих относительно небольшое количество. В то же самое время положение для церкви осложнялось тем, что количество ее активных последователей в российской провинции не было столь велико, как об этом можно было бы подумать. Формально в русских провинциях империи проживало исключительно православное население, представители которого теоретически являлись преданы традиционному христианскому вероучению. Но на самом деле

число истинных приверженцев церковной религиозной доктрины в российских регионах было не так уж велико. В основном широкие массы населения России ограничивались обрядовой, ритуальной стороной церковного вероучения. Людей искренне и по-настоящему верующих в их среде было меньшинство. Так, например, в российской глубинке в Омской епархии местные архиереи сообщали, что ситуация здесь после революционных событий 1917 года коренным образом изменилась, и вверенное им «население хотя и религиозно, но почти исключительно в обрядовом направлении..., в том направлении, которое мало касается духа, слабо затрагивает сердце...» [3].

Широкие массы населения России считали, что для повседневной жизни достаточно лишь каких-то ритуальных прописываемых церковными властями действий, и в этом случае человек уже будет считаться истинно верующим и православным. Глубокие религиозные чувства большинству населения в российской провинции и особенно в столицах были неведомы, все ограничилось некоторым соблюдением обрядов, участием в церковных праздниках, исполнением формальных, ритуальных действий, которые обычный человек уже не соотносил с сакральной, священной стороной вероучения и выполнял практически механически, как нечто обыденное, связанное с повседневной жизнью и бытом. Больше того, в среде самих священников и церковных иерархов не так уж часто встречались истинно верующие люди, безусловно преданные тем идеям и принципам, на которых основывалось православное вероучение и которые бы в своей повседневной жизни являлись бы наглядным примером для подражания для своей паствы. Там же, в Омске, представители православного духовенства отмечали, что по-настоящему образованные священники являются в епархии большой редкостью и что в ней ощущается острая нехватка подготовленных образованных кадров священнослужителей. Священников, способных добросовестно и на должном уровне исполнять свои обязанности, констатировали они, не более 6–7%. Поэтому в данной местности очень сложно найти достойных кандидатов в священники, и приходится возводить в сан людей мало подготовленных, которые преследуют при этом зачастую корыстные, материальные цели. Кроме того, они отмечали, что священнослужителей епархии охватила боязнь активных действий из-за давления со стороны власти, что фактически привело к прекращению в епархии всякой религиозной проповеди, в то время как при наличии подготовленных кадров она могла бы проводиться [3].

К тому же в данный период широкое распространение в российской общественной религиозной жизни получило сектантство, которое привлекало в свою среду все больше последователей. Также из Омска в рассматриваемый период церковное начальство сообщало,

что интерес, к вере, который наблюдается у некоторого количества местного населения, часто приобретает необычные формы, которые выражаются в широком пространстве в губернии разнообразных, в первую очередь протестантских, сект баптистского толка. Причина этого, по их мнению, заключалась в неустойчивости религиозных представлений населения, его дезориентации, в плохой его осведомленности в вопросах веры [3].

Нет нужды говорить, что религиозные идеи и представления сектантов совершенно не соответствовали православному вероучению и никак не соотносились с теми идеями и принципами, на которых основывалась Русская православная церковь. В данном контексте в рассматриваемый период значительно активизировались раскольники и старообрядцы самых различных направлений, а также сторонники разнообразных ересей и учений, альтернативных официальному православию. Больше того, значительная часть сектантов, раскольников и старообрядцев приветствовала происходящие революционные изменения и с определенным сочувствием относилась к новой государственной власти. Так, получившее в первые годы советской власти церковное движение «обновленчества» представляло в этот период серьезную конкуренцию официальному православию, в связи с чем раскол в православной среде существенно углубился. К примеру, в заявлении, составленном 25 апреля 1923 г. прихожанами села Максимовки Тамбовской губернии местным властям, сообщалось о сильнейшем давлении церковного руководства обновленческой «Живой церкви» на приходскую общину с целью недопущения среди прихожан распространения религиозных идей, альтернативных «обновленческим», и о таком контроле, которого, по их словам, не было даже и при царизме. В письме-заявлении сообщалось, что священнослужители-обновленцы ведут себя в приходах как полновластные хозяева, управляя авторитарными методами и ни считаясь с пожеланиями и нуждами местного населения. Выход из такой ситуации прихожане видели реже всего во вмешательстве светских властей в религиозные дела для немедленного урегулирования всех имеющихся разногласий. Они констатировали распространение так называемого «поповского насилия» над верующими и требовали от новой власти в законодательном порядке определить их права. Только в этом случае, по их мнению, в стране воцарится полная религиозная свобода и равенство, и народ будет освобожден от насильственного воздействия недобросовестных священнослужителей [5].

Между тем сами по себе революционные события, происходившие в стране с начала XX века, та общественно-политическая ситуация, которая сложилась в русском обществе в предреволюционный период и последующий за ним период революционных потрясений, фактически разрушительным образом подействовали

на традиционное мировоззрение и религиозное сознание населения России. Многие представители самых широких народных масс были дезориентированы и потеряли всякую ценностную и мировоззренческую опору. Так, например, Н.А. Бердяев в своем знаменитом труде «Философия неравенства» недвусмысленно определил антирелигиозный характер революционных потрясений в бывшей Российской империи: «Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические и анархические» [1, с. 480].

Произошедшие в стране революционные потрясения, крах верховной императорской власти, разрушение всей структуры традиционного общества оказали колоссальное воздействие на население России. Они во многом подорвали те религиозные основы и традиционные морально-нравственные ценности, на которых и базировалось учение Русской православной церкви. В русском обществе наблюдалось определенное разочарование в религии и во всех других традиционных скрепах, объединяющих российский социум. На эту масштабную дезориентацию сознания в рассматриваемый период неоднократно обращали внимание представители российского духовенства и люди, искренне сочувствующие и верующие православной церкви. Так, например, известный писатель, публицист того времени В.В. Розанов писал: «...церковь разбилась еще ужаснее, чем царство» [7, с. 23].

Кроме того, в обстановке революционной борьбы, гражданской войны, голода и разрухи нравственное сознание общества также существенно снизилось, и те вещи, которые ранее были запретными и недопустимыми с точки зрения морали и нравственности, теперь становились вполне приемлемыми и совершаемыми повсеместно. Церковь по-разному пыталась реагировать на данную сложившуюся ситуацию. С одной стороны, церковное начальство и священнослужители использовали различного рода увещевания, обращения, разъяснительные проповеди, а с другой – достаточно часто принимали жесткие меры, связанные с отлучением от церкви, анафемой и другими видами церковного наказания и проклятия. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые распри. Властью, данную нам от Бога, запрещаю вам приступать к тайнам Христовым. Анафематствую вас, если только вы еще носите имена христианские, и хотя бы по рождению своему принадлежите к Церкви Православной» [6, с. 74–76].

Со своей стороны новая государственная власть всячески способствовала как внутри церковному расколу, так и снижению авторитета церкви в обществе, применяя по отношению как к служителям церкви, так и к верующим широкий комплекс репрессивных действий.

Большевики считали Русскую православную церковь, по сути, главным идеологом контрреволюционных сил и с этой точки зрения она была ответственна за развязывание гражданской войны в стране. Об этом, в частности, писала передовица газеты «Правда» от 9 мая 1918 г. [9].

В особенности сильно репрессии осуществлялись в ходе военных действий, на фронтах гражданской войны, когда ожесточение сторон в ней достигало особенно острого накала. Так, например, гражданское противостояние на Юге России отличалось особой бескомпромиссностью.

Таким образом, религиозный вопрос представлял для новой большевистской власти чрезвычайно важный политический аспект, связанный как с нуждами внутренней политики, так и с общими идеологическими постулатами нового политического режима. С точки зрения большевиков, религиозное мировоззрение и ценности, связанные с Русской православной церковью, были совершенно неприемлемыми в новом социалистическом обществе и государстве, основанном на идеологии марксизма. Согласно ей, религия является той частью общественного мировоззрения, которая тесным образом связана с миром прошлого и с традиционным государством. Больше того, она является прямым конкурентом марксистским идеям о построении атеистического общества всеобщего равенства и счастья.

Поэтому существование в рамках одного общества и марксистских идей, материалистических и атеистических по своей природе, и религиозных ценностей в представлении большевиков было совершенно неприемлемым. В данном случае РПЦ выступала как прямой конкурент новой государственной власти в борьбе за умы и общественное сознание населения России. Кроме того, естественно, в представлении большевиков она тесным образом связывалась с традиционным имперским государством и была важной частью его институциональной структуры. Исходя из этого, ее предполагаемое разрушение было логическим завершением процесса революционного переустройства российского общества на новых марксистских началах. В данном контексте церковная организация, доставшаяся в наследство большевистскому правительству от традиционного русского государства, подлежала в идеале полному разрушению и ликвидации или по крайней мере в очень существенных функциональных ограничениях ее деятельности, т.к. добиться полного ее уничтожения, учитывая то, что значительная часть населения страны все еще сохраняет традиционное сознание и мировоззрение, в котором большое место отводится традиционным религиозным ценностям, представлялось затруднительным.

Первым шагом в ходе реализации данной политической линии было отделение большевиками церкви от го-

сударства, но все же такое разделение традиционного и революционного сознания в обществе они считали явно недостаточным и удовлетвориться этим вряд ли могли. Исходя из этого, все их последующие действия были направлены на дискредитацию церкви, подрыв ее авторитета в обществе, на ее внутренний раскол и на введение разнообразных ограничений в ее деятельности. Данная политическая линия последовательно реализовывалась большевистским правительством в первые годы советской власти. Ее следствием стало создание внутри РПЦ различных раскольнических групп и объединений, так называемой «живой церкви», «обновленцев» и т. д. Это должно было нарушить ее внутреннюю структуру и целостность, создать разнообразные альтернативы существующему церковному руководству, усилить внутри нее борьбу различных партий и направлений. Данный процесс должен был завершиться, по сути, церковным расколом и привести к полной дезориентации верующих, сторонников канонического православия и существующего церковного руководства. Деятельность большевиков в этом вопросе здесь в полной мере совпадала со стремлением некоторой части последователей РПЦ к внутри церковным реформам и к созданию новых форм религиозной жизни. С другой стороны, это привело к консолидации религиозных традиционалистов внутри РПЦ и к их попытке, с учетом сложившейся общественно-политической ситуации, возродить традиционные формы церковной жизни. Следствием этого стало про-

ведение Всероссийского Церковного Поместного Собора, возвращение церкви к патриаршеству и избрание нового патриарха. Но сложившаяся ситуация общественно-политического раскола, даже такая консолидация, объективно способствовала дальнейшему разделению сторонников РПЦ, выразившемуся в противостоянии ее традиционалистского и реформистского крыла.

Между тем, не удовлетворившись раскольническими действиями внутри церкви, большевики накладывали разнообразные ограничения на ее деятельность. Начались преследования священнослужителей, по отношению к ним стали применяться разнообразные репрессивные меры, причем в большинстве случаев совершенно не спровоцированные ничем и имеющие исключительно антирелигиозное значение. Широко практиковалось изъятие церковных ценностей и т. д. Конечно, по своей природе РПЦ была склонна поддерживать антиреволюционные силы в обществе, поскольку она действительно была тесно связана с традиционным русским обществом и прежней государственной системой. Но все же в подавляющем большинстве случаев преследование ее служителей и разнообразные ограничения, вводимые против ее деятельности, определялись идеологической доктриной большевиков и политической целесообразностью новой власти в России, которая пыталась построить общество совершенно нового типа, в котором религии в традиционных ее формах совершенно не оставалось место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. *Философия неравенства* // Судьба России: Сочинения. М. – Харьков: ЭКСМО-Пресс, Фолио, 1998. С. 479–726.
2. *Воззвание Собора* // Ставропольские епархиальные ведомости. № 10. 1918. С. 236–239.
3. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 3696. Оп. 1. Д. 2. Л. 209.
4. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 287. Л. 69–69 об.
5. ГАРФ. Ф. 353. Оп. 6. Д. 26. Л. 31–32.
6. *Послание Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 года* // Богословский Вестник. Сергиев Посад, 1918. Том I. Январь-Февраль.
7. Розанов В.В. *Апокалипсис нашего времени*. СПб.: Азбука, 2001. 404 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 19.
9. *Правда*. 1918. 9 (22) мая.

© Беликова Наталья Юрьевна (belikova2003@mail.ru), Чикаева Карина Суменовна (chikaevakarina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бобохонов Рахимбек Сархадбекович

Доктор исторических наук, Старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН
rahimbobokhonov@yandex.ru

Следзевский Игорь Васильевич

Ведущий научный сотрудник, руководитель, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН

THE EVOLUTION OF ISLAMIC FUNDAMENTALISM. HISTORY AND MODERNITY

**R. Bobokhonov
I. Sledzevsky**

Summary: In recent years, there has been an active process of politicization of Islam throughout the Muslim world. Islamic religious and political currents and movements are becoming more active not only in the Muslim world, but also in other countries of the world, including Western countries. The transformation of Islam into a real political force at the regional and global level is facilitated by transnational information and propaganda structures of network Islam, promoting the idea of creating a modern global Caliphate in the global online space. As a result of the active politicization of Islam, the "Islamic State" (the organization is banned in the Russian Federation) movement arose, which began to fight for the creation of a global New Caliphate. The idea of worldwide jihad against the infidels and the creation of a New Caliphate has become a fashionable and current phenomenon not only in the Muslim world, but also in the West. All these and other problems are related to Islamic fundamentalism. This article examines the main stages in the history of Islamic fundamentalism.

Keywords: islam, Islamic fundamentalism, Caliphate, righteous caliphs, New Caliphate, Islamic world, Islamic state, Sharia, Salafism, political Islam, Islamic project, network Islam, radical movements of Islam.

Аннотация: В последние годы идет активный процесс политизации ислама во всем мусульманском мире. Исламские религиозно-политические течения и движения активизируются не только в мусульманском мире, но и в других странах мира, в т. ч. в странах Запада. Превращению ислама в реальную политическую силу регионального и глобального уровня благоприятствуют транснациональные информационно-пропагандистские структуры сетевого ислама, продвигающие идею создания современного всемирного Халифата в мировом онлайн-пространстве. В результате активной политизации ислама возникло движение «Исламского государства» (организация запрещена в РФ), которое начало бороться за создание всемирного Нового Халифата. Идея всемирного джихада против неверных и создания Нового Халифата стало модным и актуальным явлением не только в мусульманском мире, но и на Западе. Все эти и другие проблемы связаны с исламским фундаментализмом. В статье исследуются основные этапы истории исламского фундаментализма.

Ключевые слова: ислам, исламский фундаментализм, Халифат, праведные халифы, Новый Халифат, исламский мир, исламское государство, шариат, салафизм, политический ислам, исламский проект, сетевой ислам, радикальные течения ислама.

Значительные геополитические перемены, происходящие в современном мире в последние десятилетия, заставляют по-новому взглянуть на роль Ислама в трансформации мирового порядка. Ислам становится все более весомым фактором мировой политики и международных отношений. Еще в конце 70-х – начале 80-х гг. XX т. н. «исламский бум», поднятый исламской революцией в Иране в январе 1978 – феврале 1979 г., способствовал политизации ислама и исламизации политики в мусульманских странах.

Этот процесс продолжается и сегодня. Его нарастанию способствуют исторически сложившиеся и закрепившиеся в культурно-цивилизационном сознании мусульманских народов представления о неразделенности в исламе религии и политики, духовного и светского начал устройства общества, ислама и образа жизни мусульман в целом. Во многих мусульманских странах существуют правительства, партии, движения и группировки, придающие исламским принципам политическое

значение и стремящиеся перестроить общество в соответствии с исламскими идеалами. Все более привлекательными для них в этом плане становятся идеи исламского фундаментализма.

Сегодня на базе этих идей в этих странах идет процесс формирования современной исламской общественно-политической мысли (подробнее см.: 1]).

В широком историческом и культурно-символическом плане исламский фундаментализм, как идейное течение, выступает за возвращение к истокам ислама – к «первоначальному», «истинному», «чистому» Исламу, понимаемому как восстановление первоначального теократического мусульманского государства, созданного после смерти пророка Мухаммеда его наследниками – халифами, и неукоснительное регулирование всех сфер жизнедеятельности общества и человека согласно букве Корана и Сунне Пророка [2].

Фактором устойчивого интереса к позициям и тенденциям развития современного исламского фундаментализма, буквально приковывающим внимание к последователям «чистого ислама», становятся мусульманские радикальные группировки и экстремистские организации, оправдывающие лозунгами исламского фундаментализма свое дестабилизирующее и деструктивное влияние на ситуацию в ряде мусульманских стран, открытую приверженность к насилию в попытках реализации планов и проектов построения «справедливого общества» [3, р. 23–25].

Современный исламский фундаментализм как одна из жизнеспособных и влиятельных идеологий наших дней уходит своими корнями в историю протофундаменталистского идейного течения – салафия. Начиная со времени основания Ислама, это течение обрело самостоятельную традицию в рамках мусульманского богословия, призывающую, в первую очередь, к следованию букве Корана и Примеру Пророка, отвергая символические толкования [4, с. 46]. В исламских исследованиях используются разные определения салафизма, но есть одно определение, которое настолько ясно и точно раскрывает глубинный смысл этого понятия, что исследователям ислама трудно с ним не согласиться. Это характеристика «чистый», «первоначальный» и, соответственно, «фундаментальный» ислам.

Предметное, историческое содержание этому определению салафизма придает обращение к первоначальным истокам ислама, ко временам 4-х праведных халифов. Это и есть классический исламский концепт салафизма. Впервые он был разработан и предложен мусульманскому миру арабо-суннитским богословом Ибн Таймией (1263–1328) и был использован в качестве идейного оружия его последователем Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом (1703–1792).

Согласно исламскому энциклопедическому словарю, салафизм можно рассматривать как «общее название религиозных мусульманских деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранних мусульманских общин - "ас-салаф ас-салихун" («праведных предков» – в переводе с арабского), квалифицируя как "бидъа" («недозволенное нововведение» - в переводе с арабского) все позднейшие нововведения в указанных сферах» [5, с. 315, 204].

В Новейшее время на право наиболее полной реализации идей исламского фундаментализма начало претендовать движение «Братьев-мусульман» (организация запрещена в РФ), первоначально возникшее в Египте в 1926–1928 гг. под руководством Хасана аль-Банна и получившее распространение в большинстве стран мусульманского мира. В недрах этой партии формировались личности, которые в начале 1950-х гг. создали в Па-

лестине в 1954 году международную исламскую партию «Хизб-ат Тахрир» (организация запрещена в РФ) [6, с. 11].

Современный исламский фундаментализм, таким образом, можно определить как самостоятельное идейное течение исламской общественной мысли, изначально развивавшееся в рамках салафитской традиции и выступающее за далеко идущие религиозно-политические преобразования современных мусульманских обществ: области: построение политической системы непременно в рамках концепций идеального исламского государства – Халифата и исключительного права Аллаха устанавливать религиозные правила и законы – *таухид аль-хакимийа*; организация судебной системы исключительно в рамках установлений шариата (при этом отправлением правосудия рассматривается в качестве приоритетной функции, назначения государственной власти в сравнении с законодательной и исполнительной властью); создание обстановки всеобщего религиозного контроля над соблюдением нравственности [7, с. 34].

В качестве относительно самостоятельного течения исламской общественной мысли и движения за идейную реформу мусульманской уммы исламский фундаментализм прошел в своем развитии 3 этапа: 1) ранний (конец 1920-х – начало 1950-х гг.); 2) этап подъема исламского политического радикализма (начало 1950-х – начало 1970-х гг.); 3) этап раскола ранее единого и целостного фундаменталистского направления на крайне экстремистское и умеренно-прагматическое идейные течения (начало 1970-х гг. – начало XXI в.) [7, с. 35].

Ранний этап возрождения исламского фундаментализма в первой половине XX в. отличали конфессиональная терпимость, политическая умеренность, апелляция к высшим, духовным ценностям ислама, многоплановость восприятия и трансформации культурно-идейного наследия исламской цивилизации и его основ: традиционалистского мистического ислама (суфизма), с одной стороны, и салафизма – с другой.

Просветительские, сугубо проповеднические установки и отторжение насильственных методов возвращения к «чистому исламу», определившие главное русло возрождения исламского фундаментализма в этот период, способствовали зарождению и развитию умеренного направления идеологии возрождения изначальных принципов и идеалов ислама. Политической платформой и организационной основой этого направления стала возникшая в 1928 г. международная Ассоциация «Братья-мусульмане», ее создатель – Хасан аль-Банна справедливо считается основателем умеренного направления в идеологии исламского фундаментализма [6, с. 37].

Второй этап развития исламского фундаментализ-

ма определила радикализация борьбы за возрождение «чистого ислама» – переход на позиции воинствующего салафизма, насильственного джихада как единственного способа возрождения подлинного ислама и обязанности всех истинных мусульман. Последовательное и развернутое обоснование радикальное направление исламского фундаментализма получили в центральных для этого направления идеях Сейида Кутбы и Абу аль-Аля аль-Маудуди: положение о единственном и неограниченном суверенитете Аллаха (*хакимийя*) и обвинение в безверии (*такфир*) не только «неистинно верующих» мусульмане, но и немусульман мира в целом [2].

В 1970-е гг. исламское фундаменталистское движение окончательно разделилось на 2 идейно-политических лагеря: для первого характерна преимущественная опора на убеждение, проповедь «правильного ислама», для второго – ориентация на насилие, войну за «истинную веру». Радикальное направление, в свою очередь, разделилось на сторонников противостояния всему «безбожному» обществу, полного выхода из него всех истинных мусульман и сторонников решительных действий только в отношении верхушки «безбожного» общества – устранения ее путем насильственного переворота [8, с. 13–23].

Линия, разделяющая идеологии современных умеренных и радикальных фундаменталистов, касается, прежде всего, их позиций в отношении проблемы *такфира* (на уровне всего общества, правящего режима, правителя или отдельного рядового мусульманина) и введения шариата.

Умеренные выступают категорически против *такфира*, радикалы – столь же категорически «за». И те, и другие выступают за введение шариата как основного и единственного закона общества. Однако первые не настаивают на его немедленном введении и отстаивают легальный парламентский путь шариатизации права. Вторые же требуют немедленного введения шариата и применения силы против тех, кто препятствует этому.

Но важно то, что даже в условиях жесткой конфронтации между конкретными радикальными и умеренными фундаменталистами и их организациями, последние (т. е. умеренные) не проявляли и не проявляют заинтересованности в окончательном устранении «соперников», т. к. само существование исламских радикалов есть залог поддержания выгодного для умеренных баланса сил с правящими режимами. В свою очередь, умеренные своим конформизмом выгодно оттеняют «истинно исламскую» бескомпромиссность радикалов [9, с. 18].

Конечной или перспективной целью своей деятельности большинство современных исламских и прежде всего фундаменталистских движений традиционно провозглашает создание всемирного государства ислама,

основанного на юридических и нравственных нормах, содержащихся в Коране и Сунне, т. е. нормах шариата.

Промежуточной или стратегической целью считается построение истинного исламского государства на территориях, где действует мусульманский религиозный закон и политически доминируют мусульмане (территория Ислама – *дар уль-ислам*).

Краткосрочной или тактической целью для фундаменталистов является достижение мирными или насильственными средствами нового общественного устройства, основанного на принципах шариата, в географических рамках отдельных государств.

Представители умеренного направления исламского фундаментализма ради достижения власти или приближения к ней во главу угла ставят максимально возможное внедрение в активно действующие общественные структуры и институты путем укрепления своего влияния в профсоюзах (наибольшего успеха они добиваются в профсоюзах медиков и инженеров), университетских студенческих советах, комитетах по сбору закята, всевозможных благотворительных организациях, в советах директоров отдельных компаниях и банках.

В политической сфере, если не удастся добиться легализации деятельности организаций исламских фундаменталистов в виде партий, умеренные идут на предвыборные блоки с другими партиями, в ряде случаев даже фактически их поглощая. Так произошло в 2010–2011 гг. в Египте и Тунисе, где революционные события «арабской весны» позволили ассоциации «Братья-мусульмане» поставить под свой контроль партию свободы справедливости в Египте и партию возрождения в Тунисе [2].

Примером эффективности идеологии исламского фундаментализма и ее мобилизующих возможностей может служить приход к власти умеренной фундаменталистской группировки «Братьев-мусульман» в Судане в 1989 г. [10, с. 13].

История развития этого фундаменталистского движения в Судане заслуживает особого внимания. В 1989 г. в результате государственного переворота движение «Братьев-мусульман» в лице партии «Национальный исламский фронт» пришло к власти, и Судан стал, по существу, первой мусульманской страной, претендовавшей на воплощение в жизнь фундаменталистской парадигмы государственного устройства.

Став правящей элитой Судана, местная группировка «Братьев-мусульман» за последующие 25 лет оказала огромное мобилизующее влияние на большинство исламских возрожденческих движений во всем мире. Сейчас эта арабская страна пользуется значительным авторитетом среди исламских фундаменталистских дви-

жений. Шейх Хасан ат-Тураби, руководитель суданских «братьев» с 1964 г. по настоящее время является, пожалуй, наиболее популярным и авторитетным идеологом исламского возрождения во всем мусульманском мире [11, p. 18; 12, p.11].

Анализ эволюции исламского фундаментализма позволяет сделать вывод об устойчивости динамики роста популярности его возрожденческих идей и установок практически во всех современных мусульманских странах. И если эта тенденция сохранится, то ислам в XXI в. в своем фундаменталистском варианте, вероятно, сможет явить изменяющемуся миру вполне жизнеспособную альтернативу западной либеральной модели общественного устройства и исторического развития. Тогда, возможно, подъем исламского фундаментализма перерастет из политической фазы в фазу развития мира Ислама как альтернативной модели мировой цивилизации [2].

Следует отметить, что после окончания «холодной войны» и распада социалистического лагеря и Советского Союза, исламский фундаментализм во многом заменил собой прежнего идеологического противника Запада и НАТО.

В связи с этим вызывает опасения появившаяся в последние годы в западной и российской литературе и публицистике тенденция смешения понятий: исламского фундаментализма и экстремизма, пусть часто выступающего под прикрытием фундаменталистской идеи «очищения» ислама. Представляется весьма важным смысловое и дискурсивное разведение этих понятий при всей их кажущейся близости.

Хотя религиозный фундаментализм и стал в последнее время в СМИ клише, широко применяемым именно к исламу, это явление не в меньшей степени присуще и другим религиозным системам – протестантизму, православию, иудаизму и индуизму. В широком смысле «фундаментализм является устойчивой чертой всех зрелых цивилизаций, культур и наций в периоды конфронтации и глубоко ощутимых угроз или тупиковых ситуаций, обрывающих прежнее течение жизни» [2].

Характерно, что в ряде мусульманских стран исламский фундаментализм в его умеренной, наставнической форме рассматривается в качестве основы противостояния практикам религиозно-мотивируемого экстремизма.

На политическом и идейно-мировоззренческом уровнях выдвигается стратегическая задача лишения экстремистских организаций прав и возможностей апеллировать к принципам и ценностям «чистого ислама» для оправдания насильственного джихада. Представление ислама в качестве религии мира, терпимости

и порядка, исключая религиозное оправдание экстремизма, вплоть до открытого терроризма, становится одним из главных принципов программ дерадикализации убежденных сторонников тотального джихада. Это способствует более взвешенному и рациональному осмыслению правящими элитами ведущих мусульманских стран стратегических возможностей и перспектив исламского фундаментализма как модели переустройства общества.

Например, в Кувейте на государственном уровне активно осуществляется концепция умеренности как идеологии современного Ислама. Она была разработана на уровне совета министров и объявлена официально. Эта концепция стала частью государственной программы исламского анти-радикализма.

Правда, политический импульс развития умеренного исламского фундаментализма пока не мешает убежденным исламским радикалам быть уверенными в конечной победе воинствующего ислама. Усилия по дерадикализации экстремистских движений и группировок получают однозначный ответ: «идите, идите со своими ценностями, готовьте нам дорогу, завоевывайте позиции ислама! А когда вы завоюете эти позиции, –придем мы» [1].

Поэтому конфронтация между радикальным и умеренным течениями в современном исламском фундаментализме еще долгое время может быть очень серьезной, умеренные исламские силы в их противостоянии с исламскими радикалами нуждаются в союзниках за пределами мусульманского мира.

Исламский радикализм остается потенциально серьезным и опасным соперником государственной власти и в немусульманском мире. Радикалы верят своим лидерам, верят в их высший и непоколебимый авторитет. Поэтому в борьбе с исламским радикализмом надо ориентироваться на авторитетные международные центры, на высшие духовные и политические авторитеты – людей, голос которых, как говорят арабы, слышим, т. е. убедителен, значим, в т. ч. и для мусульманского мира [13, p. 32–33].

Мировые, транснациональные масштабы и формы Исламского возрождения актуализируют вопрос о том, какое влияние подъем и эволюция исламского фундаментализма могут оказать на современные глобальные процессы.

Вряд ли можно отрицать, что одним из главных мировых процессов XXI в. становится соприкосновение и нарастающее взаимодействие мира Ислама с глобальной миросистемой, сложившейся во второй половине XX в. под влиянием непрекращающейся мировой экспансии западных финансово-экономических и социокультурных структур, превращения Запада в гегемона мировой

политики и международных отношений. Также очевидно, что этот конфликт, скорее всего, будет сохранять конфликтную доминанту, поскольку исламская цивилизация, по крайней мере, в ее аутентичном, самобытном не реформированном виде не вписывается в тот мир, который формирует и пытается закрепить современный Запад.

Вопрос состоит в том, сможет ли развитие глобальных процессов по западной модели, утверждающей универсальность и приоритетность ценностей западного либерализма, западных экономических, социальных, политических и культурных форм, остановить или во всяком случае ограничить мировой тренд Исламского возрождения, отодвинув на периферию мировой политики современный исламский фундаментализм.

Изучение природы и исторических рамок Исламского возрождения в его фундаменталистских мотивах и предпосылках приводит к выводу о том, что в культурно-исторической основе мусульманского сознания и религиозности есть нечто принципиально противоречащее пока доминирующей (западной) модели глобализации. В отличие от ряда христианских вероисповеданий, буддизма и индуизма, Ислам требует следования определенному образу жизни, несовместимому (или, вероятно, плохо, не до конца совместимому) с секулярными глобальными ценностями и представлениями о мироустройстве.

Однако важно и то, что мусульманский мир не отрицает глобализацию как таковую, в т. ч. и на уровне своих фундаменталистских принципов и установок. Он выдвигает собственный проект глобализации и свой цивилизационный проект – в качестве альтернативы нынешнему мировому порядку, предъявляющие современному миру, в первую очередь Западу, требования кардинальных изменений по модели воплощения справедливого общества (в форме образцового исламского государства) на Земле. Поэтому, чтобы найти механизмы встраивания мусульманского мира в формирующийся миропорядок, потребуются широкий диалог, учет интересов и уступки с обеих сторон.

Но пока об этом речь не идет, исламской политической доктрине вообще нет места в политических процессах на Западе. Запад, признавая, например, легитимность христианско-демократических партий и иудаистских политических организаций, отказывает в этом Исламу и не признает естественную межцивилизационную конкуренцию разных ценностных систем. В результате ощутимо сужается пространство для поиска путей стратегического решения вопросов стабилизации отношений Запада с миром Ислама, создаются условия для интенсификации «горячих» точек и форм конфликта между обоими мирами [14].

Есть еще одна глобальная проблема, которая усложняет диалог Ислама с Западом. Это нарастающий разрыв между суннизмом и шиизмом в классическом (традиционном) исламе и его наследии.

Если фундаменталистский салафитский ислам постепенно отделяется от суннизма, то шиизм, как совершенно другая историческая модель исламской цивилизации, все больше отдаляется от суннизма, в т. ч. и от салафизма. Таким образом, мы наблюдаем раскол внутри не только суннитского течения ислама, но и всего классического ислама в целом.

Салафизм, в свою очередь, будет усложнять взаимоотношения между различными мазхабами (богословско-правовые школы в исламе) не только в суннизме, но и в шиизме. Более того, салафизм уже ведет борьбу против шиизма в некоторых странах Ближнего Востока, где проживает шиитское население. Конечно, в таких условиях о единстве ислама говорить не приходится. Более того, придется в дальнейшем постоянно подчеркивать, что суннизм и шиизм – это не 2 течения внутри классического ислама, а 2 самостоятельные модели исламской цивилизации [2].

Исламский фундаментализм постепенно отделяется от классического ислама не только по идейным и политическим принципам, но и по основополагающим религиозным канонам и догматике.

Западу рано или поздно приходится вести диалог с исламским фундаментализмом и его разными течениями, в т. ч. салафизмом, по многим проблемам мирового развития. Сам классический ислам должен определить свои принципы и позиции по отношению к исламскому фундаментализму – либо слиться воедино с ним, либо окончательно отделиться от него и признать де-факто раскол в Исламе.

Тенденции и процессы Исламского возрождения приближаются к новому и, надо полагать, переломному этапу своего развития – обновлению традиционных мусульманских обществ по религиозным, нравственным и идейным принципам.

Исламский фундаментализм в этом процессе будет играть, несомненно, важную роль, но в ситуации выбора дальнейшего направления своей эволюции – либо соглашаясь на такое обновление (модернизацию), что сблизит развитие фундаменталистского течения с трансформацией классического Ислама, либо отторгая реформаторские тенденции и процессы, что, вероятнее всего, будет означать его окончательное отделение от классического Ислама и продолжит самостоятельную идейную, религиозно-политическую эволюцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобохонов Р.С. Исламская общественная мысль о перспективах мирового развития. URL: <https://antiterrortoday.com/images/docs/Obshchestvennay%20misl.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).
2. Бобохонов Р.С. История исламского фундаментализма. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1447276380> (дата обращения: 05.05.2024)
3. Muhammad Mohar Ali. The Biography of the Prophet and the Orientalists. 2007.
4. System of Monotheism. Beirut, 2008.
5. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 204.
6. «Muslim Brotherhood» and the secret organization. Cairo, 1993.
7. Inayet A. Modern political Islamic thought). Cairo. 1989.
8. Qutb S. Milestones on the way. Cairo.1980.
9. Tears of the Orphans. London, 1995.
10. Sudan and Islamic movements. International politics. Cairo. № 113.1993.
11. In solidarity with the people of Sudan. Cairo.1994.
12. Nugud M. Problems of democracy in Sudan. Cairo.1992.
13. Jansen J.J.G. The dual nature of Islamic Fundamentalism. N.Y.1997.
14. Бобохонов Р.С. История конфликта Ислама с Западом. Часть первая. (2015). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1446153780>. (дата обращения: 11.05.2024).

© Бобохонов Рахимбек Сархадбекович (rahimbobokhonov@yandex.ru), Следзевский Игорь Васильевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ США 1800–1865 ГГ. В МАТЕРИАЛАХ И ЗАДАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Бочко Владимир Юрьевич

Кандидат исторических наук, Доцент, Северо-Кавказский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский государственный университет правосудия", г. Краснодар
kod23@bk.ru

DEVELOPMENT OF THE U.S. POLITICAL SYSTEM (1800–1865) IN THE MATERIALS AND TASKS OF THE MODERN SCHOOL TEXTBOOKS

V. Bochko

Summary: The article analyzes reflection of the key stage in the political development of the USA (1800–1865) in school textbooks. The differences in teaching history in textbooks of middle and high school are studied. This paper is considered the features of presenting materials about the political parties, expansion, the conflict between the North and the South, slavery, and the Civil War. The tasks to consolidate the studied material proposed by the authors of textbooks are analyzed, including those related to regulatory actions and information and communication technologies.

Keywords: history in school, Teaching US history, Political system, US Democratic Party, US Republican Party, Territorial expansion, Slavery in the US, US Civil War, Information, and communication technologies.

Аннотация: В статье анализируется отражение ключевого этапа в политическом развитии США (1800–1865 годы) в школьных учебниках. Изучены отличия преподавания истории в учебниках основной и старшей школы. Рассмотрены особенности изложения материалов о борьбе политических партий, расширении территорий, конфликте Севера и Юга, рабстве, Гражданской войне. Разобраны задания, предложенные авторами учебников для закрепления изученного материала, в том числе, связанные с регулятивными действиями и ИКТ.

Ключевые слова: преподавание истории в школе, преподавание истории США, политическая система, демократическая партия США, республиканская партия США, территориальная экспансия, рабство в США, Гражданская война в США, ИКТ в образовании.

В преддверии выборов в США становится особенно заметно влияние данного государства на общемировые процессы. Даже люди далекие от политики следят за развитием предвыборной борьбы и спором Демократической и Республиканской партий. Для граждан России интерес к данной борьбе подкрепляется получением базовых знаний о политической жизни США ещё со школьных времен.

Изучению периода первой и второй третей XIX в. истории США уделяется достаточно большое значение в основном общем образовании, поскольку именно тогда складывается классическая двухпартийная система США, в том числе и по итогу Гражданской войны. Рассмотрение концептуальных особенностей изложения материала школьных учебников в период предшествующих 15 лет позволит представить базовый уровень информирования о происходящих в США событиях среди важной и активной категории граждан – молодежи.

Для этой цели в работе использовались учебники (УМК), входящие в федеральный перечень за период – с 2009 по 2023 гг. Эта выборка содержит 26 УМК и позволяет наиболее широко изучить сложившиеся в ходе

получения школьного образования представление у молодежи об истории США на начальном этапе. История США XIX в. за последние 15 лет преподавалась в школе в следующих классах – 8 и повторении в 10 и 11 [27, с.17], после реформирования курса истории единожды в 9 классе.

Хотя рассмотрение изучения той или иной проблемы истории через отражение в школьном учебнике довольно распространённая тема научных работ, и история США в школьном курсе уже становилась объектом исследования [28, с.299], необходимо отметить, что именно изучение первой и второй третей XIX в. осталось недостаточно раскрыто.

Основные ключевые моменты, которые затрагивает в политике учебник, – это борьба политических партий, расширение территорий, истоки конфликта Севера и Юга (включая рабство) и саму Гражданскую войну.

Представленные материалы по наполнению достаточно разнообразны. Наиболее подробно информация о событиях в США описана в курсе 8 и унаследовавшего ей 9 классов. В большинстве из них для истории США выделяется логический элемент (параграф, раздел). В

старшей школе информация изложена более лаконично и достаточно стандартна, и в большинстве случаев истории США уделяется меньший логический элемент или его часть, входящая в состав разделов, посвященных экономике, политике и т.д. Обычно данные логические элементы посвящены Гражданской войне, в них кратко описываются базовые экономические и политические установки развития США (около 5–7 стр.) [1,2,12,15,22]. Другой распространенный формат – краткое изложение информации в объеме (3–4 стр.) в рамках подпункта параграфа [6,7,17,25,27]. Только в УМК издательства «Вентана-Граф» [18] история США XIX в. представлена отдельным параграфом, включающим более 10 страниц. Наполнение параграфа делает его более похожим на учебник 8 или 9 классов.

Отличается структура повествования в серии «Академический школьный учебник»: в 8 классе история США представлена в тематических разделах, напоминающих логику изложения старшей школы, в 10 классе Гражданской войне посвящен один абзац [24, 26]. Очень кратко информация представлена и в учебнике «История. Россия и мир» [11].

Рассмотрим отображение политики США на отдельных примерах. Первая политическая проблема в учебной литературе – борьба партий.

Политика США в этот период строится вокруг формирования партий и партийной борьбы. Разбирается двухпартийная система в США в целом. Меньшая часть авторов более подробно освещает политическую жизнь США, говоря о партиях ещё с федералистов и виггов [5, с.124] и только в одном из учебников разбираются их взгляды и отличия от демократической партии [24, с.76]. Чаще всего политическая борьба представлена в рамках двух классических партий – республиканской и демократической и рассказ начинают сразу с возникновения их противостояния [20, с.63].

Связывают эти партии с различиями Севера и Юга. Авторы обращают внимание на поддержку интересов южан демократической партией США [16, с.139, 20, с.63] Часть учебников приводит историю создания Демократической партии и ее лидера – Э. Джексона и эпоху «Джексоновской демократии» [8, с.178, 23, с.188]. Не имеющий отдельного параграфа, посвященного США, «Академический школьный учебник» описывает избрание Джексона, в контексте развития либерализма, как избрание первого президента на основе всеобщего избирательного права [24, с.75]. Отдельные авторы идут дальше, иллюстрируя влияние Юга определениями терминов «Вирджинской династии» и «суверенитет штатов» [23, с.191].

Создание Республиканской партии связывают с успе-

хами промышленной революции [16, с.139, 20, с.63] и принятием закона 1854 г., в большинстве описаний партия формируется как противница расширения рабства. Хотя формулировка «в ходе вооруженной борьбы противники рабства создали Республиканскую партию» выглядит преувеличением [8, с.179]. К спорным формулировкам можно отнести и «две партии не раз [несколько раз] менявшие свои названия», [16, с.138, 20, с.63] поскольку речь шла не о смене названий, а о формировании новых партий. Также было бы полезно уточнение при формулировке «в условиях острого кризиса распались или утратили многие старые политические партии, зато появились новые» [10, с.118].

Важным аспектом внутренней политики США было отношение к расширению территорий США в первой половине XIX в. Некоторые историки указывают на критическое значение этого расширения для формирования в дальнейшем Гражданской войны. Но при этом далеко не все затрагивают проблему экспансии.

Говоря об экспансии США, ранним событием называют покупку Луизианы в 1803 г., упоминают Аляску, Орегон. К экспансии в одном из изданий относят и Англо-Американскую войну 1812–1815 (в качестве попытки захватить Канаду). Там же затрагивается Форт-Росс и его продажа в 1841 г. [14, с.43, 112].

В отношении регионов с более сложной историей формулировки разнятся. Например, при наличии сведений о Флориде применяются определения «куплена» [21, с.94], «вынужденно передана» [16, с.135], «уступлена» [10, с.116], «занята за выкуп» [14, с.43] или «захвачена» [8, с.142]. Часть учебников применяет термин «захват» в отношении аннексии Техаса, при этом присутствуют различия в формулировке: «захватили в Мексике Техас» [21, с.94], «захватили Техас, принадлежавший ранее Мексике» [29, с.212], «захвата почти половины территории Мексики... она уступила Соединенным Штатам Техас...» [18, с.294]. В тех УМК, где включение в США Техаса описывается с предысторией (колонизация, события 1835–1836 гг., провозглашение республики) уже применяется термин «присоединение Техаса» [14, с.43], «вхождение в состав» [9, с.176 10, с.116] или подробнее, с указанием заинтересованной стороны: «переселенцы добились присоединения к США» [23, с.193]. В этих же УМК присоединение Калифорнии и Новой Мексики обычно отражено как отдельное действие. В наиболее подробных версиях изложения истории Техаса приводятся события с 1820-х гг. и даже президент Санта-Ана [4, с.136–137, 5, с.126–127].

Говоря об экспансии и отношениях США со странами Латинской Америки, часть учебников затрагивают доктрину Монро, в том числе в контексте влияния Великобритании на США, права на дальнейшее расширение, защиты от повторного закабаления стран Латинской

Америки [14, с.40,42], а также теорию «Предопределения судьбы», встречающуюся значительно реже [16, с.136].

Следующая проблема – зарождение политического кризиса. Предвоенному состоянию США уделяется достаточно обширное внимание. Можно выделить следующие тезисы и ключевые пункты нарастания «неотвратимого конфликта»:

1. Фактор, приведший страну на порог войны, – это споры о территориях Канзас и Небраска [19, с.59, 20, с.63];
2. Формирование критических противоречий, приведших к Гражданской войне, логически объединено с образованием в 1854 г. Республиканской партии [30, с.219] (1856 г. [21, с.97]);
3. В качестве фактора приводится и быстрый территориальный рост [9, с.181];
4. Некоторые затрагивают практику компромиссов: Миссурийский компромисс и компромисс 1850 г. [23, с.193], «принцип кляпа» [16, с.140];
5. Отмечаются различия и противоречия капиталистического развития регионов [21, с.97];
6. Большое значение уделено стремлению распространить рабство на западные территории [13, с.132];
7. Среди конфликтных вещей упоминается, что плантаторы нарушали принципы капиталистической конкуренции, эксплуатируя дешевых рабов [4, с.137].

Политическая борьба США до Гражданской войны не может быть рассмотрена без изучения проблемы рабства, тем более что рабство в большинстве примеров становится главным фактором противостояния Севера и Юга. При разговоре о рабстве приводятся действия аболиционистов [16, с.138–139]. Упоминается «общество подземной железной дороги», станции, кондукторы. Отдельные авторы изучают биографии персон Ф. Дугласа как лидера аболиционистов, журналиста У. Гаррисона [21, с.98], Г. Табмена [9, с.179], Н. Тёрнера и его восстание в 1831 г. [30, с.217], рассматривают роман «Хижина дяди Тома» и его огромное влияние на общество в то время [10, с.117]. Рассказано о создании государства Либерея [13, с.130–131].

Как эпизод нагнетания конфликтной ситуации учащимся часто предлагается к изучению восстание Джона Брауна. При этом подача материала весьма разнообразна: в одном из примеров упомянуто, что Браун действовал из христианских соображений [30, с.218].

Завершающим шагом перехода к гражданской войне, ее прологом, являются результаты выборов президента 1860 г. Линкольн является важнейшей персоной повествования и почти во всех, кроме самых кратких вариантов, авторы называют имя президента и размещают тот

или иной вариант его изображения. Касаясь биографии политика Линкольна, некоторые отдельно не затрагивают её, другие делают это лишь отрывочно [13, с.133, 21, с.98, 23, с.194]. Наиболее подробная биография Линкольна занимает около 1,5 страниц [30, с.222–223]. При этом выборы 1864 г. [10, с.127] или тот факт, что Линкольн предполагал политику умиротворения Юга [21, с.101] остаются редко упоминаемыми. Завершается описание Гражданской войны убийством Линкольна, присутствующего в большинстве работ.

Большинство указывают на непримиримое отношение южан к избранию президентом Линкольном, в результате которого южные штаты начали отделяться. Описывается создание КША, обстрел и захват форта Самтер, избрание своим президентом Д. Дэвиса [3, с.121]. Цели сторон представлены достаточно упрощенно. Например – защита рабства для южан, у северян защита Союза [30, с.219]. Цитируется речь А. Стивенса о Краеугольном камне [23, с.194]. Упомянуто мнение южан о том, что они защищают свою землю от агрессии [16, с.142].

Приводя примеры преимущества Севера по ресурсам, авторы указывают на большую мотивацию и подготовку южан, деятельность противников войны на Севере [23, с.194–195], слабость и малочисленность армии Севера [21, с.99], нерешительность командования из-за стремления сохранить Союз [13, с.133]. Также среди факторов силы юга была постоянная готовность к войне из-за необходимости контролировать собственных рабов [9, с.180].

По-разному описывают переломный момент в войне. В учебнике серии «Вертикаль» это обозначено как переход от войны «по-конституционному» к войне «по-революционному» [3, с.122]. Многие авторы связывают коренной перелом с радикальными решениями Линкольна – решением земельного вопроса и отменой рабства. В учебнике «Образовательная система "Школа 2100"» упомянуто, что данные решения были приняты с целью сделать войну личным делом каждого на Севере [9, с.182]. Некоторые отмечают юридические особенности США, благодаря которым только в январе 1865 рабство было запрещено на конституционном уровне (13 поправка) [21, с.100]. Другие УМК затрагивают и 14 поправку, дающую неграм избирательные права, не называя год ее принятия [14, с.111].

В качестве примеров новых действий рассматриваются такие меры, как конфискация имущества мятежников и изгнание сторонников КША из армии [30, с.220], изгнание шпионов и агентов, борьба со спекулянтами [13, с.134–135]. Важным элементом борьбы была всеобщая воинская повинность, изучается недовольство данной политикой [10, с.124]. Некоторые авторы указывают на важность негритянских полков в гражданской войне [23,

с.196].

Говоря о последствиях Гражданской войны, помимо описаний экономических и политических факторов [13, с.136–137], присутствует и применение классического термина «буржуазия». В учебнике издательства «Просвещение» [16, с.143] отмечено, что победа Севера устраняла последние препятствия для развития буржуазии. Присутствует и утверждение – Гражданская война в США — это буржуазная революция [29, с.219] или в серии «МГУ – школе» – вторая американская революция, имевшая буржуазный характер [22, с.363].

Важным этапом изучения, заложенного авторами учебников материала, является работа с заданиями. Большинство заданий связаны с познавательными УУД (анализ ранее прочитанного или изученного материала). Предлагается изучение таблиц, разбор текстов источников, работа с картой, формулирование рассуждений от школьников. Зачастую школьникам предлагается работа с источником.

Наибольший интерес вызывают задания, нацеленные на развитие регулятивных УУД, в том числе с использованием ИКТ. В выбранных изданиях задания, связанные с ИКТ распространены не так сильно и далеко не во всех. Наименьшее их количество встречается в учебниках старшей школы.

В первую очередь необходимо рассмотреть задания, не указывающие прямо на необходимость работы с ИКТ или интернетом, но подразумевающие эту необходимость. Например, предлагается использовать стороннюю литературу, поиск которой необходимо осуществить самостоятельно [10, с.136]. Дается задание осуществить поиск дополнительных материалов без указания источника [15, с.353].

Другой пример – просьба авторов учебника составить рассказ о Гражданской войне в США на основании художественной литературы или кинофильмов, что также является отсылкой к цифровым источникам [29, с.219], поскольку сложно представить современному школьнику, ищущего видеокассету с фильмом или ищущего нужный фильм в сетке вещания ТВ. В учебнике «Школа 2100» предложено представить, что учащийся оказался в периоде Гражданской войны или составить рассказ от лица жителя США середины 19 в. [8, с.186]. Это же задание в версии издания 2015 г. дополнено значком «компьютер» [9, с.186].

Другие задания указывают на ИКТ прямо. Один из базовых способов включить задания с ИКТ: в рассмотренном выше учебнике предлагается приготовить презентацию по источникам энергии эпохи промышленного переворота [9, с.33]. Под заголовком «наши проекты и

исследования» учащимся предлагается, используя дополнительную литературу и интернет, изучить законы, которые были приняты в США в 1860–1890-е г. в отношении бывших рабов [24, с.190–191].

В более современных изданиях задания с ИКТ распространены более. В «вопросах для обобщения и выводов» учащимся дается задание провести сравнение рабочего движения и по итогу подготовить презентацию. При подготовке предполагается использование дополнительных источников информации. Там же школьникам предлагается, используя другие источники информации, изучить контрреволюцию в Европе. Затем в «творческих работах и проектах» ученикам предлагается подготовить электронные карты, выполнить несколько проектов, подразумевающих возможности использования ИКТ для поиска информации [16, с.146]. Комбинирование заданий – поиск в интернете информации, демонстрация найденных результатов на карте, размышление [16, с.140].

В другом издании – предлагается, используя план авторов, рассказать о сражениях, упомянутых в учебнике, найдя дополнительные источники, информацию [10, с.130]. Учащимся поручается подготовить презентацию по теме биографии одного из политиков первой половины XIX в. Также учащиеся должны найти сведения о Дж. Брауне и его оценке в США, что представляется довольно сложным заданием, даже с использованием интернета. [10, с.118–119]. Там же обозначены темы проектов, под которыми предлагается узнать о коренном населении и русских владениях в северной Америке [10, с.132]. Далее – учащимся предлагается выступить в роли эксперта по теме быстрого экономического роста США в последней трети XIX в., используя дополнительную литературу и интернет [14, с.115].

Изучив отражение истории США, развитие партий, расширение территорий, истоки конфликта и саму Гражданскую войну, а также предлагаемые задания, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство учебников основной школы представляют историю США достаточно подробно для изучения, издания для среднего общего образования демонстрировали данный период поверхностно из-за особенностей программы;
2. Наполненность материалами зависит от задач авторов, но по мере реформирования курса истории, росло и наполнение материалов по истории США;
3. Различия преподносимой информации о развитии политической системы США не велики, базовые элементы схожи и трактуются схоже, но при расширении материала, преподнесение отдельных элементов, содержащих один и тот же факт, может значительно различаться из-за разницы в

формулировках;

4. Задания в учебной литературе разнообразны по формулировкам, но большинство из них сводится к анализу ранее изученного материала. В учебной литературе на раннем этапе рассмотренного периода не хватает заданий, связанных с регулятивными УУД и ИКТ, что исправляется только в более

новых учебниках.

Таким образом, усредненный школьный учебник способен предоставить необходимые сведения об истории США учащимся, но для повышения качества понимания картины, необходимо дальнейшее совершенствование УМК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексашкина Л.Н. Всеобщая история с древнейших времен до конца XIX в. 10 кл.: учебник (базовый и профильный уровни) / Л.Н. Алексашкина, В.А. Головина; под ред. Л.Н. Алексашкиной. — М.: Мнемозина, 2013. — 431 с.
2. Алексашкина Л.Н. История. Всеобщая история. 10 кл.: учебник (базовый и углубленный уровни) / Л.Н. Алексашкина, В.А. Головина. — М.: Мнемозина, 2013. — 431 с.
3. Бурин С.Н. Всеобщая история. История Нового времени. 8 кл.: учебник / С.Н. Бурин, А.А. Митрофанов, М.В. Пономарев. — М.: Дрофа, 2014. — 269 с. — (Вертикаль)
4. Бурин С.Н. Всеобщая история: История Нового времени. 8 кл.: учебник / С.Н. Бурин, А.А. Митрофанов, М.В. Пономарев. — М.: Дрофа, 2019. — 272 с. — (Вертикаль)
5. Ведюшкин В.А. Всеобщая история. История Нового времени. 8 кл.: учебник / В.А. Ведюшкин, С.Н. Бурин. — М.: Дрофа, 2009. — 253 с.
6. Волобуев О.В. Всеобщая история с древнейших времен до конца XIX века. 10 кл.: учебник (базовый уровень) / О.В. Волобуев, М.В. Пономарев. — М.: Дрофа, 2012. — 222 с.
7. Волобуев О.В. История. Всеобщая история. 10 кл.: учебник (базовый и углубленный уровни) / О.В. Волобуев, А.А. Митрофанов, М.В. Пономарев. — М.: Дрофа, 2018. — 237 с. — (Вертикаль)
8. Всеобщая история. История нового времени. 8 кл.: учебник / Д.Д. Данилов [и др.]. — М.: Баласс, 2010. — 304 с. — (Образовательная система "Школа 2100").
9. Всеобщая история. История нового времени. 8 кл.: учебник / Д.Д. Данилов [и др.]. — М.: Баласс, 2015. — 303 с. — (Образовательная система "Школа 2100").
10. Всеобщая история. История Нового времени. XIX — начало XX века. 9 кл.: учебник / А.Ю. Морозов, Э.Н. Абдулаев, С.В. Тырин, К.П. Чиликин; под общей ред. В.Р. Мединского; Российское военно-историческое общество. — М.: Просвещение, 2023. — 223 с.
11. Данилов А.А. История. Россия и мир. Древность. Средневековье. Новое время. 10 кл.: учебник (базовый уровень) / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт. — М.: Просвещение, 2011. — 351 с.
12. Загладин Н.В. Всеобщая история с древнейших времен до конца XIX в. 10 кл.: учебник / Н.В. Загладин, Н.А. Симония. — М.: Русское слово, 2009. — 431 с.
13. Загладин Н.В. Всеобщая история. История Нового времени. XIX — начало XX века. 8 кл.: учебник / Н.В. Загладин. — М.: Русское слово, 2010. — 304 с.
14. Загладин Н.В., Белоусов Л.С. Всеобщая история. История Нового времени, 1801—1914. 9 кл.: учебник / Н.В. Загладин, Л.С. Белоусов. — М.: Русское слово, 2022. — 238 с. — (ФГОС. Инновационная школа).
15. Загладин Н.В., Симония Н.А. История. Всеобщая история: с древнейших времен до конца XIX в. 10 кл.: учебник (углубленный уровень) / Н.В. Загладин, Н.А. Симония. — М.: Русское слово, 2017. — 416 с. — (Инновационная школа).
16. История. Всеобщая история. История Нового времени. XIX — начало XX века. 9 кл.: учебник / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина [и др.]; под редакцией А.А. Искендерова. — М.: Просвещение, 2023. — 270 с.
17. История. Россия и мир. 10 кл.: учебник (базовый уровень) / О.В. Волобуев [и др.]. — М.: Дрофа, 2013. — 399 с.
18. Климов О.Ю. Всеобщая история. 10 кл.: учебник / О.Ю. Климов, В.А. Земляничин, В.В. Носков; под общ. ред. В.С. Мясникова. — М.: Вентана-Граф, 2013. — 333 с.
19. Медяков А.С. Всеобщая история. Новое время. 9 кл.: учебник / А.С. Медяков, Д.Ю. Бовыкин. — М.: Просвещение, 2022. — 111 с. — (Сферы).
20. Медяков А.С. История. Новое время. Конец XVIII—XIX век. 8 кл.: учебник / А.С. Медяков, Д.Ю. Бовыкин. — М.: Просвещение, 2015. — 111 с. — (Сферы).
21. Намазова А.С. Всеобщая история. История Нового времени в XIX — начале XX века. 8 кл.: учебник / А.С. Намазова, Е.Н. Захарова. — М.: Мнемозина, 2012. — 223 с.
22. Новиков С.В. Всеобщая история. 10 кл.: учебник (профильный уровень) / С.В. Новиков, О.В. Дмитриева, О.И. Посконина. — М.: Просвещение, 2011. — 415 с. — (МГУ — школе).
23. Носков В.В. Всеобщая история. 8 кл.: учебник / В.В. Носков, Т.П. Андреевская. — М.: Вентана-Граф, 2013. — 319, с.
24. Ревякин А.В. Всеобщая история. История Нового времени, 1800—1900. 8 кл.: учебник / А.В. Ревякин; под ред. А.О. Чубарьяна. — М.: Просвещение, 2014. — 303 с. — (Академический школьный учебник).
25. Сахаров А.Н., Загладин Н.В. История с древнейших времен до конца XIX века. 10 кл.: учебник (базовый уровень) / А.Н. Сахаров, Н.В. Загладин. — М.: Русское слово, 2013. — 448 с.

26. Уколова В.И. Всеобщая история: с древнейших времен до конца XIX века. 10 кл.: учебник (базовый и профильный уровни) / В.И. Уколова, А.В. Ревякин; под ред. А.О. Чубарьяна. — М.: Просвещение, 2010. — 368 с. — (Академический школьный учебник).
27. Чудинов А.В. История. 11 кл.: учебник (базовый уровень) / А. В. Чудинов [и др.]; под ред. А.В. Чудинова, А.В. Гладышева. — М.: Академия, 2012. — 383 с.
28. Шихов В.А. Отражение истории США начала XIX века в школьных учебниках истории для 10 класса / В.А. Шихов // Историко-педагогические чтения. — 2015. — № 19–1. — С. 299–308.
29. Юдовская А.Я. Всеобщая история. История Нового времени, 1800—1900. 8 кл.: учебник / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина. — М.: Просвещение, 2011. — 303 с.
30. Юдовская А.Я. Всеобщая история. История Нового времени, 1800—1900. 8 кл.: учебник / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина. — М.: Просвещение, 2018. — 304 с.

© Бочко Владимир Юрьевич (kod23@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ОКтябрьСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1920–1970-Х ГГ.

Горкуш Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент,
институт ИТУ РТУ МИРЭА Российский технологический
университет, г. Москва
gorkushsv@yandex.ru

THE TRICKY ISSUES OF THE REASONS OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 IN THE WORKS OF SOVIET HISTORIANS IN THE 1920S – 1970S.

S. Gorkush

Summary: The article presents theoretical material about current problem of the tricky issues of the reasons for the socialist revolution in Russia by the works of V.I. Lenin in the 1917. The historical conditionality of the events of 1917 is considered within the framework of the analysis of the works of Soviet historians of the 1920-1970s. This analysis makes it possible to verify that to this day the problems associated with the objective and subjective prerequisites of the socialist revolution remain debatable, and therefore relevant.

Particular attention in the article is paid to Lenin's interpretation of the historical pattern of events that took place in Russia, which became a turning point in the history of the 20th century.

Keywords: socialist revolution, Soviet historiography, dogmatism, discussion, objectivity, prerequisites, conditionality.

Аннотация: В статье представлен материал, посвященный актуальной проблеме обоснования предпосылок социалистической революции в России В.И. Лениным в произведениях периода март-октябрь 1917 г. Историческая обусловленность событий 1917 года рассматривается в рамках анализа трудов советских историков 1920-1970-х гг. Данный анализ позволяет убедиться, что до сегодняшнего дня проблемы, связанные с объективными и субъективными предпосылками социалистической революции остаются дискуссионными, а значит актуальными.

Особое внимание в статье уделено ленинской трактовке исторической закономерности происходивших в России событий, ставших переломным моментом в истории XX века.

Ключевые слова: социалистическая революция, советская историография, догматизм, дискуссия, объективность, предпосылки, обусловленность.

В хронологическом ряду событий истории России есть даты, приобретающие со временем все большую значимость. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., потрясая все сферы человеческих отношений - международную, политическую, экономическую, духовную - занимает особое место.

История Октябрьской революции имеет длительную историографическую традицию и всегда вызвала споры историков и политологов, социологов и экономистов, публицистов и писателей. Несмотря на то, что фактическая сторона революционного процесса, происходившего в период с марта по октябрь 1917 года, достаточно подробно изучена и реконструирована, интерес к его изучению не угасает, порождая разные толкования, суждения, подчас совершенно противоположные.

Одной из дискуссионных проблем в истории Октября остается проблема объективных и субъективных предпосылок, достаточно сложная, противоречивая, многоаспектная. Ее исследование позволяет ответить на множество вопросов и главный из них – была ли возможность альтернативного пути развития событий в 1917 г.? Актуализация данной проблемы только возрастает,

даже по прошествии более 100 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции.

В рамках данной статьи ограничимся историографическим аспектом указанной проблемы, относящимся к советскому периоду.

Развитие советской исторической науки в первое десятилетие ее существования было теснейшим образом связано с идеологической борьбой того времени, которая оказала огромное влияние на разработку истории Октябрьской революции. В исследованиях 20-х-сер.30-х гг. [1] проявилось существенное для исторической науки данного периода противоречие между быстрыми темпами накопления источников и сравнительно медленным их изучением и обобщением.

Одним из источников исследования событий 1917 года являются произведения В.И. Ленина, написанные в период с марта по октябрь. Однако к тому времени еще не только не было осуществлено полной публикации этих работ, но и была заложена традиция изучения ленинского теоретического наследия фактически по работам И.В.Сталина. Отрицательную роль сыграла его

статья «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованная в 1931 г. В ней прозвучал тезис о «ненадобности» изучения архивных документов. Обосновывая этот тезис, Сталин писал: «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям» [2].

Со второй половины 50-х гг. в работах советских ученых, занимающихся изучением исторических предпосылок социалистической революции в России, наметилось продвижение к более объективному анализу событий и явлений, происходящих в 1917 г. Был опубликован сборник документов и материалов [3], освещающих этот вопрос, а также ряд монографий [4]. Большое влияние на исследование проблемы в эти годы оказала деятельность Научного Совета АН СССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», созданного в 1958 г.

В 60-70-е гг. было предпринято издание очень важных обобщающих трудов, фундаментальных исследований [5] по истории Великого Октября, отличающихся расширением источниковой базы. Важнейшая черта данных работ, обстоятельно освещающих важные аспекты проблемы обусловленности социалистической революции - более глубокое осмысление обобщений и выводов, сделанных Лениным в произведениях периода февраль — октябрь 1917 г.

Работы, обобщающие теоретические взгляды В.И. Ленина на проблему объективных и субъективных предпосылок Октябрьской революции, написанные в 60 – 70-е годы представляют целый комплекс исследований [6]. В них на основе ленинских выводов, подтвержденных историческим материалом, дана развернутая характеристика степени зрелости социально-политических и экономических условий, а также зрелости субъективных предпосылок, послуживших причиной революционного взрыва в России.

Авторы данных трудов внесли значительный вклад в изучение ленинского теоретического наследия. Однако иногда имеет место догматическое толкование ряда ленинских положений, применение однообразных методологических приемов при освещении и анализе ленинских работ, не выходящих за рамки обычного цитирования, не позволяющих проследить процесс непрерывного развития, логику ленинской мысли.

Существенный вклад в изучение объективных и субъективных предпосылок Октябрьской социалистической революции внесли монографии [7] П.В. Волобуева, К.Н. Тарновского, А.Л. Сидорова, в которых осуществлены значительные и разноплановые исследования по ключевым

вопросам проблемы, таким как роль пролетариата в революции, вопрос о крестьянстве, как союзнике рабочих, об особенностях российского империализма, о степени развития капиталистических отношений в стране.

Вопрос о степени зрелости социально-политических и экономических условий как составной части объективных факторов, в советской исторической науке был одним из дискуссионных. Весь путь исследования данного вопроса отмечен многочисленными спорами, искусственно прерванными в 1972 г., в связи с отрицательной оценкой, которую получили выводы дискуссии, проходившей в 1969 г. в Свердловске на сессии Научного Совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции [8].

В ходе дискуссии предпосылки победы пролетарской революции специально рассматривались под углом зрения взаимодействия социально-экономических укладов. Историков, участников свердловской сессии, представителей так называемого «нового направления», критиковали за то, что они, якобы отказываются от марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Им в вину вменялось стремление и желание представить экономику страны в 1917 г., как конгломерат не связанных друг с другом экономических укладов.

Результатом разгоревшихся споров явилась по существу ликвидация сектора периода империализма в Институте истории СССР АН СССР и закрытие секции, изучающей предпосылки Великого Октября. Одним словом «...борьба с новым направлением в исторической науке, - по утверждению К.Н. Тарновского, - задержала на 15 лет разработку проблемы исторических предпосылок Октября как целостной проблемы» [9].

Практически только после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС вопрос исторических предпосылок социалистической революции вновь встал перед историками как принципиальный, требующий глубокого исследования. С 1986 г. редакциями журналов «История СССР» и «Коммунист» стал проводиться «круглый стол» «О спорных проблемах социально-экономического развития России в к. XIX–XX вв.» [10]. Период 80-х в историографии Октября занимает особое место и требует отдельного рассмотрения.

Что касается представленного периода (20-70-е гг.) в развитии исторической науки по исследованию проблемы объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, то несомненно положительное значение всех трудов, освещающих те или другие ее аспекты. Хотя налицо определенные недостатки, отражающие негативные явления в общественных науках, порожденные идеологией и психологией советского периода. Прежде всего к ним можно отнести догмати-

ческие проявления, односторонность в трактовке сложных проблем по истории Октября и самое неприемлемое - отступление от исторической правды.

Сегодня, когда от 1917 г. нас отделяют временные рамки равные более ста лет, огромное значение имеет выявление и введение в научный оборот новых документальных источников, позволяющих изучать, открывать новые стороны проблемы, ранее не затрагиваемые. Важно в процессе исследования учитывать всю сложность, многогранность, противоречивость событий, происходивших в 1917 г. и главное с учетом «урока прав-

ды». Историк, как никто другой, должен всегда придерживаться определенной нравственно-этической позиции согласно которой его деятельность не имеет права быть конъюктурной.

В свое время К. Маркс сформулировал данную позицию следующим образом: «Человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, такого человека я называю «низким»» [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пионтковский С.А. Октябрьская революция в России: ее предпосылки и ход. М., 1923; Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. М., 1923; Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. 1917 год в документах и материалах. Серия сборников. Под редакцией Покровского М.Н. М.-Л., 1925-1931; Очерки по истории Октябрьской революции. – Т. 1–2. М., 1927.
2. Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция. 1931. № 6. – С.9.
3. Экономическое положение в России накануне Великой Октябрьской революции. Март – октябрь 1917 г. Документы и материалы. – Ч.1-2. М., 1957; Ч.3. М., 1967.
4. Волобуев П.В. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; Тарновский К.Н. Общественно-экономическая структура России. Проблемы многоукладности. М., 1970 и др.
5. История Коммунистической партии Советского Союза. – В 6–ти т.-Т.3, кн. I. М., 1967; Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970; Минц И.И. История Великого Октября. – В 3-х т. – Т.1-2. М., 1977–1978.
6. Швецов А.П. Ленин В.И. об экономических предпосылках социалистической революции в России // Ученые записки Саратовского университета. – Т.63. Саратов, 1958; Тузов Н.В. В.И. Ленин об объективных предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции и роли субъективного фактора в ее подготовке и победе. Ростов-на-Дону, 1959; Аврех А.Я. В.И. Ленин о революционной ситуации. М., 1964; Брудов Э.И. Ленин В.И. об объективных и субъективных предпосылках социалистической революции // Материалы научной конференции. Хабаровск, 1970 и др.
7. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 г. Хроника событий. М., 1969; Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1975; Ерыкалов Е.Ф., Камешков Б.Н. Ленинский ЦК – штаб Великого Октября. Ленинград, 1977 и др.
8. Вопросы истории капиталистической России. Институт истории СССР АН СССР. Свердловск, 1972.
9. Тарновский К.Н. В преддверии Октября // Наука и жизнь. – 1987. № 10. – С.77-81.
10. Коммунист. – 1988. № 16; Вопросы истории. – 1987. № 6; История СССР. – 1988. № 5; Наука и жизнь. – 1987. № 10–11, 1988. № 9; Вопросы истории КПСС. – 1989. № 3.
11. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII–XVIII) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 125.

© Горкуш Светлана Владимировна (gorkushsv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КПРФ И КПК И СПЕЦИФИКА ИХ ОРГАНИЗАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Майоров Георгий Александрович

кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления
maiorov.7575@mail.ru

THE DIALECTICS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COMMUNIST PARTY AND THE CPC AND THE SPECIFICS OF THEIR ORGANIZATIONAL AND COMMUNICATIVE RELATIONS

G. Mayorov

Summary: This article presents a comprehensive analysis of the dialectics of the relationship between the Communist Party of the Russian Federation (KPRF) and the Communist Party of China (CPC) in the context of the formation of a new multipolar world order. The study reveals the complex dynamics of ideological and organizational interaction between the two largest communist parties in Eurasia. Analyzing the convergences and divergences in the ideological platforms of the Communist Party and the CPC, the author demonstrates how parties, while remaining faithful to the fundamental principles of Marxism-Leninism, adapt their doctrines to national peculiarities and modern global challenges. Special attention is paid to the study of a multi-level system of organizational and communicative relations between parties, including regular exchanges of delegations, joint theoretical developments, and information projects. In conclusion, the authors conclude that, despite some differences in understanding the communist path of development, the Communist Party and the CPC have a vast field for mutually beneficial cooperation, which can become a catalyst for the formation of a new model of communist activity in the Eurasian space, potentially capable of offering an alternative to global capitalism.

Keywords: Communist Party of the Russian Federation, CPC, communist movement, multipolar world, ideological convergence, organizational and communicative ties.

Аннотация: В данной статье представлен комплексный анализ диалектики взаимоотношений между Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ) и Коммунистической партией Китая (КПК) в контексте формирования нового многополярного мироустройства. Исследование раскрывает сложную динамику идеологического и организационного взаимодействия двух крупнейших коммунистических партий Евразии. Автор, анализируя конвергенции и дивергенции в идеологических платформах КПРФ и КПК, демонстрирует, как партии, сохраняя верность фундаментальным принципам марксизма-ленинизма, адаптируют свои доктрины к национальным особенностям и современным глобальным вызовам. Особое внимание уделяется исследованию многоуровневой системы организационно-коммуникативных связей между партиями, включающей регулярные обмены делегациями, совместные теоретические разработки и информационные проекты. В заключение статьи авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на отдельные различия в понимании коммунистического пути развития, КПРФ и КПК имеют обширное поле для взаимовыгодного сотрудничества, которое может стать катализатором формирования новой модели коммунистической активности на евразийском пространстве, потенциально способной предложить альтернативу глобальному капитализму.

Ключевые слова: КПРФ, КПК, коммунистическое движение, многополярный мир, идеологическая конвергенция, организационно-коммуникативные связи.

Введение

В контексте современных геополитических трансформаций, характеризующихся тенденцией к формированию многополярного мироустройства [7], особую актуальность приобретает исследование динамики взаимоотношений между ключевыми политическими акторами, в частности, между коммунистическими партиями различных государств. Концепция многополярности, активно продвигаемая Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ), предполагает не только диверсификацию центров силы на международной арене, но и сохранение, а также развитие

организационной и идеологической динамики между коммунистическими движениями различных стран [13].

В этом контексте особый интерес представляет анализ взаимоотношений между КПРФ и Коммунистической партией Китая (КПК), которая является правящей партией в Китайской Народной Республике – одном из ключевых полюсов формирующейся многополярной системы. Примечательно, что идеологический базис КНР, несмотря на значительные экономические реформы и адаптацию к глобальным рыночным условиям, продолжает опираться на коммунистическую доктрину, модифицированную и реализуемую посредством КПК.

Историческая ретроспектива демонстрирует, что КПК, основанная в 1921 году, имеет более чем вековую историю, сопоставимую с историей Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), идейной и организационной преемницей которой позиционирует себя КПрФ. Этот факт создает уникальную платформу для компаративного анализа эволюции коммунистических движений в России и Китае, их адаптации к изменяющимся социально-экономическим и политическим реалиям, а также для исследования механизмов сохранения идеологической преемственности в условиях радикальных системных трансформаций.

В свете вышеизложенного, целью настоящей статьи является комплексный анализ диалектики взаимоотношений КПрФ и КПК в контексте формирования нового мирового порядка.

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на анализе источников, включающих официальные документы КПрФ и КПК (программные документы, уставы, меморандумы

о сотрудничестве), публичные выступления партийных лидеров, материалы партийной прессы, а также научные публикации по теории и практике коммунистического движения.

Методологическую базу исследования составляет диалектический подход, позволяющий рассмотреть взаимоотношения КПрФ и КПК в их развитии и противоречивом единстве. В работе применяются историко-сравнительный метод для анализа эволюции идеологических платформ партий, системный анализ для изучения организационно-коммуникативных связей, контент-анализ программных документов и выступлений, а также структурно-функциональный анализ межпартийного взаимодействия.

Результаты и обсуждение

В основной части нашего исследования целесообразно начать с анализа идеологического фундамента обеих коммунистических платформ – КПрФ и КПК. Это позволит выявить как общие теоретические основания, так и специфические национальные особенности

Таблица 1.

Компаративная матрица идеологических компонентов КПрФ и КПК: конвергенции и дивергенции в диалектическом развитии

Аспект анализа	КПрФ	КПК
I. Фундаментальные идеологические детерминанты		
Марксизм-ленинизм	+	+
Диалектический и исторический материализм	+	+
Концепция классово-борьбы	+	+
Идея социалистической революции	+	+
Теория общественно-экономических формаций	+	+
Принцип демократического централизма	+	+
II. Национально-специфические доктринальные элементы		
Русский социализм	+	-
Идея державности	+	-
Концепция "социализма с китайской спецификой"	-	+
Теория "трех представительств"	-	+
Идея "гармоничного общества"	-	+
Концепция "экологической цивилизации"	-	+
III. Конвергентные идеологические конструкты современного этапа		
Адаптация к рыночной экономике	+	+
Признание многоукладности экономики	+	+
Интеграция национальных традиций	+	+
Концепция многополярного мира	+	+
Критика глобального капитализма	+	+
Акцент на социальной справедливости	+	+

в идеологических конструкциях данных партий. Для систематизации и наглядного представления результатов анализа предлагается использовать комплексную аналитическую таблицу, структурированную по нескольким партийно-идеологическим аспектам.

Анализируя представленную таблицу, можно сделать ряд важных наблюдений и выводов:

1. Обе партии базируются на классическом марксистско-ленинском учении, что создает общую теоретическую платформу для их взаимодействия. Диалектический и исторический материализм, концепция классовой борьбы, идея социалистической революции и теория общественно-экономических формаций составляют идеологический базис как КПРФ, так и КПК [5; 11]. Это обеспечивает определенную общность в понимании исторических процессов и целей политической борьбы.
2. По отношению к национально-специфическим доктринальным элементам наблюдаются наиболее существенные различия, обусловленные историческими, культурными и социально-экономическими особенностями развития России и Китая. КПРФ интегрировала в свою идеологию концепции "русского социализма" и идею державности [8], что отражает стремление партии адаптировать коммунистическую идеологию к российскому национальному контексту. КПК, в свою очередь, разработала ряд специфических концепций, таких как "социализм с китайской спецификой", теория "трех представительств", идея "гармоничного общества" и концепция "экологической цивилизации" [3; 10]. Эти элементы демонстрируют гибкость КПК в адаптации марксистской теории к китайским реалиям и современным глобальным вызовам.
3. Несмотря на национальные различия, можно наблюдать определенную конвергенцию в ряде идеологических аспектов. Обе партии признали необходимость адаптации к рыночной экономике и многоукладность экономической системы, что представляет собой значительный отход от ортодоксального марксизма [4]. Интеграция национальных традиций в партийную идеологию также характерна для обеих партий. Важным общим элементом является концепция многополярного мира, которая противопоставляется западноцентричной модели глобализации. Критика глобального капитализма и акцент на социальной справедливости также являются общими чертами в современной идеологической позиции КПРФ и КПК.

Диалектический анализ представленной таблицы позволяет заключить, что взаимоотношения между КПРФ и КПК характеризуются сложным балансом между иде-

ологической преемственностью и инновационной адаптацией. Общность фундаментальных идеологических детерминант создает основу для взаимопонимания и сотрудничества, в то время как национально-специфические элементы отражают уникальный опыт каждой партии в применении марксистской теории к конкретным историческим и социально-экономическим условиям.

Продолжая анализ взаимоотношений между КПРФ и КПК, целесообразно перейти к рассмотрению организационно-коммуникативных связей между этими партиями. Данный аспект играет ключевую роль в формировании и поддержании эффективного межпартийного диалога, способствуя укреплению двусторонних отношений не только на партийном уровне, но и в контексте межгосударственного взаимодействия.

Одним из ключевых аспектов организационно-коммуникативных связей является регулярный обмен делегациями. Этот процесс носит систематический характер и включает в себя визиты на высшем уровне, а также обмены между региональными и молодежными структурами партий. Показательным примером служит визит делегации КПРФ во главе с Г.А. Зюгановым в Китайскую Народную Республику в декабре 2019 года. В ходе этого визита был подписан новый Меморандум о сотрудничестве между КПК и КПРФ на период до 2024 года, что свидетельствует о долгосрочном характере межпартийного взаимодействия.

Важно отметить, что обмены делегациями не ограничиваются лишь официальными встречами. Они включают в себя также образовательные и ознакомительные программы. Так, за период действия предыдущего Меморандума более 100 молодых руководителей КПРФ из различных регионов России прошли стажировку в Китае. Эти делегации, состоящие из депутатов, журналистов и представителей молодежных структур партии, имели возможность ознакомиться с результатами реформ в таких городах, как Пекин и Шанхай, а также в провинциях Аньхой, Ухань и Хэбэй.

Для систематизации информации о структуре организационно-коммуникативных связей между КПРФ и КПК предлагается следующая таблица (табл. 2).

Особое место в системе организационно-коммуникативных связей занимает теоретическое сотрудничество. Обе партии уделяют значительное внимание развитию марксистской теории и её адаптации к современным условиям. Примером такого взаимодействия служит участие представителей КПРФ в ежегодном Форуме мирового социализма в Пекине, проводимом под эгидой Китайской Академии общественных наук. На этих форумах обсуждаются актуальные вопросы, связанные с историческими, философскими и политологическими

исследованиями, мировыми экономическими и политическими процессами, перспективами развития коммунистического движения и практики социализма.

Не менее важным аспектом организационно-коммуникативных связей является информационное сотрудничество. Оно реализуется через обмен партийными изданиями, создание совместных информационных проектов. Показательным примером служит появление на страницах газеты "Правда" совместной рубрики с сайтом "Жэньминьван" [9]. Это позволяет членам КПРФ и ее сторонникам получать регулярную информацию о событиях в Китае и политике КПК.

Для более глубокого понимания динамики развития организационно-коммуникативных связей между КПРФ и КПК в последнее пятилетие целесообразно рассмотреть хронологию ключевых событий в рамках межпартийного взаимодействия (табл. 3)

Анализ организационно-коммуникативных связей между КПРФ и КПК позволяет выделить ряд основных

направлений сотрудничества, отображенных в таблице 4 (табл. 4) [9;12]

Особо следует отметить роль личных контактов между лидерами партий в развитии организационно-коммуникативных связей. Регулярные встречи Г.А. Зюганова с руководством КПК, в том числе с Председателем КНР Си Цзиньпином, способствуют укреплению взаимопонимания и доверия между партиями. Эти контакты позволяют оперативно решать возникающие вопросы и координировать совместные действия на международной арене.

В контексте развития организационно-коммуникативных связей особое значение приобретает совместная работа над крупными проектами. Так, КПРФ пригласила КПК принять участие в акции "Сад Победы – Сад Памяти – Сад Жизни", предполагающей высадку 27 миллионов саженцев в память о погибших в Великой Отечественной войне и в ходе разгрома Квантунской армии. Этот проект имеет не только символическое, но и практическое значение, способствуя укреплению исторической памяти и экологическому оздоровлению.

Таблица 2.

Структура организационно-коммуникативных связей КПРФ и КПК

Уровень взаимодействия	Формы сотрудничества	Примеры мероприятий
Высший партийный уровень	Официальные визиты, подписание меморандумов	Визит Г.А. Зюганова в КНР (декабрь 2019)
Региональный уровень	Обмен делегациями, стажировки	Посещение провинций Аньхой, Ухань, Хэбэй
Молодежные структуры	Образовательные программы, обмен опытом	Стажировки молодых руководителей КПРФ
Теоретический уровень	Научные конференции, семинары	Форум мирового социализма в Пекине
Информационное сотрудничество	Обмен публикациями, совместные медиапроекты	Рубрика в газете "Правда" с сайтом "Жэньминьван"

Таблица 3.

Хронология ключевых событий в развитии организационно-коммуникативных связей КПРФ и КПК (2019-2024 гг.)

Дата	Событие	Значение
Июнь 2019	Встреча Г.А. Зюганова и Си Цзиньпина	Обсуждение нового Меморандума о сотрудничестве
Декабрь 2019	Визит делегации КПРФ в Китай	Подписание Меморандума о сотрудничестве на 2019–2024 гг.
2020	Участие КПК в мероприятиях, посвященных 150-летию В.И. Ленина и 75-летию Победы	Укрепление идеологических связей
2021–2024	Регулярные обмены делегациями, проведение теоретических семинаров	Реализация положений Меморандума

Таблица 4.

Основные направления сотрудничества КПРФ и КПК.

Направление	Содержание	Результаты
Политическое	Консультации по вопросам партийного строительства и государственного управления	Обмен опытом в сфере партийной работы
Экономическое	Изучение опыта экономических реформ и развития	Применение китайского опыта в проектах КПРФ
Культурное	Развитие "красного туризма", совместные мероприятия	Увеличение туристического потока в места революционной славы
Образовательное	Стажировки, обмен студентами и преподавателями	Повышение квалификации партийных кадров
Научное	Совместные исследования, конференции	Развитие марксистской теории

Таким образом, организационно-коммуникативные связи между КПРФ и КПК представляют собой сложную, многоуровневую систему взаимодействий, охватывающую широкий спектр направлений сотрудничества. Эта система демонстрирует высокую степень институционализации и устойчивости, что создает прочную основу для дальнейшего развития отношений между двумя партиями в контексте укрепления стратегического партнерства России и Китая.

Выводы

Проведенный анализ диалектики взаимоотношений КПРФ и КПК позволяет сделать ряд существенных выводов. Несмотря на определенные различия в идеологических платформах и практических подходах к построению социализма, обусловленные национальной спецификой и историческим опытом двух стран, обе партии демонстрируют высокий уровень взаимопонимания и готовность к плодотворному сотрудничеству.

Компаративный анализ идеологических компонентов КПРФ и КПК выявил как общность фундаментальных марксистско-ленинских принципов, так и наличие уникальных национально-специфических доктринальных элементов. Эта диалектическая связь между общим и особенным создает основу для взаимообогащения теоретической мысли обеих партий и способствует развитию марксистской теории в современных условиях.

Исследование организационно-коммуникативных

связей между КПРФ и КПК показало наличие развитой системы взаимодействия на различных уровнях – от высшего партийного руководства до молодежных структур. Регулярный обмен делегациями, проведение совместных теоретических семинаров и конференций, реализация образовательных программ и информационных проектов свидетельствуют о стремлении обеих партий к углублению и расширению сотрудничества.

Важно отметить, что взаимодействие КПРФ и КПК выходит за рамки чисто партийных отношений и оказывает значительное влияние на развитие стратегического партнерства между Россией и Китаем [1]. В условиях формирования нового мирового порядка и усиления глобальной конкуренции, такое сотрудничество приобретает особое значение.

Как показывает проведенное исследование, несмотря на отдельные различия в понимании коммунистического пути развития, обе партии имеют взаимовыгодные позиции для сотрудничества. Их дальнейшее взаимодействие может сыграть ключевую роль в трансформации концепции "социализма в отдельно взятой стране" в более масштабный проект коммунистической активности на евразийском уровне. Хотя перспектива мировой революции в классическом понимании представляется маловероятной, усиление координации между крупнейшими коммунистическими партиями Евразии может стать важным фактором в формировании альтернативной модели глобального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров В.Г. Мировоззренческий универсум Си Цзиньпина / В.Г. Буров // *Ориенталистика*. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 928–943. – DOI 10.31696/2618–7043-2022-5-4-928–943. – EDN ZVANBV.
2. Куликова Г.В. Конференция Общества российско-китайской дружбы: «В новую эпоху» - с новым Уставом, задачами и кадрами / Г.В. Куликова // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2022. – С. 300–321. – EDN IVHVFB.
3. Нежданов В.Л. К вопросу о специфике внешнеполитических концепций "Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи" / В.Л. Нежданов // *Восточная Азия: факты и аналитика*. – 2022. – № 3. – С. 47–57. – DOI 10.24412/2686–7702-2022-3-47-57. – EDN CYNNLU.
4. Николенко К.Д. Экономическая концепция КПРФ: государственнический посыл со стилистикой марксизма-ленинизма / К.Д. Николенко // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2014. – № 3. – С. 71–74. – EDN SPWRSJ.
5. Николенко К.Д. Идеология и практика КПРФ: проблема исторической преемственности и поиск новой политической идентичности. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 240 с.
6. Пазюк Ю.В. Идеология России в условиях противостояния Россия-Запад / Ю.В. Пазюк, В.П. Ефимова, С.Н. Осипов // *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. – 2023. – Т. 73, № 3. – С. 127–136. – DOI 10.14357/20790279230313. – EDN URYVPK.
7. Панамарев А.Ю. Современная система международных отношений: однополярность или многополярность? / А.Ю. Панамарев // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. – 2022. – № 11(75). – С. 250–254. – EDN FPIGPQ.
8. Работяжев Н.В. Между традицией и утопией: левый консерватизм в России / Н.В. Работяжев // *Политические исследования*. – 2014. – № 4. – С. 114–130. – EDN SJGLVT.
9. Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / С.Г. Лузянин, А.В. Кортунов, А.Н. Карнеев [и др.]; Российский совет по международным делам, Институт Дальнего Востока РАН, ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФУДАНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. – Москва: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2018. – 168 с. – ISBN 978-5-6040387-8-9. – EDN UVUSWW.

10. Тимошенко А.В. Экологизация образования как элемент концепции построения экологической цивилизации КНР / А.В. Тимошенко, Т.В. Колпакова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2023. – № 26. – С. 137–142. – EDN NYQKOM.
11. Чжао Ю. КПСС и КПК: Сравнительные аспекты историко-культурологического подхода // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kpss-i-kpk-sravnitelnye-aspekty-istoriko-kulturologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 03.09.2024).
12. Чжочао Ю. "Красный туризм" как основное направление сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией / Ю. Чжочао // Постсоветский материк. – 2019. – № 4(24). – С. 94–106. – EDN JFBSUK.
13. Шефер А.А. Идеологическая трансформация российских коммунистов в постсоветский период (на материале КПРФ) / А.А. Шефер // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 11–1(99). – С. 5734–5740. – DOI 10.35775/PSI.2023.99-1.11–1.012. – EDN DYHLRP.

© Майоров Георгий Александрович (maiorov.7575@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ В ПЕРИОД 1978–2019 ГОДОВ¹

Нин Яньхун

заведующий библиотекой университета Хэйхэ,
Университет Хэйхэ (Китай, г. Хэйхэ)
278906744@qq.com

Го Чжэ

библиотекарь, библиотека университета Хэйхэ
Университет Хэйхэ (Китай, г. Хэйхэ)
6106763@163.com

EDUCATION OF CHINESE STUDENTS IN RUSSIA IN THE PERIOD 1978-2019

**Ning Yanhong
Guo Zhe**

Summary: Since China's 1978 openness reforms, the number of Chinese students studying abroad has increased significantly. Lomonosov Moscow State University, Ilya Repin St. Petersburg Academy of Arts, Pavlov State Medical University, etc., which have advanced teaching technologies in various fields such as electronics, medicine, pedagogy, art, music, etc. This paper analyzes the early development of Chinese students' education in the USSR (Russia) after the openness reforms and elaborates on the historical role and contemporary significance of Russian education for Chinese students.

Keywords: USSR, Russia, openness reforms, Chinese students, study abroad.

Аннотация: После проведения реформ открытости в Китае 1978 г. число китайских студентов, обучающихся за границей, значительно выросло. В России, как самой большой стране в мире, есть много известных университетов, таких как Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Государственный медицинский университет имени Павлова и т.д., которые обладают передовыми технологиями преподавания в различных областях, таких как электроника, медицина, педагогика, искусство, музыка и т.д. В данной статье анализируется раннее развитие образования китайских студентов в СССР (России) после реформ открытости, а также подробно рассматривается историческая роль и современное значение российского образования для китайских студентов.

Ключевые слова: СССР, Россия, реформы открытости, китайские студенты, обучение за рубежом.

Введение

С момента начала современной эпохи и проведения реформ в Китае, произошли значительные изменения в отношениях Китая с другими странами, включая более открытые границы и усиление дипломатических и образовательных связей. Обучение за рубежом стало важным механизмом для приобретения новых знаний и опыта. С начала 1896 года первая группа студентов, получивших финансовую поддержку от правительства Китая, отправилась на учебу в Россию, где изучала язык, осваивала практические навыки и открывала новую страницу в истории образования китайских студентов в России. С развитием реформ 1978 года вышеназванные меры содействия стали более доступными для студентов, находившихся в России (Советском Союзе), и учащиеся стали постепенно обретать институционализированный статус развития и достигали существенного успеха в процессе обучения за границей. Новые концепции, такие как «Один пояс, один путь», в

значительной мере способствовали институционализации процессов развития студентов, учащихся в России (Советском Союзе). В связи с этим китайским студентам, обучающимся в современной России, следует глубоко проанализировать историческую роль данных процессов и современные последствия, а также использовать возможности современной эпохи для оптимизации своего обучения и жизни за рубежом.

I. Ранний период обучения китайских студентов в России (СССР)

С Третьего пленума Одиннадцатого Центрального комитета Коммунистической партии Китая (КПК), проведенного с 11 по 22 декабря 1978 года, началась реализация стратегии реформ и открытости в Китае. В рамках этого пленума было принято решение о включении экономического строительства в список приоритетных задач развития и строительства страны. Также было официально начато изучение пути развития социализма

¹ Данная работа является этапным результатом научно-исследовательского проекта операционных расходов на фундаментальные научные исследования студентов колледжей и университетов провинции Хэйлунцзян в 2023 г. «Сбор и обобщение исторических материалов, связанных с российскими (советскими) студентами и китайской коммунистической партией (1949–2019)» (проект № 2023-KYYWF-1120).

с учетом китайской специфики [2]. С 23 июня 1978 года товарищ Дэн Сяопин активно взаимодействовал с Министерством образования, представив соответствующие предложения относительно отправки иностранных студентов. Он отметил важность направления значительного количества студентов за рубеж для полного освоения передовых технологий и создания значительной группы иностранных студентов. Это также символизировало начало активного процесса реформ и открытости. К концу 1978 года, 26 декабря, Китай отправил свою первую группу иностранных студентов в США, что заложило прочный фундамент для последующего развития обучения за рубежом [3]. Массовое движение китайских студентов за границу значительно возросло, открывая Китаю новые горизонты и укрепляя его позицию на мировой арене благодаря экспансии образования за пределами страны.

Примером такой международной академической среды служат и университеты Москвы и Санкт-Петербурга. Московский государственный университет, основанный в 1755 году, является ведущим учебным заведением и имеет статус федерального университета. Он обучает более 26 000 студентов в различных областях знаний, таких как математика, механика, почвоведение, фундаментальная медицина и др. Российский университет дружбы народов, основанный в 1960 году, заслужил репутацию лидера в области международного образования и стал местом обучения многих политиков мирового уровня. Санкт-Петербургский государственный университет, известный своими программами по точной механике и оптике, привлекает широкую аудиторию студентов. Университет дружбы народов и Санкт-Петербургский городской университет активно поддерживают иностранных студентов, предоставляя им обширные образовательные ресурсы. Этот выбор разнообразных и качественных учебных программ обогащает обучение китайских студентов и способствует укреплению культурных связей между Россией и Китаем, а также поддерживает взаимное развитие и понимание [4]. С 1896 года количество студентов, обучавшихся в России (Советском Союзе) за государственный и частный счет, значительно увеличилось, и различные организации, включая университеты, посольства и руководителей учебных поездок, оказывали поддержку студентам, оставшимся в России (Советском Союзе). Большинство из них затем участвовали в политической жизни Китая.

В результате длительного процесса обучения студентов из Китая, пребывавших в России (Советском Союзе), российская территория была заселена китайскими студентами, увеличилось число членов партии и правительственных групп, обладающих опытом пребывания в России (Советском Союзе). Это существенно способствовало дальнейшему продвижению идеологии марксизма-ленинизма, социальному прогрессу в Китае, повышению уровня культурного развития китайской цивилизации и другим аспектам.

II. Развитие российского (советского) студенчества на волне реформ (1978–2019 гг.)

После расширения реформ и усиления процесса открытости развитие китайских студентов, обучавшихся в России (СССР), стало более структурированным. Студенты, находившиеся на учебе в России (СССР), начали постепенно конкретизировать свои собственные цели и обосновывать цели обучения за границей с учетом различных аспектов, таких как научные и образовательные задачи, научно-технические инновации, предпринимательство, гражданская дипломатия и другие. Цели студентов, обучающихся за рубежом, стали более четко определенными на основе задач, которые им предстоит выполнить в дальнейшем.

С позиции научного анализа и образовательных тенденций можно отметить, что начиная с китайской реформы и открытости, в Россию (Советский Союз) стал заметно увеличиваться поток китайских студентов, обучающихся на зарубежных кафедрах. Приведенные реформы и открытость обеспечили близкую связь между отечественными и международными образовательными секторами, что в конечном итоге повлекло за собой увеличение заинтересованности студентов в дальнейшем преподавании в высших учебных заведениях после их возвращения на родину из России (СССР). Для достижения данной цели китайские студенты за рубежом уделяют значительное внимание освоению методологий обучения и повышению уровня академического мастерства в процессе обучения. Они также стремятся активно использовать передовой образовательный материал после возвращения на родину с целью оживления последующей учебной деятельности колледжей и университетов, что способствует постоянному совершенствованию междисциплинарных курсов и формированию качественных и комплексных способностей у студентов. Таким образом, китайские студенты, обучавшиеся в России (СССР), выступают важным двигателем развития преподавания и образования в колледжах и университетах Китая.

Согласно информации, содержащейся в докладе 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (КПК), несомненно, следует отметить, что научные и технические инновации играют ключевую роль в современной эпохе, являясь важным стимулом для развития модернизированной экономики. С учетом этого важного фактора китайские студенты в России (Советском Союзе) были обязаны уделять пристальное внимание состоянию научно-технического развития в своей стране, изучать передовые достижения в этой области во время обучения и внедрять их в собственную деятельность по возвращении на Родину. Следует отметить, что ряд программ научно-технического развития, таких как программа 863 (Национальная программа передовых технологических исследований и разработок) и программа

973 (Национальные ключевые программы фундаментальных исследований и разработок) активно привлекают участие студентов, вернувшихся на родину после обучения. Поэтому для успешного развития студентам в России (Советском Союзе) следует придерживаться полного понимания научно-технических инноваций и стремиться к умелому применению полученных знаний в своей будущей работе на благо своей страны.

После проведения реформ и принятия мер по открытию, Китай значительно улучшил свой экономический уровень. Этот процесс сопровождался изменениями в активности членов международного студенческого сообщества, которые стали проявлять более широкий интерес к инновациям и предпринимательству. Студенты стремятся применить свои знания и опыт для успешного осуществления предпринимательской деятельности, что свидетельствует о их стремлении к инновациям и развитию бизнеса в современной экономической среде [5]. Эта особенность отражается в разнице между группой иностранных студентов после реформы и открытия и группой иностранных студентов в другие исторические периоды. В последние годы наблюдается увеличение числа иностранных студентов, которые, по завершении обучения, занимаются предпринимательской деятельностью при возвращении на родину. Это в определенной мере отражает практическое осуществление концепции инноваций и предпринимательства.

Как показывают усилия в области поддержки со стороны китайского государства, в последние годы правительство различных уровней серьезно поощряет инновационную и предпринимательскую деятельность студентов, возвратившихся из-за рубежа. Например, в 2001 году пять министерств и комиссий предложили руководству по оказанию услуг для вернувшихся из-за рубежа студентов, что в некотором смысле позволило членам иностранного студенческого сообщества использовать свои патенты, ноу-хау и результаты научных исследований как стимул для создания собственных предприятий в рамках предпринимательской деятельности или для превращения их в профессиональные консалтинговые фирмы [4]. В 2009 году Китай предложил реализацию Программы поддержки возвращающихся иностранных студентов, открывших свой бизнес в Китае, предусматривающую финансовую поддержку иностранным студентам, возвратившимся в страну для создания компаний в ключевых отраслях. С вступлением в новую эру Китай также разработал политику по поддержке возвращающихся иностранных студентов, открывающих свое дело в стране, в 2011 году, обеспечивая более благоприятную предпринимательскую среду для иностранных студентов по завершении обучения в Китае. В рамках 13-й пятилетки, начатой в 2016 году, Китай представил Национальный план научно-технических инноваций, который предусматривает различные меры поддержки инноваций и предпринимательства для ино-

странных студентов [4].

В контексте гражданской дипломатии после проведения реформ и открытия Китая экономический уровень страны стремительно возрос, что привело к увеличению всеобъемлющей национальной мощи и более интенсивным обменам между Китаем и другими странами. Культурные обмены, будучи ключевым элементом международного взаимодействия, достигают результатов с каждым днем. По мнению генерального секретаря Си Цзиньпина, в дипломатическом процессе важно убеждать людей разумом, литературой и добротой, а также поощрять постоянное усовершенствование и инновации в механизме гуманитарных обменов [1]. Международные студенческие группы, играющие важную роль в культурных обменах народов, могут активно использовать разнообразные способы коммуникации, такие как массовая, групповая и межличностная, для всеобъемлющего демонстрирования влияния Китая на международной арене и способствования тому, чтобы большее количество иностранных друзей оценили очарование выдающейся китайской культуры. В итоге будет достигнут эффект формирования открытого, толерантного и уверенного образа страны в мировом сообществе, что позволит полностью раскрыть культурную "мягкую силу" Китая [3].

Китайские студенты, обучавшиеся за рубежом, играют значительную роль в духовном развитии китайской нации, одновременно имея уникальную возможность интенсивно общаться с местными жителями стран своего обучения, что способствует двустороннему культурному обогащению и взаимному слиянию культур. Например, они могут познакомить жителей страны учебы с китайскими традиционными ремеслами, народной культурой, уникальной кухней и одеждой, спецификой китайского языка и прочими аспектами, стимулируя тем самым интерес иностранных друзей к пониманию и освоению китайской культуры. За счет того, что иностранные студенты обладают более глубокими знаниями о местных обычаях и культуре страны обучения, они могут эффективнее взаимодействовать в процессе культурного обмена, помогая иностранным друзьям преодолеть свои предвзятости по отношению к Китаю.

В целом, при систематическом развитии учебной деятельности студентов, обучавшихся в России (СССР), студенты получили возможность полноценно использовать накопленные знания как толчок для развития своей страны через активное участие в научно-технических инновациях, предпринимательской деятельности, дипломатических отношениях и прочих сферах. Таким образом, успешное обучение за границей становится важным этапом их жизненного пути, открывая новые перспективы целенаправленного личностного и профессионального роста.

III. Историческая роль и современное значение обучение китайских студентов в России (СССР) в период реформ (1978–2019 гг.)

С момента основания Коммунистической партии Китая (КПК) и до периода, когда некоторые члены КПК получили образование в России (Советском Союзе), зарубежные китайцы, находящиеся на территории России, сыграли значительную роль в распространении марксистско-ленинской идеологии, способствуя прогрессу и развитию китайского общества. Обучение в России (Советском Союзе) имело свое значение на всех этапах исторического развития Коммунистической партии Китая [1]. Программа «4821», организованная в 1948 году нашей страной для направления 21 ребенка из числа учеников Китая на обучение в Советском Союзе, столкнувшаяся с мечтой служить своей родине, выступает важным этапом в истории обучения китайских студентов за рубежом. По возвращении в Китай после завершения учебы эти студенты приняли на себя значимую роль в развитии новой Китайской Республики, активно участвуя в процессах реформ и открытости. Многие из них заняли важные позиции в различных сферах жизни страны - политике, экономике, науке и технике, обществе, культуре и образовании.

Следующим этапом стало наращивание роли китайских студентов, обучавшихся в России (Советском Союзе), в после реформенный период. Важно отметить, что китайские студенты, выступая как представители Китая за рубежом, играют ключевую роль в формировании мнения о родине и создании ее имиджа на международной арене.

В современном контексте перед китайским студентам, обучающимся в России, стоят новые вызовы, такие как продвижение стратегий развития своей страны через науку и образование, а также стимулирование инноваций и предпринимательства после возвращения на родину. Для эффективной учебной деятельности в России китайским студентам необходимо уделять особое внимание своим действиям и словам, чтобы образовательное взаимодействие между странами играло значимую роль в их будущем интеллектуальном развитии, способствовало получению новых знаний и технологий, а также содействовало народному культурному обмену, улучшая восприятие китайских студентов за рубежом.

Помимо этого, совершенствуя свое понимание истории и культуры страны обучения, студенты из Китая должны активно распространять свои ценности и традиции среди местного населения, таким образом способствуя более глубокому взаимопониманию и укреплению дружественных отношений между народами. Некоторые студенты поддерживают контакт с Россией после завершения обучения, создавая платформу для углубленного сотрудничества и обмена между государствами, и тем

самым выступая в роли связующего звена между Китаем и странами, где они учились.

С увеличением количества международных студенческих программ в современной эпохе продолжает активно развиваться обмен между Китаем и другими странами. Этот процесс способствует расширению кооперации в различных областях, таких как образование, экономика, торговля, культура и другие, что способствует укреплению межгосударственных отношений. Международное студенческое сообщество играет значительную роль в поддержании гражданской дипломатии, организуя различные социальные события, обогащающие жизнь студентов-иностранцев и способствующие активному взаимодействию между представителями различных культур. Такие события, как международные форумы, научные семинары, культурные мероприятия, спортивные соревнования и другие инициативы, являются платформой для расширения возможностей взаимопонимания и диалога между китайским и российским народами.

На основе вышеизложенного китайские студенты, пребывающие в России (Советском Союзе), активно способствовали обмену и сотрудничеству между международными академическими областями. Повышение уровня строгости в исследованиях центральноазиатских регионов России привело к параллельному усилению международного диалога между китайскими выпускниками и иностранными студентами. Благодаря общим теоретическим основам академические обмены и столкновения идей могут происходить без труда, способствуя расширению круга ученых, участвующих в международных исследованиях и сотрудничестве. Например, с 2011 года журнал "Russian Studies" опубликовал большее количество статей, представляющих исследования о России за рубежом, а также исследования о России, проводимые в США, Японии, Европе и других странах, что способствовало активной поддержке как международных, так и внутренних исследований. Под руководством российских студентов международные академические обмены и сотрудничество будут продолжать развиваться, укрепляться дисциплина "Российские исследования Центральной Азии", обеспечивая теоретическую поддержку между различными основными дисциплинами и их подразделениями.

Заключение

В контексте эволюции Китая на протяжении последних пятидесяти лет, начиная с периода реформ и открытости, наблюдаются значительные изменения в различных сферах общества, с одновременным достижением значительного прогресса всеми слоями населения. Китайские студенты, возвращающиеся в свою страну после обучения за рубежом, сыграли определяющую роль в процессе развития, продолжая применять свои знания

во благо родины. В данном контексте глубокое анализирование исторического влияния и современных последствий обучения за границей становится важным фактором в контексте государственного строительства. Россия обладает уникальным кластером ведущих мировых университетов и выдающимися достижениями в различных сферах, включая науку, культуру и искусство. В связи с этим студентам из Китая рекомендуется наибо-

лее полноценно воспользоваться возможностями образования в России (Советском Союзе), тщательно изучить историю образования в данной стране, определить ключевую роль образования в прошлом и настоящем России, а также использовать обучение за рубежом как источник дополнительных знаний и технологий, способствующих дальнейшему укреплению национальной мощи Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзюньин, Сун Сяочжун. Развитие идеологии патриотизма у китайских зарубежных студентов. *Shenzhou Scholar*, 2022. № 9. С. 26–29.
2. Ху Чэньхуэй, Цзян Хайнин. Прогресс в исследовании влияния возвращенных талантов на региональное развитие. *Тропическая география*, 2024. № 44 (02). С. 365–378.
3. Чуй Жусяо, Дон Минь. Влияние обучения за рубежом на технологический прогресс стран-источников - на основе данных из развивающихся стран. *Управление высшим образованием*, 2023. № 17 (03). С. 111–124.
4. Юй Вэнь. Исследование инноваций и развития объединенного фронта работы для вернувшихся иностранных студентов в университетах. *Южнокитайский журнал*, 2023. № 10. С. 103–106.
5. Ян Сьюй. Исследование кросс-культурной академической адаптации китайских иностранных студентов. *Восточно-китайский нормальный университет*, 2023. №4. С. 46–50.

© Нин Яньхун (278906744@qq.com), Го Чжэ (6106763@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРОВЕНЬ РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ НА КАЗАНСКОМ СТЕАРИНОВО-МЫЛОВАРЕННОМ И ХИМИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ ТОВАРИЩЕСТВА БРАТЬЕВ КРЕСТОВНИКОВЫХ НАКАНУНЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, Поволжский государственный университет физической культуры, сервиса и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

THE LEVEL OF REAL WORKERS SALARY AT THE KAZAN STEARIC-SOAP AND CHEMICAL PLANT OF THE KRESTOVNIKOV BROTHERS PARTNERSHIP BEFORE THE ABOLITION OF RUSSIAN SERFDOM

Fan-Yung German Yurievich

Summary: The Kazan Krestovnikov brothers' chemical plant was founded six years before the legal abolition of Russian serfdom. Its creation became a real local industrial revolution for the Kazan province and its administrative center. This was the only large industrial production in the province, which, unlike most other enterprises, operated all year round. It is natural that a large and knowledge-intensive plant required permanent, "year-round" and not "seasonal" workers at all levels, who would not be distracted by agricultural work, would not go away from April to October "for labor" or other types of agricultural work. Under conditions of serfdom, in the absence of a normal labor market, the company's owners had to find, attract, train, and retain a significant number of workers for the chemical production of that era.

Keywords: industrial revolution, Kazan stearic and soap chemical plant of the Krestovnikov brothers, economic and social development of the Kazan province on the eve of the Great Reforms of Emperor Alexander II, wages at pre-revolutionary enterprises in the chemical industry, social policy of the Krestovnikov brothers' company.

Аннотация: Казанский стеариново-мыловаренный завод братьев Крестовниковых был основан за шесть лет до юридической отмены крепостного права. Его создание стало для Казанской губернии и для её административного центра, настоящей локальной промышленной революцией. Это было единственное в губернии крупное промышленное производство, которое, в отличие от подавляющего большинства остальных предприятий, функционировало круглый год. Закономерно, что для крупного и наукоёмкого завода требовались постоянные, «круглогодичные», а не «сезонные», работники всех уровней, которые бы не отвлекались на сельскохозяйственные работы, не уходили бы с апреля по октябрь «на страду» или иные виды сельскохозяйственных работ. В условиях крепостного права, при отсутствии нормального рынка труда, собственники компании должны были найти, привлечь, обучить и удержать значительное для химического производства той эпохи количество рабочих.

Ключевые слова: индустриальная революция, Казанский стеариново-мыловаренный завод братьев Крестовниковых, экономическое и социальное развитие Казанской губернии накануне Великих реформ императора Александра Второго, оплата труда на дореволюционных предприятиях химической отрасли, социальная политика фирмы братьев Крестовниковых.

В XIX веке никакая совокупность машин и механизмов, никакие передовые технологии, характерные для индустриальной эпохи, не были способны функционировать без участия человека. Не вызывает сомнения, что уже на первом этапе существования указанного предприятия применялись различные меры материального и нематериального стимулирования работников всех уровней. Сама логика изучения социальной политики фирмы требует от исследователя дифференцировать персонал компании по профессиональному признаку, выделив из общего числа работников отдельные социальные группы: рабочих-«подёнщиков», рабочих низкой квалификации, квалифицированных рабочих, «надсмотрщиков», «малолетних» и несовершеннолетних рабочих обоего пола, женщин-работниц, «прикащиков» и пр.

Общеизвестно, что основная масса лиц, относившихся к категории «рабочий», происходила из «владельческих» или государственных крестьян и не отличалась, в целом, высокой профессиональной квалификацией.

К категории «рабочий» следует отнести только лиц, занятых в основном производстве и зафиксированных в качестве рабочих в соответствующей заводской документации. Следовательно, землекопы из «арестантской роты» [1;14] или нанятые для постройки завода строители различных специальностей не могут быть включены в эту категорию. Не могут быть причислены к ней и представители заводского высшего и среднего управленческого звена, инженерно-технические работники, специалисты-техники, технологи и даже упомянутые в

заводских бухгалтерских и расчётных книгах «надсмотрщики». Алогичным было бы относить к числу рабочих вспомогательный персонал, включая истопников, «мальчиков», кухарок, сторожей и т. д.

В первый год существования завода совокупная численность рабочих не была некоей «константой». Все рабочие завода подразделялись на *постоянный* и *переменный* (сезонный) составы. К 1857 году на заводе имелось 200 постоянных рабочих, [2;21] «... в числе коих до 100 женщин, ...», которые использовались «...для наливки, обрезки, полировки и отвёртки в бумагу фунтовых пачек свечей» [3;369]. Численность переменного состава возрастала в осенне-зимний период, т. е. носила сезонный характер. Например, «зимой 1856 года бывали дни, когда их насчитывалось по 100 и даже 200 человек, а в другие дни – около десятка» [2;21]. Даже двадцать лет спустя, исходя из простой численности рабочих обоих составов, такое химическое производство считалось очень крупным [4;44]. В химической отрасли, к которой относился и Казанский завод братьев Крестовниковых, «... рост производства зависел не от увеличения числа рабочих, а от рациональной организации производства, от усовершенствования технологии и т.п» [5;156]. В 1855–1862 годах ни одно производство в Казанской губернии не имело подобного уровня механизации труда и такого же числа постоянных и переменных рабочих.

Уместно отказаться от «обобщённых» рассуждений о неких абстрактных «рабочих», разделив весь персонал завода на занятых в основном производстве («*основной персонал*») и прочих работников («*вспомогательный персонал*»). К основному персоналу следует отнести лиц, зафиксированных в заводской делопроизводственной документации в качестве «рабочих», «надсмотрщиков», «мастеров», «прикащиков», «мыловаров», «химиков» и всех тех, кто получал заработную плату и иные виды денежного вознаграждения за систематическое осуществление тех или иных трудовых обязанностей на конкретном производственном участке стеариново-мыловаренного производства. К вспомогательному персоналу, таким образом, принадлежали все, кто не был привлечён к основному производству на постоянной основе и получал заработную плату за исполнение иных трудовых функций: «кровельщик», «бочар», «ящечник», «лакей», «кучер», «мальчик», «кухарка», «конторские служащие», «печники» (за неимением сведений об обслуживании ими заводских труб), «истопники» и др.

Категория «рабочие, занятые на основном производстве» не была и не могла быть однородной в силу профессионального разделения труда, а также возрастных и гендерных отличий и, следовательно, не может выступать как единая социальная группа работников предприятия. Важнейшими факторами, позволяющими дифференцировать эту довольно аморфную категорию

работников, выступают их квалификация, половая принадлежность, возраст, заработная плата. В итоге следует констатировать наличие на данном предприятии:

- рабочих-мужчин, имевших низкую квалификацию
- рабочих-мужчин, имевших высокую квалификацию
- работниц-женщин
- «малолетних» / несовершеннолетних рабочих обоего пола.

Целесообразно рассмотреть заработную плату всех работников предприятия, занятых в основном и вспомогательном производствах, соотнеся её с имевшимися ценами на различные продовольственные и непродовольственные товары. Категория «рабочие, занятые на основном производстве», несмотря на её неоднородность, составляла большинство в основном персонале завода, что позволяет начать с неё анализ заработной платы работников предприятия на первом этапе его существования. Уточним, что оплата труда работников этой категории производилась в рублях серебром, если иное не было предусмотрено соглашением между работником и работодателем. Уже на начальном этапе существования завода существовала сдельная оплата труда работников всех уровней и оплата т. н. «праздничной работы» [6;7].

Даже поверхностное визуальное знакомство с «Расчётной рабочей книгой» за 1856/1857 «заводской год», начинавшийся с 01 сентября и завершавшийся 31 августа, позволяет сделать вывод о том, что основная масса низкоквалифицированных рабочих-мужчин, проживавших и питавшихся на заводе, зарабатывала с 01 октября по 01 апреля («зимний период») **по три рубля серебром в месяц**. С 01 апреля по 01 октября («летний период»), во время сельскохозяйственных работ, их зарплата возрастала **до пяти рублей серебром в месяц** [7;1]. Очевидно, что это была одна из мер, направленных на формирование постоянного кадрового состава работников предприятия. В итоге, их заработная плата, в среднем, составляла **четыре рубля серебром в месяц**.

Рабочий «Николай Кирилов» зарабатывал по шесть рублей серебром в месяц в «летний период» и по четыре рубля серебром в месяц в «зимний период» [7;2(об)]. Т. е., в среднем, **по пять рублей в месяц на втором году своей работы**, проживая и питаясь на предприятии. Подобный вывод можно сделать исходя, например, из сведений о заработной плате «Николая Львова», который получал по 4 рубля серебром в месяц, в среднем. Когда же, спустя год, перешёл на «свои харчи», то стал зарабатывать по 8 рублей серебром в месяц [7;20]. Простая арифметика показывает, что разница между «своими» и «заводскими харчами» («нашими») и квартирой составляла, максимум, 4 рубля серебром в месяц. Отметим, что часть рабочих, «на своих харчах и квартире», работали

«... за 100 руб.с. в год» [7; 45 (об.) – 46]. Т. е. за те же 8 рублей серебром в месяц.

Вместе с тем, в монографии доцента А.С. Ключевича, посвящённой истории этого завода содержится тезис о том, что проживание и питание на «крестовниковском» заводе оценивалось в 2 рубля 75 копеек серебром ежемесячно, из коих плата за проживание составляла один рубль серебром [2;53]. Следует предположить, что А.С. Ключевич не дифференцировал таксу за питание и проживание семейных рабочих и тех, кто пользовался условным «койко-местом». Кроме того, нельзя распространять обе приведённые таксы, например, на средний и высший управленческий персонал. Имеющиеся неопубликованные источники опровергают тезис А.С. Ключевича, т.к. в той же «Расчётной книге» за 1859/1860 «заводской» год зафиксированы ежемесячные массовые выплаты питавшимся самостоятельно (по 2 рубля серебром в месяц) [8;2–5]. В этом же источнике присутствуют сведения о квартирной таксе для рабочих высокой квалификации. Так, у некоего «Дмитрия Михайлова», работавшего за 20 руб. сер. в месяц, заводская администрация вычитала «за квартиру и дрова» те же 2 рубля серебром в месяц [8;36]. У «Ивана Ильина Качалова», совмещавшего должности «паяльщика» и «серника», и зарабатывавшего по 35 рублей 83 копейки ежемесячно, заводская администрация вычитала по 4 рубля сер. в месяц за проживание с ним на заводской квартире жены и матери (по 2 рубля сер. с каждой), не работавших на заводе [8;20]. Следовательно, отдельная квартира «с дровами» и питание в заводской столовой («застольной») обходились рабочим в четыре рубля серебром в месяц. Если же они не пользовались данными услугами, то получали ежемесячную компенсацию в том же размере. Далее, заработную плату в 5 рублей серебром, в среднем, в месяц получали «Гордей Герасимов» («... по 6 р.с. в месяц по 1 октября и по 4 р.с. в месяц по 1 апреля. Наши харчи») и ряд других рабочих, питавшихся на заводе [7;1(об)]. Их также старались удерживать рублём, что позволяет предположить принадлежность к крестьянскому сословию.

Ещё одна подгруппа рабочих получала ежемесячно и без каких-либо сезонных колебаний от 3 рублей 43 копеек до 4 рублей серебром в месяц, питаясь на заводе («наши харчи») [7;10(об.) – 36(об.)]. Затем, некоторые из них исчезают из заводской делопроизводственной документации, а у других, в пределах данного «заводского года» заработная плата возрастает до 5–5рублей 50 копеек серебром в месяц. Эта группа рабочих низкой квалификации относилась к одной из наиболее многочисленных групп работников. Ей значительно уступала в численности не очень часто встречающаяся в заводской документации группа рабочих низкой квалификации, проживавших и питавшихся у себя дома, которые получали по 8 рублей серебром в месяц.

Заработная плата рабочих высокой квалификации, имевших определённую профессиональную подготовку, согласно архивным данным начиналась от («на своих харчах и квартире») 12 [7;3 (об.) – 37 (об.)] до 35 рублей 83 копеек сер. в месяц [8;20]. К примеру, «Ефим Сергеев, паровщик», принят на работу с 12 (24) мая 1856 г. ст.ст. «... за 15 рублей в месяц на его харчах»; «Зверев Василий Лаврентьев, медник», получал по 18 рублей серебром в месяц, «на его харчах и квартире» [9;33]. А те, кто проживал и питался на заводе, зарабатывали в месяц от 12 рублей 50 копеек – 13 рублей 75 копеек серебром до 30–32 руб. сер [7; 18 – 19].

Численность работниц-женщин низкой квалификации, проживавших и питавшихся на заводе, доходила до пятидесяти процентов от общего количества рабочих. Исходя из разницы в оплате труда, данная группа подразделяется на две подгруппы: а) работницы, получавшие 2 рубля серебром в месяц (с 01 апреля по 01 октября) и по 1 рублю 50 копеек (с 01 октября по 01 апреля), – по 1 рубль 75 копеек в месяц, в среднем; б) работницы, получавшие по 1 рублю и 25 копеек серебром в месяц (с 01 апреля по 01 октября) и по 1 рублю серебром (с 01 октября по 01 апреля) – по 1 рубль 12 ½ копеек серебром в месяц, в среднем [7;4 (об.),8,47]. Довольно немногочисленной предстаёт группа квалифицированных женщин-работниц, проживавших и питавшихся у себя дома. К их числу относилась и «Евдокия Григорьева, разливальщица», трудоустроившаяся за 7 рублей серебром в месяц, с 05(17) сентября 1855 года ст.ст., «на её харчах» [9;104].

Несовершеннолетние рабочие мужского пола, проживавшие и питавшиеся на заводе представляли собой отдельную возрастную группу от 15 до 17 лет, заработная плата которых, после незначительного испытательного срока, соответствовала заработной плате женщин-работниц низкой квалификации (п.«а»): по 2 рубля серебром в месяц (с 01 апреля по 01 октября) и по 1 рублю 50 копеек (с 01 октября по 01 апреля), – по 1 рубль 75 копеек в месяц, в среднем» [7;40].

Малолетние рабочие мужского пола, проживавшие и питавшиеся на заводе – это возрастная группа подростков мужского пола, от 12 до 15 лет, заработная плата которых, после незначительного испытательного срока, соответствовала ежемесячному жалованью женщин-работниц низкой квалификации (п.«б»): по 1 рублю и 25 копеек серебром в месяц (с 01 апреля по 01 октября) и по 1 рублю серебром (с 01 октября по 01 апреля) – по 1 рубль 12 ½ копеек серебром в месяц, в среднем [7;44 (об.)].

Учитывая определённую логику в тарификации заработной платы, следует предположить, что несовершеннолетние работницы, проживавшие и питавшиеся на заводе получали, в среднем, половинное жалование несовершеннолетних рабочих мужского пола, прожи-

вавших и питавшиеся на заводе: по 1 рублю серебром в месяц (с 01 апреля по 01 октября) и по 75 копеек (с 01 октября по 01 апреля). Или, – по 87,5 копеек в месяц, в среднем.

Следовательно, малолетние работницы, проживавшие и питавшиеся на заводе зарабатывали половину ежемесячного жалования малолетних рабочих мужского пола, проживавшие и питавшиеся на заводе: по 50–60 копеек серебром, в среднем, в месяц [7;40(об)].

На обратной стороне обложки «Расчётной рабочей мужской книги»[8], где отсутствует нумерация листов дела, за 1859/1860 «заводской» год имеется разъяснение Иосифа Константиновича Крестовникова, одного из братьев-основателей обозначенного завода, по поводу оплаты труда накануне введения т.н. «разрядной системы» для низкоквалифицированных работников и работниц обоего пола, датированное 12 (24) июня 1860 года ст.ст., написанное собственноручно и содержащее его автограф. Так, жалование «зрелым» рабочим-мужчинам низкой квалификации, проживавшим и питавшимся на заводе, с октября по апрель должно было составлять по 3 рубля серебром в месяц; за май – 4 рубля серебром; за июнь – 5 рублей серебром; за июль – 8 рублей серебром; за август – 6 рублей серебром; за сентябрь – 4 рубля серебром. Женщинам «зрелого возраста», с октября по май, планировалось с 1 сентября 1860 года выплачивать по 1 рублю и 50 копеек серебром в месяц; за июнь – 2 рубля серебром; за июль – 3 рубля и 50 копеек серебром; в августе и сентябре – по 2 рубля серебром в месяц. Прочим категориям «...сообразно этого разделить жалование» – пояснил И.К. Крестовников.

Однако, с 01(13) октября 1860 года на заводе была введена т. н. «разрядная система» для низкоквалифицированных рабочих-мужчин (три разряда) и фиксированная заработная плата для работниц-женщин (один т. н. «женский разряд»). На обратной стороне обложки «Расчётной рабочей мужской книги» [10] и «Расчётной рабочей книги (женской)» [11], где отсутствует нумерация листов дела, за 1860/1861 «заводской» год, эта система разъяснена довольно подробно. Итак, все работники-мужчины низкой квалификации («зрелого возраста», «на хозяйских харчах и квартире») отныне подразделялись на три разряда: от низшего первого до третьего (высшего).

Рабочие первого разряда (низшего) получали в сентябре – 4 рубля серебром; с 01 октября по 01 мая – по 3 рубля серебром в месяц; за май – 4 рубля серебром; за июнь – 5 рублей серебром; за июль – 7 рублей серебром; за август – 5 рублей серебром.

Рабочие второго разряда: в сентябре – 5 рублей серебром; с 01 октября по 01 января – по 3 рубля серебром в

месяц; с 01 января по 01 мая – 4 рубля серебром в месяц; за май – 5 рублей серебром; за июнь – 6 рублей серебром; за июль – 8 рублей серебром; за август – 6 рублей серебром.

Рабочие третьего разряда: в сентябре – 5 рублей 50 копеек серебром; с 01 октября по 01 января – по 3 рубля 50 копеек серебром в месяц; с 01 января по 01 мая – 4 рубля 50 копеек серебром в месяц; за май – 5 рублей 50 копеек серебром; за июнь – 6 рублей 50 копеек серебром; за июль – 8 рублей 50 копеек серебром; за август – 6 рублей 50 копеек серебром.

Работницы «женского разряда»: с 01 сентября по 01 июня зарабатывали по 1 рублю 50 копеек серебром; в июне – по 2 рубля серебром; в июле – по 3 рубля 50 копеек серебром; в августе – по 2 рубля серебром.

Каждый разряд представлял собой окладную часть, из которой производился расчет премий и штрафов работников за прогулы, а *женский разряд служил основанием для расчёта заработной платы несовершеннолетних и «малолетних» работников обоего пола.* Так, с 01(13) ноября 1860 г. по 01(13) августа 1861 г. ст.ст. в «Расчётной рабочей книге (женской)» за 1860/1861 г. упомянуты «малолетние» рабочие обоего пола. Сведения о них упорядочены в соответствующем «Рабочем журнале ...» внутри «Расчётной рабочей книги (женской)» [11;118–119(об.)]. Присутствует поимённый список этой категории работников и работниц, насчитывающий 58 имён. Два имени из списка вычеркнуты; 9 чел. «разочтены» (уволены), а 12 лицам «присвоен разряд» и они переведены на «полное женское жалование». В этом источнике зафиксировано, что некая «Марфа Фёдорова» получила, с ноября по август, по 75 копеек серебром в месяц, а Данила Фёдоров, относившийся к этой же категории «малолетних» рабочих, с ноября по май, – по 30 копеек серебром в месяц, в июне – 80 копеек, а в июле и сентябре – по 50 копеек серебром в месяц [11;119].

По нашему мнению, введение «разрядной системы» на «крестовниковском» казанском предприятии не только усовершенствовало систему выплаты заработной платы в условиях непрерывной модернизации производства, но и побуждало рабочих низкой квалификации к отказу от возвращения в сельскую местность, способствуя формированию профессионального кадрового состава работников этого химического производства.

К сожалению, неизвестные нам условия оплаты труда, возраст и пр. т. н. «разных рабочих» («подёнщиков»), исключают возможность скрупулёзной детализации размера их заработной платы. Однако отдельные сохранившиеся заводские документы позволяют оценить не только сумму годовых выплат, но и их детализацию по отделам заводского производства. Например, в третьем

«заводском» году «подёнщикам» было выплачено: «при стеариновом заводе 391 руб.56 коп. сер.; «при Мыльном» 175 руб. 01 к.с.; «при камере» 24 р.с.; на стройке 153 р.20 к.с» [12; 73(об.) – 74]. На оплату труда подёнщиков в 1857/1858 «заводском» году завод израсходовал довольно небольшую сумму – 743 рубля 77 копеек серебром. Некая «Катерина Васильева», проработавшая четыре с половиной дня, получила, в сумме, 30 копеек серебром; «Евдоким Ильин» за 16 дней в апреле 1860 года заработал 2 рубля 67 копеек; «Анна Иванова», проработавшая 23 дня, получила 1 рубль 15 копеек серебром; а некий «Абрам Артемьев» заработал целых 4 рубля 83 копейки за 29 своих рабочих дней в сентябре 1859 года [8;12].

Это свидетельствует не только о крайне низких расценках на труд данной категории наиболее низкоквалифицированных рабочих, но и об очень низкой потребности передового и наукоёмкого производства в таковом труде. Например, с 09 (21) сентября 1859 года ст.ст. по 09 (21) мая 1860 года ст.ст. сорока двум «разным рабочим» было выплачено, на всех, 58 рублей 27 коп. серебром [8;12]; а в мае – июле 21 человек обоего пола, относящиеся к категории «разные рабочие», в сумме, получили 35 рублей 51 копейку серебром [8;165].

В рамках нашей работы уместно рассмотреть оплату труда вспомогательного персонала, который не был задействован в основном производстве. И так, «Валиила Мухтаров, сторож», получал 7 рублей серебром в месяц, «на своих харчах и квартире» [9;28]; «Захар Семёнов, кучер», работал за 4 рубля серебром в месяц, «на наших харчах» [9;29]; «Ананий Васильев, лакей» трудоустроился за 5 рублей серебром в месяц, «на наших харчах и квартире» [9;43]; «Настасья Васильева, кухарка» готовила еду для владельцев завода и их гостей за 2 рубля серебром в месяц, «на наших харчах и квартире» [9;44]. Характерно, что одну из самых высокооплачиваемых должностей во вспомогательном персонале занимал «Тимофей ... Яковлев, печник», который трудоустроился на завод за 30 рублей серебром в месяц, «на наших харчах» [9;60].

Анализ заработной платы управленческого аппарата следует начать с т.н. артельщиков, проживавших и питавшихся на заводе, заработная плата которых начиналась от 120 рублей серебром в год (т.е., – от 10 рублей серебром в месяц) [13;19(об.)–20] и доходила до 171 рубля 43 копеек серебром в год (т.е., – от 14 рублей 28,5 копеек серебром в месяц) [13; 18 (об.) – 21]. Вполне возможно, что часть лиц, профессия которых не указана, составляла группу артельщиков, проживавших и питавшихся за свой счёт, т. к. жалование, получавшееся ими, несколько ближе к артельщикам, проживавшим и питавшимся на заводе, чем к т. н. «прикащикам». Их заработная плата варьировалась от 200 до 210 рублей серебром в год (т.е., – от 16 рублей 67 копеек серебром в месяц до 17 рублей 50 копеек серебром в месяц), «свои харчи и квартира»

[13;16(об.)–18]. «Прикащики», пользовавшиеся «хозяйскими харчами и квартирой», получали от 300 рублей серебром в год (т. е., – от 25 рублей серебром в месяц) [13; 12 (об.) – 16].

«Механик», фактический заведующий механической частью, главный инженер, «Кварталевский Михайло Алексеев», который ошибочно указан уже довольно пожилым Н.К. Крестовниковым в его «Семейной хронике ...» как «Кварталовский», с 01 (13) сентября 1856 года ст. ст. устроился на «крестовниковский» завод в г. Казани на условиях ежегодной заработной платы в 300 рублей серебром, «харчи и квартира хозяйские». Однако, с 01 (13) июня 1857 года ему прибавлено ещё 100 рублей серебром в год [13; 11 (об.) – 12].

«Техник-мыловар», фактически, директор-технолог всего заводского мыловаренного производства «Шлехтингер Антон Антонов», поступивший на завод с 01(13) сентября 1856 года «... по 800» рублей серебром в год, «хозяйские харчи и квартира», уже с 01(13) января 1857 года получил прибавку – ещё 400 рублей серебром в год [13; 10 (об.) – 11].

«Директор-техник», де-факто, директор всего предприятия, т.е. первый директор в истории Казанского завода фирмы братьев Крестовниковых, «Шуэн Павел Петров», с 01(13) сентября 1856 года ст.ст. по 31 августа (11 сентября) 1857 года ст.ст., получил заработную плату в размере 1782 рубля 17 копеек серебром [13; 9 (об.) – 10].

Необходимо отметить, что приведённые выше оклады работников всех уровней, за редким исключением, не являлись неким «пределом» доходов. На данном предприятии, уже на первом этапе его существования, активно применялась сдельная оплата труда. Например, официально трудоустроенные «литейщики» выполняли сдельную работу и получили за неё оговоренную заработную плату [14; 38 (об.)– 40].

Упомянутый Павел Петрович Шуэн, с самого начала своей деятельности в качестве директора завода, уже с первого «заводского» года работал сдельно: «следует ему за 10.373 пуда и 32 ф. стеариновых свеч по 15 к.с. 1556 рублей 70 коп. серебром. За 678 пд. 14 ф. стеарина в плитках по 15 к.с. ... 101 р. и 72 к. серебром. Всего – 1657 руб.79 коп. серебром» [14; 2 (об.)– 3]. А за третий «заводской» год директор П.П. Шуэн, работая сдельно, получил уже 3000 рублей серебром, что свидетельствует о росте производства продукции [12;11 (об.) – 12]. А заводской химик «Кибер Карл Август» получил «за устройство камеры» 645 рублей серебром [12; 74 (об.) – 75].

Применялась «сдельщина» и в отношении вспомогательного персонала. Например, мастер-«колодезник» получил за «колодезь и навес» 55 рублей серебром

[13;85(об.)–86]; «кузнец» за сдельную работу, произведённую в течение второго «заводского» года, получил 422 рубля 53 копейки серебром [15;4]; «Головкин Филипп Фёдоров, столяр» изготавливал «этажерки» для нужд завода по 1 рублю 40 копеек серебром за штуку [14; 9 (об.) – 10]; сдельно работали «бочары», «ящечники» [14; 41 (об.) – 43]. Так, «Корнила Иванов», изготавливавший ящики сдельно, в течение второго «заводского» года заработал 405 рублей и 53 копейки серебром [13; 48 (об.) – 49]; а «Тимофей Федотов» и «Яким Никифоров», за ту же сдельную работу, – по 242 рубля 64 копейки серебром и по 294 рубля 06 копеек серебром, соответственно [13; 49 (об.) – 51].

За 50 рублей серебром в год ассенизатор «Андрей Романов» очищал т. н. «ретирадные места», делая это столь усердно, что с 01(13) ноября ему «...прибавлено 10 р.с. в год». В итоге, за второй «заводской» год упомянутая очистка заводских «ретирад» принесла ему 68 рублей и 33 копейки серебром [13; 44 (об.) – 45]. Поощрялась и оплачивалась работа в праздничные дни. Так, «Счёт праздничной работы» за второй «заводской» год свидетельствует о том, что в период с 01 (13) сентября 1856 года ст.ст. по 31 августа (11 сентября) 1857 года ст.ст. за т.н. «праздничную работу» было выдано через кассу 8.574 рубля серебром [15; 86 (об.) – 87]. Т. е., в среднем, по 451 рублю и 26 копеек серебром за работу в каждый из важнейших государственных и религиозных праздников, существовавших в ту эпоху.

Приведённые нами данные о заработной плате различных категорий работников завода, относившихся к основному или вспомогательному персоналу, несмотря на определённые лакуны, вызванные утратой значимой части заводской делопроизводственной документации, дают определённое представление не только о размере ежемесячного денежного вознаграждения того или иного специалиста, но и о факторах, влияющих на её величину. Вместе с тем анализ заработной платы не может считаться полноценным, если исследователь остановится лишь на её номинальном значении, проигнорировав реальные цены на товары и услуги того времени. В связи с чем, на наш взгляд, уместно привести некоторые соответствующие сведения.

К примеру, в официальной газете «Казанские губернские ведомости» присутствуют цены на продукты в г. Казани в марте 1855 г. Цена за фунт (0,409 г.) свежей говядины 1 сорта или свежей баранины 1 сорта не превышала трёх копеек серебром; волжская стерлядь живая, длина которой не превышала 30 сантиметров, оценивалась в 15 коп. серебром за фунт (0,409 г.); за пуд печёного ситного хлеба продавцы просили 24 коп. серебром [16]. Далее, заводская делопроизводственная документация, датированная 1856 годом, содержит сведения об оптовой

закупке 1000 яиц куриных, за которые было заплачено 6 рублей серебром или по 6 копеек за десяток [17;96]. Условная «пара» молока обходилась в 14 копеек [18;30]. Для нужд завода братьев Крестовниковых в это же время была куплена рабочая лошадь за 40 рублей серебром [17;62]. Весьма любимая народом кислая капуста продавалась по 10 копеек серебром за ведро [17;53]. Щука крупная продавалась по 4 копейки за фунт, язык говяжий оценивали в 25 копеек за штуку, свинина свежая первого сорта стоила 5 копеек серебром за фунт; а сырое сало 1 сорта продавалось пудами по 3 рубля 70 копеек серебром [19].

Не вызывает сомнения, что основной целью трудоустройства для работников завода всех уровней являлось улучшение своего материального положения, а не только удовлетворение основных первичных потребностей. Одним из важнейших индикаторов заработной платы до сих пор выступает возможность приобретения собственного жилья. Например, в январе 1858 года в г. Чистополе можно было приобрести избу с печью и четырьмя окнами, с сенями на две сажени, крытую тёмсом, за *двенадцать рублей серебром* [20]. В самой Казани цены были на порядок выше. Так, за дом деревянный 2-этажный, располагавшийся в 3-й полицейской части административного центра Казанской губернии просили 107 рублей и 7 копеек серебром [19].

Многократно упомянутый нами низкоквалифицированный рабочий «Николай Кирилов», проживавший и питавшийся на заводе, за 1859/1860 «заводской» год получил через кассу («на руки») 53 рубля 87 копеек серебром [8;1]. Т. е., половину рыночной цены «за дом деревянный 2-этажный, располагавшийся в 3-й полицейской части» г. Казани. Или, с другой стороны, на 13 рублей 87 копеек больше рыночной цены за хорошую рабочую лошадь. А «Павлу Васильеву», трудоустроенному по 18 рублей серебром в месяц («его харчи»), получившего из заводской кассы за тот же «заводской» год 228 рублей 50 копеек серебром [8;9], было доступно приобретение двух таких домов в год.

Все, изложенное нами выше, позволяет сделать вывод о том, что реальная заработная плата даже низкоквалифицированных рабочих-мужчин «зрелого возраста», уже на первом этапе истории завода, в целом, соответствовала среднерыночным потребительским ценам на основные товары в г. Казани. Таким образом, завод братьев Крестовниковых качественно отличался от существовавших региональных производств не только уровнем механизации труда, но и круглогодичной достойной оплатой труда, ориентированной на привлечение и сохранение квалифицированных работников всех уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 29
2. Ключевич, А.С. История Казанского жирового комбината им. Мулла-Нур Вахитова (1855–1945): монография / А.С. Ключевич. – Казань.: Татгосиздат, 1950. – 280 с. – Текст: непосредственный
3. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. / Сост. М.М. Лаптев – в 39 тт., т.8.– СПб.: Воен. тип., 1861. – 615 с. – Текст: непосредственный
4. ГА РТ. Ф. 114. Оп.1. Д. 4337
5. Свердлова, Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX вв): монография. / Л.М. Свердлова. – Казань.: Татар. кн. изд-во, 2011. – 319 с. – Текст: непосредственный
6. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 17
7. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1
8. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 19
9. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 1
10. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 22
11. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20
12. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 9
13. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 6
14. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4.
15. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 7
16. Казанские губернские ведомости. 1855. 14 марта. № 11, ч. неофиц. (прилож).
17. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 3
18. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 2
19. Казанские губернские ведомости. 1858. 25 января. № 3, ч. неофиц.
20. Казанские губернские ведомости. 1858. 18 января. № 2, ч. офиц., отдел местный.

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ «УШКОВСКОЙ» ФИРМЫ, РЕАЛИЗУЕМОЙ НА КОКШАНСКОМ И БОНДЮЖСКОМ ХИМИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

IMPORTANT PECULIARITIES OF THE PRODUCTION POLICY OF THE "USHKOV'S" COMPANY, IMPLEMENTED AT THE KOKSHANSKY AND BONDYUZHSKY CHEMICAL PLANTS UNTIL THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

G. Fan-Yung
E. Shchigortsova

Summary: In the work, an attempt is made to study the features of the production policy of P.K. Ushkov's company very briefly and superficially, implemented at the Kokshansky and Bondyuzhsky chemical production plants that belonged to it, during the specified period. These enterprises were in the Yelabuga district of the Vyatka province, forming the basis of the material well-being of the merchant "dynasty" of the Ushkovs. The methodology of our research is based on a materialist understanding of history without its Marxist component. The author does not agree with the thesis of K. Marx and F. Engels about interclass antagonism allegedly prevailing over the world-historical process, "leveling out" other specific features. At the same time, we consider historical development as explainable by science, possessing objective laws and cause-and-effect relationships. We consider historical development as explainable by science, possessing objective laws and causes-and-effects relationships. Let us clarify, for example, that the most important of these patterns used in this work was the idea of the influence of advanced production on the creation and improvement of forms and methods of implementing social policy in relation to the personnel of a given enterprise. In this work are demonstrated the place and role of the Imperial Kazan University in the modernization of the Kazan "Krestovnikovsky" plant, and there is a brief excursion into the history of the emergence and development of both chemical plants. A conclusion is drawn about the decisive importance of the union of chemical science and chemical production that arose on the initiative of P.K. Ushkov for the subsequent achievement of entrepreneurial success.

Keywords: industrial revolution, Kokshansky and Bondyuzhsky chemical plants before 1917, Imperial Kazan University, Kazan stearine-soap, glycerin and chemical plant of the Krestovnikov Brothers Factory-Trading Partnership, K.Ya. Ushkov, P.K. Ushkov, Ural pyrites, sulfuric acid production in Russia, chemical engineer N.P. Valberg, D.I. Mendeleev, P.P. Fedotiev.

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
сервиса и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

Щигорцова Елена Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
сервиса и туризма, г. Казань

Аннотация: В представленной работе предпринята попытка очень кратко и поверхностного изучения особенностей производственной политики фирмы П.К. Ушкова, реализуемой на принадлежавших ей Кокшанском и Бондюжском химических производствах, в указанный период. Эти предприятия располагались в Елабужском уезде Вятской губернии, составляя основу материального благополучия купеческой «династии» Ушковых. В основе методологии нашего исследования выступает материалистическое понимание истории без его марксистской составляющей. Иными словами, автор не разделяет тезис К. Маркса и Ф. Энгельса о, якобы, довлеющем над всемирно-историческим процессом межклассовом антагонизме, «нивелирующем» прочие специфические особенности. При этом историческое развитие рассматривается нами как объяснимое наукой, обладающее объективными закономерностями и причинно-следственными связями. Уточним, к примеру, что важнейшей из подобных закономерностей, использованных в данной работе, стало представление о влиянии передового производства на создание и совершенствование форм и способов реализации социальной политики в отношении персонала данного предприятия. В данной работе продемонстрированы место и роль Императорского Казанского университета в модернизации Казанского «крестовниковского» завода, присутствует краткий экскурс в историю возникновения и развития обоих химических заводов. Сделан вывод о решающем значении возникшего по инициативе П.К. Ушкова союза химической науки и химического производства для последующего достижения предпринимательского успеха.

Ключевые слова: промышленная революция, Кокшанский и Бондюжский химические заводы до 1917 г., Императорский Казанский университет, Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод Фабрично-Торгового Товарищества братьев Крестовниковых, К.Я. Ушков, П.К. Ушков, уральские колчеданы, сернокислотное производство в России, инженер-химик Н.П. Вальберг, Д.И. Менделеев, П.П. Федотьев.

Крайне значимые перемены в жизни государства и общества, зафиксированные в различных странах в период индустриальной революции, стали законо-

мерным следствием создания и последующего развития крупной механизированной промышленности, функционировавшей в условиях рыночной конкуренции и

свободного труда. Стремясь к качественному снижению издержек производства, конкурируя друг с другом ценой и качеством, крупные хозяйствующие субъекты вынуждены были, во-первых, стремиться к формированию спаянного коллектива работников-профессионалов вместо работников сезонных; и, во-вторых, сокращать производственные издержки не за счёт снижения качества продукции, но с помощью новых технологий и новой техники. Из чего следует, что формы и методы социальной политики производственных фирм индустриальной эпохи не только зависели от успехов производства, но и были его закономерным продолжением. Чем выше был уровень развития техники и технологии, тем больше требований предъявлялось, как к работнику, так и к его работодателю. Подобно тому, как в древнеримских латифундиях совершенствование агротехнологии привело к вытеснению колонами с полей рабов, так и в XIX столетии усложнение техники стало причиной того, что квалифицированный рабочий заменил собой пришлого крестьянина-«отходника», нанимавшегося «на сезон». Закономерно, что дальнейшее успешное развитие того или иного промышленного предприятия, при прочих равных условиях, зависело, и от уровня его механизации, и от квалификации работников всех уровней. Таким образом, именно в индустриальную эпоху, основой предпринимательского успеха стало рациональное использование не только финансового и физического капиталов, но и «человеческого капитала».

Объективным показателем индустриального развития той или иной страны в XIX – начале XX веков было состояние национальной химической промышленности, без которой ни о каком дальнейшем развитии уже имевшихся сфер промышленности, так и о создании новых отраслей, не могло быть и речи. Даже очистка нефти и нефтепродуктов были немислимы без применения достижений химии. Залогом успешного развития химической отрасли, в указанный период, стал резкий скачок в развитии химической науки. Открытия, совершённые учёными-химиками XVIII столетия, например А.Л. де Лавуазье, в XIX веке превратили химию в науку созидательную [1;6]. Ибо, как отмечал Д.И. Менделеев, «до ... Лавуазье, ..., не было никакой ясности в химических соображениях ...» [2;12]. Значимую роль в этом стремительном развитии сыграли и русские химики: Н.Н. Зинин, К.К. Клаус, М.Я. Киттары, Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, Н.Н. Бекетов, А.П. Бородин, А.Н. Энгельгардт и многие другие. На базе Казанского и Санкт-Петербургского императорских университетов возникли химические научные школы, прославившие отечественную науку [1; 99–103].

Современный исследователь Г.К. Будников указал, что в Императорском Казанском университете «до 60-х годов XIX века кафедра химии была объединённой и имела лабораторию» [3; 266]. С 1860-х годов произошло

её разделение на кафедру органической химии и кафедру неорганической химии [3; 266]. В 1864 году начала функционировать Химическая станция Императорского Казанского экономического общества. «Станция эта открыта ... при Технологической лаборатории Казанского университета» [4; 3]. Заявленная цель создания Химической станции, где обязанности лаборанта исполнял К.М. Зайцев, заключалась в производстве различных анализов «... почв, удобрений, продуктов минерального происхождения, равно продуктов заводских» [4; 3].

В эти годы возникло самое тесное сотрудничество предпринимателей-«фабрикантов» братьев Крестовниковых, основавших в г. Казани свой стеариново-мыловаренный завод-«великан». О данном факте свидетельствует основание в 1868 году заводской лаборатории, которую и возглавил К.М. Зайцев [5; 157]. Возникновение собственной химической лаборатории позволило, во-первых, установить непрерывный химический контроль над производством; во-вторых, лаборатория стала постоянно действующим научно-исследовательским подразделением, способным решать не только научно-прикладные, но и научно-исследовательские задачи [6;118–120]. Необходимо уточнить, что до возникновения данной лаборатории, т. е. на первом этапе функционирования завода, служившие там учёные-химики, К.А. Кибер и И.Я. Тисс [7; 81], обращались с соответствующими заказами в университетскую лабораторию. Иными словами, обозначенный завод сразу был построен как крупное и наукоёмкое производство, нетипичное для экономических реалий своего времени.

Модернизация, происходившая в 1860-х–1870-х годах на Казанском стеариново-мыловаренном, глицериновом и химическом заводе Фабрично-Торгового Товарищества братьев Крестовниковых, получила новый импульс благодаря возникновению непосредственного химического контроля над производственной сферой данного предприятия. Косвенным свидетельством данного тезиса выступают сведения об увеличении оценочной стоимости заводского имущества за последние пять лет, с 1866 по 1871 годы, в два раза [5; 153]. В эти же годы данное предприятие стало первым региональным «безотходным производством» [5; 154]. Возникший «союз фабриканта и учёного» стал главным конкурентным преимуществом Товарищества братьев Крестовниковых в их борьбе с внешними и внутренними конкурентами.

Одним из наиболее значимых критериев развития национальной химической промышленности в индустриальную эпоху являлся объём сернокислотного производства [8;20]. Кроме того, производство этого химического продукта выступало как признак, позволяющий обозначить исследуемое предприятие в качестве химического. Без применения серной кислоты было невозможно создание содового и сульфатного производств,

изготовление соляной кислоты, окиси алюминия и серноокислого глинозёма, бокситов, хлора и хлорной извести. В итоге серная кислота – это «кровь» химической отрасли. Заметим, что братья Крестовниковы собирались производить серную кислоту одновременно с пуском своего основного производства в 1855 году. Но они не получили такую возможность из-за интриг генерал-майора Андреева, Казанского вице-губернатора [7;94]. В результате, фирме Крестовниковых выделили меньше земли, чем требовалось [9; 25]. И только в 1857 г. такое производство возникло на Казанском «крестовниковском» заводе [5;112]. Ранее, серная кислота закупалась фирмой братьев Крестовниковых, например, у Кокшанского завода, располагавшегося в Кураковской волости Елабужского уезда Вятской губернии.

Кокшанский завод был основан в 1850 году московским купцом Павлом Семёновичем Малютиным и елабужским купцом Капитоном Яковлевичем Ушковым на юге Вятской губернии. До 1855 г. это было очень небольшое производство или, на наш взгляд, даже совокупность «полукустарных» производств (стекольного, канатного, хромпикового и пр.) [10;93], основой энергооборужённости которых выступали мускульная сила человека и энергия, вырабатывавшаяся двумя водяными мельницами [11; 120]. Как отметил инженер-технолог П.П. Федотьев, Кокшанский завод был создан для производства хромпика [12;85]. Не вдаваясь в технологические подробности, отметим, что указанное производство нуждалось в поташе и в серной кислоте [13; 98–99], подтверждая тезис Д.И. Менделеева о том, что «появление одних видов производства постепенно вызывает и другие» [2; 17].

По сведениям П.М. Лукьянова, поташное производство возникло в русских землях в XIII веке. Сам термин (в переводе с немецкого языка) представлял собой сочетание слов «горшок» и «зола»: «... поташ или прокаливали в горшках при его получении, или горшок являлся его тарой» [13;9]. Этот вид сырья использовался в качестве заменителя природной или искусственной соды. Его применяли в мыловаренном производстве и при изготовлении стекла. Поташ долгое время был значимой статьёй российского экспорта. Но в 1850-х годах в окрестностях г. Штассфурт (Пруссия) началась промышленная добыча калийных солей, что, по сообщению П.М. Лукьянова, привело к резкому падению экспорта российского поташа (1870 г.) и росту импорта германских калийных солей («штассфуртских») с 1879 года [13;103]. Появление же мощного российско-бельгийского Березниковского, затем, Донецкого, содовых заводов, привело к тому, что вместо поташа отечественные предприятия перешли на более дешёвую соду. В итоге, к 1902 году «полукустарное» производство поташа из золы («поташный промысел») сохранилось «... в Уфимской, Саратовской и Воронежской губерниях». К примеру, в окрестностях г.

Саратова в 1897 г. имелось 77 поташных «заводов», среднегодовой объём производства каждого из них в денежном эквиваленте не превышал 5649,35 рублей [12;87].

П.П. Федотьев указал на объективную зависимость российских серноокислотных производств от импортной (сицилийской) серы до начала Крымской (Восточной) войны. Данный автор полагал, что перманентная «неустойчивость цен на сицилийскую серу» стала решающим фактором, заставившим владельцев отечественных химических заводов, включая К.Я. Ушкова, перевести серноокислотное производство на уральский колчедан [12; 13–14]. Вместе с тем, даже в 1870-х годах четыре завода из восьми крупнейших серноокислотных производств, имевшихся в России, продолжали использовать импортную серу [14;176].

По нашему мнению, решающими факторами, определившими переход серноокислотного производства Кокшанского завода на уральский колчедан стали, во-первых, военно-морская блокада портов России франко-британскими эскадрами в 1854–1856 годах, исключившая возможность поставок серы в прежнем объёме; во-вторых, относительная близость месторождений уральских колчеданов; в-третьих, наличие активно использовавшейся речной магистрали, которой выступала р. Кама. Именно этим речным путём Кокшанский завод получал уральские колчеданы для нужд своего производства серной кислоты.

П.П. Федотьев отметил, что самые значительные месторождения колчедана были открыты на Урале и на Кавказе. При этом, «специально для серноокислотного производства колчедан добывается на Урале из трех месторождений: в Спасосерноколчеданном руднике Гороблагодатского округа, Калатинском Верх-Исетского округа и в Соймоновском Кыштымских заводов» [12;23]. Спасосерноколчеданный рудник, находящийся в 25 верстах от Кушвы, был взят «ушковской» фирмой в аренду «у казны» [12;23]. Более ясное представление о значении Соймоновского месторождения даёт таблица, составленная П.П. Федотьевым, которую, на наш взгляд уместно привести в данной работе.

Из приведённой таблицы следовало, что «ушковские» заводы, якобы, использовали самое «бедное» (по содержанию серы) месторождение на Урале. Однако, по свидетельству П.П. Федотьева, в конце XIX столетия подавляющая часть уральского колчедана, т.е. сырьё со всех перечисленных рудников, «... перерабатывается преимущественно на заводах Т-ва П.К. Ушкова и Ко в Елабуге Вятской губ. ... и лишь в небольшом количестве поступает на другие заводы Приуралья. Проникновению его во внутренние наши губернии препятствует дороговизна доставки» [12;24].

Таблица 1.

Характеристики трех указанных рудников по содержанию серы и прочих примесей [12;24].

Состав	Кушвинский (Спасосерноколчеданный)	Калатинский	Соймоновский
Сера	44,58%	47,52%	52,41%
Железо	39,01%	42,9%	45,64%
Медь	4,65%	2,67%	-
Мышьяк	следы	следы	-
Нерастворимый осадок	10,56%	6,5%	1,85%
Вода	0,35%	0,15%	0,09%

Подобные масштабы потребления уральского колчедана, в свою очередь, выступают косвенным свидетельством значительного качественного и количественного роста производственной сферы Кокшанского и Бондюжского заводов. Действительно, возникнув как «полукустарное» производство в 1850 году, в 1860-х годах этот завод представлял собой развивавшуюся «капиталистическую мануфактуру», для которой была характерна некоторая механизация труда и ориентированность на рынок, а не «на заказ» [14;146–147]. При этом только после смерти К.Я.Ушкова (1868 г.) и постройки нового Бондюжского химического завода, когда заведовать делами фирмы стал Пётр Капитонович Ушков, но не ранее середины 1870-х, начались серьёзные прогрессивные изменения в технике и технологии производства.

Вначале был увеличен общий объём производимой продукции и освоены её новые виды (купоросы и т. д.) [12;85]. Затем, с 1879 года, по личной инициативе инженера-химика и технолога Н.П. Вальберга, был установлен химический контроль над основными производствами на обоих «ушковских» заводах. Следствием этого, как и на Казанском «крестовниковском» заводе, стало резкое повышение качественных и количественных показате-

лей выпускаемой продукции [15;76(об.)–77]. Закономерно, что к началу 1880-х годов прежние «капиталистические мануфактуры» (Кокшанский и Бондюжский заводы) трансформировались в крупные и наукоёмкие химические производства своей эпохи. С 1883 года была произведена юридическая реорганизация фирмы, превратившейся в «Товарищество химических заводов «П.К. Ушков и Ко» [15;77].

Таким образом, основанием предпринимательского успеха фирм, и братьев Крестовниковых, и П.К. Ушкова, независимо от ассортимента химической продукции, выпускаемой ими, как и природно-климатических условий, в коих предприятия указанных фирм функционировали, выступал союз между производством и наукой, возникший по инициативе предпринимателя-«фабриканта». Вопреки устоявшимся представлениям, по нашему мнению, Кокшанское предприятие, основанное К.Я. Ушковым, представляло собой образец постепенно эволюционирующего в условиях рынка промышленного производства, которое успешно прошло путь от «полукустарного» заведения к крупному, интенсивно развивающемуся химическому заводу, впечатлявшего, как и его Бондюжский-«собратье», современников [14;143].

ЛИТЕРАТУРА

- Будников Г.К., Сорокина Т.Д. История и методология химии в Казанском университете (К 200-летию Казанского университета): учебное пособие. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2006. 166 с.
- Менделеев Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности / Д.И. Менделеев. Вып.1. С.-Пб.: Тип. В. Демакова, 1897. 196 с.
- Будников Г.К. Региональные аспекты истории химии в общеобразовательных и специальных дисциплинах // История химии: область науки и учебная дисциплина (К 100-летию проф. Н.А. Фигуровского): сборник ст. / Отв. ред.: акад. В.В. Лунин и д.э.н В.М. Орёл. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. 328 с. С.263 – 272
- Химическая станция Императорского Казанского экономического общества. Казань: Типография и литография П.И.Фан-дер-Флит, 1865. 8 с.
- Фан-Юнг Г.Ю. Завод-Великанъ: монография. Казань: Изд-во «Познание», 2020. 234 с., с илл.: (Серия «Сокровищница Татарстана»)
- Стеариново-химический и мыловаренный заводы Фабрично-Торгового Товарищества Братьев Крестовниковых в России (Казань): Некоторые сведения для всемирной выставки в Париже 1900 г. / [Б.а.]; на рус. и фр. языках. Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1900. 140 с.
- Крестовников, Н.К. Семейная хроника Крестовниковых. В 3-х кн. Кн.1. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. 112 с.: с ил.
- Фан-Юнг Г.Ю. Сернокислотное производство в России к началу XX столетия: общий обзор. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. ISSN 2223–2982. Москва, 2023. № 2–2. С.19–24. DOI 10.37882/2223–2982.2023.2–2.39
- ГАРТ. Ф.408. Оп.1. Д.355
- РГИА. Ф.23. Оп.14. Д.288

11. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века: монография. Ижевск: Удм.ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 432 с.
12. Федотьев П.П. Современное состояние химической промышленности в России. СПб.: Типолиграфия и переплётная Ю.А.Мансфельд, 1902. 143 с.
13. Лукьянов П.М., Соловьёва А.С. История химической промышленности СССР: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1966. 255 с., илл.
14. Лукьянов П.М. История химической промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. В VI тт. Т.I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 544 с., илл.
15. РГИА.Ф.23. Оп.24. Д.787

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru), Щигорцова Елена Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«КИЕВЛЯНИН» И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕФОРМИРОВАНИИ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 80–90-Е ГГ. XIX В.¹

Федоров Дмитрий Андреевич

инженер-исследователь, Санкт-Петербургский
государственный университет
DA.Fedorof@yandex.ru

THE NEWSPAPER "KIEVLYANIN" AND CONSERVATIVE TRENDS IN REFORMING SECONDARY EDUCATION IN THE 80-90S. 19TH CENTURY²

D. Fedorov

Summary: The polemics around the reforms of gymnasium education, in which the editor of the newspaper "Kievlyanin" Dmitry Ivanovich Pikhno took part, occupied one of the important places in the journalism of the Kiev newspaper in the 80–90s of the XIX century. Under the known political conditions of the South-Western region, Pikhno insisted on the development of primary schools for teaching the local Russian peasantry to read and write, rather than gymnasium education, which was mainly used by inorodtsy (other nations of the Empire). Therefore, the expansion of the network of gymnasiums, in the opinion of the publicist, should have come at the expense of private donations from those who sought secondary education. At the same time, the editor of "Kievlyanin" moderately criticised the orders adopted by the Ministry of education to restrict the possibility of admission to gymnasiums for children of inferior estates. Pikhno expressed his attitude to the system of classical education during the preparation by the Ministry of Education of a plan to revise the curricula of gymnasiums, which the editor of the Kiev newspaper considered urgently necessary.

Keywords: gymnasium, D.I. Pikhno, "Kievlyanin", journalism, conservatism, South-Western Krai.

Аннотация: Полемика вокруг реформ гимназического образования, в которой принял участие и редактор газеты «Киевлянин» Дмитрий Иванович Пихно, заняла одно из важных мест в публицистике киевской газеты в 80–90-е гг. XIX в. При известных политических условиях Юго-Западного края Пихно настаивал на развитии начальных школ для обучения местного русского крестьянства грамоте, а не гимназического образования, которым пользовались преимущественно инородцы. Поэтому расширение сети гимназий, по мнению публициста, должно было идти за счет частных пожертвований тех, кто стремился получить среднее образование. В то же время редактор «Киевлянина» умеренно критиковал распоряжения, принимаемые учебным ведомством с целью ограничения возможности поступления в гимназии детей небогатых сословий. Свое отношение к системе классического образования Пихно выразил во время подготовки Министерством просвещения плана пересмотра учебных программ гимназий, которые редактор киевской газеты признавал настоятельно необходимым.

Ключевые слова: гимназия, Д.И. Пихно, «Киевлянин», публицистика, консерватизм, Юго-Западный край.

Широкое обсуждение гимназической реформы в 60–70-е гг. XIX в. было в значительной степени политизировано. Классическая гимназия считалась либералами «ретроградной», в то время как консерваторы рассматривали ее как оплот преемственности школьных традиций в образовании. Пересмотр учебных программ в 80–90-е гг. XIX в. вновь вызвал в печати оживленную дискуссию, участники которой единодушно признали недостатки установившейся классической системы. Узко-грамматическое направление изучения

древних языков, пренебрежение другими предметами общего образования, переутомление учащихся – все эти вопросы заняли значительное место в публикациях авторов различных идеологических взглядов.

Неудовлетворительная постановка обучения в «толстовской» гимназии считалась недопустимой представителями консервативной мысли. Одним из них был Дмитрий Иванович Пихно – редактор газеты «Киевлянин» [1, с. 395–405]. Публицист отмечал особую роль учебных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00294 «"Русский мир" и "русская земля": исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.»).

² This research has been supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project no. 24-18-00294 «"Russian world" and "Russian land": historical and socio-political aspects of the problem of national identity in the journalistic discourse of the mid-XIXth – early XXth centuries».

заведений в Юго-Западном крае (Киевской, Волынской и Подольской губерниях), где на стороне местного русского крестьянства было подавляющее количественное большинство, но зато проживающие там же «инородческие элементы» (прежде всего, польская интеллигенция) отличались большей образованностью. Поэтому широкие народные массы нуждались, по мнению публициста, в образовании. Это виделось Пихно единственным средством окончательно сделать край «русским».

Все формы образования – высшее, среднее и начальное, имели, по мнению Пихно, важное значение, но потребность в них не могла быть одинакова. К началу 80-х гг. XIX в. в крае имелось шесть классических гимназий, несколько прогимназий и три реальных училища, которые не были доступны русскому крестьянину. Хотя в западных губерниях обучение в средних учебных заведениях велось за незначительную плату, но большинство учеников в них составляли инородцы. Поэтому как ни желательно было развитие гимназий, но в особых условиях края Пихно прежде всего подчеркивал необходимость начальной школы. По его словам, нельзя усиливать при помощи государственной гимназии «инородческую силу» и оставлять безграмотными русских крестьян, которым нужны не гимназии, а городские и сельские школы. Пихно считал прямой задачей правительства не сомнительное обрусение инородцев в гимназиях, а обучение грамоте местного русского населения в начальных школах [2, с. 875–889]. Если среди инородцев возникнет потребность в среднем и высшем образовании, то они должны получать его только за свой счет. Публицист настаивал, что дальнейшее развитие средней школы в крае должно идти на собственные средства тех слоев населения, которые в ней нуждались [3, с. 1]. Расширять сеть средних учебных заведений за государственный счет не следовало, а потребность в гимназическом образовании должна быть восполнена частными гимназиями [4, с. 1].

Открытием частных школ редактор «Киевлянина» предлагал решить и проблему переполненности гимназий и реальных училищ. Вместо требований увеличить число казенных гимназий должна проявиться частная инициатива, тем более что в Киеве ранее с большим успехом были открыты две частные женские гимназии [5, с. 1–2]. Во многом поэтому Пихно поддержал предложение основать в Киеве классическую гимназию на паях. Такое учебное заведение как нельзя лучше могло отвечать одной из важных общественных нужд – получению образования. В киевских средних школах из-за недостатка мест вынужденно отказывали в приеме даже тем ученикам, которые показывали отличный результат на вступительных испытаниях. Вследствие этого в местном обществе имела сильная потребность в содействии открытию частных учебных заведений, которые соответствовали

бы программе преподавания казенных гимназий [6, с. 1].

В то же время Пихно считал, что дело образования молодых поколений не должно быть стать обычным коммерческим предприятием. Надзор за частными учебными заведениями должен быть многосторонен, что обуславливалось значимостью получения образования для общества и государства. Поэтому в частных гимназиях, как и в казенных, руководство должно состоять из директора и педагогического совета, а учителя назначаться начальством учебного округа. Но если учебно-воспитательную часть правительство должно всецело подчинить своему ведению, то хозяйственная могла быть предоставлена учредителям школы [7, с. 1–2].

Вместе с тем статьи «Киевлянина» содержали весьма осторожную критику распоряжений Министерства народного просвещения с целью ограничить возможности получения среднего образования детьми «низового народа». В начале 1887 г. учебное ведомство признало необходимым закрыть пригготовительные классы, повысить плату за обучение и обязало принимать в гимназии и прогимназии только тех, кто имел свидетельство о правильном домашнем надзоре родителей. Соглашаясь, что привлечение детей в средние учебные заведения при отсутствии необходимых материальных средств нежелательно [8, с. 1–2], Пихно в то же время иначе писал про известный циркуляр от 18 июня 1887 г., согласно которому попечителям округов поручалось оградить гимназии «от поступления в них детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных мелких детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями...». Для достижения этой цели директорам гимназий поручалось при поступлении прошений «наводить надлежащие справки об условиях материального и семейного быта просителей, о том, как они ведут воспитание своих детей». Если «житейская их обстановка» не представляла «достаточного ручательства в правильном над детьми домашнем надзоре», то директор был обязан отклонять прошения.

Не возражая против основной идеи циркуляра, чтобы в гимназии поступали только те дети, которые смогут успешно учиться, Пихно считал, что это правило применимо не только к «сыновьям лакеев», но и к «детям господ», не имеющих способностей для получения образования. С одной стороны, начальство учебных заведений, видя негодность ребенка к обучению, могло вполне обоснованно посоветовать родителям не отдавать его в гимназию. Но с другой, циркуляр устанавливал крайне неопределенные критерии для поступления. Признание негодным к гимназическому образованию основывалось на происхождении из низших классов и недостаточности средств семьи, которые, как уверял Пихно, нельзя строго регламентировать, как и семейную

обстановку, степень надзора за детьми и т. д. Неоднородность указаний циркуляра выразилась в том, что даже попечители округов поняли его по-разному [9, с. 2]. Но даже столь осторожные замечания привели к тому, что в августе 1887 г. Главное управление по делам печати вынуждено было пресечь рассуждения киевской газеты об этом циркуляре [10, с. 24–25].

Свое отношение к существующей системе классического образования Пихно выразил во время подготовки Министерством народного просвещения плана пересмотра учебных программ гимназий. Весной 1889 г. была образована комиссия при учебном ведомстве в составе профессоров и учителей под председательством товарища министра М.С. Волконского, которой было поручено составить проект упрощения учебной программы [11, с. 2]. Итогом стало введение новых учебных планов с 1890 г.: «выдвинуто вперед чтение древних авторов; грамматика оттеснена назад» [12, с. 193–194].

Признавая, что классическая система не совсем удовлетворяла потребности общества в образовании, Пихно подчеркивал необходимость изменения «изведанной горьким опытом» системы обучения в гимназиях. Классицизм, по мнению публициста, распространялся с большим трудом и только усилиями министра народного просвещения Д.А. Толстого, верившего в преимущества гимназий. Предполагалось, что подобное учебное заведение я возбудит в воспитанниках любовь к древним языкам, увеличит состав историко-филологических факультетов и подготовит новых учителей для преподавания этих языков. Однако филологические отделения опустели, классическая наука не признавалась учителями и учениками, а результаты преподавания начали возбуждать опасения в самом учебном ведомстве. Древние языки нанесли ущерб другим предметам, но на вопрос, восполнился ли этот пробел успехами в языках, когда после восьмилетнего обучения гимназисты не могли свободно читать даже несложные тексты на древних языках, редактор «Киевлянина» затруднялся отвечать.

Этим объясняется пристальное внимание, которое Пихно обращал на предпринимаемые правительством меры, направленные к искоренению изъянов преподавания. Считая несвоевременными и нежелательными радикальные реформы, Пихно отмечал важность устранения наиболее очевидных недостатков, а именно сложности классической системы обучения и, как следствие, переутомления юношества. По его свидетельству, в Германии, откуда было позаимствована эта система, стали заявлять об подобном явлении, в котором усматривали причину понижения образовательного уровня немцев. В России также обнаружили печальные результаты «классицизма», когда только меньшинство учащихся могло окончить гимназический курс. Хотя учебное ве-

домство указывало, что классические гимназии предназначались не для всех, что в них могли учиться только обладающие особыми способностями при благоприятном социальном и материальном уровне, но, как считал Пихно, опыт показывал, что выпускники гимназий отнюдь не являлись исключительно талантливыми людьми. Вместе с тем затраченный ими труд не соответствовал цели обучения. Слабые познания по классическим предметам и русскому языку несколько раз подтверждались компетентными учеными и официальными докладами Министерства народного просвещения. Если бы большинство окончивших классические школы выносили из нее любовь и понимание великих произведений древних писателей, имели возможность наслаждаться творениями Фукидида и Плутарха, то обучение в гимназии достигало бы цели.

Но гимназисты, удостоенные аттестата, за немногим исключением не были знакомы с древними классиками и не могли читать их произведения. Неудовлетворительные результаты на занятиях по классическим языкам Пихно объяснял и педагогическими приемами их преподавания, действующих не развивающим, а притупляющим образом на учеников. Во многом поэтому редактор «Киевлянина» ожидал значительных результатов от пересмотра учебных программ. «Нельзя не пожелать от всей души успеха задуманным преобразованиям, в которых заинтересованы не только учащиеся и их родители, но и все общество и государство, для которого важно, чтобы школа не надламывала молодые силы в пору их развития» – утверждал киевский публицист [13, с. 1–2]. Не менее важным Пихно считал и отсутствие в классической гимназии общего образования [14, с. 1–2]. Незначительное количество часов для преподавания естественных наук, русского языка, литературы, географии и истории, незнание явлений природы также составляло существенный недостаток [15, с. 1].

По мнению Пихно, чрезмерное отягощение учеников занятиями говорило не о высоте требований школы, а о недостатках программ и систем преподавания. Поэтому сокращение «школьной мудрости» становилось важной задачей [16, с. 2; 17, с. 2; 18, с. 2; 19, с. 2]. Если начавшиеся преобразования будут энергично и последовательно осуществлены, то они окажут несомненное влияние на процесс обучения в гимназиях [20, с. 2]. Во многом поэтому новые учебные программы были встречены Пихно с полным сочувствием. И хотя реформа 1890 г. в итоге слабо изменила гимназии, но новые учебные планы внесли в преподавание значительные перемены. Изучение классических языков по-прежнему оставалось фундаментом гимназического курса, но грамматика отошла на второй план, что должно было существенно изменить всю систему обучения [21, с. 1–2].

Таким образом, Пихно признавал необходимость преобразований в средней школе. Подчеркивая особую роль просвещения в Юго-Западном крае, где «инородческие элементы» отличались большей образованностью, он отмечал особую значимость в деле обрусения края начальной школы, а не гимназий. Получить среднее образование стремящиеся к этому инородцы могли в частных гимназиях, но при сохранении должного педагогического надзора со стороны государства. С осторожной

критикой относился публицист к распоряжениям Министерства народного просвещения об ограничении возможности получения среднего образования детьми из «простонародья». Считая систему классического образования не вполне отвечающей требованиям обучения, Пихно считал необходимым внесение соответствующих изменений в классическую систему, смягчение строгости учебного плана и искоренение очевидных недостатков в гимназических программах преподавания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.
2. Котов А.Э., Федоров Д.А. Киевские консервативные публицисты о проблемах образования в поздней имперской России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2023. № 4. С. 875–889.
3. Передовая статья // Киевлянин. 1881. № 189. 27 августа.
4. Передовая статья // Киевлянин. 1881. № 201. 12 сентября.
5. Передовая статья // Киевлянин. 1883. № 151. 13 июля.
6. Передовая статья // Киевлянин. 1883. № 195. 10 сентября.
7. Проект акционерной гимназии // Киевлянин. 1884. № 21. 26 января.
8. Передовая статья // Киевлянин. 1887. № 147. 9 июля.
9. Передовая статья // Киевлянин. 1887. № 176. 15 августа.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 3. Д. 412. Л. 24–25.
11. О задачах комиссии, учрежденной при Министерстве Народного Просвещения для пересмотра программ гимназических предметов // Киевлянин. 1890. № 56. 13 марта.
12. Коваленский М.Н. Средняя школа // История России в XIX веке. Т. 7. Ч. 3. СПб.: Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранат и К°, 1909. С. 170–202.
13. Н.Т. По поводу преобразований в классических гимназиях // Киевлянин. 1889. № 153. 14 июля.
14. К вопросу о пересмотре гимназических программ (II) // Киевлянин. 1889. № 254. 21 ноября.
15. Передовая статья // Киевлянин. 1889. № 260. 29 ноября.
16. Передовая статья // Киевлянин. 1890. № 13. 17 января.
17. К вопросу о реформе преподавания в классических гимназиях // Киевлянин. 1890. № 126. 10 июля.
18. К вопросу о реформе преподавания в классических гимназиях (Окончание) // Киевлянин. 1890. № 130. 15 июля.
19. Гимназическая реформа // Киевлянин. 1890. № 146. 5 июля.
20. Передовая статья // Киевлянин. 1890. № 155. 15 июля.
21. Передовая статья // Киевлянин. 1890. № 186. 23 августа.

© Федоров Дмитрий Андреевич (DA.Fedorof@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ РОСГОССТРАХА В 1990-Е ГОДЫ

THE DEVELOPMENT OF ROSGOSSTRAKH
IN THE 1990S

N. Shpachuk

Summary: This article is dedicated to the topic of the development of Rosgosstrakh, which was transformed from Gosstrakh in 1992. The main trends and services provided by the company are revealed. The features of these services are considered, based on the current situation in the socio-economic sphere. It is concluded that the company managed to overcome the crisis due to the participation of the state in the company's activities, as well as by providing services that meet the needs of citizens affected during the reform of the country.

Keywords: insurance, economic history, 1990-th, crisis, development.

Шпачук Наталья Юрьевна

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы;
консультант, ООО «СКТ», г. Москва
shpachuchka@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена теме развития Росгосстраха, преобразованного из Госстраха в 1992 году. Выявлены основные тенденции и услуги, предоставляемые компанией. Рассмотрены особенности этих услуг, исходя из сложившейся ситуации в социально-экономической сфере. Описаны и проанализированы продукты на основе статей в периодической печати. Сделан вывод о том, что компании удалось преодолеть кризисное время за счет предоставления услуг, соответствовавших запросам граждан, пострадавших в период реформирования страны.

Ключевые слова: страхование, история экономики, Росгосстрах, кризис, развитие.

Текущее исследование посвящено развитию в 1990-е гг. Росгосстраха и предоставляемым компанией услугам. Рассмотрена история развития компании, особенности предоставляемых продуктов и реализации на рынке. Уделено внимание анализу визуальных материалов, посвященных рекламе страховых услуг.

Прежде отметим, что каждая организация, занимающаяся продажами коммерческих услуг, ставит задачи привлечения новых клиентов и увеличения объемов продаж услуг. Страховые компании не являются исключением, однако при низком спросе в целом на страховые услуги по стране, а также с учетом нестабильной экономической ситуации в рассматриваемый период, важно понимать уровень эффективности тех маркетинговых методов и инструментов, применявшихся страховщиками.

В рассматриваемый период основными компаниями, пережившими все кризисы стали Ингосстрах и Росгосстрах. Одной из основных страховых компаний с участием государства является Росгосстрах. В период с 1991–1992 гг. совокупно 120 млн договоров страхования было заключено на территории Российской Федерации, из них порядка 82 млн договоров личного страхования жизни и здоровья. К началу процесса распада СССР обладателями полисов страхования были десятки миллионов граждан РСФСР и других республик Советского Союза. Из общего количества оформленных договоров страхования, к началу 1992 г. порядка 52,5 млн приходилось на договора накопительного страхования жизни [4].

На период 1990-х гг. существовало порядка 60 видов страхования, предлагаемых отечественными страховщиками. Однако, ввиду хаотичности деятельности большинства методов, применяемых новыми коммерческими структурами, единицы из них смогли пережить кризисный период 1990-х годов. Так называемый «Парад суверенитетов» не обошел стороной и страховую сферу. Росгосстрах распался на десятки региональных страховых обществ и территориальных управлений. Только к середине 2000-х гг. удалось консолидировать все региональные подразделения под единым управлением [2].

Российская государственная страховая компания была создана в 1992 г. постановлением правительства РФ. Фактически ОАО «Российская государственная страховая компания» стала правопреемником Госстраха РСФСР. Учредителем компании явилось Госкомимущество России [3]. На момент создания де-юре коммерческой компании, 100% акций компании принадлежали государству. За компанией с 1997 г. закрепились дочерние предприятия региональной сети - бывшие управления Госстраха РСФСР в АССР, краях и областях, преобразованные в государственные страховые фирмы. К началу 2000-х гг. региональная сеть насчитывала 76 территориальных управлений в статусе филиалов ОАО «Росгосстрах».

С самого начала деятельности Росгосстраха в качестве коммерческой организации на зарождающемся рынке страхования компания столкнулась с рядом препятствий, в том числе с конкуренцией со стороны других организаций. Ввиду низкого спроса на страховые услуги на фоне постоянных экономических кризисов, высокой конкуренции, невостребованности добровольного

После своего выступления в № 6 «Работницы» я получил много читательских откликов, самых разных. Пишут те, кто хвалит нас за работу, и те, кто критикует. Есть в письмах и вопросы, на которые люди просят ответа. От всего Госстраха говорю: спасибо за добрые слова. А вот на критику и вопросы постараюсь ответить в этом своем письме к читателям.

«...Что же вы, дорогие товарищи из Госстраха, агитируете нас страховать свою жизнь, говоря при этом о получении в конце срока аж целой 1000 рублей. Но неужели вы не видите, что на дворе инфляция?! Человек получает свою страховку в 1000 рублей, а выплатил-то он вам, Госстраху, или тому же государству — кому там идут наши денюжки — на 50 рублей больше! Вот так-то! Пишу это все, основываясь на собственном опыте, и никто меня не переубедит.

Сазонов Николай Евгеньевич,
г. Керчь».

Давайте разберемся. Может быть, мои аргументы изменят мнение не только читателя из Керчи, но и многих других. Все мы сегодня живем почти одинаковыми трудностями — и магазинные полки не радуют обилием товаров, и купить, а вернее, как сейчас говорят, «достать» что-то, порой самое элементарное, удается с большим трудом. И рубль наш год от года обесценивается все больше и больше... Вы совершенно правы в своих подсчетах, Николай Евгеньевич: сумма в тысячу рублей теперь не имеет той значимости, как раньше. Но эти претензии, простите, уже не к Госстраху, это результат сложной экономической ситуации в стране.

По поводу же «переплаты» хочу пояснить, что, к сожалению, при этих подсчетах вы забыли о самом страховании. А ведь если бы с вами в период действия договора произошел несчастный случай, например, вы упали и сломали руку, то Госстрах выплатил бы страховую сумму по травме, а в конце срока вы получили бы независимо от этой выплаты полную страховую сумму. А могут быть и более сложные травмы, и не одна... Простой подсчет показывает, что полученные в этом случае суммы превышают уплаченную вами по договору. Ранее в «Работнице» я уже сообщал, какие суммы Госстрах России выплачивает нашим клиентам при наступлении различных, непредвиденных событий, предусмотренных договорами страхования. И эти сотни миллионов рублей не берутся из ничего. Вы сами это понимаете.

Хочу также сообщить, что органами Госстраха прорабатывается и возможность компенсации (хотя бы частичной) потерь наших страхователей от инфляции при заключении долгосрочных договоров. За счет чего? Основным источником здесь выступают доходы от вложений полученных платежей в различные отрасли народного хозяйства.

Еще одна большая группа писем о детском страховании. Многие его виды хорошо известны нашим постоянным клиентам: страхование детей к совершеннолетию, страхование к бракосочетанию — по нашим многолетним наблюдениям этот вид страховки пользуется большой популярностью у населения. Ведь, помимо свадебного подарка, ребенок на весь период действия договора застрахован от различных неблагоприятных событий. Рекомендуем этот вид страхования бабушкам и дедушкам, возраст которых на момент совершеннолетия внука или внучки не превышает 75 лет. Даже если они и прекратят уплату взносов в связи с событиями, предусмотренными Правилами, договор будет действовать до конца срока страхования в полной страховой сумме, которую получит застрахованный ребенок.

34

Но вот письмо: «Сыниска в самом начале

ОБ ИНФЛЯЦИИ, 1-М «А» КЛАССЕ И...



учебного года пришел из школы и сказал, что их 1-й «А» класс с сегодняшнего дня застрахован, — пишет Ш. Железникова из Москвы. — Нам, взрослым, ничего на родительском собрании не говорили, и я подумала, что снова в школе какие-то «поборы». Но денег с меня никто и не спрашивал... Но могли бы хоть согласия спросить! Я вообще против всяких страховок. Мне кажется, если заключишь договор, обязательно что-нибудь случится...»

Прежде чем подробно разобрать ситуацию с 1-м «А», скажу об очень важном, на мой взгляд, обстоятельстве — об отсутствии в нашем обществе страховой культуры. Да, есть и такая, и она тоже часть общей культуры человека. На Западе любой человек, у которого нет страхового полиса, вызывает в лучшем случае недоумение. А у нас люди порой не знают элементарных вещей. Ну вот едет, к примеру, человек в поезде, в отпуск, к морю. Кто-то нажал на стоп-кран, поезд резко затормозил, и упал наш отпускник с верхней полки. Ему же в голову не придет по поводу своей травмы обратиться в Госстрах! А ведь в стоимости каждого билета входит и страховой платеж. Когда в прошлом году случилась памятная всем башкирская трагедия, работники правления Госстраха сами поехали в Уфу, на место происшествия, и всем так или иначе пострадавшим пассажирам или их родственникам были выплачены деньги, в общей сложности 900 тыс. рублей... По этому поводу хочу добавить, что сейчас рассматривается вопрос об увеличении в несколько раз размеров

выплат по этому виду страхования без изменения страхового платежа.

А теперь о 1-м «А» классе. У нас есть новая форма работы — страхование школьников от несчастных случаев сроком на один год. Оно проводится прямо в школах с 1 сентября по 30 ноября. В эти три месяца считаются застрахованными — причем без уплаты взносов! — ученики первых классов и те дети, в пользу которых были заключены договоры в предшествующем учебном году. Потому-то у мамы, которая «против всяких страховок», никто и не попросил денег... Или вот еще по какой причине: в «школьном» виде страхования могут принять участие производственные коллективы — к примеру, шефы этой школы. Или сама школьная администрация оформит такую страховку за счет средств, заработанных школьниками, например, на сельхозработках. В остальных случаях школьники будут считаться застрахованными после уплаты страхового платежа в размере двух рублей.

«Всю жизнь проработала на производстве. Скоро на пенсию, так хочется отдохнуть, да только радости нет, пенсия «светит» маленькая, как жить, все дорожает? Слышала, что можно застраховаться и получить к пенсии какую-то прибавку. Так ли это? И как это сделать?»

Мария Егоровна Часовая,
г. Смоленск».

Вы совершенно правы, Мария Егоровна. Уже три года действуют Правила добровольного страхования дополнительной пенсией для рабочих, служащих и колхозников. Мужчины могут заключить такой договор в возрасте от 25 до 65 лет, женщины, начиная с двадцатилетнего возраста и до 60 лет включительно. И только в свою пользу. В инспекции Госстраха по месту работы вам, Мария Егоровна, надо написать заявление. Удержание взносов из вашей зарплаты будет производить бухгалтерия вашего предприятия. По решению трудового коллектива страховые платежи по этому виду страхования могут уплачиваться и за счет средств самого предприятия. По окончании срока страхования дополнительная пенсия будет вам выплачиваться пожизненно. Отличительная особенность этого вида страхования в том, что вами будет внесена в Госстрах только половина средств, предназначенных к выплате дополнительной пенсии, вторая же часть будет выплачиваться за счет средств Государственного бюджета.

«Я заканчиваю уплату взносов по договору страхования к бракосочетанию своего сына и прочитала в страховом свидетельстве, что после окончания срока договора деньги может получить только сын. А я бы не хотела этого. Считаю, что это не совсем правильно.

Ирина Сергеевна Толчаева,
г. Саратов».

Да, Ирина Сергеевна, в свидетельстве так указано. Однако уже более года в Правила страхования внесены изменения, и после окончания срока страхования вы можете сами получить страховую сумму. Такие же изменения внесены и в условия страхования детей к совершеннолетию.

Вот такие письма-отклики. Есть и много обоснованных претензий к нам. Конечно, они не останутся без внимания. И все-таки, как показывает анализ всего потока писем, подавляющая их часть вызвана незнанием условий страхования. И в связи с этим просьба к читателям журнала: заключая договор страхования, тщательно ознакомьтесь с Правилами, которые имеются у страхового агента и в инспекции Госстраха по месту жительства (работы).

Владимир ГУСЕВ,
заместитель председателя правления
Госстраха РСФСР



Рис 1. Реклама услуг Госстраха в журнале «Работница», 1991 год.

страхования, каждая компания нуждалась в инструментах привлечения клиентов и увеличения объема продаж услуг страхования.

Из-за новых условий многополярного рынка страховых услуг, компании пришлось вступить в жесткую конкуренцию с многочисленными частными и экзотическими страховщиками. При этом вся методология и технология работы были взяты из прошлого опыта Госстраха. Следуя законодательным нормам, Росгосстрах начинает конкурентную борьбу с сотнями компаний, зачастую занимавшихся не страхованием, а псевдострахованием, подразумевавшим уход от налогов и вывод средств во внебюджетные фонды.

Согласно материалам интервью Н.Ф. Галагузы, доля собранной Госстрах страховой премии от ВВП в 1990 году составляла 3,6% [5]. Что интересно, основную долю премии составляло страхование жизни, обязательное страхование имущества колхозов и совхозов и обязательное окладное страхование в хозяйствах граждан. Из общего числа услуг добровольных видов было немного: страхование домашнего имущества, строений, страхование от несчастных случаев, автокаско и комбинированное со страхованием от несчастных случаев.

Немалую роль сыграли и каналы продаж. Канал продаж является способом коммуникации страховой компании с клиентом. Существуют два типа каналов продаж: прямые и посреднические. Прямые продажи осуществляются сотрудниками страховых компаний, в том числе посредством почтовой рассылки.

Согласно исследованиям, наибольшие продажи обеспечивают страховые агенты, на втором месте по эффективности банки и другие кредитные организации [6].

Если точно рассматривать каждый канал продаж страховой услуги, то наиболее эффективной является реклама в прессе, листовки и брошюры. Как на рассматриваемый период, так и на текущий момент. Это, в том числе, подтверждается материалами сайта музея Росгосстраха, где размещены плакаты, календари, брошюры. На представленных визуальных материалах выявляется основная тенденция презентации продукта в виде того, что доступно разным слоям населения. Причем, основной упор был сделан, по нашему мнению, на изображение обеспеченных граждан.

Отсюда следует вывод, что страхование, в представлении сотрудников маркетингового отдела Росгосстраха, является способом обеспечения стабильной жизни и в целом благополучия. В рекламе еще периода Госстраха 1991 г. приведен пример того, что при страховом событии была бы не только страховая выплата, но и затем выплата в конце всей страховой суммы. Страховые вы-

платы, согласно рекламе, превышали размер страховых премий. Также прорабатывалась идея выплат застрахованным для минимизации потерь от инфляции.

И действительно, ряд типов страховых продуктов получили широкое распространение. В 1990-х наибольшим спросом пользуются страхование жизни, детей, имущества и автомобилей. Активно обсуждались разные виды страхования и в прессе [3].

Не только за счет традиционных рекламных макетов, но и статей, интервью с руководителями и специалистами страховой компании, опросами успешных клиентов развивалось продвижение продуктов страховой компании. К примеру, реклама в формате «вопрос-ответ». Такие выдержки из журнала «Работница» приводятся на сайте музея Росгосстраха. Отметим, что такие статьи-рекламы посвящались основным услугам компании. К тому же такое отношение к подаче информации о продукте могла положительно повлиять на стабильность Росгосстраха. Что интересно, в одной такой статье могло быть уделено внимание нескольким типам страхования и нюансам оформления услуги, порядок выплат и страховые риски. А формат вопрос-ответ мог стать не плохим способом имитации живого общения между страховщиком и клиентом напрямую (рис 1).

В части рекламы много внимания уделялось визуальной составляющей, отображалось благополучие застрахованных лиц. К примеру, в статье-рекламе, посвященной страхованию детей, было аргументировано необходимость в страховании ввиду сложной экономической ситуации. Страхование детей к совершеннолетию, к бракосочетанию - популярный вид страхования на 1991 г, согласно статье в «Работнице». Также такой вид страхования затрагивал и интересы бабушек и дедушек не старше 75. Также продвигалось страхование школьников от несчастных случаев сроком на 1 год. Страхование действовало с сентября по ноябрь без уплаты страхового взноса. Также было страхование пенсии для рабочих, служащих и колхозников. Удержание взносов из заработной платы производится бухгалтерией предприятия. А по решению трудового коллектива страховые платежи по этому виду страхования могли выплачиваться за счет средств предприятия.

По итогам 1993 г. компания заняла 6 место по объемам страховых взносов. Однако, все еще оставалась актуальной проблема выплат по долгам ликвидированного Госстраха. Общий долг по 52,5 млн договоров накопительного страхования жизни составил 29,5 млрд рублей.

Предыдущие изменения, однако, не стали гарантией от кризиса компании. Из-за кризисов 1996 и 1998 гг. крупные компании жестко конкурировали между собой,

а «Росгосстрах» был на грани ликвидации. Департаментом страхового надзора Минфина, регулирующего деятельность страховщиков, рассматривался вопрос об отзыве лицензии.

Единственное, что спасло компанию - количество сотрудников, составлявшее порядка 100000 человек. Чиновники опасались социального взрыва и дальнейшего погружения в кризис.

С приходом нового руководства в 1998 г., в структуре Росгосстраха начались значительные преобразования. Дочерние компании, которых, как было упомянуто выше, было порядка 80, были реформированы в фили-

алы, а в качестве основных направлений страхования были выделены четыре — страхование жизни, добровольное медицинское страхование, страхование технических рисков и массовые продукты [1].

Таким образом, как можно заметить, наличие государственного участия и активное применение новых инструментов, а также периодическая ротация кадров в административном секторе компании помогает восстановлению фирмы. А следование основным тенденциям времени действительно помогло стать компании частью страхового сектора российской экономики на долгие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал Forbes [сайт]URL:<https://www.forbes.ru/sobytiya/kompanii/78304-kak-ros-gosstrah> (обращения: 29.05.2024)
2. Комсомольская правда [сайт. URL:]<https://www.kp.ru/best/msk/brand/about-brands/rgs/> (дата обращения 06.09.2024)
3. Музей Росгосстраха [сайт]URL:<https://rgsmuseum.ru/periods/1990> (обращения: 29.05.2024)
4. РИА Новости [сайт] URL: <https://ria.ru/20211006/rosgosstrakh-100-1752163477.html> (дата обращения: 06.09.2024)
5. Страхование сегодня [сайт]URL: <https://www.insur-info.ru/interviews/1451/>(дата обращения:06.09.2024)
6. Хамидуллина А.Б., Шарифьянова З.Ф. Страховая реклама в России - история, каналы, состояние // Инновационная наука. 2016. №2–2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovaya-reklama-v-rossii-istoriya-kanaly-sostoyanie> (дата обращения: 06.09.2024).

© Шпачук Наталья Юрьевна (shpachuchka@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-АКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

INFORMAL EDUCATION IN STUDENT
GOVERNMENT ORGANIZATIONS AS
A FACTOR IN THE FORMATION OF A
SOCIAALLY ACTIVE PERSONALITY OF
STUDENTS AND THEIR PROFESSIONAL
AND SUPRA-PROFESSIONAL
COMPETENCIES

V. Abraukhova
A. Khvostov

Summary: The article deals with the problem of implementing the tasks of the state youth policy and the higher education system. Student self-government bodies contribute to the development of a socially active personality among students with an active civic position, professional and supra-professional competencies. However, the result of the research works of domestic authors do not allow us to draw an unambiguous conclusion about how, within the framework of the activities of student self-government bodies, students form an active civic position and the process of acquiring appropriate competencies takes place. The hypothesis put forward in this paper is that in order to realize their functions and achieve their goals, there is a system of informal education in student government organizations to train their representatives. The purpose of this article is to study the role of student self-government in the formation of a socially adapted personality with an active life.

Keywords: higher education, student self-government, non-formal education, informal education, socially active personality, professional competencies, supra-professional competencies, students, students, student trade union organization, student self-government bodies, representative bodies of students.

Абраухова Валентина Владимировна

доктор педагогических наук, профессор, заведующий
кафедрой, Донской государственной технической
университет, (г. Ростов-на-Дону)
childrenpalace@mail.ru

Хвостов Антон Геннадьевич

Аспирант, Донской государственной технической
университет, (г. Ростов-на-Дону)
followkhvostov@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема реализации задач государственной молодежной политики и системы высшего образования. Создание системы студенческого самоуправления в образовательных учреждениях позволяет развивать у обучающихся активную гражданскую позицию, профессиональными и надпрофессиональными компетенциями. Однако результаты научно-исследовательских работ отечественных авторов не позволяют сделать однозначный вывод о том, каким образом в рамках деятельности органов студенческого самоуправления у студентов формируется активная гражданская позиция и происходит процесс приобретения соответствующих компетенций. Гипотеза, выдвигаемая в данной работе, заключается в том, что организации студенческого самоуправления нуждаются в целенаправленном обучении мягким навыкам и реализации наделяемых функций. Эффективной формой такого обучения выступает существует система неформального обучения. Целью данной статьи является исследование роли студенческого самоуправления в формировании социально-адаптированной личности с активной жизненной и гражданской позицией с целью развития социальной активности обучающихся. В результате исследования доказана эффективность применения системы неформального образования как формы организации обучения органов студенческого самоуправления и представительных органов обучающихся, посредством которых формируются профессиональные компетенции и социально-активные позиции студентов образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, студенческое самоуправление, неформальное образование, неформальное обучение, социально-активная личность, профессиональные компетенции, надпрофессиональные компетенции, обучающиеся, студенты, студенческая профсоюзная организация, органы студенческого самоуправления, представительные органы обучающихся.

Введение

Высшие учебные заведения формируют элиту страны. Работодатели хотят видеть специалистов решительных, уверенных, способных самостоятельно решать не только производственные, но и социально-

коммуникационные задачи. Для этого необходимо совершенствовать «систему демократических институтов и создание эффективных механизмов право применения. Политика государства будет ориентирована на расширение свободы предпринимательства, обеспечение эффективности системы государственного управления,

поддержание социальной справедливости [1].

В ходе работы было исследовано явление «студенческое самоуправление», история возникновения и развития, а также выведен в ходе контент-анализа собственный термин и определены задачи, функции и принципы, что отразило теоретическую значимость. Нами было проведено социологическое исследование, целью которого является эмпирическая проверка и уточнение утверждения о том, что участие в деятельности студенческого самоуправления имеет эффективное влияние на социальную и гражданскую активность обучающихся. Также была разработана программа по пополнению у обучающихся знаний своих гражданских прав и возможностей с целью повышения их социальной активности. В статье решались следующие задачи: исследование явления студенческого самоуправления с анализом истории формирования и развития, а также определением его сущности, задач, функций и принципов; анализ взаимосвязи участия в студенческом самоуправлении обучающихся на примере Донского государственного технического университета. Научная новизна заключается в исследовании бенефициаров студенческого самоуправления, их влияния на социальную активность обучающихся в конкретном учебном заведении. Практическая значимость же состоит в определении уровня социальной и гражданской активности обучающихся и формировании педагогических рекомендаций по его повышению в рамках работы органов студенческого самоуправления. По последним статистическим отчетам сейчас в нашей стране насчитывается около 180 тысяч образовательных организаций, из них 107 тысяч – государственные. Регулирует систему образования отраслевой принцип. Из закона ФЗ-273 следует, что процесс образования направлен на освоение профессиональных компетенций и развитие культурных и научных ценностей общества [2]. Современные стандарты образования включают в себя не только обучение профессиональным компетенциям, но и комплексное развитие личности обучающихся, в том числе «надпрофессиональные», «гибкие» или «мягкие» навыки. По мнению Надточий А.А. и Лунькова В.Ю., представляет собой совокупность условий, необходимых личности для успешного развития [3]. Молодежные организации вузов решают многосторонние задачи. По мнению Шмуленкова А.С. они представляют собой «негосударственные добровольные объединения граждан в возрасте от 14 до 30 лет, созданные на основе совместных интересов и целей» [4].

У студенческого самоуправления очень богатая история: до революции он представлял собой демократический институт руководства вузами. Но уже в 1919 году, Наркомпрос одним из своих постановлений прекратил существование и деятельность данного демократического, института. Вместе с этим, следующий пункт постановления увеличил количество представителей

студенчества в органах управления вузами, так в университетских советах это цифра составляла треть от общего количества, а в президиумах – 50 процентов. Однако, демократические подходы к выборности членов студенческого самоуправления искоренялись распорядительными вводными. В документе было указано, что данные места в руководящих органах университетов следует предоставить студенческим объединениям Российской коммунистической партии большевиков (далее РКП(б)), а все кандидатуры предварительно согласовывать в отделе вузов Народного комиссариата просвещения (далее НКП). Причиной данных действий Наркомпроса служили антисоветские настроения. Таким образом, события, произошедшие в начале революционных процессов, предполагающих изменение в системе управления вузами и интеграции в руководящие органы представителей студенчества, дальше не получили никакого развития. В 1920 году при комсомольских организациях начинают создаваться студенческие секции на местах, которые объединяли студентов-коммунистов, обучающихся в высших учебных заведениях. В 1922 году перед студентами коммунистами впервые поставили цели их деятельности в высших учебных заведениях, до этого времени они действовали согласно общепартийным. Государство в реализации своей политики опиралось на комсомольские и партийные ячейки, которые формировали внеучебную деятельность студенческих объединений с помощью создания клубов, секций и кружков. Данная сфера их деятельности пересекалась с деятельностью недавно образованных студенческих профсоюзов. С 40-х годов налаживается работа студенческих научных кружков и других объединений, пропагандирующих науку среди молодежи, а уже к началу 1950-х годов научные студенческие объединения осуществляли свою деятельность в более чем 150 образовательных учреждениях по всей стране, а в их работу было вовлечено около 50 тысяч студентов. Стоит отметить, что некоторые студенты включались в работу научных обществ не ради новых знаний и навыков, а из-за возможности обсуждения в узком кругу новостей, политической ситуации и т. п. Данный факт является аргументацией того, почему многие общественные и политические деятели того времени были учеными и научными деятелями. Помимо науки большое внимание государство уделяло социальной адаптации молодежи, в том числе студентов, и ее трудовому воспитанию. Таким образом 1959 год стал отправной точкой одного из самых массовых молодежных движений в СССР. Если первую часть данного периода можно охарактеризовать как развитие спонтанного гражданского, в частности и студенческого, самоуправления, то во второй половине меняются понятия и цели работы органов ССУ, так как государство предпринимает действия для придания студенческому самоуправлению нужных ему функций с очередным изменением политического строя. У студенческого самоуправления возникают новые функции, а именно воспитательная и со-

циально-правозащитная, последнюю из которых почти полностью взяли на себя Профсоюзы. Эту историческую стадию функционирования студенческого самоуправления необходимо рассматривать как многогранную, ведь именно в это время появляются и развиваются новые формы студенческого самоуправления и общественные организации. В это время предпринимаются новые попытки систематизации и официального признания студенческого самоуправления, так как разрабатываются федеральные законы и иные документы, которые регламентируют деятельность органов ССУ [5].

Студенческое самоуправление прошло долгий путь своего становления в структуре исторического развития России. На текущий момент представители студенческого самоуправления выполняют задачи по социальной защите молодежи и развитию реального сектора экономики, что отмечает в своих научных работах следующие отечественные исследователи: Павлова С.М., Киреева О.А., Вартамян А.С., Воробьев В.П., Гуничева Е.Л., Попова В.И., Чичиль Н.С. Также данные исследователи уделяют в своих работах отдельное внимание тому, что органы студенческого самоуправления помогают студентам развивать навыки социализации и активно проявлять свою общественную позицию, а также приобретать различные профессиональными компетенциями и развивать свои лидерские способности и мягкие навыки.

Методика проведения исследования

В ходе нашего исследования были использованы различные методы сбора данных, включая: метод анкетирования — метод анкетирования заключался в том, что мы составили опросный лист, который позволил нам установить качественный анализ исследуемого контингента; метод опроса — при использовании метода опроса была задана конкретная тема, которая позволила выявить уровень освоенности данного материала; метод научного анализа существующей литературы; метод научного синтеза и обобщения; метод сравнительного анализа; общенаучный статистический метод, классификация, абстрагирование, формализация (визуализация), конкретизация, аналогия. Эти методы позволили нам собрать обширный и разнообразный материал, который был проанализирован и интерпретирован для достижения целей исследования.

С целью исследования влияния органов студенческого самоуправления и представительных органов обучающихся на формирования социально-активной личности у обучающихся вузов был произведен сравнительный анализ существующей научной литературы по данной тематике следующих авторов: Надточий А.А., Луньков В.Ю., Шмуленкова А.С., Павлова С.М., Киреева О.А., Вартамян А.С., Воробьев В.П., Гуничева Е.Л., Попова В.И., Чичиль Н.С., сформирована таблица кон-

тент-анализа данного понятия, а также сформулировано собственное понятие студенческого самоуправления в существующей системе высшего образования и с опорой на актуальные нормативные акты в области образования и молодежной политики. Большое влияние оказывает неформальное образование на формирование целостной социально-активной личности. Нами был произведен анализ научной литературы, в том числе зарубежных авторов (Ефимова Г.З., Зюбан Е.В., Кичерова М.Н., Муслимова Е.О., Попова И.С., Скрынник И.К., Ainsworth H.L., Eaton S.E., Souto-Otero M.), и нормативно-правовых актов Российской Федерации, подтверждающих актуальность данного вопроса. Был произведен анализ данной литературы с точки зрения подтверждения следующих аспектов: что в новые формы получения образования как неформальное обучение вовлечены в основном представители молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, студенты вузов; существует взаимосвязь формального и неформального обучения с указанием на наличие различий между ними, но тем менее отмечая необходимость наличия всех видов [6].

В ходе работы над исследованием была произведена характеристика неформального образования в органах студенческого самоуправления и роль инициативности и социальной-активности обучающихся в создании специально организованного процесса постоянного обучения. В завершении был произведен синтез полученных данных с целью формирования результатов данного исследования и создания плана последующей перспективы работы по данной научно-исследовательской тематике.

В ходе работы над исследованием было описано собственное видение явления «студенческого самоуправления». В результате анализа федеральных законов, действующих НПА и научных работ других авторов, сформирован смысл данного явления ССУ как созданное по инициативе студентов и ими же управляемое студенческое объединение [5].

Результаты исследования

Результатом проведенного исследования является формирование собственного понятия студенческого самоуправления и подтверждено его влияние на формирование социально-активной личности обучающихся, а также профессиональных и надпрофессиональных компетенций в результате деятельности студентов в органах студенческого самоуправления и представительных органах обучающихся.

В данной работе установлено, что для эффективной реализации задач в рамках деятельности органов студенческого самоуправления и представительных органов обучающихся должна быть разработана система

неформального обучения студентов университетов. В рамках данной работы была доказана необходимость комплексного изучения системы неформального образования в организациях студенческого самоуправления и представительных органов обучающихся как средства формирования профессиональных компетенций и социально-активной позиции студентов образовательных организаций высшего образования на примере конкретного органа студенческого самоуправления, а именно студенческой профсоюзной организации, как наиболее распространенного и легитимного органа студенческого самоуправления.

Обсуждение результатов

В ходе работы над исследованием было изложено собственное определение явления «студенческого самоуправления», которое характеризуется как студенческое объединение, которое создано и управляется самими студентами и берет на себя задачи по регуляции деятельности образовательной организации высшего образования по различным аспектам, а также развивает у студентов навыки социализации и коммуникации, способствует формированию у обучающихся активной общественной позиции и профессиональных компетенций [5]. Данное определено было сформулировано на основании исследования соответствующих нормативно-правовых актов и определений в существующей научной литературы, отраженных в сформированном контент-анализе. (Таб. 1.)

На основе контент-анализа определения «студенческое самоуправление» можно сделать выводы, что студенческое самоуправление является не только способом организации самостоятельной деятельности студентов, но и коллегиальным органом управления, а также способом организации внеучебной деятельности обучающихся, способствующего развитию социально-активной личности обучающихся с активной гражданской позицией.

В результате исследования работ, посвященных описанию развития исторических этапов функционирования органов студенческого самоуправления в России, можно сделать следующие выводы, что с очередным изменением политическое строя в конце XX века, у студенческого самоуправления возникают новые функции, а именно воспитательная и социально-правозащитная, последнюю из которых почти полностью взяли на себя Профсоюзы. Современный этап развития студенческого самоуправления можно охарактеризовать как мульти-организационный, так как существует множество различных форм студенческих общественных объединений и организаций. Стоит отметить, что за последние 10 лет происходит легитимация – появление соответствующих нормативных актов и законов, на основании которых можно сформировать классификацию органов студенческого самоуправления в образовательных организациях высшего образования. (Рис. 1.)

Профсоюзные организации студентов являются наиболее распространенной на территории РФ формой студенческого самоуправления – это более 200 организаций с численностью почти 1,4 млн обучающихся, которые также обладают высокой легитимностью благодаря наличию факта вступления в организацию на основании личного письменного заявления студента.

В большинстве своем, студенческие организации являются некоммерческими организациями и их основное отличие в соответствии с ФЗ №7 «О некоммерческих организациях» в том, что у них отсутствует цель привлечения прибыли. В данных общественных объединениях студенты приобретают соответствующие профессиональные компетенции и опыт, где создаются площадки для образования межличностных связей, способствующих их эффективной социализации.

В данный момент времени неформальное обучение разных слоев общества с точки зрения социального

Таблица 1.

Контент-анализ определения «студенческое самоуправление».

Автор	определение «студенческое самоуправление»
Киреева О.А.	Особая форма организации самостоятельной деятельности учащейся молодежи, представляющая ее субъектам возможность развивать свои организаторские и профессиональные навыки, проецировать их на современный социум не только в рамках воспитательного пространства вуза, но и за его пределами
Попова В.И.	Самостоятельная общественная деятельность студентов по реализации функций управления вузом, которая определяется ими и осуществляется в соответствии с целями и задачами, стоящими перед студенческими коллективами
Гуничева Е.Л.	Реальное и активное участие всех студентов в принятии и реализации решений для достижения общественно значимых целей
Воробьев В.П.	Институт, призванный способствовать воспитанию патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением
Чичиль Н.С.	Коллегиальный орган управления образовательной организации, формируется по инициативе обучающихся с учетом их мнения по вопросам управления образовательной организацией
Вартанян А.С.	Самостоятельная деятельность студентов



Рис. 1. Схема классификации представительных органов обучающихся и студенческого самоуправления

статуса и возраста получает новый виток развития. Актуальность развития неформального обучения как неотъемлемой части современной системы образования в нашей стране основывается на федеральных нормативно-правовых актах: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [7], Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [8], Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [9], Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года [10]. Во многих зарубежных странах реализуются механизмы аттестации и верификации результатов неформального образования. В нашей стране это направление развивается, что будет способствовать развитию неформального обучения и образования в течение всей жизни.

Современными способами получения знаний и опыта, отличных от традиционного образования, пользуются молодые люди. В исследованиях, посвященном связи формального и неформального обучения, проводится глубокий анализ признания неформального образования в Европе [6]. Исследования основаны на изучении базовых проблем, возникающих в рамках высшего образования в странах Европейского союза [11]. Анализ исследования обучения взрослых на протяжении всей жизни, позволяет сделать вывод, что на текущий момент возрастает необходимость регулярно использовать неформальное обучение. Работы зарубежных авторов подтверждают влияние межличностных связей на неформальное обучение, и его соответствующего вклада в систему высшего образования [12]. В системе неформального обучения субъектом процесса становится сам обучающийся и приобретение компетенций и опыта соответствует его запросу, т. е. запрос формируется снизу вверх и часто является неорганизованным процессом. Основой данного утверждения является гипотеза о том, что неформальное образование является либеральной гуманистической моделью, что позволяет приобретать соответствующие ценности и компетенции.

Доказано, что формирование связей и условий с целью приобретения опыта и компетенций в разных сферах деятельности человека являются актуальным для современного этапа развития общества. Исходя из этого

неформальное обучение становится эффективной и целесообразной с экономической точки зрения системой получения профессиональных и надпрофессиональных компетенций и соответствующего опыта. Отечественные авторы акцентируют внимание на возрастающую мотивацию студентов, систематизацию и целеполагание, а также осознанность данного типа обучения, обладающего определенной приспособляемостью с целью соответствия потребностям и ожиданиям студентов [12]. Неформальное обучение становится решением определенных проблем процесса обучения в системе высшего образования как фактор социального взаимодействия в процессе получения образования. При взаимодействии в системе неформального обучения применяются разные современные образовательные формы и методы. Неформальное обучение на текущем этапе развития имеет большой потенциал для самостоятельного развития в организациях студенческого самоуправления, однако анализ научной литературы показывает, что на данный момент в России отсутствует единая система неформального образования, которая отвечала бы запросам общества и принципа «обучения на протяжении всей жизни» [13]. Таким образом, формирование условий для эффективного обучения на протяжении всей жизни отвечает на запросы системы высшего образования и рынка труда, так как снижает расходы на обучения.

С целью реализации своих функций и достижения поставленных целей в организациях студенческого самоуправления существует огромная система неформального обучения с целью передачи знаний, опыта и формирования соответствующих компетенций, в том числе и профессиональных. Студенческое самоуправление как активная форма организации жизни студентов может быть представлено как гибкая и подвижная форма реагирования на запросы снизу, а также фактор личностного и профессионального становления будущего специалиста.

Студенческое самоуправление не является застывшей формой и требует включения в свою структуры востребованных направлений неформального образования. (Рис. 2.)

Неформальное обучение студентов, задействованных в работе представительных органах обучающихся,

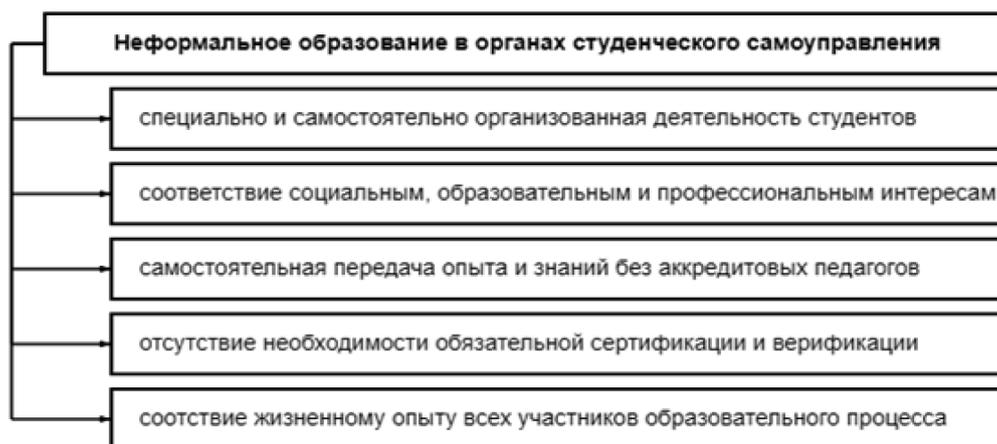


Рис. 2. Характеристика неформального образования в органах студенческого самоуправления

представляет собой специально и самостоятельно организованную деятельность студентов, которая соответствует их социальным, образовательным и профессиональным интересам с передачей знаний и опыта без аккредитованных педагогов и нацеленное на формирование побуждения к дальнейшему самостоятельному и непрерывному обучению будущих квалифицированных кадров [14]. Инициативности студентов уделяется особое внимание в системе неформального обучения, так как она является специально организованным процессом постоянного роста осознанности студентов в процессе неформального образования в органах студенческого самоуправления, в ходе которого процесс обучения базируется на социальной активности студента, что способствует формированию социально-активной личности обучающегося.

Выводы

Деятельность в рамках студенческого самоуправления влияет на формирование социально-активной личности обучающихся, а также профессиональных и надпрофессиональных компетенций, что достигается

благодаря наличию системы неформального образования в данных организациях, которая организуется с целью реализации задач и достижения целей данных объединений. В результате исследования доказана необходимость комплексного изучения системы неформального образования в организациях студенческого самоуправления как средства формирования профессиональных компетенций и социально-активной позиции студентов.

Заключение

Данная тема имеет долгосрочные перспективы развития, так как неформальное образование берет на себя компенсаторную функцию формирования необходимых компетенций путем дополнения на основе реализации краткосрочных программ. Будущие исследования по рассматриваемой тематике также актуальны в целях постоянной и обоснованной модернизации неформального обучения и решения актуальной проблематики. Результаты данного исследования помимо возможного использования для будущих исследований, а также могут быть применены на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 28.09.2018) «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Правительство РФ.
2. Российская Федерация. Законы. «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон №273-ФЗ: принят Госдумой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.
3. Надточий А.П., Луньков В.Ю. Формирование образовательной среды: научная статья. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obrazovatelnoy-sredy/viewer>
4. Шмуленкова А.С. Роль молодежных общественных организаций в управлении регионом: научная статья. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/295/66880/?ysclid=lv85k0zmkp314228928>.
5. Гетаова Н.Р. Студенческое самоуправление. Анализ развития данного явления в России / Гетаова Н.Р., Хвостов А.Г. // науч.ж. «Вопросы педагогики» – 2020 – 12 – С. 77-81.
6. Ainsworth H.L., Eaton S.E. Formal, Non-formal and Informal Learning in the Sciences [Электронный ресурс]. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED511414.pdf>
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства

- Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
8. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.
 9. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/documents/download/348>
 10. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095
 11. Souto-Otero M. Evaluating European Education Policy-Making. Privatization, Networks, and the European Commission. DOI: 10.1007/978-1-137-28798-4
 12. Ефимова Г.З., Зюбан Е.В., Кичерова М.Н., Муслимова Е.О. Парадоксы неформального образования студенческой молодежи // ИТС. 2019. №2 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-neformalnogo-obrazovaniya-studencheskoy-molodezhi>
 13. Попова И.С. Развитие инициативности студентов в условиях неформального образования в некоммерческой организации. Автореферат диссертации: к.п.н., – Челябинск, 2011. – 27 с.
 14. Скрынник И.К. Неформальное образование как средство повышения эффективности деятельности некоммерческих организаций. Автореферат диссертации: к.п.н., – Ставрополь, 2006. – 22 с.
 15. Abraukhova V., Tahir Tavukcu, Kalimullin A.M., Litvinov A.V., Shindryaeva N.N., Abdikeev N. M. Анализ статей об образовании и обучающих технологиях. International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET). - 2020. - Vol. 15, No. 23. - P. 108-120. - URL: <https://online-journals.org/index.php/i-jet/article/view/18803>.

© Абраухова Валентина Владимировна (childrenpalace@mail.ru), Хвостов Антон Геннадьевич (followkhvostov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ИНЖЕНЕРНАЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА» В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Борисова Ольга Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент, Московский
технический университет связи и информатики
o.a.borisova@mtuci.ru

"ENGINEERING AND COMPUTER GRAPHICS" IN A TECHNICAL UNIVERSITY AT THE PRESENT STAGE

O. Borisova

Summary: The article is devoted to the problem of teaching the discipline "Engineering and Computer Graphics" in a technical university at the present stage. The relevance of the topic is since there are a number of problems associated with software and equipment for the educational process in the context of sanctions restrictions, as well as the dynamics of changes in the labor market and employers' requirements. Universities are forced to adapt to environmental conditions, adjust programs. Particular attention is paid to disciplines related to engineering and computer content. The discipline "Computer and Engineering Graphics" develops basic theoretical knowledge in the field of computer technologies in the field of engineering, industrial application software, graphic image processing, construction, and management. Highly technical specialists - university graduates - have professional competencies and are in demand in the labor market. Digital and computer technologies in modern conditions are the basis of industrial and manufacturing industries.

Keywords: engineering and computer graphics, educational process, content of the discipline, problems and solutions, labor market.

Аннотация: Статья посвящена проблеме преподавания дисциплины «Инженерная и компьютерная графика» в техническом вузе на современном этапе. Актуальность темы обусловлена тем, что существует ряд проблем, связанных с программным обеспечением и оснащением образовательного процесса в условиях санкционных ограничений, а также динамикой изменений на рынке труда и требований работодателей. Вузы вынуждены адаптироваться к условиям среды, корректировать программы. Особое внимание уделяется дисциплинам, связанным с инженерно-компьютерным содержанием. Дисциплина «Компьютерная и инженерная графика» развивает базовые теоретические знания в области компьютерных технологий сферы инженерии, промышленного прикладного программного обеспечения, обработки графических изображений, строительства и управления. Высокотехнические специалисты – выпускники вузов – обладают профессиональными компетенциями и востребованы на рынке труда. Цифровые и компьютерные технологии в условиях современности лежат в основе промышленной и производственной отраслей.

Ключевые слова: инженерная и компьютерная графика, образовательный процесс, содержание дисциплины, проблемы и пути решения, рынок труда.

Введение

Система высшего образования в России непрерывно реформируется, то сказывается как на содержании образовательного процесса, так и формах и методах преподавания. Дисциплина «Инженерная и компьютерная графика» входит в учебные планы практически всех специальностей технической направленности. Но существует ряд проблем, связанных с ее преподаванием. Рассмотрим основные из них. Курс «Компьютерная графика» - использование вычислительной техники для создания графических изображений, их отображения различными средствами и манипулирования ими, то есть создание компьютерного (цифрового) изображения с помощью компьютерной программы. В курсе дисциплины изучаются следующие разделы: система САПР; способы представления изображений: растровое, векторное; представление цвета и цветовые модели; графические форматы файлов; аппаратные и программные средства машинной графики; трехмерное моделирование. Дисциплина является достаточно сложной для освоения, содержит большое количество часов, отведенных практической работе [4].

Материал и методы исследования

В ходе исследования были применены методы анализа, синтеза и обобщения.

Результаты и обсуждения

Первая проблема – это разный уровень довузовской подготовки студентов. При поступлении на обучение в вуз действует рейтинговая система – ЕГЭ. Но абитуриенты, имеющие диплом о среднем профессиональном образовании, поступают на основании результата экзаменов вуза. Как правило, это студенты, уже имеющие техническую специальность или профессию. В колледже или техникуме, в рамках учебного плана, они осваивали подобную дисциплину. Соответственно, обладают определенным багажом теоретических знаний и практических компетенций в области инженерной и компьютерной графики. Студенты, поступившие в вуз после 11 класса, не имеют представления о данной дисциплине и ее содержании. Но в группе они одной, соответственно, преподавателю приходится при подаче материала ориентироваться на разный уровень подготовки студентов.

От исходного уровня сформированности компетенций зависит динамика их дальнейшего развития [10].

Вторая актуальная проблема – это санкционные ограничения как фактор программного обеспечения. Для российских вузов стало невозможным обеспечить программное и операционное функционирование компьютерной техники. Российские версии еще недостаточно высокотехнологичны, проходят апробацию и доработку. Все это затрудняет и замедляет образовательный процесс, вынуждает вносить в него изменения и корректировки [7].

Третья проблема связана с методическим обеспечением образовательного процесса по дисциплине «Инженерная и компьютерная графика». Меняются технологии, совершенствуется производственная и промышленная сфера, при этом содержание учебного курса должно следовать программе, учебному плану. Есть острая необходимость в учебно-методических и практических пособиях, отвечающих современным требованиям и реалиям. В настоящее время их выпуск не синхронизирован с динамикой развития в сфере инженерии.

Проблемы, существующие в нынешнем университетском преподавании, включают также методы обучения: лекции, читаемые преподавателями, лишённые реального диалога и интерактивного обсуждения, не могут адаптироваться к личностным особенностям и потребностям развития студентов, а также к проблемам, существующим в современной инженерной сфере. Кроме того, дисциплина «Инженерная и компьютерная графика» предполагают мелкогрупповое обучение. К сожалению, в виду технических и кадровых причин данное условие выполняется не во всех вузах. В результате теория преобладает над практикой, студенты не овладевают необходимыми практическими умениями. Эти проблемы не только влияют на опыт обучения студентов и результаты обучения, но и нарушают суть образования. Реформирование методов университетского преподавания с «монолога» на «диалог» и повышение качества преподавания стали насущной необходимостью текущей реформы.

Наиболее острая проблема связана с малым объемом часов, отведенных учебным планом на дисциплину. Объем курса достаточно большой, предполагает теорию и практику. Дисциплина «Инженерная и компьютерная графика» включена в обязательную часть блока дисциплин учебного плана (блок 1 индекс Б1.О.07). Дисциплина «Инженерная и компьютерная графика» реализуется в соответствии с требованиями ФГОС. Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетных единицы (72 часа, из них аудиторная работа 30 часов и СРС 42 часа). Процесс изучения дисциплины реализуется при очной форме обучения во 2 семестре. Промежуточная аттеста-

ция предусматривает зачет во 2 семестре [1].

В рамках отведенного времени преподаватели дают лишь ограниченную часть материала, хотя дисциплина имеет широкий спектр направлений для изучения. При изучении дисциплины «Инженерная и компьютерная графика» основополагающей целью является формирование представлений о системах ЕСКД и ЕСПД, умение оформлять и выполнять конструкторскую документацию. А также в рамках дисциплины необходимо изучить геометрическое черчение, основы начертательной геометрии (проекционное черчение) и разделы специального черчения, а также основы компьютерной графики - выполнения чертежей САПР, создание графических изображений в графических растровой, векторной и трехмерной графики. Значительную часть материала студенты осваивают в рамках самостоятельной работы. Но здесь важна мотивация и ответственность самих обучающихся.

Образовательные ресурсы играют жизненно важную роль в университетском образовании. Однако в действительности существует проблема неравномерного их распределения. Данная проблема касается материально-технического обеспечения, кадрового потенциала и контингента обучающихся. Некоторые университеты получили больше образовательных ресурсов по причине географического положения, исторического прошлого или политической поддержки. Такое неравномерное распределение ресурсов приводит к различиям в качестве образования и уровню подготовки будущих специалистов.

Целью университетского образования является воспитание квалифицированных кадров для общества, но на самом деле существует проблема, заключающаяся в том, что образовательная программа не соответствует рыночному спросу. Образовательная программа некоторых специальностей слишком теоретическая, ей не хватает практичности и инноваций, что затрудняет адаптацию выпускников к рынку труда. В то же время спрос на специалистов в некоторых отраслях до сих пор не может быть удовлетворен, что также отражает недостатки образовательной программы вузов.

Выводы

Таким образом, дисциплина «Инженерная и компьютерная графика» в современном вузе имеет ряд особенностей. Прежде всего, эти особенности, к сожалению, связаны с проблемами, которые возникают под воздействием внешних и внутренних факторов. В последние годы российское правительство усилило подготовку и оценку специалистов разного уровня на рынке труда, создавая и совершенствуя систему высшего профессионального образования, внедряя новые стандарты, а также модернизируя кадровую политику в системе об-

разования. Россия ввела ряд мер по содействию цифровой трансформации высшего образования: повышение цифровой грамотности педагогов, расширение возможностей цифрового обучения, комплексное развитие промышленности и образования, расширение возможностей цифровой трансформации промышленности. Эти меры способствуют ускорению в России оптимизации и модернизации высшего профессионального образования, а также развитию сотрудничества и совместного творчества в сфере промышленных технологий. Данным

тенденциям соответствует дисциплина «Инженерная и компьютерная графика».

В последние годы в целях реализации национальных образовательных стандартов Россия стала использовать университеты в качестве «кузницы кадров». Приоритет практических занятий, увеличение числа учебных и производственных практик, использование современных технологий позволяют готовить высококвалифицированных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич В.М. Методика и организация преподавания инженерной графики // Энергоресурсоэффективные экологически безопасные технологии и оборудование: сб. науч. трудов Междунар. науч.- техн. симпозиума «Вторые международные Косыгинские чтения», Москва, 29 октября 1 ноября, 2019 г. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. Т. 2. С. 245–249.
2. Буткарев А.Г., Земсков Б.Б. Инженерная и компьютерная графика. Учеб. - метод. пособие. СПб.: Университет ИТМО; ИХиБТ, 2015. 109 с.
3. Болбат О.Б., Шабалина Н. К. Проблемы высшего технического образования в области дисциплин графического цикла. Проблемы современного педагогического образования. Ялта. 2018. № 61–2. С. 87–91.
4. Егоренко М.П. Инженерная и компьютерная графика: сборник задач. Новосибирск: СГУГиТ, 2016. 52 с.
5. Ёлкин В.В., Тозик В.Т. Инженерная графика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 304 с.
6. Зеленый П. В. Анализ современного преподавания инженерной графики // Инновационные технологии в инженерной графике: проблемы и перспективы : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 26 апреля, 2022 г., Брест, Республика Беларусь / М-во образования Республики Беларусь, Брест. гос. техн. ун-т. Брест : Изд-во БрГТУ, 2022. С. 96–100.
7. Куров С.В. Образовательная безопасность в условиях санкций // Образование и право. 2022. № 8. С. 11—19.
8. Стасенко М.С. Компьютерные технологии в системе подготовки инженерных кадров // Молодой ученый. 2019. № 5 (243). С. 198–202.
9. Туркина Л.В. Реализация интерактивного подхода при выполнении практических заданий в курсе инженерной графической подготовки // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29656> (дата обращения: 05.09.2024).
10. Уваров А.С. Инженерная графика для конструкторов в AutoCAD. М.: ДМК Пресс. 2010. 400 с.

© Борисова Ольга Алексеевна (o.a.borisova@mtuci.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Евтушенко Светлана Яковлевна

старший преподаватель, Дальневосточный
государственный технический рыбохозяйственный
университет
ms.klimentina15@mail.ru

THE MAIN FORMS OF CONTROL FOR TESTING KNOWLEDGE IN THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

S. Yevtushenko

Summary: The process of teaching Russian as a foreign language is impractical and simply impossible without a clear system of monitoring the development of students' speech skills and abilities. This article is devoted to the methods and forms of monitoring knowledge, abilities, and skills in teaching Russian as a foreign language. Their choice is determined by the communicative approach to teaching and corresponds to the diversity of types of speech activity. The most important principles of diagnosing and monitoring students' learning are, according to many researchers, objectivity, systematicity, and clarity. Monitoring is important for the activities of a teacher of Russian as a foreign language at any stage of training. Monitoring is the process of determining the level of development of speech skills and abilities achieved by students over a certain period of training. The quality of the lesson and the level of development of communicative competence in general depend on the correct organization of monitoring.

Keywords: Russian as a foreign language, communicative competence, didactic principles, testing technologies, educational material, communicative method, current, midterm and final control, written and oral forms of control.

Аннотация: Процесс обучения русскому языку как иностранному нецелесообразен и просто невозможен без четкой системы контроля за ходом становления речевых навыков и умений учащихся. Настоящая статья посвящена методам и формам контроля знаний, умений и навыков при обучении русскому языку как иностранному. Их выбор обусловлен коммуникативным подходом к обучению и соответствует многообразию видов речевой деятельности. Важнейшими принципами диагностирования и контролирования обученности учащихся являются, по мнению многих исследователей, объективность, систематичность, наглядность. Контроль имеет важное значение для деятельности преподавателя РКИ на любом этапе обучения. Контроль – это процесс определения уровня сформированности речевых навыков и умений, достигнутого учащимися за определенный период обучения. От правильной организации контроля зависит качество занятия и уровень сформированности коммуникативной компетенции в целом.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, дидактические принципы, тестовые технологии, учебный материал, коммуникативный метод, текущий, рубежный и итоговый контроль, письменные и устные формы контроля.

Введение

В процессе овладения учащимися новым материалом должна осуществляться взаимосвязь между участниками учебного процесса, и одновременно преподаватель обязан вносить коррективы в учебную деятельность во избежание ошибок. [3].

После получения знаний по какой-либо дисциплине преподаватель должен оценить деятельность обучаемых. Оценка должна быть объективной, показывающей степень усвоения учебного материала. В процессе обучения РКИ с помощью контроля реализуется множество функций: обучающая, диагностическая, корректирующая, развивающая, оценочная и др. На наш взгляд, основной функцией контроля является диагностическая, то есть измерение достижений и недостатков в усвоении студентами учебного материала. Правильно организованная система контроля позже позволяет корректировать и совершенствовать методы на занятии и выбирать приоритетные для обучающихся формы и приёмы

Основные результаты

Тот факт, что без контроля невозможно добиться эффективного обучения, в настоящее время не вызывает сомнения у педагогов и никем не оспаривается. Эффективность обучения русскому языку как иностранному находится во взаимосвязи с организацией контроля за этапами обучения, поэтому необходимо проводить контролирующие мероприятия, которые позволяют оценить деятельность не только иностранных учащихся, но и педагога, дать возможность определить эффективность применяемых методов и приемов обучения, скорректировать обучающую технологию, сделать ее оптимальной для конкретной группы учащихся. Подобная диагностика важна на разных этапах усвоения программы обучения русскому языку как иностранному.

Современный образовательный процесс должен также соответствовать тому информационному пространству, в котором существует современный человек. Но навык синтезировать информацию, получаемую по

разным каналам (визуальным, вербальным, аудиальным), у иностранного студента должен сопрягаться с навыком работы в разных сферах жизни и общения. «В настоящее время стали нормой поликодовые тексты, используемые во всех сферах жизни и общения. При том увеличилась скорость получения информации и информационная плотность текста за счет интертекстуальных связей и гиперссылок. Современный текст живет во множестве интертекстуальных связей, которые заставляют человека сравнивать, сопоставлять, делать выводы.» [4].

Успешному формированию навыка работы с текстами способствует включение в обучение межпредметных связей. Отмечено, что при отборе содержательных компонентов обучения, контролируемых в том числе, следует учитывать их ценность с позиции следующих аспектов: качество знаний и уровень освоения языковым материалом, наличие социокультурного компонента, опыт общения на иностранном языке, применение языка в различных сферах межкультурной коммуникации. В формировании социокультурного компонента межпредметных связей важны тексты о национальных традициях, о духовной культуре страны. Основными целями контроля овладения предметной компетенции при изучении русского языка иностранного выделим следующие: оценить достижения учащихся, найти пути углубления и всестороннего расширения знаний, умений и навыков, которые позволяют осуществлять речевую деятельность на русском языке. Среди требований, предъявляемых к диагностике или контролю, следует выделить такие: регулярность, соответствие возрастному цензу обучающихся, включение в контроль разнообразных форм, средств и приемов работы, появление на всех этапах образовательного процесса, понятность и прозрачность критериев оценки.

В процессе обучения РКИ с помощью контроля реализуется множество функций: обучающая, диагностическая, корректирующая, развивающая, оценочная и др. На наш взгляд, основной функцией контроля является диагностическая, то есть измерение достижений и недостатков в усвоении студентами учебного материала. Правильно организованная система контроля позже позволяет корректировать и совершенствовать методы на занятии и выбирать приоритетные для обучающихся формы и приёмы.

Соотношение видов и форм контроля при обучении РКИ можно рассмотреть в такой последовательности:

- контроль готовности к учебной деятельности (входное тестирование);
- контроль готовности к учебной деятельности, как часть учебного процесса (опрос, в том числе, тестирование);
- контроль процесса овладения компонентами дея-

тельности в ходе учебного процесса (опрос, в том числе тестирование);

- контроль результатов учебной деятельности как часть учебного процесса (опрос, в том числе тестирование, контрольные устные и письменные зачетные работы);
- контроль результатов учебной деятельности после завершения учебного процесса (контрольные устные и письменные работы, в том числе тестирование; зачеты, экзамены).

И здесь мы наглядно видим, что во всех формах контроля присутствует тестирование. Используя различные виды и формы работы, преподаватель имеет возможность составить представление об уровне подготовки обучающихся. В применении тестов по РКИ должен преобладать коммуникативный подход. Коммуникативный подход к обучению и тестированию решает проблему языкового барьера, а также способствует более быстрой адаптации учащихся к языковой среде. Контроль знаний помогает каждому обучающемуся понять степень его успешности или неуспешности в изучении иностранного языка, выявить область трудностей, над которыми ему необходимо больше работать. [2].

Среди других видов контроля, которые мы рекомендуем использовать, можно выделить контрольные вопросы, различные виды опроса, лексико-грамматические упражнения, индивидуальные практические работы, контрольные работы, проекты и др. Выбор этих материалов регламентируется программой и индивидуальными особенностями обучающихся. Самой частой формой текущего контроля является устный опрос во всех его разновидностях (фронтальный, индивидуальный, комбинированный). На уроках русского языка как иностранного он приобретает несколько иную функцию, отличную от традиционного установления знаний по предмету. Устные формы взаимодействия с обучающимися могут способствовать развитию устной речи, методическая работа над формированием которой закрепляет способность к активному говорению и пониманию речи без перевода, что является актуальным для освоения специальных дисциплин.

Если текущий контроль «способствует реализации принципов индивидуализации обучения, позволяет найти оптимальные для каждой конкретной группы соотношение условно-речевых, речевых и коммуникативных заданий, установить методически целесообразные пропорции контролируемых заданий, выполняемых в аудитории и дома» [5]., то промежуточный контроль (итоговая беседа, опрос по материалам урока, контрольная работа. тест) помогает проверить насколько учащиеся способны понимать и воспроизводить информацию, полученную в результате работы с темой определенного курса. Эти виды контроля

составляют единую систему, подготавливают к итоговому контролю.

Методы и формы контроля знаний учащихся разнообразны. Их выбор определён коммуникативным под-

ходом обучения, соответствует разнообразию речевой деятельности. Контроль на занятиях русского языка как иностранного позволяет совершенствовать процесс обучения, создавать благоприятные условия для практического владения языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Б. Компьютерное тестирование: системный подход к оценке качества знаний студентов. - М., 2001. – 132
2. Акишина. А.А., Акишина Т.Е. Учимся учить детей русскому языку. Русский. язык: Курсы. - М.: Слово, 2013. -415 с.
3. Бодрова Т.Ю., канд.пед.наук.; Кривченкова И.В. ассистент, Российский университет дружбы народов (г. Москва) Диагностический тест как система проверки знаний учащихся на уроках РКИ Инновационные педагогические технологии : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017). — Казань: Издательство «Бук», 2017. — vi, 122 с
4. Бохонная М.Е. Специфика проведения контролируемых мероприятий при обучении русскому языку как иностранному// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. -2015. №5 (ч.4). С.615-617)
5. Михалкина И.В. К вопросу о лингводидактических основах организации контроля при обучении русскому языку как иностранному// Язык, сознание, коммуникация: сб. статей/ ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.-М.: Диалог-МГУ,2000. Вып.12.-С.121-127
6. Шибко Н.Л. Методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие для иностранных студентов филол. спец. высших учебных заведений Республики Беларусь / Н. Л. Шибко. — Минск: БГУ, 2012. — 160 с.

© Евтушенко Светлана Яковлевна (s. klimentina15@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

FEATURES OF A TEACHER'S WORK IN A REMOTE FORMAT

**O. Emelyanova
S. Korovina
O. Kruglikova
T. Koroleva**

Summary: The article discusses the basic principles of how to develop skills and abilities when working with the digital environment, the ability to plan, organize your work, set priorities and follow this plan, maintaining constant interaction with students at a distance. The purpose of this scientific work is to study the features and determine the principles of a teacher's work in a distance learning format.

Since ancient times, man has strived to understand the reality around him by searching for information that would contribute to the development and satisfaction of his own interests in knowledge. The source of information could be absolutely any subject. The information received was passed on from generation to generation by retelling everything that was known to humanity at that time.

Keywords: internet technologies, information technologies, educational process.

В настоящее время достаточно спорным является формирование образовательного процесса. С одной стороны, образование стало фундаментом для развития человечества в XXI веке, многие сферы жизни достигли грандиозных преобразований как социально-го, так и научно-технологического характера. С другой стороны – в области образовательного процесса обострился кризис, связанный с обострением проблем и изменением статуса. В результате поисков новых путей решения для возникших проблем стала образовываться совершенно новая образовательная система.

Несмотря на активное развитие образовательной

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПЕДАГОГА В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Емельянова Ольга Владимировна

старший преподаватель, Московский университет
Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
(г. Москва)
emelianova84@mail.ru

Коровина Светлана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент, Дальневосточный
государственный университет путей сообщения,
(г. Хабаровск)
ko_dv_sveta@mail.ru

Кругликова Ольга Валерьевна

кандидат педагогических наук, доцент, Дальневосточный
государственный университет путей сообщения,
(г. Хабаровск)
okrug74@mail.ru

Королева Татьяна Эдуардовна

кандидат педагогических наук, доцент, Дальневосточный
государственный университет путей сообщения,
(г. Хабаровск)
tanya.zon@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения, как развивать умения и навыки при работе с цифровой средой, способность планировать, организовывать свою работу, расставлять приоритеты и следовать этому плану, поддержание постоянного взаимодействия с обучающимися на расстоянии. Целью данной научной работы является изучение особенностей и определение принципов работы преподавателя при дистанционном формате обучения.

С древнейших времен человек стремился к тому, чтобы познать окружающую его действительность, путем поиска информации, которая способствовала бы развитию и удовлетворению собственных интересов в познании. Источником информации мог быть абсолютно любой предмет. Полученная информация передавалась из поколения в поколение путем пересказа всего того, о чем человечеству было известно на тот момент.

Ключевые слова: интернет-технологии, информационные технологии, образовательный процесс.

системы и внедрения информационных технологий в процесс обучения, встает вопрос о том, на сколько обучающиеся готовы к тому, чтобы правильно и эффективно использовать интернет-технологии в процессе обучения. Для большинства людей более старшего поколения интернет и все, что связано с ним, остается отвлекающим фактором. Отчасти это является действительностью, так как клиповое мышление нового поколения не позволяет в полной мере сосредоточиться на материале, если он представлен без использования специальных средств привлечения внимания. 2020 год был не простой во всех сферах общества, особенно что касается медицины и образования. Врачи, преподаватели, обучающиеся и

их родители были предоставлены сами себе в решении возникающих проблем, которые требовали принятия четких, быстрых решений [1]. Поэтому обучение будущего профессионала требует уточнения и адаптации к изменившимся современным условиям.

В то же время развитие образовательных ресурсов требует как от обучающихся, так и от преподавателей овладеть новыми навыками, которые позволят использовать весь функционал и успешно внедрять в учебный процесс информационно-поисковые системы, вебинары, онлайн конференции, интернет-форумы и т.д. Каждая образовательная программа в рамках подготовки специалистов в той или иной области должна обеспечивать решение вопроса об использовании интернет-технологий нового качества, уникальные именно для этой профессиональной подготовки.

Выделяют следующие факторы, которые мешают проведению образовательного процесса в стандартном режиме:

1. материальная обеспеченность. Многие обучающиеся были лишены возможности в полной мере использовать интернет-технологии, повседневные технические средства оказались не приспособлены для использования новых программ.
2. нарушение привычного режима контакта. Причем контакта не только с преподавателями. В общих чертах, образовательный процесс заключается в создании особой атмосферы взаимодействия человека с окружающими людьми. Интернет-технологии частично заменяют это взаимодействие, так как предоставляют более благоприятные условия.
3. недостаточность опыта в использованиях интернет-технологий. Несмотря на то, что рассматриваемая категория обучающихся – это поколение, которое изначально, казалось бы, должно быть максимально ориентированным в таких вопросах. Тем не менее, для большинства оказалось достаточно сложно разобраться в этих вопросах.

Вместе с тем нельзя исключать то, что молодое поколение является более адаптированным ко всем новым условиям. Именно поэтому спустя год после активного использования дистанционных технологий обучающиеся полностью готовы к использованию интернет-технологий в образовательном процессе. В настоящее время продолжает отмечаться снижение уровня напряжения у обучающихся при обучении с использованием интернет-технологий. Научное освещение проблемы профессионального развития субъекта говорит о его многомерности, объединяющей развитие как духовных сил, без которых невозможно представить становление субъекта, так и сферы сознания личности, востребованного современным состоянием общества [2].

Обозначенную проблему в рамках дистанционного

обучения мы предлагаем разрешать с помощью специального подхода к управлению образовательной целостностью, именуемым – системный подход. Образовательные системы – это организующиеся целостности, поэтому для всех участников образовательного пространства управленческая культура обязательна.

Одним из условий эффективной подготовки обучающихся является приобретение опыта выбора духовно-нравственных целей, которые являются определяющими в системе обучения, при этом сами учащиеся, как субъекты самовоспитания, несут ответственность за то, что был осуществлен выбор именно данной цели для моделирования своего поведения, которое может быть, как способствовать развитию субъекта, так и разрушать его и окружающих.

Осознанно выбранная цель является стратегической, поэтому ее требуется довести до рабочего уровня, а ее реализация возможна с помощью адекватных технологий (алгоритмы, методы, средства и формы). При управлении созидательным развитием как систем, так и ее участников необходимо учитывать все характеристики (состав, структура – все уровни целей, функционирование) и рассматривать их целостно. Благодаря именно целевой логике функционирования системы образования происходит развитие образовательного пространства в целом, что позволяет уйти от опыта причинной деятельности к опыту целевой причинности, то есть постепенно уходит стихийность операций.

Но поставленная цель без согласованности с деятельностью не приведет к нужному результату, может даже исказить реальность и привести к разрушению жизненного пространства, отсюда следует *второе условие эффективности: взаимосвязь цели и технологии ее реализации*. Именно правильно взятые способы будут работать на цель, а обучающиеся приобретают опыт творца, то есть разрабатывают нечто новое: новые модели поведения, новую информацию, новое познание при моделировании своей профессиональной деятельности.

Третьим условием эффективности в подготовке обучающихся обозначим – *приобретение опыта опережающего моделирования* своего поведения как системы, что возможно осуществить с помощью универсального метода – системного подхода. Не важно какой профессии специалист и какого возраста, овладение данным подходом будет полезно, и грамотное его использование принесет свои результаты не только в сложнейших науках, но и жизненных ситуациях.

Базируясь на утверждении В.И. Вернадского: разумная деятельность человечества будет являться главным в развитии, то есть молодежь, ее новое по-

коление превратит социокультурное пространство в разумную биосферу, чего, как мы можем видеть, пока не наблюдается. Так как содержание образования – это педагогическое толкование культуры, то обучение в вузе можно понимать, как возможность «подтянуться» специалисту в подготовке к профессиональной деятельности и к жизни. Это все возможно и осуществимо с овладением системного подхода, который даст необходимый опыт жизни и деятельности в конкретных ситуациях.

На некоторых перечисленных условиях остановимся более подробно

I. Первое перечисленное условие (система учения) является реальной моделью для образовательной целостности. Для реализации цели используются адекватные технологии, которые объединяют в себя методы, средства, формы обучения, различные алгоритмы в зависимости от поставленного уровня усвоения, и интуицию, добавляющую некоторую уникальность в достижении целей. Вторая цель – мировоззренческая, выраженная нравственными категориями. Из первых двух целей системы учения следует третья цель – развивающая (профессиональные способности), которая выражается в том, что учащиеся становятся носителями целей и технологий, то есть становятся субъектами саморазвития своего потенциала [3]).

У читающего данную статью наверняка возник вопрос: а как же все это возможно было осуществить во время пандемии 2020 в рамках дистанционного обучения? Да, мы тоже впервые столкнулись с такой проблемой и приняли такое решение: вся технологическая документация («клише») давалась на дополнительных консультациях, причем группа разбивалась на подгруппы, так как качество интернета оставалось желать лучшего, а реализация 1, 2 и 3 уровней усвоения осуществлялось непосредственно на учебных занятиях по математике (дисциплина не имеет значения). Так же можно задействовать для этого кураторские часы, правда это возможно у 1 и 2 курсов. На сколько мы знаем, на старших курсах кураторских часов уже нет.

II. Опыт воспитания и становление духовно-нравственного потенциала субъектов: осмысление воспитательной реальности; свобода выбора учащимися целей.

Опыт целеполагания направлен на становление нравственной позиции субъектов, который проявляется в моделировании поведения; в построении «дерева цели»; доведение стратегической цели до рабочего уровня применимости, обеспечивающего духовно-нравственное становление субъектов; разработка и освоение адекватных цели технологий; установление субъект-субъектных отношений.

III. Опыт самовоспитания формируется за счет понимания учащимися себя как носителя целей и технологий их реализации; обладатель инструмента для моделирования реальных моделей учебных ситуаций и ситуаций из жизненного пространства, системное видение окружающей реальности; опыт управления своим поведением на основе выбора целей, за которые только он несет ответственность; человека, определяющего конечный результат в развитии системы жизни и самого себя как ее субъекта.

Однако в данном случае следует отметить, что польза информационных технологий возможна в том случае, если обучающийся ориентирован на получение знаний, умений, навыков, обладает самодисциплиной.

Таким образом, изучая вопрос готовности обучающихся к использованию интернет-технологий в образовательном процессе, стоит выделить проблему, связанную с адаптацией к иному режиму обучения. При этом адаптация стала необходима не только для преподавателей, но и для обучающихся, так как, во-первых, в данном случае нужна техническая подготовка, которая включает в себя как наличие необходимых технических средств, так и умения при работе с интернет-технологиями. Во-вторых, готовность обучающихся включает психологический и эмоциональный аспекты. Обучающемуся важно принять для себя решение о получении образования преимущественно в самостоятельном порядке, для чего необходимо развитие самодисциплины. Опираясь на системный подход, нынешнее образование, даже в рамках дистанционного обучения, имеет возможность и должно быть направлено на то, чтобы воспитать молодое поколение специалистов с пониманием своего целевого единства, с принятием и пониманием смысла человеческой жизни, с гармоничным встраиванием своего поведения в окружающую действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70309010/>.
2. Дворянкина Е.К. Становление студентов субъектами саморазвития самостоятельности как основы их профессионализма / Е.К. Дворянкина, О.В. Емельянова, С.В. Коровина. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2017. – 120 с. – ISBN 978-5-262-00794-3. – EDN VOKWRB.

3. Дворянкина Е.К. Моделирование образовательной системы вуза по развитию студентов как субъектов профессионально-педагогической деятельности: дис. канд. пед. наук. ДВГУПС, Хабаровск, 2012 г.
-

© Емельянова Ольга Владимировна (emelianova84@mail.ru), Коровина Светлана Викторовна (ko_dv_sveta@mail.ru),
Кругликова Ольга Валерьевна (okrug74@mail.ru), Королева Татьяна Эдуардовна (tanya.zon@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ НА КАЧЕСТВО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

THE INFLUENCE OF MOTIVATION ON THE QUALITY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE STUDENTS

**N. Kartushina
E. Barybina**

Summary: The article considers issues related to the motivation of students majoring in linguistics to study, as well as the ways and means of increasing it. The article specifies the main motives of the student's educational activity, such as duty and responsibility, cognitive interest, the desire to prove something to others, the organization of the educational process, etc. The authors of the article set themselves the task of proving the importance of motivation in learning a foreign language and the need to increase it during the student's professional education. The purpose of this study is to identify the motives of students' educational activity, as well as the reasons that negatively affect the educational motivation of students and ways to eliminate them. The study widely considers various approaches to increasing student motivation. The information presented in this article can find practical application both among students who want to raise the level of self-motivation and their knowledge, and among teachers and university administration, whose goal is to modernize the educational process.

Keywords: motivation of linguists, quality of education, educational activity, internet technologies, foreign language.

Картушина Наталья Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент, Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)
n_science@mail.ru

Барыбина Елизавета Игоревна

Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет)
barliza08@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся мотивации студентов лингвистической направленности к обучению, а также способы и пути ее повышения. В статье указаны основные мотивы учебной деятельности обучающегося, такие как долг и ответственность, познавательный интерес, желание доказать что-то окружающим, организация учебного процесса и т. д. Авторы статьи поставили перед собой задачи доказать важность мотивации в обучении иностранному языку и необходимость ее повышения в ходе получения обучающимся профессионального образования. Целью данного исследования является выявление мотивов учебной деятельности студентов, а также причин, которые негативно влияют на учебную мотивацию обучающихся и способов их устранения. В исследовании широко рассмотрены различные подходы к повышению мотивации студентов. Информация, представленная в данной статье, может встретить практическое применение как среди студентов, желающих поднять уровень своей мотивации и знаний, так и среди преподавателей и администрации университетов, целью которых является модернизация учебного процесса.

Ключевые слова: мотивация студентов-лингвистов, качество обучения, учебная деятельность, интернет-технологии, иностранный язык.

Введение

В современном и быстро меняющемся мире сейчас происходит стремительное развитие и преобразование различных областей общественной жизни и, конечно, образовательная сфера не может остаться в стороне. Качественное обучение и увеличение числа высококвалифицированных специалистов всегда были основополагающими целями образования. Повышению качества и эффективности образовательной деятельности посвящен большой пласт научных работ. Исходя из актуальной компетентностной парадигмы можно считать, что и обучающийся, и обучаемый должны обладать определенным набором качеств или компетенций, которые в процессе их взаимодействия приводят к положительному результату образовательного процесса. При этом ряд авторов делает акцент на необходимости наличия у обучающегося мотивации к учебе [1, 3, 8]. Ряд статей рассматривает мотивацию как отдельную компетенцию, которая может формироваться, измеряться. [2, 5, 7]

Материалы и методы исследований

Теоретической базой исследования послужили работы А.А. Акынжановой, А.Н. Галютдиновой, С.В. Никифорова, В.Г. Потаповой, Т.В. Тимохиной, С.В. Шипилова, Ж.Н. Шмелевой и других. Основными методами данного исследования являются: анализ научной литературы, методы формальной логики, эксперимент.

Результаты и обсуждения

Для начала необходимо разобраться с понятием «мотивация». Существует множество вариантов определений данного понятия, оно встречается в ряде исследований и статей, в частности, в работах ученых, которые мы изучили [2, 7, 8]. В своей статье мы будем придерживаться определения, которое дал Д.Н. Ушаков: «Мотивация – это совокупность мотивов, обуславливающих тот или иной поступок» [4].

Представляет интерес классификация мотивов. Неко-

торые ученые разделяют мотивы учебной деятельности на разные уровни: социальные, учебно-познавательные, мотивы самообразования и т. д. [3, 10]. Анализ источников показывает, что все мотивы можно разделить на две большие категории: внешние и внутренние. [2, 11]

К внутренним мотивам относятся: долг или ответственность перед своей семьей, желание занять определенную должность в будущем, доказать что-то окружающим, желание познать и узнать что-то новое, ориентация на саморазвитие и получение новых знаний и т. д.

К внешним мотивам можно отнести: содержание учебного материала, организацию учебного процесса, форму проведения учебной деятельности, личность преподавателя и т. д.

Основные мотивы, определяющие характер учебно-познавательной деятельности обучаемого, представлены на рисунке 1.

Отдельной категорией является интерес к учебе, к получению новых знаний и умений. Ведущую роль в этом играет личность преподавателя. Зачастую, на сту-

дентов особенно сильно влияет стиль преподавания того или иного человека, уровень интереса подачи материала, объем новой и необходимой информации и т. д. На рисунке 2 приведены основные качества преподавателя, влияющие на формирование интереса к учебе у студентов.

Другим способом повышения интереса обучающихся к получению знаний является использование различных игровых форм. В частности, студентам, которые изучают иностранный язык, можно задать домашнее задание в формате диалога, при этом будут оцениваться объем, лексика, интонации, актерская игра и т. д., после чего студенты смогут обсудить с преподавателем и между собой получившиеся диалоги, расширить свой словарный запас и вынести для себя что-то новое. Другой формой занятия может стать просмотр тематического фильма или видео с последующим его обсуждением. В процессе обучения применение подобных форматов поможет укреплять интерес обучающихся, что обязательно положительно скажется на общем уровне мотивации.

Еще одним важным фактором в повышении мотивации студентов-лингвистов к учебе является коммуни-

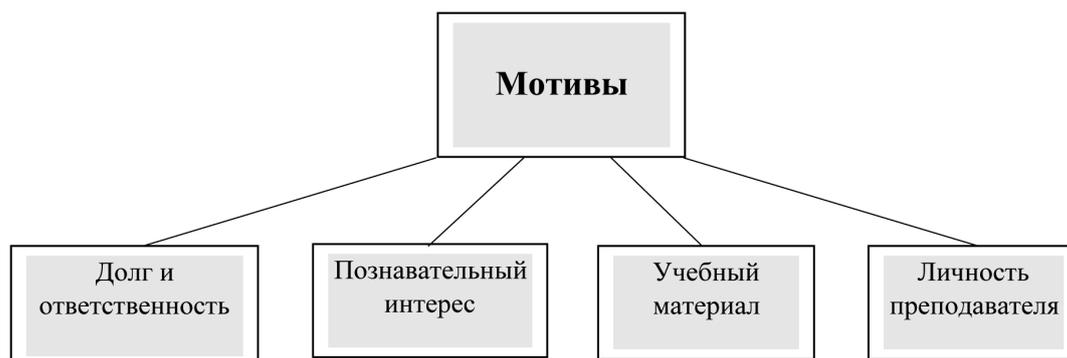


Рис. 1. Мотивы, определяющие характер учебно-познавательной деятельности обучаемого

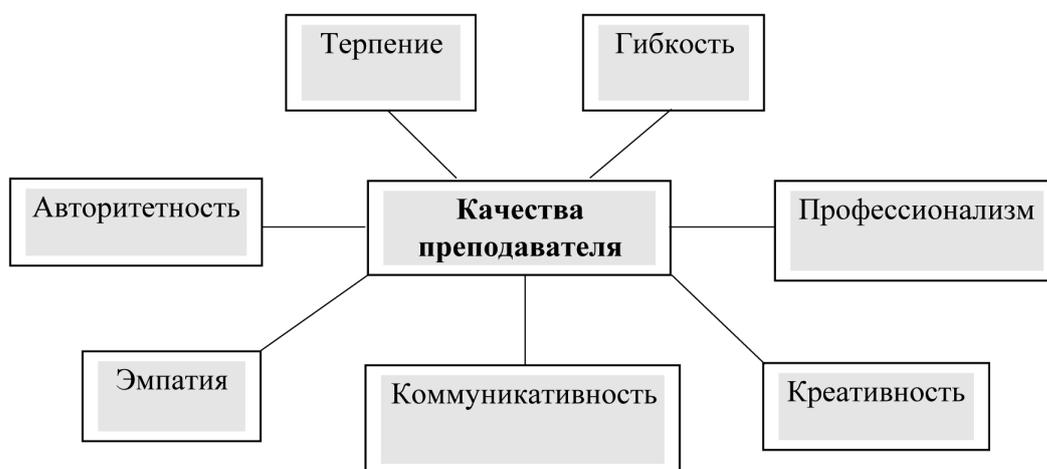


Рис. 2. Качества преподавателя, влияющие на формирование интереса к учебе у студентов

кация. Во-первых, любой человек уже замотивирован и знает, почему он хочет уметь разговаривать на том или ином языке, что подтверждают и другие авторы [1, 6, 9]; этому могут послужить разные причины: от желания понимать и разговаривать с иностранцами или своими коллегами, до желания удовлетворить собственные потребности в новых знаниях, либо читать книги на языке-оригинала, что в свою очередь уже выступает в роли мотивации. Во-вторых, ни один иностранный язык невозможно выучить без практики, это является общеизвестным фактом. Более того, в ходе разговора на любом языке мы можем лучше оценить свои знания и понять ошибки. Именно поэтому разговорная практика необходима студентам-лингвистам: чем чаще они ведут диалог, тем более уверенными в своих силах они становятся.

Отдельно стоит отметить, что на учебную мотивацию студентов лингвистической направленности особое влияние может оказывать и организация системы образования, принятая по курсам [5]. Стандартно 1-й курс можно считать «адаптивным», молодые люди в течение него приобщаются к студенческой жизни, осознают новые формы получения знаний, происходит переход из социальной роли «школьник» в социальную роль «студент». На 2-м курсе этот переход окончательно завершается, обучающиеся стремятся самостоятельно расставлять приоритеты, окончательно формируют свое мнение касательно отдельных учебных дисциплин, внеучебной деятельности внутри университета и т. д., а сам процесс обучения усложняется. На 3-м курсе зачастую происходит увеличение количества предметов по специальности, к студентам-лингвистам приходит более полное осознание того, какую профессию они выбрали, закладываются новые профессиональные ценности, развивается профессионализм. В течение 4-го курса у молодых людей происходит тотальная переоценка ценностей, так как на них давит осознание того, что приближается «взрослая», полная работы жизнь, а обучение скоро отойдет на задний план; многие практически полностью прекращают заниматься внеучебной деятельностью.

Все эти этапы занимают определенное время, что сказывается на мотивации обучающихся.

В частности, общеизвестным является тот факт, что в самом начале обучения уровень мотивации студентов высок, но с течением времени он начинает снижаться.

Структура стандартной учебной программы предусматривает, что студентам нужно отучиться ровно половину от положенного времени и только потом у них начнутся предметы по специальности в большом количестве. За это время кто-то уже может «перегореть» и желание учиться и получать профессиональные знания по специальности может снизиться до минимума, что особенно критично для студентов-лингвистов. Чтобы сни-

зить негативное влияние этого явления, представляется целесообразным скорректировать программу обучения для студентов лингвистической направленности и ввести некоторые профессиональные дисциплины на начальных этапах. Подобный подход позволит студентам с самого начала осознавать, с чем они будут иметь дело.

Отдельное место занимают цифровые технологии в процессе обучения. Об их пользе неоднократно высказывались такие авторы, как И.Н. Аксенова, П.А. Бычкова, А.Л. Новиков, И.А. Новикова, Д.А. Шляхта, Ж.Н. Шмелева, Э.Г. Юзбашева.

Интернет-ресурсы стали особенно популярны во время пандемии COVID-19, когда приходилось дистанционно учиться, работать и развиваться, используя разные программы и приложения. В обучении иностранному языку также могут помочь совершенно разные электронные гаджеты и приложения: от смартфона и ноутбука, до приложения для просмотра фильмов или онлайн-игры.

Стоит отметить, что современные технологии делают обучение иностранному языку удобным и результативным. За последние годы мы можем наблюдать тенденцию увеличения количества онлайн-школ разной направленности, в том числе, тех школ, которые строят свою деятельность исключительно на обучении иностранному языку, или тех, которые среди множества предметов предлагают выбрать для изучения определенный иностранный язык. Кроме того, многие довольно часто используют разнообразные приложения для общения с иностранцами, чтобы больше практиковаться. Помимо этого, с помощью современных технологий у нас появилась возможность смотреть фильмы с субтитрами, читать книги на языке оригинала. Все вышеперечисленные действия совершает большое количество людей, что является показателем наличия интереса к подобной форме обучения и мотивированности. Все новое и улучшенное всегда вызывает у людей неподдельный интерес, и это нельзя отрицать, поэтому внедрение современных технологий в обучение однозначно будет иметь положительный эффект.

Например, студентам-лингвистам на занятиях можно предлагать посмотреть фильм с субтитрами на языке-оригинала на определенную тему или провести для них онлайн-тестирование в приложении с ярким и привлекающим интерфейсом. Кроме того, для обучения можно использовать разные фото- и аудиоматериалы, что также положительно скажется на мотивации студентов к обучению. Более того, благодаря подобным практикам, которые будут проводиться в университете, студенты лингвистической направленности в последствии и сами смогут выстраивать свою собственную программу обучения, что также скажется на их уровне знания языка.

Суммируя все вышесказанное, дальнейшее внедрение цифровых технологий в процесс получения образования будет востребованным в молодежной среде и даст положительный результат.

Описанные выше рекомендации и методы могут быть применены как студентами, так и преподавателями в ходе учебной деятельности. Они помогут разнообразить процесс обучения, а также повысить интерес и мотивацию студентов-лингвистов, что благоприятно скажется на образовательной среде университета и поможет воспитать специалистов высокого класса.

Выводы

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что мо-

тивация играет немаловажную роль в процессе обучения, так как увлеченность студента зачастую оказывает влияние на академические успехи. Мотивация помогает обучающимся быстрее и лучше преодолеть трудности, и стремиться к поставленной цели.

Исходя из опыта и наших наблюдений, способы повышения мотивации у студентов лингвистической направленности, которые мы представили в нашей работе, всегда оказывают положительный эффект. Администрации университетов стоит учитывать мотивационную сферу студентов и, при необходимости, модифицировать ее, чтобы эффективно организовать учебную и воспитательную деятельность. При грамотном введении мотивационного аспекта в учебный план качество получаемых студентами знаний значительно возрастет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзова Т.А. Мотивация студентов к обучению в современном ВУЗе. Мир науки, культуры, образования. 2023. №5 (102). С.11-13.
2. Картушина Н.В. Система оценки профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка. Дисс. ... канд.пед.наук: 13.00.08. Москва, 2023. 226 с.
3. Тимохина Т.В., Акынжанова А.А., Галяутдинова А.Н. Мотивация как обязательный фактор языковой подготовки студентов технического ВУЗа. Национальная Ассоциация Ученых. 2018. № 9 (36). С. 21–23.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва. Изд. центр Терра, 1996. 1090 с.
5. Шипилов С.В., Никифоров С.В., Потапова В.Г. Формирование учебной мотивации студентов в современных условиях (на примере студентов гуманитарных специальностей региональных вузов). Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2022. № 14. С. 300–305.
6. Aksenova I., Yuzbasheva E. The role of motivation in teaching foreign language to university students based on a communicative approach using ICT tools В сборнике: Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения. Материалы XI научно-практической конференции. Под общей редакцией А.А. Богатырева. 2020. С. 36–41.
7. Andreev V.V., Gorbunov V.I., Evdokimova O.K., Rimondi G. Transdisciplinary approach to improving study motivation among university students of engineering specialties Education and Self-Development. 2020. Vol. 15. № 1. P. 21-37.
8. Levenkova A.Yu., Trifonova I.S., Zemlyanova M.P., Muraveva N.G. Study of International Relations students' motivation: Assessing the effectiveness of educational process management via Action Research strategy Science for Education Today. 2024. Vol. 14, issue 2. P. 32-53.
9. Negoescu A.G., Mitrulescu C.M. Using technology to increase students' motivation for learning a foreign language International Conference 'Knowledge-based Organization'. Vol. XXIX, № 2. 2023. P. 210-214.
10. Novikova I.A., Bychkova P.A., Novikov A.L., Shlyakhta D.A. Personality Traits and Academic Motivation as Predictors of Attitudes towards Digital Educational Technologies among Russian University Students RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2022. Vol. 19. № 4. P. 689-716.
11. Shmeleva Zh.N. Digital and other educational technologies to increase students' motivation Высокотехнологичное право: генезис и перспективы Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 2022. С. 328–33.

© Картушина Наталья Викторовна (n_science@mail.ru), Барыбина Елизавета Игоревна (barliza08@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ НА ОСНОВЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE DISCOURSE COMPETENCE OF STUDENTS OF ENGINEERING AND ECONOMIC DIRECTIONS OF TRAINING BASED ON A SEMIOTIC APPROACH

A. Kovaleva
A. Rubtsova

Summary: The formation and development of foreign language discursive competence of engineering and economics students currently seems to be an urgent task of the methodology. To increase the effectiveness of teaching a foreign language discourse in foreign language classes at higher school, the authors propose to use a semiotic approach as a theoretical and methodological basis for organizing the educational process.

The paper analyzes the concepts of foreign language discursive competence and discourse from the point of view of semiotics; the key concepts of the semiotic approach in teaching a foreign language are defined. It is proposed to identify a semiotic component in the discursive competence and structure this component based on the characteristics of the student's cognitive styles. The results of an experiment on the application of the semiotic approach in the formation and development of foreign language discursive competence are presented.

Keywords: teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties, foreign language discursive competence, discourse, semiotic approach, semiotic component of discursive competence, cognitive styles.

Ковалева Анастасия Сергеевна

старший преподаватель, Великолукский филиал ФГБОУ
ВО «Псковский государственный университет»
lebedeffa@inbox.ru

Рубцова Анна Владимировна

доктор педагогических наук, профессор, директор
Высшей школы лингвистики и педагогики, Гуманитарный
институт ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого»
rubtsova_av@spbstu.ru

Аннотация: Формирование и развитие иноязычной дискурсивной компетенции студентов инженерных и экономических направлений подготовки в настоящее время представляется актуальной задачей методики. Для повышения эффективности обучения иноязычному дискурсу на занятиях по иностранному языку в высшей школе авторы предлагают использовать семиотический подход как теоретико-методологическую основу организации образовательного процесса.

В статье анализируются понятия иноязычной дискурсивной компетенции и дискурса с точки зрения семиотики; определяются ключевые понятия семиотического подхода в обучении иностранному языку. Предлагается выделить в составе дискурсивной компетенции семиотическую составляющую и структурировать данный компонент исходя из особенностей когнитивных стилей обучающихся. Приводятся результаты эксперимента по применению семиотического подхода в ходе формирования и развития иноязычной дискурсивной компетенции.

Ключевые слова: обучение иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки, иноязычная дискурсивная компетенция, дискурс, семиотический подход, семиотический компонент дискурсивной компетенции, когнитивные стили.

Повышение эффективности обучения иностранному языку бакалавров неязыковых направлений подготовки по-прежнему является актуальной задачей методической науки. Несмотря на то, что современные студенты проявляют интерес к изучению дисциплины, стремятся овладеть иностранным языком, который сегодня представляется одним из универсальных ключевых навыков современного человека и специалиста, уровень иноязычной коммуникативной компетенции выпускников оставляет желать лучшего [23]. На наш взгляд, проблема наиболее заметна при оценке уровня развития иноязычной дискурсивной компетенции студентов.

Иноязычная дискурсивная компетенция (далее – ИДК) определяется нами как способность обучающего-

ся воспринимать, понимать, интерпретировать, а также самостоятельно выстраивать устные и письменные коммуникативные высказывания разных функциональных стилей на иностранном языке.

Многие исследователи признают приоритетной задачу совершенствования ИДК (А.А. Алмазова, И.В. Новицкая, А.Г. Горбунов, О.В. Луцинская, Л.П. Тарнаева и др.). Так, Н.И. Алмазова и И.В. Новицкая рассматривают дискурсивную компетенцию как цель современного обучения иностранным языкам. По мнению ученых, способность строить дискурсы различных стилей речи основывается на понимании разных видов текстов при аудировании и чтении и предполагает правильное применение лингвистических средств, в зависимости

от типа высказывания, ситуации общения, коммуникативных задач [1].

О.В. Луцинская называет формирование дискурсивной компетенции в качестве одной из целей профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в вузе [18]. Л.П. Тарнаева поддерживает данную точку зрения, говоря о том, что в настоящее время дискурсивное направление в иноязычном образовательном процессе обращено к дискурсу как самостоятельному объекту обучения [24]. Резюмируя, Л.П. Тарнаева и О.Г. Плехова отмечают, что во многих исследованиях в настоящее время основой создания моделей обучения иноязычной речевой деятельности становится дискурс-ориентированный (дискурсивный, дискурсивный) подход, направленный на формирование коммуникативных умений восприятия и продуцирования дискурса «с учетом социальной, профессиональной, речемыслительной, процессуальной, текстовой составляющей» [25, с. 425-426].

Иноязычная дискурсивная компетенция/ речевая компетенция входит в состав иноязычной коммуникативной компетенции (наряду с лингвистической, социолингвистической, социальной, социокультурной, стратегической и другими), ее структура представлена знаниями, умениями и навыками, включенными в системный, лингвистический, социокультурный, текстовый, жанровый, формальный, стратегический, тактический (прагматический) компоненты ИДК [8, стр. 169].

Систематизируя научный и лингводидактический опыт по проблеме формирования и развития иноязычной дискурсивной компетенции в работах таких ученых, как Т.А. Ван Дейк, Э. Бенвенист, И.В. Карасик, М.Л. Макаров, Н.Д. Арутюнова, А.А. Кибрик, А.Г. Горбунов, В.П. Конецкая, Л.М. Гриценко, Т.А. Демидова, И.В. Салосина, мы пришли к выводу, что развитие ИДК студентов нелингвистических направлений подготовки в процессе обучения иностранному языку должно происходить через:

- учет профессиональной направленности, индивидуальных и этнокультурных особенностей обучающихся;
- формирование способности воспринимать и передавать информацию на разных уровнях коммуникативного взаимодействия: знаковом, словесном, межъязыковом, околязыковом, искусственном;
- понимание различных регистров, модусов и жанров дискурса, функциональных стилей;
- освоение наиболее употребительных типов дискурса, составляющих основу бытового и профессионально-ориентированного общения, и особенностей их построения;
- формирование и развитие дискурсивных знаний, навыков и умений, входящих в структурные ком-

поненты ИДК: системный, лингвистический, социокультурный, текстовый, жанровый, формальный, стратегический и тактический (прагматический), знаковый (семиотический).

Эффективность процесса обучения обеспечивается с помощью создания необходимых условий при его организации. Выделяются мотивационные педагогические условия формирования иноязычной дискурсивной компетенции будущих инженеров (Л.М. Гриценко, Т.А. Демидова, И.В. Салосина; о профессиональной подготовке на русском языке граждан иностранных государств в технических вузах РФ): 1) профессиональная направленность, 2) индивидуализация, 3) учет этнокультурных особенностей [9].

Поскольку глобальной целью формирования ИДК студентов неязыковых направлений подготовки является осуществление эффективной межкультурной коммуникации, а ее успешность обусловлена способностью порождения и восприятия дискурса, при организации обучения мы считаем важным принимать во внимание тот факт, что коммуникация как цель и как средство обучения может осуществляться разными способами. Исходя из этого различают несколько уровней коммуникативного взаимодействия: знаковый (семиотический), словесный (лингвистический), межъязыковой (металингвистический), околязыковой (паралингвистический), искусственный (синтетический) [15]. В реальной коммуникативной ситуации данные формы общения носят не изолированный, а смешанный характер.

Понятие дискурса является центральным в процессе формирования ИДК, оно синонимично понятию текста, но не тождественно ему. Типология дискурса охватывает такие категории, как регистр, модус, жанр, функциональный стиль [12; 8]. Выделяются следующие характеристики дискурса: актуальность, динамичность, функциональность, ситуативная обусловленность, наличие коммуникантов, наличие лингвистических и экстралингвистических элементов (Т.А. Ван Дейк, Э. Бенвенист, И.В. Карасик, М.Л. Макаров, Н.Д. Арутюнова и др.). Данные характеристики, а прежде всего наличие лингвистических и экстралингвистических элементов, позволяют предложить идею применения семиотического подхода для увеличения эффективности формирования и развития ИДК студентов профессиональных направлений подготовки.

Семиотика представляет собой науку о коммуникативных системах и знаках, которые используются в процессе общения (М.Ю. Лотман) и исследует 1) способы передачи информации, 2) свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе и природе, в самом человеке. К исходным понятиям семиотики относятся: коммуникация, информация, знаковая система, знак,

денотат, сигнификат, концепт, знаковый код, семиозис, семиосфера.

Знак в семиотике понимается как абстрактный или материальный объект, репрезентирующий в человеческом сознании и деятельности другой объект или явление. В качестве знака могут выступать объекты самого разного типа: абстракции, предметы, явления, свойства, отношения, действия и так далее. Знаки создаются и используются в коммуникационном или трансляционном процессе для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений какого-либо рода [29].

Семиотический подход активно развивается в образовании [30], понятия педагогической семиотики и семиотики образования разрабатываются учеными как компоненты прикладной семиотики [4; 17; 21; 32]. Процесс обучения, как и процесс коммуникации, с точки зрения семиотики, представляет собой непрерывное взаимодействие субъектов образовательной деятельности с различными видами знаков и знаковых систем, что можно учитывать для увеличения эффективности образовательного процесса. Особое значение, по нашему мнению, учет семиотической составляющей приобретает в обучении иноязычному дискурсу, так как в данном случае происходит не только коммуникация в процессе обучения, но и обучение коммуникации.

Текст и дискурс достаточно подробно рассмотрены в семиотическом аспекте (Р. Барт, Р. Водак, Т. ван Дейк, Г. Кресс, В. Лиуэн, В.И. Карасик, М.М. Бахтин, А.Г. Богданов, Е.Ф. Киров, В.А. Райскина, И.Л. Пересторонина, Е.С. Панькова и др.). В настоящее время в контексте семиотики активно изучаются рекламный дискурс [11; 3], политический дискурс [5; 16], медиадискурс [10; 2; 28]. Интересными представляются работы о семиотике циркового дискурса [20], семиотике «вакцинофобского» дискурса [22], семиотика интернет-мемов [26], социальной рекламе как креолизованном тексте (визуализация образа воина в рекламных плакатах 2020-х гг.) [31].

Таким образом, мы увидели, что неотъемлемой частью дискурса и дискурсивной компетенции являются знаки. Семиотическая составляющая представлена среди отличительных характеристик дискурса и является важным аспектом процесса коммуникации. В связи с этим в своей работе мы выделяем знаковый (семиотический) компонент иноязычной дискурсивной компетенции, в который мы включаем знания, умения и навыки речевого взаимодействия посредством лингвистических и экстралингвистических знаковых систем.

Реализация семиотического подхода в формировании и развитии иноязычной дискурсивной компетенции предполагает дальнейшее структурирование ее знако-

вого компонента с учетом профессиональной, индивидуальной и этнокультурной составляющих, для этого мы предлагаем использовать когнитивные стили или типы интеллекта Г. Гарднера [7; 13; 14] для учета индивидуальных и этнокультурных особенностей обучающихся, а также профессиональной направленности обучения в процессах восприятия, переработки и передачи информации. Подтверждение наших умозаключений о семиотическом подходе к обучению с помощью теории Гарднера мы находим в работах других исследователей [6; 27; 30; 19].

В содержании дискурса и структуре знакового компонента дискурсивной компетенции мы выделяем лингвистический (фонетическая, лексическая, грамматическая, стилистическая составляющие) и экстралингвистический (логико-математическая, визуально-пространственная, телесно-кинестетическая (моторно-двигательная), эмоциональная, музыкально-ритмическая, внутриличностная, межличностная, естественно-научная составляющие) компоненты. В первом случае мы говорим о типах знаков и знаковых системах, во втором – о компонентах дискурсивной компетенции, знаниях, умениях и навыках речевого взаимодействия посредством знаков данных типов.

Использование основ семиотики в процессе формирования ИДК, по нашему мнению, возможно как через содержательный (содержание различных дискурсов), так и через процессуальный аспект (учет особенностей процесса общения в условиях различных коммуникативных ситуаций, процесса обучения в ходе занятий по иностранному языку). Практическую пользу семиотического подхода в повышении эффективности формирования иноязычной дискурсивной компетенции мы видим:

- со стороны непосредственно коммуникации (осознание обучающимися разнообразия форм и средств общения, развитие речевых умений и навыков вербальной и невербальной коммуникации для эффективного речевого взаимодействия;
- со стороны организации образовательного процесса (диверсификация упражнений, способов и приемов обучения для учета профессионально-значимых ориентиров, индивидуально-личностных и этнокультурных особенностей обучающихся с целью обеспечения успешности усвоения учебного материала).

Разработанность семиотического подхода в образовании в целом, а также фундаментальные исследования в области семиотики дискурса дают возможность определить ключевые методические понятия, а также направления научной работы в методике обучения иностранному языку.

Семиотический подход в обучении иностранному

языку – это понимание содержания обучения иноязычной речевой деятельности как совокупности знаковых систем и методическая организация продуктивного образовательного процесса через работу с ними на основе законов семиотики в соответствии с целями и задачами обучения.

В контексте исследования, нацеленного на повышение эффективности формирования иноязычной дискурсивной компетенции с помощью семиотического подхода, мы определяем знак как минимальную единицу дискурса, представленную в содержательном или процессуальном аспекте обучения иностранному языку, обеспечивающую восприятие или передачу информации в процессе коммуникативной деятельности. При этом знак выступает в роли средства общения, а также средства обучения. Под знаковой системой мы понимаем совокупность знаков в процессуальном и содержательном аспектах обучения, объединенных на основе определенного признака или функции.

Применение семиотического подхода в процессе формирования и развития иноязычной дискурсивной компетенции основывается на следующих принципах:

- принцип осознания учебного процесса как совокупности различных знаковых систем;
- принцип полисенсорности и учета индивидуальных познавательных различий обучающихся;
- принцип вариативности знаков и знаковых систем в обучении, их комплексности и взаимосвязи, а также дифференциации в соответствии с определенными свойствами и характеристиками;
- принцип учета полифункциональности, ресурсности и контекстности лингвистических и экстралингвистических знаковых элементов;
- принцип вариативности образовательной деятельности и осознанного использования функциональных возможностей знаков и знаковых систем в работе с учебным материалом с учетом синтаксического, семантического и прагматического аспектов;
- принцип учета профессиональной направленности и этнокультурных особенностей студентов, учета и развития индивидуально-личностных особенностей и субъектных свойств обучающихся.

Учет семиотической составляющей может осуществляться как комплексно на протяжении всего образовательного процесса, так и фрагментарно на отдельных этапах обучения. Применение семиотического подхода на занятиях по иностранному языку показало свою эффективность в рамках экспериментальной работы по развитию иноязычной дискурсивной компетенции студентов инженерно-экономического факультета Филиала Псковского государственного университета в г. Великие Луки.

В краткосрочном пробном обучении, охватившем два учебных занятия по дисциплине «Английский язык» приняли участие 23 обучающихся группы первого курса (направления подготовки: 08.03.01 «Строительство», 38.03.01 «Экономика») (2023–2024 учебный год). Эксперимент предполагал: 1) анкетирование экспериментальной (11 человек) и контрольной (12 человек) групп для определения учебных предпочтений студентов в соответствии с разнообразием содержания семиотической составляющей ИДК (использование в обучении и в процессе коммуникации вербально-лингвистических, логико-математических, визуально-пространственных, телесно-кинестетических (моторно-двигательных), эмоциональных, музыкально-ритмических, внутриличностных, межличностных, естественно-научных знаков и знаковых систем); 2) проведение обучения по теме «Студенческая жизнь в России и за рубежом», в рамках которого студенты экспериментальной группы работали с семиотически обогащенными текстами, условно-речевыми и речевыми упражнениями, которые соответствовали их учебным предпочтениям (студенты контрольной группы получили стандартные тексты и задания из учебного пособия); 3) выполнение обеими группами ряда письменных и устных итоговых заданий для определения эффективности обучения дискурсивным умениям и навыкам в иноязычной речевой деятельности. Результаты исследования показали, что студенты экспериментальной группы справились с итоговым заданием (объем и качество выполнения оценивались в баллах по 30-балльной шкале) в среднем на 20% успешнее, чем участники контрольной группы, что позволяет говорить о том, что применение семиотического подхода способствует повышению эффективности развития ИДК.

Таким образом, по результатам нашей работы мы можем сделать следующие выводы.

1. Процесс обучения иноязычному дискурсу, как и процесс непосредственно коммуникации предполагает непрерывное взаимодействие с различными знаками и знаковыми системами. В связи с этим для наиболее успешного формирования иноязычной дискурсивной компетенции обучающихся необходимо выделить и учитывать на занятиях по дисциплине «Иностранный язык» семиотический компонент в составе ИДК.
2. Учет семиотической составляющей и ее компонентов в процессуальном и содержательном аспектах обучения позволяет эффективно использовать индивидуально-личностные, этнокультурные особенности и профессионально значимые качества обучающихся в образовательной деятельности по иностранному языку на всех уровнях коммуникативного взаимодействия для 1) повышения эффективности иноязычной коммуникации, 2) для повышения эффективно-

сти образовательного процесса.

3. Применение семиотического подхода в рамках учебного процесса оказывает положительное влияние на эффективность формирования и развития иноязычной дискурсивной компетенции студентов. Увеличение эффективности обучения достигается за счет учета разнообразия спосо-

бов восприятия, переработки, хранения и передачи информации через содержание текстов и диверсификацию упражнений и приемов работы с учебным материалом, что позволяет использовать сильные стороны студентов, учитывать их учебные предпочтения и повысить мотивацию обучающихся в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова А.А., Новицкая И.В. Формирование дискурсивного компонента иноязычной коммуникативной компетенции у магистрантов, обучающихся по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование» / А.А. Алмазова, И.В. Новицкая // Наука и школа. – 2021. – №1. – С. 92–102.
2. Берлева И.Н., Беляев Д.А. Язык экранной культуры: семиотика текстов и риторические возможности / И.Н. Берлева, Д.А. Беляев // Общество: философия, история, культура. – 2023. – №2 (106). – С. 86–90.
3. Ветрова К.О. Семиотический анализ рекламы Р. Барта: возможности, ограничения и перспективы / К.О. Ветрова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – №4. – С. 5–11.
4. Веряев А.А. Семиотический подход к образованию в информационном обществе: диссертация . . . доктора педагогических наук / А.А. Веряев. – Барнаул, 2000. – 367 с.
5. Гаврилова М.В. IX всероссийский конгресс политологов: обзор заседания секции «Политическая лингвистика и семиотика» / М.В. Гаврилова // Политическая лингвистика. – 2022. – №1 (91). – С. 143–147.
6. Галактионова Т.Г. Педагогика текста: опыт семиотического решения: коллективная монография / Автор-составитель и научный редактор – Т.Г. Галактионова. – СПб, 2013. – 379 с.
7. Гарднер, Г. Структура разума: теория множественного интеллекта: Перевод с английского / Г. Гарднер: перевод с английского А.Н. Свирид. – Москва: Издательский Дом Вильямс, 2007. – 512 с.
8. Горбунов А.Г. Дискурсивная иноязычная компетенция: онтологический подход / А.Г. Горбунов // Вестник ТГПУ. – 2014. – №6 (147). – С. 167–171.
9. Гриценко Л.М., Демидова Т.А., Салосина И.В. Мотивационные педагогические условия формирования иноязычной дискурсивной компетенции будущих инженеров / Л.М. Гриценко, Т.А. Демидова, И.В. Салосина // Вестник НГПУ. – 2019. – №4. – С. 162–177.
10. Гусякова А.В. Семиотика англоязычного медиадискурса вчера, сегодня, завтра: сопоставительный аспект / А.В. Гусякова // МНКО. – 2022. – №4 (95). – С. 344–347.
11. Зотова А.С. Семиотика рекламной коммуникации в сетевых социальных сервисах WEB 2.0 / А.С. Зотова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – №4. – С. 1285–1298.
12. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
13. Ковалева А.С. Применение теории множественного интеллекта в организации образовательного процесса по иностранному языку / А.С. Ковалева // Высшее образование сегодня / председатель редакционного совета В.М. Филиппов. – №3. – Москва, 2020. – С. 34–38.
14. Ковалева А.С. Теория множественного интеллекта Г. Гарднера и ее применение в обучении иностранному языку / А.С. Ковалева // Региональная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития экономики и образования региона», посвященная 850-летию со дня первого упоминания в летописи г. Великие Луки (Великие Луки, 15-16 декабря 2016 г.). Материалы конференции. – Москва: Мир науки, 2017. – С. 130–135.
15. Конечная В.П. Социология коммуникаций. Учебник / В.П. Конечная. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
16. Ларионова М.В., Демкина А.В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации / М.В. Ларионова, А.В. Демкина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – №4. – С. 1178–1200.
17. Лукацкий М.А. Педагогическая семиология: контуры становления [Текст] / М.А. Лукацкий // Ценности и смыслы. – №6 (40). – 2015. – С. 56–64.
18. Луцинская О.В. Формирование дискурсивной компетенции в процессе обучения студентов-журналистов иноязычному письменному дискурсу / О.В. Луцинская // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2: Педагогика. Психология. Методика преподавания иностранных языков. – 2006. – №2(10).
19. Мильруд, Р.П. Теория обучения иностранным языкам. Английский язык: учебник для вузов / Р.П. Мильруд. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 406 с.
20. Олянич А.В. «Show must go on», или семиотика циркового дискурса / А.В. Олянич // Коммуникативные исследования. – 2019. – №3. – С. 759–775.
21. Полянкина С.Ю. Потенциал семиотики образования в поиске новой концептуальной метафоры образования / С.Ю. Полянкина // Философия образования. – 2018. – № 1 (74). – С. 166–174.
22. Прилуцкий А.М., Соколов Р.А. Категориальная семиотика вакцинофобского дискурса конспирологического мифа / А.М. Прилуцкий, Р.А. Соколов // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. – 2021. – №97. – С. 105–118.
23. Рожкова К.В., Рошин С.Ю., Травкин П.В. Востребованные навыки студентов российских вузов: информационный бюллетень / К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, П.В. Травкин. – Текст: непосредственный // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022–32 с. – (Мониторинг экономики образования: №20 (37)).
24. Тарнаева Л.П. Лингводидактическая модель дискурс-анализа / Л.П. Тарнаева // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – №3. – С. 222–229.

25. Тарнаева Л.П., Плехова О.Г. Дискурс-ориентированный интегративный подход к обучению англоязычному историческому дискурсу учащихся старших классов гимназий социально-гуманитарного профиля / Л.П. Тарнаева, О.Г. Плехова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №4–2 (82). – С. 425–438.
26. Хустенко А.А. Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях / А.А. Хустенко // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 258–282.
27. Шакирова Т.И. Семиотическая составляющая преподавания иностранного языка на неязыковых направлениях в вузе / Т.И. Шакирова // Казанский вестник молодых учёных. – 2018. – №5 (8). – С. 122–126.
28. Шевченко В.Д. Семиотика взаимодействия дискурсов в масс-медиа / В.Д. Шевченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – №1. – С. 172–181.
29. Шейкин А.Г., Гутнер Г.Б., Нёт В., Бернштейн В.С., Симонов А.Н. Знак. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (редакция 23.04.2019). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7038>
30. Шкаликов Е.В., Коршунова О.В. Семиотические основы образовательного процесса [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов вузов направлений подготовки «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование» / Е.В. Шкаликов, О.В. Коршунова. – Киров: Изд-во ООО «Радуга», 2019. – 187 с.
31. Шуйская Ю.В., Калашникова М.В. Визуализация образа воина в рекламных плакатах 2020-х гг. / Ю.В. Шуйская, М.В. Калашникова // МНКО. – 2024. – №2 (105). – С. 451–453.
32. Deely J., Semetsky I. Semiotics, edusemiotics and the culture of education // Educational Philosophy and Theory. – 2016.

© Ковалева Анастасия Сергеевна (lebedeffa@inbox.ru), Рубцова Анна Владимировна (rubtsova_av@spbstu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ВНЕШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРЖЬЯ

THE PROBLEM OF THE GENESIS AND ORGANIZATION OF SOVIET EXTRACURRICULAR EDUCATION BASED ON THE MATERIALS OF ORENBURG REGION

**M. Musafirov
N. Popryadukhina**

Summary: This article attempts to generalize and characterize the genesis of the regional Soviet extracurricular system in Orenburg region. The relevance of the research lies in the modernization of education taking place today, including the successor of the Soviet extracurricular education, additional education of children. The effectiveness of changes in the sphere of upbringing and education has always been associated with the justification of the most productive forms of work and a comprehensive understanding of historical and pedagogical experience, including in the regional aspect.

The chronological framework is defined by the Soviet period (1917–1991). Unpublished archival documents of the United State Archive of the Orenburg region and its Orsk branch, scientific works on pedagogy, the history of pedagogy and history were studied. They made it possible to determine the trends of Soviet extracurricular education in Orenburg region related to the expansion of the network of extracurricular institutions, the increase in enrollment of students, the strengthening of human resources and the presence of interaction with the national scientific community. Its stages are highlighted and characterized. The development of the regional extracurricular system is considered in the context of the ongoing socio-economic processes and changes in the internal policy of the Soviet state. The paper presents the identified problem areas.

Keywords: USSR, Orenburg region, Soviet extracurricular education, educational policy, history of pedagogy and education, pioneer houses.

Мусафиров Михаил Константинович

Кандидат педагогических наук, преподаватель, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), «Оренбургский государственный университет»
musafirov15@yandex.ru

Попрядухина Наталья Григорьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), «Оренбургский государственный университет»
psiholog@ogti.orsk.ru

Аннотация: В данной статье сделана попытка обобщить и охарактеризовать генезис региональной советской внешкольной системы в Оренбуржье. Актуальность исследования заключается в происходящей сегодня модернизации образования, в том числе преемницы советского внешкольного воспитания, дополнительного образования детей. Эффективность изменений в сфере воспитания и образования всегда была связана с обоснованием наиболее продуктивных форм работы и всесторонним осмыслением историко-педагогического опыта, в том числе в региональном аспекте.

Хронологические рамки определены советским периодом (1917–1991 гг.). Изучены неопубликованные архивные документы Объединённого государственного архива Оренбургской области и его Орского филиала, научные труды по педагогике, истории педагогики и истории. Они позволили определить тенденции советского внешкольного воспитания в Оренбуржье, связанные с расширением сети внешкольных учреждений, увеличением охвата обучающихся, усилением кадрового потенциала и наличием взаимодействия с национальным научным сообществом. Выделены и охарактеризованы его этапы. Развитие региональной внешкольной системы рассмотрено в контексте происходивших социально-экономических процессов и изменений во внутренней политике советского государства. В работе представлены выявленные проблемные зоны.

Ключевые слова: СССР, Оренбуржье, советское внешкольное воспитание, образовательная политика, история педагогики и образования, дома пионеров.

В современной педагогической науке советское внешкольное воспитание понимается как система продуктивной организации внешкольного пространства детей и социализации личности ребёнка, целенаправленно реализующая воспитание на основе уважения к труду и коллективу [1, 11]. Создание советского внешкольного воспитания стало ответом на внутривнутриполитические вызовы и социально-экономические реалии, связанные с воспитанием советского человека на марксистско-ленинской идеологии и развитием человеческого капитала в СССР [6, 8, 10, 17]. Предпосылками генезиса стала теория и практика воспитания, а также подвижническая деятельность педагогов в дореволюционной России [3, 13].

Великая российская революция (1917–1922 гг.) привела к кардинальным общественно-политическим трансформациям. Большевики во главе с В.И. Лениным в полной мере осознавали важность образовательной политики и вопросов воспитания детей и молодежи. В 1919 году состоялся I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, заложивший организационные и идеологические основы внешкольной системы. На нём было принято решение о создании государственных внешкольных учреждений. У истоков стояли теоретики советского воспитания А.С. Луначарский, Н.К. Крупская [8, 10, 11]. В 30-е годы XX века используемый термин «внешкольное образование» был заменён «внешкольным воспитанием».

В основе построенной большевиками государственной внешкольной системы находилось функционирование открывавшихся по всей стране внешкольных учреждений, кружковая деятельность, работа Пионерской организации имени В.И. Ленина (1922–1991 гг.) и летних пионерских оздоровительных лагерей [2, 5, 8].

Для Оренбуржья была характерна общая динамика развития советского внешкольного воспитания, связанная с расширением сети внешкольных учреждений и увеличением охвата школьников [11, 17]. Регион был активно включён в индустриализацию страны. Появились новые промышленные районы. Это обусловило значительные социально-экономические изменения в Оренбуржье, связанные с процессом урбанизации, ростом городов и населения. Новые социальные реалии советского общества актуализировали потребность в усилении и систематизации внешкольного пространства детей, в том числе недопущения деструктивного влияния улиц [6, 18].

50-е – 80-е годы XX века стали временем расцвета регионального советского внешкольного воспитания. Фундамент, потенциал его качественного и продуктивного развития был заложен еще в первой половине XX века.

В довоенный период (1922–1941 гг.) постепенно росло количество внешкольных учреждений. На 1938 год функционировало 5 домов пионеров и школьников, 16 СЮТ, 14 специализированных лагерей и площадок [4, с. 161]. В приоритете находилось техническое направление внешкольной работы. Уже с 1922 года проводились соревнования пионеров и школьников по авиамоделизму [4, 17]. Вскоре стали проводиться чемпионаты у судомоделистов и по радиоспорту. Центральное место отводилось пионерской организации имени В.И. Ленина (1922–1991 гг.) и кружковой деятельности на базах городских и сельских общеобразовательных школ [11]. Формировался и укреплялся кадровый потенциал внешкольных учреждений [4, 17]. Данный исторический период мы считаем можно охарактеризовать как «фундаментально-конструктивный» этап.

В послевоенные годы (1945–1953 гг.) вместе с восстановлением инфраструктуры народного хозяйства органы советской государственной власти уделяли большое внимание внешкольному воспитанию. Перед внешкольной системой стояла задача максимального привлечения школьников к техническому творчеству, занятиям спортом, продуктивной организации внешкольного пространства детей и воспитанию советского человека. Немалое значение уделялось формированию компетенций для последующей производственно-трудовой деятельности [11]. Последнее было особенно актуально в контексте происходящего изменения состава рабочей силы и дефицитом квалифицированных инженерных

и рабочих кадров для растущей промышленности [15, с. 93]. Имело место и региональная специфика. Существовал значительный прирост населения, обусловленный как миграционным фактором, так и ростом рождаемости, соответственно, закономерно обусловивший расширение социальной сферы, в том числе увеличением количества внешкольных учреждений и кружков различного профиля.

Можно выделить несколько этапов развития советского внешкольного воспитания в Оренбуржье во второй половине XX века: 50-е – 60-е годы – «рефлексивно-преобразовательный» (формирование и рефлексия опыта внешкольной работы и значительное расширение сети внешкольных учреждений); 70-е – 80-е годы «системно-ориентированный» (создание концепта советского внешкольного воспитания на основе имеющегося потенциала).

В 50-е – 60-е годы XX века начали функционировать более тридцати многопрофильных внешкольных учреждений, открывшихся как в индустриальных городах, так и районных центрах региона. В 70-е – 80-е начали свою работу еще более двадцати [12].

Деятельность Домов пионеров (многопрофильных внешкольных учреждений) осуществлялась по трём направлениям: учебно-кружковая, массовая и методическая работа. Они занимались привлечением детей в кружки, реализовывали учебу пионервожатых школ, актива пионерии и комсомола. Проводили массовые военно-патриотические и спортивные мероприятия, фестивали, конкурсы, выставки. Транслировали передовой педагогический опыт [11, 14].

Повсеместно открывались однопрофильные внешкольные учреждения: станции юных техников, детско-юношеские спортивные школы, станции юных натуралистов и туристов, школы искусств, музыкальные школы, а также летние пионерские и оздоровительные лагеря. Увеличивалось количество пионерских дружин [9, 11, 12].

Косыгинская реформа (1965–1971 гг.), реализованная в СССР, способствовала дальнейшему развитию и доступности социальной среды за счёт крупных предприятий [15], в том числе и внешкольной системы. Это было характерно и для исследуемого нами региона. Крупные предприятия вкладывали значительные ресурсы для насыщения внешкольного пространства детей и подростков своих работников, организации летнего отдыха школьников. Создавали и поддерживали свои пионерские и оздоровительные лагеря [9, с. 152–153].

Внешкольная работа осуществлялась и в кружках на базе школ [12, 17]. Школы рассматривались, в том числе и как центры внешкольного пространства обучающихся.

Приоритетное значение отводилось всё также техническому творчеству детей. Предписывалось открытие на базах городских и сельских школ технических кружков, при соблюдении установленной пропорции - один кружок на 100 детей. При этом в каждом из них должно было заниматься не менее 15 школьников. Они должны были открываться на базах УПК и ПТУ. Создавались секции ВОИР в общеобразовательных школах и ПТУ. Технические кружки открывались даже на базах учреждений культуры, что системно контролировалось [11].

Следует выделить эффективное функционирование авиамодельного кружка школы № 2 города Орска, которая отмечалась органами власти. В нем уделялось большое внимание профориентации школьников, которые в рамках занятий развивали компетенции по черчению, работе на деревообрабатывающих станках и получению основ рабочих профессий, востребованных в народном хозяйстве страны. В пример ставилась и деятельность исторического кружка в школе № 8 Орска. В нем проводились систематические конференции, на которых рассматривались актуальные вопросы развития советского государства, региона и города. Так в конце сороковых – начале пятидесятых годов XX века, в период правления И.В. Сталина, обсуждались вопросы его личного вклада в Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию (Великая российская революция 1917–1922 гг.), индустриализацию СССР (1929–1941), Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). Рассматривались темы связанные с личностью Ивана Грозного, Емельяна Пугачева, Декабристов, краеведческие вопросы становления Оренбуржья и города Орска [16, л. 54].

В Оренбуржье активно осуществлялась и внешкольная работа по месту жительства, которая заключалась в организации досуга школьников и проведении массовых спортивных мероприятий, особенно в каникулярное время. Внимание уделялось таким массовым спортивным соревнованиям как «Кожаный мяч» и «Золотая шайба». Было выявлено, что дворовая команда из Новотроицка становилась участником Всесоюзного финального этапа «Золотой шайбы» [11].

Каникулярный летний период характеризовался тем, что центрами внешкольной работы становились детские оздоровительные и пионерские лагеря. Там проходили массовые соревнования по популярным летним видам спорта, фестивали, выставки изобразительного творчества и научно-технических достижений школьников [9, 17].

Существовало взаимодействие внешкольных учреждений с научным сообществом. Функционировали научные объединения обучающихся на базах Домов пионеров. Анализ неопубликованных архивных документов выявил факты сотрудничества станции юных натуралистов города Оренбурга с научно-исследовательскими

институтами страны: Украинским научно-исследовательским институтом сахара и свёклы, Сибирским научно-исследовательским институтом, Центральным научно-исследовательским институтом овощного хозяйства [7, л. 57].

Со второй половины XX века в регионе сложилась преемственность поколений во внешкольной системе. В значительной степени она сама создавала свой кадровый потенциал и развивала его за счёт наиболее успешных и мотивированных обучающихся [11]. Этот фактор также говорит о советском внешкольном воспитании, как не только об инструменте формирования человеческого капитала, но и как об эффективно работающем социальном лифте [1, 6, 11].

На основе анализа архивных документов и научной литературы, были выявлены проблемные зоны, связанные с дефицитом квалифицированных кадров во внешкольном воспитании (например, во второй половине 60-х годов XX века в многопрофильных внешкольных учреждениях менее 30% педагогов имели педагогическое образование, из них только около 6% высшее педагогическое), проблемами материально-технического оснащения и вплоть до середины 80-х годов XX века – недостаточным количеством внешкольных учреждений [12].

Во второй половине XX века широкое распространение получили педагогические идеи социального творчества академика Игоря Петровича Иванова (методика «коллективных творческих дел»), способствующие формированию познавательного интереса, целеустремленности и креативности детей и подростков. Большое влияние на практику внешкольного воспитания имели научные работы Любови Кузьминичны Балясной, развившей теоретическое наследие Надежды Константиновны Крупской, связанное с коммунистическим воспитанием на принципах коллективизма и трудового воспитания, приоритете пионерского движения в организации внешкольного пространства. Со второй половины 80-х годов XX века стали популярны концептуальные подходы и методы «Педагогики сотрудничества», связанные с гуманизацией и деидеологизацией процесса воспитания школьников [2, 3, 8].

Советское внешкольное воспитание в Оренбуржье являлось институтом формирования человеческого капитала и эффективным социальным лифтом. Несмотря на имевшие место проблемы, связанные с дефицитом кадров и материально-технической базы, оно имело важное значение для развития региона.

Вторая половина XX века стала периодом его наивысшего расцвета. Происходило значительное расширение сети внешкольных учреждений, летних пионерских и оздоровительных лагерей, что способствовало росту ох-

вата обучающихся. Существовало взаимодействие внешних учреждений с научным сообществом.

Можно выделить этапы генезиса исследуемой системы: «фундаментально-конструктивный» (20-е – 40-е гг.), «рефлексивно-преобразовательный» (50-е – 60-е гг.) и «системно-ориентированный» (70-е – 80-е гг.).

Генезис советского воспитания в Оренбуржье соответствовал всесоюзной динамике и тенденциям. Успехи и достижения советского внешкольного воспитания в регионе способствовали созданию в регионе фундамента российского дополнительного образования детей и продуктивной реализации имеющегося педагогического потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антыгина Н.А. Воспитание общественно-политической активности старшеклассников / Н.А. Антыгина // Воспитательная деятельность внешкольных учреждений. – М., 1985. – С. 30–32.
2. Балясная Л.К. Внешкольному воспитанию детей пристальное внимание педагогической науки и практики / Л.К. Балясная // Советская педагогика. – 1980. – № 3. – С. 35–42.
3. Богуславский М.В. Детское движение в России: Между прошлым и будущим / М. В. Богуславский. – М., 2007. – 112 с.
4. Болодурин В.С. Образование в Оренбуржье (XVIII–XX века) / В.С. Болодурин. – Оренбург, 2008. – 464 с.
5. Буйлова Л.Н. Исторический контекст становления и пути развития дополнительного образования детей в современной России: монография / Л.Н. Буйлова. – М., 2013. – 101 с.
6. Василькин Л.М. О роли кружка в формировании личности школьника: доклад / Л.М. Василькин. – Орск, 1969. – 3 с.
7. Годовой отчет о работе СЮН за 1962 г. // ОГАОО. – Ф. р. 1893. – Оп. 3. – Д. 3445.
8. Голованов В.П. Внешкольное образование в контексте педагогических идей Н. К. Крупской / В.П. Голованов // Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 1. – С. 83–90.
9. Каргапольцева Н.А., Мусафиров М.К. Историко-педагогические аспекты генезиса детских оздоровительных лагерей в Оренбуржье во второй половине XX века / Н.А. Каргапольцева, М.К. Мусафиров // Қорқыт ата атындағы Қызылорда университетінің Хабаршысы. – 2022. – №3 (62). – С. 152–157.
10. Крупская Н.К. Педагогические сочинения / Н.К. Крупская. – М., 1959. – 204 с.
11. Мусафиров М.К., Каргапольцева Н.А. Внешкольное воспитание в Оренбуржье во второй половине XX века / М.К. Мусафиров, Н.А. Каргапольцева. – Оренбург, 2020. – 149 с.
12. Мусафиров М.К. Становление и развитие системы внешкольного воспитания в Оренбургской области во второй половине XX в. (историко-педагогический аспект) / М.К. Мусафиров // Научно-педагогическое обозрение. – 2018. – № 3 (21). – С. 231–237.
13. Назаренко О.С. Внешкольное воспитание детей в конце XIX – начале XX вв. в контексте идей гуманистической педагогики: на материалах Симбирской губернии: авт. дис. ... кан. пед. наук: 13.00.01 / О. С. Назаренко. – Ульяновск, 2016. – 26 с.
14. Отчет о работе Акбулакского Дома пионеров за 1966–1967 учебный год // ОГАОО. – Ф. р. 1893. – Оп. 3. – Д. 3549. – Л. 15.
15. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985 / Р.Г. Пихоя. – М., 2007. – 715 с.
16. Решение Сессии Орского городского Совета депутатов трудящихся «Об оценке работы ГОРОНО за 1949–1950 учебный год» // ОФ ОГАОО. – Ф. р-25. – Оп. 1. – Д. 121.
17. Торшина А.В. Историко-педагогическая периодизация процесса развития клубной деятельности детей в дополнительном образовании в 1931–1958 годы в Оренбургской области / А.В. Торшина // Вестник ЧГПУ. – 2015. – № 7. – С. 112–118.
18. Beregovaya E.V. Organizational and methodical directions of integrative programs implementation for adolescent creative development and social adaptation / E.V. Beregovaya [et al] // Humanities and Social Sciences Reviews. – 2019. – Vol. 7, № 4. – P. 1120–1127.

© Мусафиров Михаил Константинович (musafirov15@yandex.ru), Попрядухина Наталья Григорьевна (psiholog@ogti.orsk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ МУЗЫКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Свердлов Борис Константинович

Аспирант, Могилевский Государственный Университет
имени А.А. Кулешова, (Белорусь)
vft0294@gmail.com

THE ROLE OF MUSIC IN THE PROCESS OF FORMING FEELINGS OF NATIONAL IDENTITY IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN

B. Sviardlou

Summary: The article examines the importance of the role of music in the process of forming feelings of national identity among younger schoolchildren. The importance of the formation of feelings of national identity in various sciences is emphasized. The author proposes to solve this problem by explaining and listening to a large amount of folk music in an institution of general secondary education. The main conditions for introducing schoolchildren to folk musical culture are defined. The criteria for assessing the development of each level are defined.

Keywords: music, culture, feelings, national identity, younger schoolchildren.

Аннотация: В статье рассмотрена значимость роли музыки в процессе формирования чувств национальной идентичности у младших школьников. Подчеркивается значимость формирования чувств национальной идентичности в различных науках. Данную проблему автор предлагает решать объяснением и прослушиванием большого количества фольклорной музыки в учреждении общего среднего образования. Определены основные условия приобщения школьников к народной музыкальной культуре. Определены критерии оценки развития каждого уровня.

Ключевые слова: музыка, культура, чувства, национальная идентичность, младшие школьники.

Введение

В современном обществе все острее становится вопрос о национальной идентичности. Термин «идентичность» происходит от латинского *identifico* — «отождествляю», означает психологическое соотношение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определённые нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят [1, с. 72]. Ощущение принадлежности субъекта к социальной группе является необходимым фактором формирования человека как личности. Идентификация проявляется в различных социальных нормах: территориальной, национальной, экономической, культурной, религиозной и др. Данный термин может быть исследован во всех сферах жизни человека.

Существует множество средств, направленных на воспитание у учащихся чувств национальной принадлежности. Самым действенным в сфере эстетического воспитания, в частности, является музыка. Она способна воздействовать на слушателя, как на непосредственном уровне, так и латентно (скрытно). Влияние музыки на личность является доказанным фактом. Ученые в области медицины, психологии, эстетики смогли подтвердить это экспериментально. Результатом исследований стало утверждение: музыкальное искусство может изменять психологическое и физическое здоровье человека. Вопросами изучения музыкального влияния активно

занимаются белорусские и российские ученые Б.О. Голешевич, И.А. Дергаева, В.И. Петрушин, В.П. Рева и др.

Музыка оказывает специфическое воздействие не только физиологически, она способна влиять как на массы, так и конкретный субъект, через эмоциональную составляющую. С учетом музыкальных предпочтений можно определить культурный уровень человека. Его формирование начинается с раннего детства и зависит от среды, в которой находится личность. Так, по мнению И.В. Мазуренко, национально-культурная идентичность «приобретает роль все более значимого фактора социальной реальности и главного источника саморазвития, самосохранения общества, целостности государства и бытия народа в ходе глобализации» [2, с. 9]

В работе: «Понятие «национальная идентичность как гуманитарное явление» проанализировано понятие национальной идентичности с позиций психологии, социологии, политологии, философии и педагогики [3]. Показало огромное значение и необходимость акцентировки внимания на данном аспекте. Музыкальная деятельность имеет огромный потенциал на возможность формирования чувств национальной идентичности обучающихся. Целью данной статьи является выявление роли музыки в процессе формирования чувств национальной идентичности у младших школьников.

Основные результаты

Эстетическое воспитание ребенка – одна из важней-

ших целей образования и развития в учреждениях образования. Музыкальное искусство положительно влияет на формирование интеллекта, эмоциональной культуры, чувств и настроений. Также – это мощнейшее средство, направленное на приобщение ребенка к национальному искусству. Его потребность в общении с музыкой объясняется психологией: это необходимость в эмоциональном контакте и переживаниях. Сущность музыки проявляется в выражении эмоциональных подъемов и спадов, что положительно влияет на детский организм. Следующим фактором является психологическое развитие ребенка с раннего детства. Дети изучают мир на чувственном уровне, они тонко воспринимают эмоции, и, что самое главное, интонации. Поэтому музыка – это средство общения, понятное для каждого человека любого возраста.

С сознательного возраста дети постигают интонационную сущность звуков, диалект в разговорах родителей, «голоса» окружающей среды, и воплощают их через подражание. Этот опыт носит несистематический характер. Язык чувств усваивается намного раньше, чем способы их выражения. Ребенок может передать впечатления эмоционально, вербально и мимически. Воздействие музыки на личность выражается путем передачи ее художественного содержания через чувства, движение, слово. Задача учителя-музыканта научить детей распознавать эмоции, развивать навыки их определения и, рефлексии в соответствии с личностными возрастными способностями младшего школьника.

Определенный национальный стиль мышления и поведения формируется с раннего возраста, создавая основы вокально-интонационного опыта. Непосредственное влияние музыки на формирование чувства национальной идентичности осуществляться на уровне впечатлений, т. е. бессознательно. От наполняемости «музыкальной фонотеки» зависит уровень приобщенности младшего школьника к национальной культуре. На него влияют образовательные установки, традиции и семейные ценности, окружающая среда, культурная жизнь города, менталитет общества. Приобщая младших школьников к народной музыкальной культуре, необходимо соблюдать следующие условия:

- постоянном звучании фольклорной музыки;
- личном исполнении шедевров музыкального искусства;
- соблюдении традиций государственных и народных праздников;
- посещениях различных фестивалей творчества.

Постоянное прослушивание и пропевание мелодий влечет за собой развитие музыкального слуха, чувство лада и метроритма. Порой, не зная мелодии, а основываясь лишь на интуитивном мышлении, ребенок способен допеть мелодию, неизвестную ему ранее. Объясняется это заложенными штампами и кодами фольклорной мелодичности.

Наиболее доступным методом в непосредственном приобщении младших школьников к народной музыке является вокально-хоровая деятельность. Значимость и важность вокально хоровой деятельности подчеркнута в работе В.П. Ревы [4]. Обработки народных песен являются обязательными в исполнительском репертуаре учреждений дополнительного образования, так и средних общеобразовательных школ. Певческая деятельность является также наиболее простым способом приобщения младших школьников к народному искусству. Пропевание национальных мотивов положительно сказывается на эстетическом воспитании ребенка. Музыка – интонационное искусство, через интонацию она выражает огромное богатство эмоционально-смыслового содержания, центром которого является человек и его окружающий мир. Она расширяет «эмоциональное поле» школьника, формирует его эмоционально-эстетический опыт, воспитывает культуру, следовательно, национальная идентичность активно формируется и в музыкальной атмосфере.

Помимо накопления мелодических интонаций и исполнительских навыков, большое значение имеет развитие у младших школьников эмоциональной отзывчивости. Под ней понимается реакция организма на интонационное содержание музыки, отражаемое слуховыми, визуальными, тактильными, мимическими анализаторами. Музыкальный отклик является приобретенной способностью, зависящей от окружающей среды и уровня эстетической воспитанности ребенка. По выражению П. Мью, «музыка является непосредственным формирующим голосом» эмоции, в едином движении конструируя и порождая ее в слушателе [5, с. 166].

Музыкальный отклик является неосознанной реакцией на различные музыкальные произведения. Музыка является катализатором познания бытия. Порой, учащиеся могут ощутить эмоции, до того неведомые. К примеру, патетика образов соответствует активности, пафосности, энергичности. Духовные произведения придают чувство возвышенности, блага. Пасторальность знакомит с упоением, спокойствием. Произведения военной тематики на эмоциональном уровне вызывают чувство ненависти, ярости, гнева, осуждения к врагу. И, наоборот, через изучение музыкальных произведений исторического содержания ребенок учится любить страну, в которой живет, приобретает чувство патриотизма.

Быстрая музыка, как известно, способна ускорить пульс, повысить эмоциональную и физическую активность. Таким образом, учитель может распределить музыкальные композиции в зависимости от их функций, выполняемых на уроке. Это может быть активизация внимания через прослушивание определенного музыкального произведения. При монотонной деятельности у учащихся, а также учителя, существует риск снижения

работоспособности, что чревато переходом их в пассивное состояние. Как следствие, нивелируется уровень внимания и усвояемости изучаемого материала. Поэтому, следует чередовать этапы урока для избегания подобных ситуаций.

Слушание музыки характеризуется широким спектром чувственных переживаний. На основе ранее пережитых чувств, учащийся различает музыку по настроению: веселая грустная; по характеру действия: торжественная, скорбная; по аффектам: радость, эйфория, либо раздражение, гнев; по эстетике: ощущение красоты, уродливости или нелепости; по эмоциональному состоянию: мечтательности, приземленности.

Эмоциональная отзывчивость младшего школьника напрямую зависит от соответствия музыкальных произведений его эстетическим потребностям. В помощь педагогу составлены типовые программы по дисциплине «Музыка» в общеобразовательной школе, так и в учреждениях дополнительного образования по музыкальным предметам. Учителю следует выбирать яркие музыкальные произведения, характеризующиеся мелодизмом, ритмичностью, программностью. Однако, как показывает практика, еще больший каскад положительных эмоций вызывает живое исполнение, собственные сочинения музыканта, так и обработки фольклорных композиций.

На музыкальных занятиях предпочтение следует отдавать национальной музыке. Уже на втором году обучения, с учетом постоянного приобщения учащихся к национальной музыке, они могут определить музыкальный фольклор разных народов мира, уверенно отличить отечественные мелодии. Ранее полученный опыт дополняется новыми впечатлениями, переживаниями, доступного пониманию. Узнавание национальных произведений проявляется в активной реакции, а именно: выразительную мимику, энергичные движения, позитивные эмоции. Тем самым, у младшего школьника складывается позитивное отношение к национальному культурному наследию.

Однако лишь слушанием музыки эмоционального отклика детей добиться сложно. Данный факт объясняется пониманием музыки лишь на интуитивном уровне. Образное осознание же мелодического материала учащимися осуществляется поверхностно. В таком случае слушателя можно расценивать неподготовленного, не знающего основ элементарной музыкальной логики. Художественная сущность музыкального произведения сводится для него к эмоциональному впечатлению. В. А. Сухомлинский в своих трудах подчеркивал значимость музыкального искусства и считал его главнейшим средством воспитания культуры личности. Он писал о том, что «...если в раннем детстве донести до сердца красоту музыкального про-

изведения, если в звуках ребенок почувствует многогранные оттенки человеческих чувств, он поднимется на такую ступеньку культуры, которая не может быть достигнута никакими другими средствами» [6, с. 62].

В данном контексте и рассматривается латентная (скрытая) сущность музыки. Заключается она в создании мотивирующей базы, выработанной через потребность общения с ней. Слушатель уже не представляется в качестве непрофессионального музыканта. Накопленные знания, умения и навыки направляются на познание смысла музыкального произведения, его аспектов, средств музыкальной выразительности, т. е. активизирует те методы, с помощью которых школьник предстает в роли исследователя. Осмысленное понимание музыкального содержания придает практико-ориентированный подход к музыкальному образованию. Заключается он в трех составляющих цели: обучающей, развивающей и воспитательной. Пройдя эти три ступени, ребенок получает эстетическое развитие, испытывает потребность в общении не только с музыкой, но и искусством в целом. Роль музыки в данном контексте становится преобразующей.

Средства музыкального искусства способны донести до слушателя мысль, заложенную композитором. Известны случаи музыкальных кодов, зашифрованных посланий и т. д. Декодировать их можно через прослушивание музыкального произведения, обращение к нотному тексту, изучение биографии и творчества композитора. Очевидно, что слушатель, не имеющий данного опыта, ничего, кроме настроения, определить не сможет. Поэтому, большая роль возлагается на учителя, помогающего учащимся распознать мысльобраз. Освоение музыкальных характеристик проходит через все этапы урока.

Самым познавательным и содержательным в отражении латентности музыкального искусства является слушание. Музыкальное произведение содержит в себе три основы:

- эмоциональная сфера, направленная на создание аффектного состояния, представляющая собой непосредственное влияние музыки на личность ребенка;
- содержательная сфера, название, программа, эпиграф и т. д.;
- мысльобраз – смысл, вложенный в музыкальное произведение.

Первоначальные этапы работы занимают большую часть времени педагога, постепенно прививая самостоятельность в общении с музыкой по заданному плану. Умение заглянуть в самую суть произведения, найти главную мысль – одно из важных умений не только на музыкальных занятиях, либо других предметах, но и жизненных ситуациях. Суть музыкальных проблем находит

отражение в повседневности. Подобная связь объясняется тем, что сюжеты музыкальных произведений берутся непосредственно из обыденности. В них формируется бережное отношение друг к другу. Примером является произведение Е. Глебова, балет «Маленький принц»: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Положительное отношение и уважение к белорусским фольклорным песням за счет их мелодичности, искренности и красоты мелодии, мы находим в произведении («Белорусские картинки» Н. Чуркин). В таком же плане можно охарактеризовать творчество (Н. Аладова: симфония до-мажор). В произвольной форме, с помощью музыки ребенок учится бережному отношению к искусству. Уважительное отношение к родной стране отражено в исторических произведениях: (Г.К. Пукст опера «Маринка»; В. Оловников песня «Радзіма мая дарагая»).

Заключение

Музыкальное искусство является мощнейшим средством влияния на человека. Ее сущность проявляется через ощущение настроения, осмысление главной идеи

и функции в глобальном смысле. Таким образом, роль музыки заключается в ее эстетическом проявлении через красоту мелодии, в этическом понимании бережного отношения к национальному искусству, патриотическому воспитанию и т. д. Проявление данных функций осуществляется как на непосредственном уровне, так и латентном.

Говоря о различиях влияния непосредственной и латентной сущности музыки в формировании национальной идентичности, следует упомянуть об их тесном взаимодействии. Ведь понимание произведений невозможно без многократного прослушивания, запоминания и узнавания. На уроке музыки существует правило трехкратного прослушивания, из которых первое – это и есть сущность непосредственного влияния. Второе прослушивание – это переходящий этап к осмыслению образа. А заключительное – латентное осуществление музыковедческого подхода.

Исходя из вышесказанного, следует единый вывод: музыкальное искусство – это сила, которая является катализатором воплощения наилучших качеств человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.]; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Рос. Акад. наук, 2006. – 72 с.
2. Мазуренко И.В. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 / И.В. Мазуренко; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009. – 24 с.
3. Свердлов Б.К. Понятие «национальная идентичность» как гуманитарное явление / Б.К. Свердлов // «Вестник МДУ імя А.А. Кулешова». №2 (60) 2022. – С. 33–39.
4. Рева В.П. Воспитание культуры музыкального восприятия у младших школьников / В.П. Рева // Пачатковая школа. – 2019. – № 2. – С. 49–53.
5. Панаиотиди Э.Г. Почему мы слушаем грустную музыку? К проблеме отрицательных эмоций // Вестн. Самарской гуманитарной академии. 2008. – 166 с.
6. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Киев: Изд. Радянська школа, 1973. – 62 с.
7. Тарантей В.П. Индивидуально-типологический подход / В. П. Тарантей // Белорусская педагогическая энциклопедия: в 2 т. - Минск: Адукацыя і выхаванне 2015 - Т. 1 - С. 457.
8. Педагогика: большая современная энциклопедия / авт.-сост. Е.С. Рапацевич. – Минск Современное слово, 2005. – 719 с.
9. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире / В.В. Кочетков // Вестн. Моск. ун-та. — Серия 18. Социология и политология. — 2012. — № 2. — С. 144—162
10. Смирнова А.Г. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие / А.Г. Смирнова, И.Ю. Киселёв. — Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. - 300 с.

© Свердлов Борис Константинович (vft0294@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PROBLEMS OF ARTISTIC AND AESTHETIC EDUCATION IN THE EDUCATIONAL SPACE: HISTORY AND MODERNITY

V. Skopa
S. An

Summary: In the context of globalization and informatization of society, the entire culture is being transformed. In new forms of culture - informational, the basis on which a person of traditional society was guided, with the help of which he socialized and developed, disappears. Based on the identified material, the current problems of artistic and aesthetic education of the younger generation are considered. Priorities in the study of academic disciplines are set, the experience of teaching art subjects is examined. Attention is focused on the formation of a personal attitude to society through the prism of beauty. The identified problem areas in artistic and aesthetic education, as well as their comprehension and search for overcoming problems help to outline the paths for further development and improvement of such an important area for Russian education as artistic and aesthetic education.

Keywords: aesthetic education, culture, art, personality, feeling, imaginative thinking.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой, Алтайский государственный педагогический университет, (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры, Алтайский государственный педагогический университет, (г. Барнаул)

Аннотация: В условиях глобализации и информатизации социума происходит трансформация всей культуры. В новых формах культуры – информационных, исчезает основа, на которую человек традиционного общества ориентировался, с помощью которой он социализировался и развивался. На основе выявленного материала рассмотрены актуальные проблемы художественно-эстетического воспитания подрастающего поколения. Расставлены приоритеты в изучении учебных дисциплин, исследован опыт преподавания предметов искусств. Акцентировано внимание на формирование личностного отношения к социуму через призму красоты. Выявленные проблемные зоны в художественно-эстетическом воспитании, а также осмысление их и поиски преодоления проблем помогают наметить пути дальнейшего развития и совершенствования такой значимой для российского образования области, как художественно-эстетическое воспитание.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, культура, искусство, личность, чувство, образное мышление, образование.

Во второй половине XX столетия художественно-эстетическое воспитание, как элемент процесса образования, получило признание как необходимый аспект процесса формирования и социализации личности. Сформировалась гуманистическая концепция воспитания человека с помощью привлечения различных видов и средств искусства через опосредованное восприятие произведений искусства или прямого воздействия путем включения в процесс творческого созидания [4, 7].

Сегодня накоплен богатый и ценный материал по теории, практике и методике художественно-эстетического воспитания. Однако в большей степени он имеет описательный, эмпирический характер и не дает методологического обоснования его сущности, что заставляет обратиться к данной проблеме.

В современных условиях развивающегося информационного общества особенно актуальной становится проблема сохранения системы ценностей традицион-

ного общества. В условиях глобализации и информатизации социума происходит трансформация всей культуры, ее защитного пояса и ядра. Это значит, что в новых формах культуры – информационных исчезает основа, на которую человек традиционного общества ориентировался, с помощью которой он социализировался и развивался [12, 13]. Одним из важнейших ориентиров в традиционной культуре всегда было искусство как важнейшая составляющая эстетики [10].

Понятие «художественно-эстетическое» воспитание является достаточно сложным для однозначного понимания его содержания. Вопросам его определения в отечественной науке уделялось значительное внимание. Так, в работах М.С. Кагана рассматриваются философско-эстетические аспекты художественного воспитания [2, 14]. В его трудах можно видеть глубокий философский анализ эстетической и художественной деятельности как субъект-объектного отношения. Психологическим основам художественно-эстетического воспитания посвящены исследования Л. Выготского [1]. В исследова-

ниях художественной и эстетической деятельности в рамках психологии рассматриваются истоки художественного творчества как процессов эмоционального состояния личности, анализируются проблемы соотношения интеллекта и творчества, творчества и характера, вопросы врожденных и приобретенных способностей человека к художественной деятельности [3, 5, 8].

Если образование формирует систему художественно-эстетического знания, обучение – систему художественно-эстетических умений, то художественно-эстетическое воспитание направлено на формирование соответствующей системы ценностей и ценностных установок.

Актуальность проблемы эстетического воспитания обусловлена и тем, что происходит сближение содержания обучения и воспитания в школах с требованиями жизни. В современных школах возникает необходимость в новых подходах к преподаванию эстетических искусств, способных решать современные задачи эстетического восприятия и развития личности в целом.

Активные социокультурные изменения в начале XXI столетия, определившие неизбежность преобразования предметного поля педагогики искусства, находят обоснование формирования новой образовательной парадигмы, опирающиеся на природосообразный и культуросообразный принципы развития в трудах В.В. Давыдова, Г.Л. Ильина, П.П. Козловой. Причины и факторы смены художественно-образовательных парадигм выявляют работы Н.Н. Ершовой, Х.М. Казанова. Стратегию построения прогностической модели инновационной системы художественного воспитания в России предлагается в исследовании В. Ф. Зивы. В то же время для философии образования важен смысл, некая идея воспитания.

Воспитание – пробуждение человеческого в человеке. Что касается эстетического воспитания (воспитание искусством) – необходимое условие всестороннего и гармоничного развития личности. Это фактически является стратегической задачей всей системы воспитательной политики, и к этому имеют непосредственное отношение и педагоги, и философы, и культурологи.

Через искусство, которое является важнейшим элементом культуры личности и человечества в целом, а также необходимым элементом эстетического восприятия мира, человек открывает для себя и для других мир художественных образов. Искусство как язык чувств оказывает непосредственное влияние на эмоции человека, а уже через них воздействует на весь внутренний мир ребёнка и взрослого [6]. И чаще всего ребёнок творит – рисует, танцует не то, что видит, а то, что чувствует.

С другой стороны, Л. Выготский, называя искусство «общественной техникой чувств», утверждал, что всё прикладное значение искусства сводится в конечном счёте к его воспитывающему действию [1]. Чем выше развито эстетическое чувство (включая и его нравственный аспект), тем точнее и, пожалуй, даже острее, человек реагирует на наличие важных для него фактов и жизненных ситуаций. Искусство определяет науку по времени реакций на положение дел в реальном мире. «Оно позволяет «схватить» образ целостной жизненной ситуации до того, как она будет строго и подробно проанализирована жёсткой логикой мышления в понятиях, и верно прореагировать на неё» [5, с. 19].

В связи с этим обозначим ряд проблем художественно-эстетического воспитания:

Первая проблема: в программах общеобразовательных учебных заведений научные дисциплины имеют статус выше художественных учебных дисциплин. Философы, которые анализировали эстетическое воспитание (Аристотель, Гегель, Шлегель, Ницше), полагали, что наука (логически-теоретический интеллект) и продуктивное воображение, управляемое принципом красоты, то есть искусства, нельзя рассматривать как высшую и низшую по рангу степень феноменологии духа. Это две самостоятельные, равноправные по отношению друг к другу формы сознания. Поэтому решение проблемы заключается в создании и для создателей, и для воспринимающих искусства таких условий человеческого развития, внутри которых исчезла бы сама возможность диспропорции между интеллектуально-теоретическим развитием, с одной стороны, и художественно-эстетическим развитием – с другой. Непонимание или игнорирование этого дидактического положения ведёт к искажению в идеологическом и нравственном воспитании молодого поколения.

Вторая проблема: выработка притягательного общения молодёжи с подлинным искусством, высокой эстетической взыскательности и самостоятельности суждений. В условиях технического прогресса в области искусства (кино, видеоклипов и прочего) наблюдается экспансия антиискусства, несущая чуждые нам идеалы, враждебные духовные ценности. Оно опасно прежде всего для юных, поскольку нравственное нарушение в неокрепшей ещё душе происходит катастрофически быстро. Реальный путь противостоять влиянию антиискусства – успеть воспитать с детства невосприимчивость к нему, привить взыскательный вкус, понимание и потребность общения с подлинным искусством. При этом расширение функций предметов искусств в учебном заведении и за его пределами есть акцентирование тех возможностей искусств, которые, быть может, недостаточно использовались в школе, но имеют в настоящее время важное социальное значение.

Третья проблема: выработка у педагогов и их воспитанников понимания, что овладение искусством всегда связано с трудом. Большие возможности для педагогики раскрывает музыкальная, изобразительная, декоративная и конструктивная деятельность. Общение с искусством – овладение им и восприятие его – требуют и умственных, и физических усилий, терпения. И в воспитании осмысленного отношения к труду в искусстве великая роль принадлежит педагогу, который в этом процессе формирует образное мышление ученика.

Четвёртая проблема – формирование у учащихся норм отношения к миру (к природе, обществу и государству). Это из сферы эмоционально-волевой воспитанности, состоящей не столько в знаниях и умениях, сколько в оценочно-эмоциональном отношении к миру, к деятельности. Но без предметов искусств решение этих задач в принципе невозможно.

В истории человечества отношение к постижению искусств со стороны философов, правителей и педагогов менялось, но менялись преимущественно акценты на виды искусства, тогда как само искусство всегда было востребованным. Так, на протяжении истории античной культуры, несмотря на высокий взлёт изобразительных искусств и архитектуры в Греции и Риме, эти искусства не ставились в образовании детей высших классов на один уровень с искусствами «изящными» (с поэзией, риторикой и другими). С возникновением же станковых искусств, с их подъёмом к вершинам духовного поиска, произошло как бы разделение внутри искусств. Изобразительные и декоративно-прикладные искусства поначалу не делились между собой. Один мастер писал портрет и резал к нему раму, мог сделать кресло, дверь. Особо красивые, изразцовые двери, изготовлялись в странах центральной и восточной Азии, красивые наличники на окнах делались на Руси.

На Руси при Петре I ситуация стала меняться: уже утвердившееся на Западе внутри искусств разделение на духовно-интеллектуальные (для знати) и физически «грязные» работы в искусстве (для подмастерьев) – мешать глину для художника, всё более прививалось и в нашем государстве. Однако следует отметить, что в просвещенческий век, в 1747 году Академия наук была переименована в Академию наук и художеств, а позже была отдельно создана Академия художеств для подготовки специалистов в сфере изобразительных искусств. В Россия открылись консерватории в обеих столицах для подготовки образованных музыкантов. В большинстве университетов мира образование начиналось с факультета искусств.

В Древнем Китае ещё Конфуций в группе обязательных общеобразовательных дисциплин утвердил изучение музыки. В Китае, ориентированном на свою традиционную культуру, и сегодня музыкальные программы

являются обязательными во всех общеобразовательных средних и высших учебных заведениях.

В советский период во многих школах действовала замечательная музыкальная программа Д.Б. Кабалевского, поскольку «музыка и жизнь – это генеральная тема, своего рода «сверхзадача» школьных занятий музыкой, – говорил сам композитор. Она должна пронизывать все занятия во всех звеньях от первого до последнего класса» [3, с 22]. Отсюда можно констатировать, что воспитательный эффект очевиден.

Пятая проблема художественно-эстетического воспитания связана с выработкой методов общения с искусством, основанных на увлечении ими. Именно увлечение порождает жажду знаний, труда, потребности в искусствах. В русской общеобразовательной школе есть опыт общения с красотой природы края, где живёт ребёнок. Он представлен великими педагогами: С.А. Рачинским, Э.В. Ильенковым, В.А. Сухомлинским и другими. Так, Рачинский предлагал водить детей в церковь или монастырь слушать хоровое пение, а Ильенков предлагал проводить уроки любования природой, прежде чем ребёнок будет изображать её карандашом и кистью. Изображать будет с увлечением, так как был процесс погружения в красоту, она была пропущена через эмоцию.

Здесь педагог опирается на чувственное, но его подкрепляет рациональным, ибо есть естественная база для объяснения эстетических категорий: прекрасное, возвышенное, изящное в том, как, «луч скользит, играют тени» в пейзаже, который наблюдают учащиеся. Считаем, необходимо объяснить и категории-антиподы. Например, то, что безобразное также имеет сферу проявления, причём не менее широкую, чем прекрасное. Красота имеет некий идеальный замысел в мире, а безобразное – отклонение от красоты, это антитеза прекрасному. Причем безобразное временно и преходяще. Но пока в природе и в человеке остается тёмное, недолжное, пусть оно будет представлено в искусстве, особенно в современном (ранее – в картинах Босха, например), чтобы человек умел опознать его. «Если говорить о тёмном, о зле, то, чтобы победить зло, надо прежде всего без страха называть его по имени». [9, с. 583].

Отсюда вытекает следующая, **шестая проблема:** как воспитать в общеобразовательных учебных заведениях грамотного слушателя, читателя, зрителя (кино, театры, художественные выставки). Для этого необходимо, чтобы каждый, соприкасающийся с искусством, освоил основы его языков. Мы не найдём ни одного человека, не общающегося с архитектурой (живём в ней, видим, но не наблюдаем её), с прикладными искусствами (очевидно украшательство, но неочевидны художественные стили). Но для этого надо увеличить количество учебных часов по предметам искусства. Почему красивы японские

машины, посуда и другие промышленные изделия? Да потому, что в японской школе преподавание искусства в старших классах не отменяется, наоборот, резко увеличивается (до 6 часов в неделю) [5, с. 63]. Это даёт невероятный эффект в экономике, ибо в неё вмешивается язык эстетики, который в творческом процессе уже не способен допустить брак.

Седьмая проблема, естественно, связана с предыдущей. Художественно-эстетическое воспитание может быть эффективным, если научить подрастающее поколение разбираться в художественных стилях. Стиль – это феномен, имеющий место во всех сферах человеческой деятельности, через стиль проявляется потребность в культурном самосознании и самоопределении. Стиль является историко-культурной проблемой, поэтому историческая координата её рассмотрения должна быть включена в содержание истории искусства. Нужно учесть: функции, которые выполняет стиль в культуре (идентификация, организация, коммуникация), осуществляются через эстетические механизмы. «Выражая духовный опыт в пространственно-символической форме особой организации, дающей непосредственное впечатление осмысленного порядка и целостности, стиль принадлежит сфере эстетического освоения мира, пред-

назначенного для проявления в чувственно данной форме идеальных жизненных ценностей, превращения их в произведения культуры» [13, с. 244].

Таким образом, под художественно-эстетическим воспитанием мы понимаем интегративный процесс – передача опыта искусства в формах искусствоведческого и технологического компонентов, формирование аксиологических установок через процесс художественно-творческой деятельности, направленный на самознание, самоопределение, самореализацию и самоактуализацию творческого потенциала личности. Педагогика и эстетика должны образовать интегральное научное знание – педагогическую эстетику, цель которой разработка педагогических технологий, обеспечивающих формирование эстетической культуры с самых ранних ступеней социализации личности.

Выдвинутая нами дифференциация проблем, уточнение приоритетов поможет построению программ и методик преподавания предметов искусств, формированию эстетического отношения к действительности в каждом звене, с учётом того, что социальная жизнь ученика должна строиться как система утверждения красоты человеческих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Психология искусства. Москва: Искусство, 1968. – 576 с.
2. Искусство в системе культуры: [Сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, Секция по теорет. пробл. культуры; Сост. и отв. ред. М.С. Каган. - Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. - 272 с.
3. Кабалевский Д.Б. Воспитание ума и сердца. Москва: Просвещение, 1981. – 145 с.
4. Лихачев Б.Т. Сущность и функции эстетического сознания. URL: <https://uchebnik.biz/book/198-pedagogika/91-sushnost-i-funkcii-esteticheskogo-soznaniya/> (дата обращения: 01.09.2024).
5. Неменский Б.М. Мудрость красоты. О проблемах эстетического воспитания: книга для учителя. Москва: Просвещение, 1987. – 256 с.
6. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. Москва: Юрайт, 2017. – 460 с.
7. Попова Т.Г. О понятии концептуальной категории «культура» // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10, № 1–2. – С. 330–337.
8. Радугин А.А. Формирование эстетической и художественной культуры. Москва: Центр, 2000. – 240 с.
9. Самохвалова В.И. Безобразное: размышление о его природе, сущности и месте в мире (к феноменологии, методике, методологии понимания). Москва: Брис, 2012–590 с.
10. Сергеева Б.В. Эстетическое воспитание младших школьников // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 12–2. – С. 428–432.
11. Симонова П.С. Художественно-эстетическое развитие в начальной школе // Молодой учёный. 2018. № 2 (188). – С. 142–145.
12. Уколова Л.И. Эстетическое воспитание как генеральное условие развития духовной культуры растущего человека // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). – С. 213–216.
13. Устюгова Е.Н. Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – 255 с.
14. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996–353 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТ МЕТАФИЗИКИ К ЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ: Р. КАРНАП И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Агошкова Татьяна Валерьевна

Преподаватель, Московский Авиационный Институт
agochkovatiana@mail.ru

FROM METAPHYSICS TO LOGICAL ANALYSIS: R. CARNAP AND THE PROSPECTS OF THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE IN MODERN SCIENCE

T. Agoshkova

Summary: Rudolf Carnap's article «Overcoming Metaphysics through Logical Analysis of Language» presents metaphysics as a domain that cannot be empirically tested, introducing the concept of pseudostatements that do not contain true assertions. According to the scholar, philosophy should focus on the logical analysis of language and empirical science. This approach allows for the creation of a more rigorous logical-philosophical system that excludes various speculations. Carnap develops a semantic theory of language based on logical probability, which contributes to the advancement of semantic typology and logical semantics in contemporary linguistics.

Keywords: metaphysics, logical analysis, semantic theory, logical probability, philosophy of language.

Аннотация: Статья Р. Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» представляет метафизику как область, не поддающуюся эмпирической проверке, а также вводит понятие псевдопредложений, то есть тех, которые не содержат истинных утверждений. По мнению ученого философия должна сосредоточиться на логическом анализе языка и эмпирической науке. Такой подход позволит создать более строгую логико-философскую систему, исключающую разного рода спекуляции. Карнап разрабатывает семантическую теорию языка, основанную на логической вероятности, которая способствует развитию семантической типологии и логической семантики в современном языкознании.

Ключевые слова: метафизика, логический анализ, семантическая теория, логическая вероятность, философия языка.

В статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка» Рудольф Карнап рассматривает метафизику как область, которая не может являться истинной или ложной, так как её предложения не поддаются эмпирической проверке. Иными словами, вопросы метафизики являются бессмысленными, так как не могут быть верифицированы посредством опыта. Ученый вводит понятие псевдопредложений, которые выглядят как предложения, но не выражают абсолютно никаких истинных утверждений. На данном примере мы видим, как метафизика создает иллюзию теоретического содержания, хотя на самом деле не представляет никакой информации о реальности [1, с. 89–90]. Тем не менее, по мнению современных исследователей, наука не может полностью освободиться от метафизической категоризации, поскольку существует необходимость в аксиоматических положениях, заимствованных непосредственно у метафизики [2, с. 58].

Переход Карнапа к логическому позитивизму включает в себя акцент на эмпирическую науку и логический анализ как средство достижения определенного знания. Он утверждает, что философии необходимо сосредоточиться на анализе языка и логических структур, которые лежат в основе научных утверждений. Это означает, что философия языка должна быть тесно связана с наукой и использовать строгие логические методы для оценки

значимости утверждений. Научные теории в таком случае должны быть формализованы, а философские теории – решаться посредством логического анализа. Переход от метафизики к логическому позитивизму может означать, что совершается попытка создать более строгую и научно обоснованную логико-философскую систему, которая исключает спекулятивные элементы метафизики и сосредотачивается на эмпирически проверяемых высказываниях: «Обсуждение теорий прошлого предполагает формулировку «предложений о предложениях», поэтому каждая дисциплина перерабатывалась в соответствии с тем, что Рудольф Карнап предложил назвать «логикой науки» [3, с. 230].

Семантическая теория информации, которую разработал Р. Карнап, фокусируется на количественной оценке информации и основывается на логической вероятности. Это означает, что существует такой метод, который позволяет измерять количество информации в терминах вероятностных соотношений и таким образом помогает определить, насколько информация является значимой и полезной в контексте научного знания. Данный анализ позволяет более точно оценивать информационное содержание высказывания и его логическую структуру.

Он также подчеркивает важность логики и семантики

в философии науки, где правильное понимание языка существенно влияет на интерпретацию научных теорий и данных [4, с. 71]. Семантика, как раздел лингвистики, исследует значение языковых единиц, а также их взаимосвязи, являющейся основой для понимания того, каким образом информация передается посредством языка. Данный подход к количественной оценке семантической информации на основе логической вероятности подчеркивает важность логических структур в языке, что представляет собой неотъемлемую часть языкознания. Изучение данного аспекта позволяет исследовать то, как различные языковые конструкции могут передавать те или иные объемы информации и как данные конструкции могут быть логически связаны друг с другом. Это направление исследования не только углубило понимание семантики, но и способствовало развитию таких направлений в языкознании, как семантическая типология и логическая семантика. Эти направления исследуют, как языковые системы могут различаться по своим семантическим свойствам и как они могут быть формализованы для более точного лингвистического анализа.

В частности, развитию семантической типологии в языкознании способствовало появление метода сопоставительно-параметрического исследования, суть которого «заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания национальной специфики языков по отдельным аспектам» [5, с. 98].

Смысл и значение в логической семантике рассматриваются прежде всего как два уровня интерпретации. Смысл может быть определен как содержательное значение, которое транслирует выражение, тогда как значение связано с истинностным значением, которое указывает на то, что это выражение может быть истинным или ложным при различных условиях. Логическая семантика в философии языка предоставляет инструменты для глубокого анализа истинности и ложности суждений, позволяя исследовать, насколько точно языковые выражения могут отражать реальность [6, с. 161].

В контексте искусственных языков смысл может быть установлен на основе конвенции, что позволит четко определить значения терминов и их взаимосвязи. В языковых системах, таким образом, каждое выражение будет иметь строгое логическое значение, облегчающее анализ и перевод между различными языковыми системами. В отличие же от искусственных, в естественных языках смысл выражений более сложен и полисемичен. Он может зависеть от контекста, интонации и других аспектов, связанных с поведением говорящего и его индивидуальными языковыми особенностями. То есть в естественных языках смысл не всегда может быть передан эксплицитно, а его понимание требует учета различных аспектов, включая культурный и социальный контексты [7, с. 190].

В отношении естественных языков в своей работе «Значение и необходимость» Р. Карнап предлагает формальные методы анализа натуральных языков по таким аспектам, как синтаксис, семантика, необходимость и вероятность, интегрированных в единую логическую структуру [8].

Одной из ключевых концепций, связывающих языкознание и философию в рамках исследования философии языка Р. Карнапа, является понятие интенционального изоморфизма, который позволяет исследовать семантику языковых выражений на более глубоком уровне. Карнап исследовал ситуации, в которых два сообщения, содержащие разные придаточные предложения, могут иметь различное истинностное значение, даже если и имеют общий интенционал. Это открытие привело к тому, что для комплексного анализа необходимо учитывать более строгие условия, чем логическая эквивалентность и новые методологические подходы [9, с. 229].

В сочетании с верификационной теорией Р. Карнап утверждает, что все осмысленные предложения должны принадлежать либо к классу аналитических, либо к классу синтетических. Данное различие служит критерием для определения осмысленности выражений в теоретической системе: предложение считается осмысленным, если оно является аналитически истинным или ложным, либо синтетически истинным или ложным. Аналитические предложения, согласно Карнапу, являются истинными или ложными в силу их логической структуры и значений терминов, тогда как синтетические предложения требуют фактической информации о физическом мире для определения их истинности. Однако, если изменения теории являются лишь количественными, например, при открытии новых эмпирических фактов, то критерии истинности остаются фиксированными. Это подчеркивает тот факт, что хотя язык и может меняться, основные логические и семантические структуры, которые определяют осмысленность предложений, остаются стабильными [10, с. 9].

Таким образом, исследования Р. Карнапа подчеркивают важность логического анализа языка в философии науки и языка, а также создают необходимость количественной и качественной оценки информации, что способствует эволюции методов исследования в языкознании. Логический анализ языка, предложенный Р. Карнапом, позволяет формализовать языковые формы и установить логические связи между предложениями и их значениями; выявить смысловые отношения и критерии оценки истинности высказывания; приблизиться к тому, как языковые средства передают информацию и как они могут быть формализованы для создания точной семантической типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Исследователь/Researcher. 2009. №1. – С. 89–95.
2. Нижников С.А., Лагунов А.А. Типология философских мировоззрений. Проблемы натуралистического мировоззрения // Философская мысль. – 2024. – №1. – С. 56–68.
3. Нейрат О., Болатев В.В. Новая энциклопедия научного эмпиризма // Epistemology & Philosophy of Science. – 2014. – №1 (39). – С. 229–240.
4. Арыпбекова К. Информация как общенаучное и философское понятие // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №7–1. – С. 69–74.
5. Стернина М.А. Семантическая типология: миф или реальность? // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика; Материалы Всероссийской международной конференции. – 2017. – С. 97–103.
6. Григоренко Е.В. Логическая семантика как условие формирования истинного знания и объективного понимания языка: Г. Фреге, А. Тарский, Д. Дэвидсон // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №7. – С. 161–165.
7. Куслий П.С., Веретенников А.А. Аналитические истины в концепции Р. Карнапа и естественном языке // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61. – №1. – С. 184–201.
8. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Перевод Н.В. Воробьева; Общая ред. Д.А. Бочвара; предисл. проф. С.А. Яновской. – М.: Изд-во иностр. лит. – 1959. – 382 с.
9. Куслий П.С., Никифоров А.Л. Философия и лингвистика сегодня: точки соприкосновения // Epistemology & Philosophy of Science. – 2023. – Т. 60. – №. 4. – С. 225–236.
10. Архиреев Н.Л. К дихотомии аналитического и синтетического в стандартной трактовке научной теории // Гуманитарный вестник. – 2022. – №6 (98). – С. 1–12.

© Агошкова Татьяна Валерьевна (agochkovatiana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

MEDICAL TERMS IN MODERN POLITICAL DISCOURSE: FUNCTIONAL ASPECT

G. Baybuz

Summary: The article is devoted to the problem of metaphORIZATION of medical terms in political discourse. Metaphors including units of the sublanguage of medicine introduce a negative connotation into media texts comparing changes in politics and pathological processes.

Keywords: metaphor, medical terms, political discourse, media text.

Байбуз Галина Владимировна

Кубанский государственный медицинский университет,
(г. Краснодар)
galina.baybuz@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме метафоризации терминов медицины в политическом дискурсе. Метафоры, включающие единицы подязыка медицины, привносят в медийные тексты преимущественно отрицательную коннотацию, сравнивая изменения, происходящие в политике и государстве с патологическими процессами.

Ключевые слова: метафора, медицинские термины, политический дискурс, медиатекст.

Политический дискурс – один из самых активно развивающихся видов дискурса, основной функцией которого является воздействие на общественное сознание и формирование определенной системы ценностей и убеждений в обществе. Эти факторы обуславливают широкое использование единиц образной системы, которые позволяют представить оценку тех или иных социально-политических событий. Существенную роль в достижении образности политического дискурса играет метафора. Согласно Н.А. Сегал, «в политических медиатекстах метафоры и прецедентные феномены зачастую функционируют с целью пародирования атрибутов современной реальности, при этом активно используются их прагматический, парольный, эстетический, экспрессивный, репрезентативный потенциал, а также возможности языковой игры и дополнительной информативности» [4, с. 9].

И.Н. Пономаренко и Н.А. Сегал отмечают, что «интертекстуальное пространство политических СМИ регламентирует когнитивные особенности оперирования культурно маркированными языковыми единицами образной сферы, лежащими в основе взаимодействия когнитивных сфер адресанта и адресата и участвующими в процессе кодирования и декодирования информации» [2, с. 107]. Именно поэтому выбор образных средств, коррелирующих с картиной мира потенциального адресата, играет в медиатекстах столь важную роль.

Обзор научной литературы, посвященной исследованию понятия метафоры (О.И. Андрейченко, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, А.С. Бойчук, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Н.А. Сегал, А.В. Степаненко, А.П. Чудинов, Е.А. Юрина, Г.М. Яворская и др.), позволяет сделать вывод, что термин «метафора» не имеет единого толкования. Традиционное понимание метафоры сводится к ее определению как языкового и ментального

механизма вербализации явлений и объектов окружающей действительности, построенного на сравнении двух феноменов и установлении между ними сходства при выявлении общих признаков [3, с. 144].

Современные исследователи рассматривают метафору как сложное и уникальное явление, роль которого заключается в построении модели мира индивидуума, интеграции вербальной и концептуальной систем личности, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. В связи с этим метафора становится объектом изучения не только лингвистики, но и таких отраслей науки, как психология, когнитивные науки, теория искусственного интеллекта и др.

Считается, что функциональный потенциал метафоры достаточно широк и зависит от разновидности дискурса, в котором она представлена. Так, в поэтическом или художественном дискурсе метафора выполняет эстетическую функцию. В научном дискурсе проявляется познавательная функция метафоры, которая дает возможность осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов.

Метафора в политическом дискурсе выполняет когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую функции [6, с.17]. Изучение прагматической функции метафоры вызывает большой интерес в процессе изучения публичных политических высказываний, так как демонстрирует сложность и многообразие отношений между политиком, сторонниками, оппонентами и нейтральной аудиторией.

В медиатекстах политической направленности актуальными являются метафорические модели, включающие терминологические единицы. Так, специальные слова медицины в политическом тексте являются основой

для метафорического переноса. Реализуясь в коммуникации и текстах различных типов, такие единицы становятся источником метафорических значений и могут характеризоваться, по определению Г.И. Кустовой, как способ концептуализации некоторой внеязыковой реальности, который «предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему» [1, с.201].

Метафорические образы, создаваемые с помощью медицинских терминов, активно функционируют в политических текстах, что обусловлено прагматическими установками адресата, с одной стороны, и широким разным потенциалом лексики, входящей в тематическую группу, медицина, с другой.

Е.В. Стоянова выделяет две основные модели медицинской метафоры в политических медийных текстах:

- «политика/болезнь», которая включает фреймы и слоты, связанные с видами болезней, распространением эпидемий и конкретными диагнозами, символизирующими негативные явления и проблемы в политике и обществе;
- «политика/медицина», которая обращается к патологическим состояниям временного характера с целью репрезентации моментов кризиса или проблем в обществе и политике, с которыми можно справиться [5, с. 344].

В числе метафор группы «политика/болезнь» наиболее частотны метафоры, содержащие компоненты «диагноз» и «болезнь»: **Это – не политика, это – диагноз... инфекционного поражения интеллекта (о совети можно говорить лишь применительно к людям с сохранным интеллектом)** (www.tovievich.ru, 27.10.2007); **Но уже сейчас ясно, что американская политика больна** (www.inosmi.ru, 15.07.2011); **Образовательная политика больна насквозь. Православные священнослужители о Едином государственном экзамене** (www.zyorna.ru, 06.06.2013); **Диагноз общества – аполитичность: чем это чревато для России?** (www.gr-sily.ru, 12.04.2017); **Политика больна, очень больна, по крайней мере, в Латинской Америке. Есть исключения, но в целом она скорее больна, чем здорова** (www.tass.ru, 21.01.2018); **Россия тяжело больна, а управляет ею Запад.** (www.svpressa.ru, 18.05.2020) **Болезнь налицо. Правда ли, что многие политики переболели проказой?** (Аргументы и факты, 22.05.2020) и мн. др.

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод, что власть и государство сравниваются с живым организмом, и изменения, происходящие в политике, уподобляются заболеваниям человека. Медицинская терминология преимущественно описывает патологические процессы, которые имеют отрицательные конно-

тации, впоследствии транслируемые в метафору.

Кроме того, в современных медийных текстах преобладают метафорические модели, включающие наименования серьезных физических патологий, тяжелых инфекционных заболеваний, неизлечимых нозологических форм: **Пир политической чумы. Сначала губернатор обманул поверивших в него избирателей, а теперь хочет окончательно забить последний социальный «гвоздь» в сердца тех, кто ему еще верит при этом выдвинув свою кандидатуру на новый срок** (https://m.ok.ru/group/53461698871488/topic/70063027314880?_aid=topicMore, 16.07.2019); **Американские эксперты о политическом параличе и диалоге с Россией** (https://www.vesti.ru/article/1376689, 12.04.2019); **Заденет ли австрийская политическая лихорадка Россию?** (https://www.bfm.ru/news/414566, 20.05.2019); **Политическая корь. Существует ли связь между отказом от прививок и голосованием за популистские партии при выборах в Европарламент?** (https://hij.ru/read/21209/, 21.09.2019); **Деструктивная политическая эпидемия – это сбой в системе политического поведения человека, распространяющийся, как вирус, на большие массы людей** (https://rnto.info/up/files/321/destruktivnaya-politika.pdf); **Чукотский политический столбняк** (https://www.ng.ru/ng_politics/2007-07-17/12_stolbniak.html, 17.07.2007); **Туберкулез заработной платы – боль и плач населения** (gazeta.ru, 22.09.2013) и мн. др.

Замечено, что, по мнению авторов медийных текстов, власть и общество страдают от психических заболеваний, в частности, *шизофренией, паранойей, параличом, неврозом* и др. Например: **Политическая шизофрения в XXI веке стала ведущей силой** (https://proza.ru/2018/03/25/82, 25.03.2018); **Новый «маккартизм» или политическая паранойя в США** (https://news.rambler.ru, 10.03.2017) и др.

Исследуя субсферу «человек» как источник политической метафоры, А.П. Чудинов выделяет *физиологическую метафору*, в основе которой лежит тематическая группа «части тела (органы) человека и физиологические действия»: **Политика «сломанной руки» вредит репутации страны не меньше газовых войн** (Газета.Ru, 29.07.2020); **Украина столкнулась с «утечкой мозгов» и провалом в образовательном уровне** (https://rg.ru, 24.11.2023); **Ухо Президента. Как руль управления страной** (Новая газета, 24.05.1999);

Метафорический перенос может сопровождаться окказиональным словообразованием, отражающим актуальные социальные явления, например эпидемию коронавируса: **А поскольку действия государства пока что менее безумны, чем в прошлые разы, то экономический ущерб, наносимый коронабесием, пока оказывается меньше, чем в прошлую волну** (https://regnum.

ru/news/economy/3123805.html, 24.11.2020); **Корона-мамарзм**. Массовый психоз. Как защититься от вируса? (<https://www.youtube.com/watch?v=a42BYeK1P14>, 18.04.2020). Введенные окказиональные единицы создают особый эмоциональный фон, передавая иронию и сарказм авторов текста и вызывая эмоциональную реакцию у читателя.

Так, в современном медийном политическом дискурсе медицинская метафора привлекает внимание к социальным и политическим проблемам. Образы, создаваемые при помощи метафоры в медиатекстах, оказывают мощный воздействующий эффект на читательскую аудиторию.

Таким образом, ведущая роль в трансляции терминов медицины в новом значении принадлежит медийному пространству, в которое медицинские термины проникают из специального дискурса, включаясь в процесс образно-переносного употребления. Наше исследование показало, что единицы подъязыка медицины – активный источник пополнения медийного лексикона. В немедицинских текстах изменяется предметная соотнесенность специальной единицы, устанавливаются новые связи, разрушающие ограниченные рамки профессионального терминопотребления, что неизбежно ведет к изменению природы термина, который соотносится с иными понятиями и явлениями, по-новому интерпретируя действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – Москва: Языки славянских культур, 2004. – 472 с.
2. Пономаренко И.Н., Сегал Н.А. Универсальный принцип симметрии в объектах лингвистики: Монография. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2023. – 200 с.
3. Сачкова Е.В. Метафора и символ в политическом дискурсе // Русский язык в поликультурном мире. – Симферополь, 2020. Том 1. – С. 270–274.
4. Сегал Н.А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Сегал Наталья Александровна. – Краснодар, 2019. – 42 с.
5. Стоянова Е.В. Медицинская метафора в медийном дискурсе (на материале русского и болгарского языков) // Филологические заметки. – Пермь, 2011. – С. 343–354.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

© Байбуз Галина Владимировна (galina.baybuz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕДАЧА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «SHERLOCK»)

TRANSLATION OF LANGUAGE GAME IN AUDIOVISUAL TRANSLATION (BASED ON THE SERIES "SHERLOCK")

A. Boduleva
G. Yangirova

Summary: The phenomenon of "wordplay" has a polysemantic and polysemiotic nature. The difficulty of rendering a wordplay in the audiovisual translation lies in the need to carry out a pragmatic adaptation of the original for transfer not only from language to language, but also from culture to culture. The transfer of the wordplay in audiovisual translation is carried out mainly while maintaining the humorous effect based on the material of our analysis. In certain cases, translators fail to successfully integrate the wordplay into the target text.

Keywords: audiovisual translation, wordplay, voice-over translation, preservation of the humorous effect, TV-series "Sherlock".

Бодулева Алла Ралифовна

Кандидат филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

Янгирова Гузелия Вазировна

Кандидат филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

lingvo87@mail.ru

Аннотация: Феномен языковой игры обладает полисемантической и полисемиотической природой. Трудность передачи языковой игры в аудиовизуальном переводе заключается в необходимости осуществления прагматической адаптации оригинала для переноса не только с языка на язык, но и с культуры на культуру, а также с сохранением юмористического эффекта. Передача языковой игры в аудиовизуальном переводе осуществляется преимущественно с сохранением юмористического эффекта на материале проведенного анализа. В определенных случаях переводчикам не удается успешно интегрировать языковую игру в текст перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, языковая игра, закадровый перевод, сохранение юмористического эффекта, сериал "Шерлок".

В настоящее время практика аудиовизуального перевода находится в центре внимания в связи с развитием процессов международного взаимодействия и предоставлением переводческих услуг, что, в свою очередь, связано с выпуском большого количества видеопродукции. Успешная и адекватная интерпретация кинофильмов зависит от профессионализма и компетентности переводчика. Немаловажную роль играют и требования заказчика, который в основном нацелен на то, чтобы сделать перевод "финансово" привлекательным для зрителей.

Научные исследования в сфере аудиовизуального перевода ведутся относительно давно, еще с 60-х годов 20 века с работ Ю.М. Лотмана. Однако, следует отметить, что корпус данных изысканий сравнительно небольшой. Среди авторов, исследующих данное понятие, можно отметить работы Козуляева А.В. по модели обучения аудиовизуальному переводу, Матасова Р.А. по лингвокультурологическим и дидактическим аспектам перевода кино/видео материалов, Снетковой М.С. по лингвостилистическим аспектам перевода испанских кинотекстов, Давыдовой М.М. по прагматике текста в регистре документального кино, Зайченко С.С. по синергетическим особенностям организации художественного кинокурса, Кошкина Р. К. по особенностям нормативной девиации в переводном дискурсе.

Сам термин «аудиовизуальный перевод» не имеет четко очерченных границ. Козуляев А.В. [3] определяет

его как «креолизированный» перевод, целью которого является передача вербальных и невербальных знаков, а именно вербального/невербального шумомузыкального аудиоряда и вербального /невербального образного видеоряда. Следовательно, передача информации в аудиовизуальном переводе происходит путем взаимодействия «вербальных и невербальных элементов, транслируемых через визуальный и аудиальный каналы восприятия» [8, с. 117]. Таким образом, мы придерживаемся того, что «аудиовизуальный перевод – это создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существовавшего на исходном языке, причем таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка-реципиента и не было ему чуждо» [3, с. 13].

Потенциал языка огромен. Язык обладает неисчерпаемым потенциалом, что особенно проявляется в процессе творческого использования языка. В этом плане языковая игра предстает как один из наиболее сложных и интригующих феноменов, который пристально изучается отечественными и зарубежными лингвистами. В качестве материала для исследования были использованы 40 примеры, содержащие языковую игру из англоязычного сериала «Шерлок» и их переводы на русский язык, отобранные методом сплошной выборки. В данной работе рассматривается профессиональный дублированный перевод Первого канала и любительский субтитрованный перевод англоязычного сериала «Шерлок». Цель исследования заключается в изучении различных

видов языковой игры, а также характеристик аудиовизуального перевода. Кроме того, проводился сравнительный анализ примеров языковой игры в оригинальной и переведенной версиях сериала.

Рассмотрим некоторые из определений понятия «языковая игра». Д. Кьяро в своей работе «The Language of Jokes: Analysing Verbal Play» (Язык шуток: анализ языковой игры) приводит следующее определение языковой игры: «The term word play includes every conceivable way in which language is used with the intent to amuse» [9, с. 2]. Согласно мнению ученого, языковая игра охватывает все ситуации, в которых язык используется, чтобы создать юмористический эффект. Говорящий может свободно применять ту или иную форму речи, придавая ей эстетическую задачу, пусть даже самую простую. Это могут быть и незамысловатые шутки, и более или менее удачные острология, и каламбуры, и различные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.) [2, с. 172]. Немаловажна и роль языковой игры в аудиовизуальном переводе, где она способствует характеристике персонажей, поддержанию диалога, снижению напряженности общения, вызову реакции аудитории (смеха).

В данной работе мы будем придерживаться следующего определения языковой игры, предложенное В.З. Санниковым, который характеризует ее как «отступление от нормы, нечто неправильное», но вместе с тем «намеренное» и комичное [4, с. 454]. Языковая игра предстает как некий лингвистический эксперимент, цель которого сделать речь более выразительной.

Обратимся к видам языковой игры. В отечественной и зарубежной лингвистике языковая игра делится на 2 группы. Первая группа основывается на объединении в одном контексте различных значений одного слова (полисемии) и на одинаковым или схожим звучании слов при расхождении смысла (омофонии). В соответствии с последним принципом различают виды языковой игры, формирующихся на основе полисемии, омонимии, омофонии, паронимии.

В примере «*The Lying Detective*» (сезон 04, эпизод 02) игра слов в названии серии основана на омонимии. Так, в зависимости от контекста причастие настоящего времени *lying* можно перевести как *лежащий(ая)* и *лгущий(ая)*. Языковая игра заключается в том, что главный герой Шерлок, находящийся под действием наркотиков, большую часть серии лежит, но в то же время, чтобы поймать серийного убийцу, он лжёт Ватсону о своих настоящих намерениях и притворяется, что он наркоман.

Во вторую группу входят языковые аномалии, не составляющие целостного текста сами по себе, но принимающие участие в его создании. Под языковой аномалией В.З. Санников понимает «высказывания, противоречащие языковой интуиции» [Санников, с. 33]. Автор

подразделяет такие аномалии на 2 вида: контаминации и неологизмы.

Например, Sherlock: «**The Geek Interpreter? What's that?**»

Шизанутый переводчик? Что это?

Здесь мы видим трансформацию и неологизм, созданный как аллюзия к названию рассказа «The Greek Interpreter», которую Ватсон записывает в своем блоге. Вообще, слово «гик» (“geek”) хотя и является неологизмом, однако активно используется в русском языке и значит «человек, чрезвычайно увлечённый чем-либо; фанат».

“**I AM SHERLOCKED**” (сезон 02, эпизод 01, 1:21:47)

Надпись на заблокированном экране Ирэн Адлер гласит: “I am **** locked”, вместо четырех пропущенных символов предполагается ввод пароля. Шерлок, осознав, что у Ирэн есть чувства к нему, решает эту головоломку введя первые четыре буквы своего имени. Здесь языковая игра осуществляется на словообразовательном уровне, что приводит к созданию окказионализма путем контаминации двух лексем *Sherlock* и *locked* (заблокированный). В переводе удалось частично сохранить языковую игру (Мой пароль ШерлОК).

Таким образом, исследователи отмечают многообразие форм языковой игры, демонстрирующих как лингвистические, так и экстралингвистические характеристики. Это пробуждает интерес не только у теоретиков, но и у специалистов, стремящихся к практическому изучению специфики данного феномена.

Проблема перевода языковой игры – одна из самых важных и сложных проблем перевода. Основными трудностями при переводе являются необходимость синхронизации видеоряда с языковой игрой, различия языковых особенностей языков оригинала и перевода и разница культурных контекстов [5, с. 196]. Исследователи зачастую относят данное понятие к непереводаемым явлениям. Важно подчеркнуть, представитель определенной культуры имеет свою индивидуальную картину мира, отличающуюся от мировосприятия представителей других культур. Однако, сложности в переводе языковой игры заключаются не только в разнице между структурами языков. Перед процессом передачи смысла переводчик должен прибегнуть к анализу исходного текста и выбрать стратегию, а затем соответствующий цели и стратегии прием перевода.

Считаем, что понятие «стратегия перевода» занимает одно из главных мест в практике и теории перевода, поскольку оно способствует соотношению теоретических и практических навыков, а также оказывает влияние непосредственно на качество перевода. Одну из трактовок понятия «стратегия перевода» мы находим у А.Д. Швейцера, который характеризует ее как программу переводческих

действий и реализацию этой программы на практике, а именно совершение рациональных операций, которые заключаются в выборе вида перевода (буквального, вольного, дословного) [6, с. 24]. Считаем, что одной из наиболее распространённых стратегий перевода является ориентированность на исходный текст. Воспроизведение индивидуального стиля автора (сохранение обыгрываемых языковых единиц в языковой игре, сохранение прагматической составляющей языковую игру) в наибольшей степени удастся при ориентации на исходный текст.

Часто присутствует вопрос о распознавании игры слов, особенно в случае интертекстуальной игры слов. В этой связи переводчик может выбирать из широкого спектра методов перевода при переводе игры слов. Но для того, чтобы выбрать один из этих способов или хотя бы начать рассматривать, о чем идет речь в данном выборе, переводчик должен в первую очередь идентифицировать случаи игры слов в исходном тексте. Переводчик попеременно исполняет функции реципиента оригинального текста и создателя переведенного текста, поэтому ему необходимы, во-первых, способности «декодировать» языковую игру, а во-вторых, умения воспроизводить ее, используя ресурсы переводящего языка [1, с. 168].

Перевод языковой игры предполагает процесс тщательного изучения ее компонентов, в том числе юмористических, для выявления авторских приемов, а также намерений автора относительно реакции зрителя. Как было отмечено нами ранее, адекватный перевод невозможен без определения дальнейшей переводческой стратегии. Мы рассматривали приемы перевода, составляющих основу стратегии перевода. Необходимо рассмотреть предпереводческий анализ текста (в нашем случае кинотекста, со всеми его экстралингвистическими составляющими).

В данном исследовании при переводе языковой игры мы будем опираться на типологию методов перевода каламбуров в художественных текстах, разработанную Д. Делабастиной [10]. Мы адаптировали ее к переводу языковой игры в кинодискурсе.

ЯИ > ЯИ: 1 способ перевода языковой игры связан с сохранением игры слов исходного языка с точки зрения формальной и семантической структур.

Представим результаты проведенного анализа и сравнение переводов на предмет удачности и на предмет сохранения языковой игры в переводе.

LESTRAD: What the hell are we supposed to make of that? An estate agent's photo and the bloody Greenwich pips! SHERLOCK: It;ms0-bidi-font-weight: normal'>pips, things like that. Five pips. (сезон 01, эпизод 03, 12:45)

В русской версии Первого канала диалог звучит так: «Какое-то фото и пять коротких гудков» и «Тайное обще-

ство рассылало сухие арбузные семечки, тоже по пять штук, как сейчас – пять гудков»

Любительский перевод: Чёрт возьми и как это понимать? Агентское фото какой-то халупы и чёртовы сигналы Гринвича. Некоторые тайные общества раньше присылали семена дыни, косточки апельсина. Подобные шутки – пять коротких сигналов.

Для того чтобы понять в чём заключается языковая игра в данном отрывке, обратимся к кембриджскому словарю значений:

UK *pip noun* (SEED)

one of the small seeds of a fruit such as an apple or an orange

a short, high sound, especially one of a series:

She turned on the radio and heard the five o'clock pips.

Анализ двух переводов показывает, что фонетический каламбур (*piPs*) сохранился в обоих случаях. Слова-омонимы *piPs* – *piPs* корректно переданы в обоих случаях (семена-косточки) и (гудки – сигналы).

ЯИ > НЕ ЯИ: в этом случае языковая игра передается несхожим языковым элементом, но с сохранением комического эффекта. Иногда при переводе компоненты языковой игры могут быть трансформированы «до неузнаваемости».

IRENE ADLER: *Why are you always so suspicious?*

SHERLOCK: **Should I answer chronologically or alphabetically?** (сезон 02, эпизод 01)

В представленном отрывке внимание должно быть уделено реплике Шерлока. В этом фильме Шерлок Холмс предстает перед нами таким сумасшедшим авантюристом, - своей ироничностью и чертовским обаянием схожим с Бондом. Отсюда и огромное количество ироний, которые можно встретить в фильме.

Вот и в этой фразе мы можем наблюдать иронию, но в переводе на русский, на наш взгляд, она теряется и становится бессмысленной. И дублированном, и в любительском переводе имеется следующее: «Почему ты такой подозрительный? Ответить в хронологическом порядке или алфавитном?». Шерлок как бы пытается уйти от разговора с Ирен. Ведь только ей удастся обыграть Шерлока. Только она по словам автора может быть равной по уму самому Шерлоку.

ЯИ > СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ: в данном случае языковая игра заменяется некоторым стилистическим приемом, связанным с игрой слов (повторение, аллитерация, ирония, метафора и т. д.), целью которого также является воссоздание эффекта каламбура исходного текста.

Например, рассмотрим языковую игру, основанную на «serial killer...serial killer».

SHERLOCK: *He doesn't want to kill one person; he wants to kill anyone. (He stares at Smith, his eyes wide.) He's a serial killer!*

SMITH: *You know I'm a killer. But did you know...*

(He turns back to the front camera, picks up the bowl and holds it up.)

SMITH: *...I'm a serial killer?! (сезон 04, эпизод 02, 40:37)*

К сожалению, в переводе на русский язык данную языковую игру в полной мере сохранить не удалось (ЯИ> стилистический прием), хотя был использован прием компенсации (Хлоп! – и наповал). В субтитрованной версии реплики звучат так: «Я убийца. Вы знаете, что я убийца. Но вы в курсе... что я убийца хлопьев?» – как мы видим языковую игру сохранить не удалось (ЯИ> опущение ЯИ).

ЯИ> ОТСУТСТВИЕ ЯИ: в этом случае часть текста, содержащая языковую игру, просто опускается. Как правило, такой метод применяется при невозможности перевода с сохранением комического эффекта.

SHERLOCK: *Won't be a minute. Gotta sees a man about a dog.* (сезон 02, эпизод 02, 1:26:55)

В этом случае для понимания обыгрывания фразеологизма необходимо знание контекста – эта реплика взята из серии о собаке Баскервилля. Как правило, фразеологическая единица «see a man about a dog» используется, когда кому-то нужно отлучиться, без обозначения конкретного места (в русск. «сходить кое-куда»), и в этом контексте она приобретает второй план – буквальный. В переводе Первого канала фраза звучит следующим образом: «Я на минуту, схожу про собаку спрошу» – переводчик оставил только буквальный план (ЯИ> опущение ЯИ), то же было сделано и в субтитрованном переводе:

«Нужно повидаться кое с кем насчет пса».

Проанализировав примеры языковой игры в англоязычных сериалах, можно сделать вывод о том, что арсенал приёмов языковой игры в кинематографическом дискурсе на лексико-семантическом уровне обширен. В данной группе нами были рассмотрены группы языковой игры, строящихся на основе полисемии, омонимии, омофонии и паронимии, а также на основе функционирования контаминации и неологизмов. синонимия, антонимия, ирония, перифраза. Также были выявлены случаи создания языковой игры при помощи фразеологических каламбуров.

В результате анализа выявлено, что в 40% случаев происходит передача языковой игры оригинала с сохранением формальной и семантической структуры в переводе. В 20% случаев сохранение языковой игры происходит при помощи ее замены на стилистический прием в переводе, либо компоненты языковой игры трансформируются «до неузнаваемости». В остальных случаях наблюдается опущение языковой игры, ввиду невозможности перевода с сохранением комического эффекта.

Таким образом, языковой игре в аудиовизуальных произведениях присуща полисемиотическая природа и, в этой связи, для их адекватной передачи необходима прагматическая адаптация оригинала для переноса значения из одной культуры в другую.

Тем не менее, в некоторых случаях юмористический эффект при передаче языковой игры часто может быть утерян, так как культурно-специфические факты оригинала могут вызвать непонимание на языке перевода. Поэтому успешность передачи языковой игры во многом зависит от того, насколько переводчик владеет знаниями о лингвистической и экстралингвистической составляющими текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриш А.С., Муравых О.А. Проблема перевода языковой игры в аудиовизуальных произведениях. Филологический аспект, №5 (49) 2019. С. 166–170
2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Отв. ред. Земская Е.А. М.: 1983. С. 172 – 214.
3. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, выпуск 3 (13), 2015. С. 3–24.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 2002. 552 с.
5. Харченко Е.Р. Особенности перевода языковой игры при закадровом озвучивании аудиовизуального контента// Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации. Саратов: Издательство «Саратовский источник», Выпуск 15, 2022. С. 190–196
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
7. «Шерлок» (все сезоны и все серии) URL: <https://kino.1tv.ru/serials/sherlok-1-2-3?ysclid=lhebvhkqh1834685993> (дата обращения: 15.05.2024)
8. Шутова Н.М., Семенова Н.С. Комическое в аудиовизуальном тексте: проблемы перевода (на материале американской кинокомедии «шестнадцать свечей»)// Проблемы перевода в межкультурной и междисциплинарной коммуникации, Том 13, 2021. С. 116–125
9. Chiaro D. The Language of Jokes: Analyzing Verbal Play. New York: Routledge, 1992. 144 p.
10. Delabastita D. There's a Double Tongue: An Investigation into the translation of Shakespeare's wordplay with special reference to Hamlet. Amsterdam: Rodopi, 1993. 522 p.

© Бодулева Алла Ралифовна, Янгирова Гузелия Вазировна (lingvo87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ И СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В РАБОТАХ БРИТАНСКОГО ЛИНГВИСТА ДЖОНА ОРРА

Гаврилова Юлия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
march1378@yandex.ru

CONNECTION AND COMPARISON OF FRENCH AND ENGLISH IN THE PAPERS OF BRITISH LINGUIST JOHN ORR

Ju. Gavrilova

Summary: The article deals with analysis of linguistic ideas of the British linguist John Orr in the sphere of linguistic theory and especially those ideas connected to the comparison of French and English. In the article the author gives brief information about biographic data relevant from the point of view of his forming scientific ideas. Basic information is devoted to Orr's ideas on the problems of etymology, comparative analysis, and historical phonetics. The aim of the research is to give characteristic of John Orr's linguistic ideas dealing with comparing English and French.

Keywords: comparative analysis, etymology, linguistic geography, phonetics, French literature.

Аннотация: Статья посвящена анализу лингвистических взглядов британского учёного Джона Орра в сфере лингвистической теории и, в частности, сопоставления английского и французского языков. В статье автор кратко знакомит читателя с биографическими данными, имеющими значение с точки зрения научных взглядов лингвиста. Основное внимание уделено идеям Орра по проблемам этимологии, сопоставительного анализа и исторической фонетики. Цель исследования – охарактеризовать лингвистические воззрения Джона Орра в рамках сопоставительного анализа английского и французского языков.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, этимология, лингвистическая география, фонетика, французская литература.

Введение

Как известно, британские лингвисты отличались широтой научных интересов и исследовали языки самых разных групп и регионов. Конечно, большое внимание уделялось редким языкам, но в то же время они исследовали проблематику европейского языкознания и литературы, европейские языки. В данной статье речь как раз пойдет об исследованиях в сфере европейских языков, а именно английского и французского, предпринятых на рубеже начала двадцатого столетия британским лингвистом Джоном Орром.

Основные результаты

Академическая карьера учёного

Джон Орр (1885–1966) родился в городе Эгрмонт (Egremont), Великобритания, в семье шотландцев, Питера Орра и Лилии Дункан Аллан. Семья вскоре эмигрировала в Тасманию, где получил классическое образование в школе, затем в университете будущий профессор Орр, там наряду с языками он также изучал право. Именно классическое образование в сфере юриспруденции, вероятно, объясняло четкую логику изложения и сопоставления языковых фактов, которой отличаются статьи исследователя. По причине сложностей со здоровьем легких ему было рекомендовано врачами сменить климат, таким образом, несколько лет Орр провёл во Франции и Швейцарии, где и попал под очарование француз-

ского языка и литературы. В период 1910–1913 годов он проходил обучение во Франции: посещал лекции в Сорбонне и Парижском университете.

Надо заметить, что в указанный период времени благодаря усилиям ряда французских лингвистов Париж стал авторитетным центром исследований по романской филологии. Среди французских профессоров, у которых перенимал знания и навыки будущий учёный-романист Орр, он испытал на себе особое влияние личности и профессионализма профессора Жюль Жильерона, которому впоследствии были посвящены некоторые статьи учёного. Именно в это время имело место формирование основ будущей карьеры учёного как филолога-романиста.

Собственно профессиональная карьера Джона Орра началась в 1913 году с преподавания в Манчестерском университете (University of Manchester), а в 1915 году он начал преподавать в университете Восточного Лондона (East London University). Эта должность была прервана службой в армии в период 1916–1918 годов. В 1919 году он был назначен профессором французского языка в университете Манчестера, эту должность Орр занимал на протяжении 14 лет. В это время он также трудился на должностях декана факультета искусств (1924–1926) и проректора университета (1931–1933).

Позже, в 1933 году, Орр принял приглашение возглавить кафедру французского языка в Эдинбургском университете (University of Edinburgh), где его обязанности

выходили далеко за пределы собственно кафедры и он также занимал пост декана факультета искусств (Faculty of Arts, 1951-1954), входил в состав ряда комитетов и комиссий внутри университета и занимался проблемами сферы образования во всей Шотландии. По его инициативе в 1951 году была создана ещё одна кафедра французского языка, в то время как та кафедра, на которую он был приглашён, была переименована в кафедру французского языка и романской филологии (Chair of French Language and Romance Philology) [1].

После выхода на пенсию в 1955 году Джон Орр оставался жить в Эдинбурге, но много путешествовал по Франции и Испании, причём это были скорее командировки, нежели путешествия как таковые; за рубежом Джон Орр выступал с лекциями в университетах Барселоны, Лиона, Страсбурга, посещал научные конференции и конгрессы.

Основные научные публикации

Наибольшей ценностью с научной точки зрения обладают статьи исследователя, вышедшие в свет в период с 1920 по 1966 годы, общее количество которых составило примерно 50. Они были опубликованы в трех крупных изданиях: 23 статьи вошли в сборник под названием «Слова и звуки в английском и французском языках» (Words and Sounds in English and French, 1953) [5]; 17 статей – в сборник «Эссе и по французской этимологии и филологии» (Essais d'étymologie et de philologie françaises, 1963) [3].

Другие статьи и обзоры были собраны в издании того же 1953 года под названием «Исследования по романской филологии и французской литературе, представленные Джону Орру учениками, коллегами и друзьями» (Studies in Romance Philology and French Literature presented to John Orr by Pupils, Colleagues and Friends) [6]. Сборник содержал 24 статьи различных исследователей – романистов по проблемам романской филологии и французской литературы, а также биографию Джона Орра.

Аспекты сопоставительного анализа английского и французского языков

Остановимся подробнее на работе 1953 года «Слова и звуки в английском и французском языках» [5]. Так, первая глава этой книги “The flea and the fly” посвящена сопоставительному анализу слов *flea* и *fly*, омонимичных глаголов *to flee* и *to fly*, сопоставлению английского и французского языков. Так, рассматриваются сходные пары выражений, таких, как *fleeing time*, *flying time*, *fleet-ing time* и причины, по которым предпочтительным вариантом выступает *fleeing time*. Интересно также, что англичане скажут *I must fly*, а французы скорее скажут *I must flee*.

Глаголы *to flee* (бежать) и *to fly* (лететь) являются омонимами двух из четырёх существительных, обозначающих насекомых в английском языке. Это *fly* (муха), *flea* (блоха), *bug* (жук), *louse* (вошь). При этом названия всех насекомых, кроме *fly* (муха), некоторым образом табуированы в официальном стиле, в то время как употребление слова *fly* является вполне свободным и приемлемым для любого общества, как и слово *spider* (паук). Из указанного списка слово *flea* имеет наименьшее табу. Именно к особенностям стиля Орр и относит предпочтение в выборе среди всех названий насекомых, отдаваемое слову *fly* (Например, “*Time flies*”).

Орр предполагал, что омонимическое совпадение глаголов и существительных (*sees – seas*, *knows – nose*, *to crow – a crow*) – это обычное явление, встречается довольно часто в английском языке и не доставляет неудобств носителям языка. Употребление глагола *to fly* подчёркивает скорость движения и несомненно имеет метафорическую составляющую.

Причем, интересно, что, если изначально данный глагол действительно употреблялся скорее в метафорическом смысле, позже он стал употребляться для описания быстрых движений, а сходство в звучании двух глаголов *flee* и *fly* способствовало в итоге тому, что они стали восприниматься как связанные друг с другом, а ассоциирование с их омонимами, обозначающими насекомых, также сближает их психологически.

Во французском языке эквивалентами глаголов *flee*, *fly*, *fleet* являются глаголы *fuir* и *couler*, а также к этой группе относится существительное *vol*, а также прилагательное *fugitive*. При этом важен, по мнению Орра, тот факт, что все эти слова имеют тесную ассоциацию психологически и сходны по звучанию.

Глагол *to fly*, независимо от более позднего его значения, связанного с употреблением по отношению к полёту на самолете, имеет два базовых значения – исконное значение эквивалентное французскому глаголу *voler* и более позднее, соответствующее французскому глаголу *fuir*.

Ещё одна глава в этой работе посвящена влиянию французского языка на английский и носит название “The Impact of French upon English”. Особенности употребления французского языка в Великобритании Орр рассматривает в ней с исторической точки зрения, начиная с периода XIII века, когда французский язык использовался повсеместно, преподавался в школах (где английский был в тот период запрещен), в судах, в Парламенте.

Интересно, что, по мнению Джона Орра, особенно сложно тем, кто владеет сразу двумя этими языками, английским и французским. «Cases of such complete hom-

onymic and synonymic fusion as of *outré* with *utter* and *faire* with *fare* were naturally rarely possible" [5, с.35]. Также приводятся примеры пар слов, употребимых в современном английском языке: *keep back – retain, hold up – sustain, smell – odour, perfume, forgive – pardon, feed – nourish, same – equal, build – construct*, по убеждению Орра, прежняя иерархия все еще сохраняется и выражается в том, что исконно английские слова достаточно простые и обозначают собственно предметы или какие-либо факты, в то время как заимствованные из французского слова обозначают более абстрактные, академичные, рафинированные понятия. Ещё одна статья посвящена сравнению двух глаголов, которые часто путают говорящие: *to prune* и *to preen*. Опп рассматривает трансформацию значений с исторической и этимологической точек зрения.

Интересно, что в сборнике содержится статья под названием "English and French – a Comparison" [5, с.56-63], в которой приводится сравнение двух языков с различных точек зрения, включая словарный состав, глаголы, наиболее употребимые предлоги и синтаксические

конструкции. Автор приходит к выводу о том, что французский язык остаётся в большей степени статичным, в отличие от динамичности английского языка. Французский не имеет такого богатого словарного запаса, какой имеет английский, включающий в себя одновременно множество архаичных слов и выражений, которыми пользуются поэты.

Заключение

Суммируя всё, сказанное выше, можно сделать следующие выводы. Проведение сопоставительного анализа двух и более языков всегда представляет собой благодатную сферу для новых открытий, даже если для анализа выбираются языки разных групп. На наш взгляд, Джон Опп в истории британского языкознания был фигурой не менее значимой, чем лингвисты-«лондонцы» или фонетисты, однако в отечественном языкознании лингвистические взгляды профессора Орра до сих пор не получили должного внимания у специалистов по общему и сравнительному языкознанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биография Джона Орра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adb.anu.edu.au/biography/orr-john-11313> (дата обращения 20.04.2024)
2. Jordan I., Orr J. Introduction to Romance Linguistics. Its Schools and Scholars. Los Angeles: Berkeley, 1970. 593 p.
3. Orr J. Essais d'étymologie et de philologie françaises. Paris: Klincksieck, 1963. 215 p.
4. Orr J. Old French and Modern English Idiom. Oxford: Blackwell, 1962. 160 p.
5. Orr J. Words and Sounds in English and French. Oxford: Blackwell, 1953. 279 p.
6. Studies in Romance Philology and French Literature presented to John Orr by Pupils, Colleagues and Friends. Manchester: Manchester University Press, 1953. 315 p.

© Гаврилова Юлия Викторовна (march1378@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕЛЕСНАЯ ТОПИКА В ИМАЖИНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

BODY TOPIC IN IMAGIST DISCOURSE

K. Gushchina

Summary: The category of corporeality is one of the most important world-modelling categories in the poetic discourse of the late XIX – early XX century. Corporeality as a complex multidimensional structure can be represented in the textual reality both explicitly and implicitly, and it becomes a transversal principle of representation of the poetic picture of the world of the boundary period of lyric development. Hypothesis of the research: the bodily topicality is the key one in the poetic discourse of Imagist poets. It is manifested at all levels of organization of poetic works. The aim of this paper is to analyse the specificity of representation of bodily markers, determining their semantic potential in the most relevant poetic texts of the key representatives of the Imagist movement – S. Esenin, A. Mariengof, R. Ivnev and V. Shershenevich. In this paper we focus on the principle of a systematic approach to the analysis of an artistic text, as well as on the combination of contextual and structural methods of analysis. The article schematically describes the basic tendentious concepts of the poetics of corporeality – the image of the fragmented, dismembered body, as well as the exalted and affected body. Bodily markers in the lyrics of the analyzed poets are semantically revealed in the structure of the through lei metaphor «body-world/world-body». According to the results of the analysis, it has been revealed that the formation of bodily images conveying anatomy and psycho-physiological states of the subject of speech is based on the semantic emphasis on the objectification of inner life by means of anatomical and psycho-physiological images.

Keywords: imagism, physicality, somatosphere, topic, poetics of artistic modality.

Гущина Ксения Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, Астраханский
государственный технический университет
k.churzina@yandex.ru

Аннотация: Категория телесности является одной из важнейших миро-моделирующих категорий в поэтическом дискурсе конца XIX – начала XX века. Телесность как сложная многомерная структура может быть репрезентирована в текстовой реальности как явно, так и имплицитно, и становится сквозным принципом репрезентации поэтической картины мира рубежного периода развития лирики. *Гипотеза исследования:* телесная топика является ключевой в поэтическом дискурсе имажинистов. Она проявляется на всех уровнях организации поэтических произведений. Цель настоящей работе – проанализировать специфику репрезентации телесных маркеров, определив их семантический потенциал в наиболее релевантных поэтических текстах ключевых представителей имажинистского течения – С. Есенина, А. Мариенгофа, Р. Ивнева и В. Шершеневича. В настоящей работе ориентируемся на принцип системного подхода к анализу художественного текста, а также на сочетании контекстного и структурного **методов** анализа. В статье схематично описываются базовые тенденциозные концепции поэтики телесности – образ фрагментированного, разъятого тела, а также экзальтированного и аффектированного тела. Телесные маркеры в лирике анализируемых поэтов семантически раскрываются в структуре сквозной лейтметафоры «тело–мир/мир–тело». *Согласно результатам проведенного анализа* выявлено, что в основе формирования телесных образов, передающих анатомию и психофизиологические состояния субъекта речи, лежит смысловой акцент на объективизации внутренней жизни посредством анатомического и чувственного модуса телесности.

Ключевые слова: имажинизм, телесность, соматосфера, топика, поэтика художественной модальности.

В программном манифесте 1920 г. «2x2=5: Листы имажиниста» теоретик группы имажинистов В. Шершеневич, обосновывая основные положения имажинистского течения, высказал мысль, что «всё искусство строится на биологии и вообще на естественных науках» [9, с. 23], а само слово и словесный образ «есть расточение подсознательного» [там же, с. 24]. Действительно, реформация словесного искусства, «освобождение слова» (по В. Шершеневичу) актуализировал интерес лирического осмысления проблемы телесности и телесного бытия человека. Язык соматики активно апробировался поэтической практикой имажинистов, которые создают образы на основе телесной топики в аспекте анатомии и физиологии тела.

В имажинистском творчестве образы человеческого тела занимают центральное место, посредством которых реализуется взаимообратная лейтметафора «тело–мир/мир–тело». Телесные маркеры ассоциативно соотносят-

ся с различными универсалиями поэтического макромира – урбанистическими, вегетативными, анималистическими, культурными и т. п. Эта символическая связь позволяет вербализовать многогранные и самоцельные образы со сложной семантикой: передавать, с одной стороны, ощущение единства с природой, одновременно раскрывая уязвимость и временность человеческого существования, с другой, – трагическое ощущение кризиса культурно-исторического контекста эпохи.

Так, в начале XX века Россия остро обозначившиеся социальные и политические изменения нашли своё отражение в художественных поисках поэтов этого времени. И соматическая образность в «поэтике художественной модальности» (по С.Н. Бройтману) становится символом этой бурной эпохи, его преображения и трансформации.

Соматосфера лирического творчества С. Есенина

символизирует связь с исконными, традиционными ценностями русской деревни, которая, в свою очередь, контрастирует с индустриализацией и урбанизацией, охватившими Россию в те годы:

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе. [4, с. 157]

Племенное прошлое и крестьянский уклад играют важную роль в его лирике, подчеркивая вечные природные циклы и выживание в гармонии с землей.

У Р. Ивнева телесность нередко семантизируется посредством мотивов социального давления и репрессий, символизирует разрушительные последствия социальных перемен, как это представлено в произведении «Октябрьская поэма»:

Вы снились мне с детства, как мука, как счастье,
Быть может, в разрезе иных плоскостей,
И принял я сердцем и новые снасти,
И озеро крови, и груды костей. [5]

То есть тело становится эмблемой новой эпохи – разрываемой противоречиями, рвущейся к свободе и самостоятельности.

Таким образом, поэты использовали образ тела для создания многослойных и эмоционально насыщенных картин мира, где человеческое тело выступало в роли инструментального средства для более глубокой передачи личных и социальных эмоций и настроений. Это позволяет утверждать, что подтекстовый анализ произведений русских имажинистов не только обогащает знание о литературных канонах, но и дает возможностям более глубоко понимать сложные эмоциональные и социокультурные контексты их времени.

В поэзии имажинистов образы телесности нередко интегрированы в пейзажные характеристики, отражая его органическую связь с миром природы. Лирическое я С. Есенина часто воспринимает как органическое продолжение телесности; природа и тело становятся почти неразличимыми: руки, плечи и волосы героя сливаются с ветвями и цветами дерева. Поэт выражает идею того, что человеческое тело является неотъемлемой частью природного цикла, подчеркивая его вечность и неразрывную связь с окружающим миром:

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны. [4, с. 64]

Р. Ивнев обращается к человеческому телу в контексте изменения и трансформации, где природа становится активным агентом, воздействующим на человека. В его поэзии зеркало природы выступает как проводник внутренних изменений и дисгармонии. Например, в сти-

хотворении «В твоих глазах волнуется Нева» тело и природа взаимодействуют через пейзаж нестабильности и неопределенности. Образы тумана и ветра, преломляющие и искажающие очертания, подчеркивают хрупкость и преходящий характер человеческого существования. Для Р. Ивнева природа – это не только уют и утешение, но и источник тревоги и чуждости, что находит отражение в гибридных образах, где тело поглощается элементами пейзажа. Природные явления – снег, дождь – становятся символами внутреннего мира, указывая на уязвимость и подверженность трансформации как неизбежное следствие контакта с окружающей средой.

А. Мариенгоф предпочитает использовать метафоры человеческого тела и природы для создания эффекта отчужденности и ирреальности. В его стихах физическое тело человека нередко взаимодействует с урбанистическими образами – асфальтом, бетонными стенами, железом, тем самым усиливая коллизию между естественным и искусственным мирами. В поэтическом сочинении «Руки галстуком» метафоры города и тела непрерывно переплетаются, создавая атмосферу внутреннего раздвоения. Городская природа формирует своеобразные декорации для действия и одновременно становится продолжением психической структуры героя. В этом контексте тело превращается в некий чуждый природный элемент, пытающийся найти гармонию с техногенной средой. Такой подход символизирует отчужденность человека в новом индустриальном мире, усиленную акцентированием на холодных, механических аспектах окружающей среды, что особенно ярко воплощается в поэзии Мариенгофа.

Образ тела в поэзии В. Шершеневича служит своеобразной призмой, в которой отражаются не только личные, но и коллективные переживания и страхи. В своих поэтических сочинениях он часто использует такие образы как «распятое тело», «искалеченная плоть», «механический человек». Соматические компоненты данных образов создают ощущение, что современный мир разрушает и искажает природу человека, делая его частью бессердечного механизма. В то же время В. Шершеневич не забывает о способности тела к восстанию и сопротивлению. Через образы боли и страха он часто показывает, что внутренние силы человека могут преодолеть любые границы. В его стихах видны влияния экзистенциализма и сюрреализма, что еще больше усиливает драматизм и глубину его поэтических образов. Читатель погружается в мир, где каждое описание тела несет в себе многослойное значение, напоминая о дихотомии между материальным и духовным, временным и вечным.

Поэтика телесности имажинистов обусловлена парадоксальным сочетанием концепции единой «живой плоти» и поэтикой разъятого тела, подвергающегося «анатомированию», фрагментации и деструкции, что со-

ответствует миромоделирующим установкам авангарда. Отличительной чертой поэтики лирики Р. Ивнева является то, что он разбивает тело на отдельные элементы, каждой частью которого наделяется свое собственное время или состояние, что демонстрируют конфликт между внешним обликом тела и его внутренним миром, стремлением субъекта к полноте самовыражения, к примеру, в поэтическом сочинении «Мне поведал Великий Разум»:

Пожирает безмолвный пламень
Сердце юное, чмокая ртом,
А душа, а душа как камень,
Не горит, молясь об одном. [5]

Телесные образы в приведенном фрагменте теряют привычную материальность и становятся неким аллегоричным проводником, связывающим различные аспекты жизни и смерти, мужского и женского начал, гармонии и хаоса. В его произведениях тело часто предстает как зыбкий мост между двумя мирами – миром чувств и миром мыслей. Незримая граница здесь всегда текучая и подвижная, что позволяет поэту исследовать многообразие человеческого опыта через призму телесных ощущений. Соматизмы *глаза, руки, губы*, в поэтике Р. Ивнева оказываются не просто частями тела, а важными средствами передачи внутреннего состояния персонажей.

Телесная образность лирики А. Мариенгофа проецируется своеобразным локусом конфликта между инстинктами и разумом, природным и культурным. Поэт часто подчёркивает телесность своих героев, их связи с окружением, простую и жизненную зависимость от физического существования. Эти образы тела тесно связаны с дихотомией между романтикой и цинизмом, идеализмом и реальностью, что позволяло поэту выразить глубинные противоречия его времени. Особое место в его поэзии занимают моторно-перцептивные образы *движения, баристических и колористических ощущений*. Эти элементы помогают создать наиболее полное и реалистичное ощущение, где каждое тело становится уникальной метафорой человеческой жизни, например, в сочинении «Кувшины памяти»:

Синюю струю тишины пью.
Тело нести легко.
В гавани слуха плывут издалека
Корабли шорохов нежной поступи. [7, с. 65]

Расчлененное тело в его поэтических произведениях часто отражает разочарование и утрату целостности, являясь метафорой раздробленного сознания. Например, его стихи полны образов, представляющих тело, переживающее насилие и мучения, поскольку именно через эту болезненную телесную оболочку поэт пытается достичь поэтического катарсиса.

В поэтической системе В. Шершеневича тело часто

деконструируется для демонстрации художественной истины и поиска новых граней человеческого существования. Поэт подходит к телесной образности с особым радикализмом, его тексты насыщены шокирующими и провокационными образами, где разъятое тело становится авангардным символом разрыва с традицией и каноном. К примеру, в стихотворении «Тематический контраст» изображения разорванных и перемешанных частей тела усиливают чувство хаоса и нестабильности физического мира. Таким образом, разъятость тела у Шершеневича приобретает концептуальный смысл, превращаясь в своего рода манифест модернистской эстетики.

Тела в поэтических произведениях Р. Ивнева подвергается фрагментации под натиском сильных эмоций и страстей, отражающих напряженную духовную жизнь его героев. У В. Ивнева акцент смещается на внутреннее переживание, страсти, которые настигли и измучили его персонажей. На этом построен его цикл «Самосожжение», где поэт описывает агонию и муки, которые испытывает душа, запертая в разобранном теле, страдая от невозможности обрести покой. Через этот зримый образ поэт передает сложные отношения человека с его телесностью и конечностью, что подчеркивает преходящий характер физического существования и стремление к духовному освобождению. Разъятость тела у Р. Ивнева – это не столько симптом общественного распада, сколько выражение личной трагедии, душевого мучительного переживания.

Телесные образы в поэтическом дискурсе имажинистов нередко изображают тело как страдающее, аффективное, экзальтированное. При этом выступая как ключевой соматический маркер, разъятое тело позволяет авторам драматизировать внутренние и внешние конфликты, а также выражать эмоциональную напряженность и глубину личных переживаний. Образ фрагментированного тела часто ассоциируется с состоянием экстаза, когда душа и сознание выходят за пределы нормального восприятия, что позволяет передать моменты высшей духовной и эмоциональной интенсивности. Таким образом, тело оказывается объектом идейного и художественного исследования, способным «говорить» о том, что может быть невысказано иным путем.

В поэтических работах А. Мариенгофа образ разъятого тела применяется для иллюстрации деструктивных последствий революционной деятельности, конфликтов между личным и общественным, например, в «Застольной беседе»:

Окна, не харкайте желтой кровью!
Чорный платок ночи скорее к белым губам
Рам.
Как хрипло, как страшно стонут
Тронутые

Туберкулезом
Дымоходные трубы.
Тебе – умирающий город – моя слеза. [7, с. 72]

Агонизирующее, морбуальное тело в метафорическом переплетении с урбанистическими образами подчеркивает именно драму человеческого существования, отражает разочарование и утрату целостности, являясь метафорой раздробленного сознания.

Символика разъятого и экзальтированного тела у Р. Ивнева строится на периодах кризиса и изменений, отражая тревогу, страх и напряженность, пронизывающие общественную ткань. В его стихах телесная метафорика оказывается ареной борьбы внутренних и внешних сил, что подчеркивает разрыв между идеей и реальностью, между лирической ситуацией и внутренней реакцией на нее, отсюда, характерный для автора физиологический мотив удушья, задыхающегося тела (*задыхающиеся звезды, «задыхался и падал в крови», «задыхался и падал я» и т. п.*).

Телесные образы, часто насыщенные гиперболами, создают ощущение накала и напряженности, которые усиливают эмоциональное восприятие произведений. Подобная художественная стратегия позволяет автору не только творчески исследовать границы человеческой психики, но и использовать тело как средство социального комментария. Обращаясь к экзистенциальным вопросам через телесные страдания, поэт подчеркивает хрупкость человеческой природы перед лицом исторических и социальных изменений. Его подход помогает углубить понимание страданий и противоречий эпохи, в которой он жил и творил.

Образ амбивалентной, распадающейся личности, обладающей «альтернативной аффективностью» проявляется в поэзии С. Есенина. Наиболее тонко и деликатно это представлено во фрагменте стихотворения «Плачет метель, как цыганская скрипка...»:

Плачет метель, как цыганская скрипка,
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо. [4, с. 662]

И более радикально это представлено в произведении «Черный человек».

В. Шершеневич использует разъятое и экзальтированное тело как элемент своей поэтической системы, где каждый конкретный образ и мельчайший телесный фрагмент несет в себе многие смысловые нагрузки. В поэзии этого автора тело становится инструментом для исследования пределов человеческого «я» и социальных конструкций, а также для передачи экстраординарных состояний сознания и откровений. Многочисленные телесные метаморфозы и экзальтированные состояния в стихах В. Шершеневича служат способом трансфор-

мации поэтической реальности, давая возможность сопоставлять реальное и вымышленное, материальное и идеальное. Эта телесная поэтика помогает автору создавать многослойные образы, где каждая деталь взаимодействует с целым, предоставляя читателю больше возможностей для интерпретации. В. Шершеневич через экзальтацию передает экстремальные эмоциональные переживания, тяготы существования и энтузиазм, присущий русскому авангарду, тем самым открывая новые горизонты для поэтического языка и символики. В его поэзии тело представляется не только как физический объект, но и как медиатор множества культурных, философских и эстетических смыслов, позволяя ему стать значимой частью более широкого литературного контекста.

Таким образом, образ человеческого тела занимал центральное место в поэзии русских имажинистов, представляя собой соматический знак эстетического и экзистенциального переживания. Для С. Есенина тело часто выступало метафорой природного цикла, где каждая линия и изгиб становились частью великого обобщающего образа земли, полей и рек. В его стихах можно увидеть, как человеческое тело сливается с пейзажем, отражая единство человека и природы. Есенинская поэзия насыщена чувственными образами, где описания тела зачастую символизируют любовь и страсть, радость и печаль, земное и вечное. В этом контексте тело получает духовное измерение: оно становится полем битвы между светом и тьмой, между жизнью и смертью. Через образ тела можно проследить философские рефлексии поэта о месте человека во вселенной, о его глубоком единении с природными стихиями.

Р. Ивнев использует образ человеческого тела как средство выражения внутреннего мира своих персонажей. Тело у Р. Ивнева – это вмещательное противоречивых чувств и эмоций, отражение состояния души. В его стихах можно встретить образы тела, которое испытывает боль и страдание, но в то же время способно переживать моменты экстаза и блаженства. Автор часто обращается к контрастам, где изображение тела помогает выразить неразрешимые конфликты и внутренние драмы. Таким образом, тело в поэзии Ивнева становится символом эмоциональной палитры человека, оно передает его борьбу с миром и самим собой. Особое внимание поэт уделяет моментам интимной близости, когда тело оказывается наиболее уязвимым и открытым для чувств. Через эти моменты Ивнев передает глубоко личные переживания, которые оставляют неизгладимый след в восприятии читателя.

Для А. Мариенгофа человеческое тело становится объектом эстетического эксперимента. В его поэзии тело часто представлено как мозаика, собранная из множества отдельных частей, каждая из которых имеет свое символическое значение. А. Мариенгоф обладает спо-

способностью детализировать изображение тела, придавая ему черты скульптурной красоты и художественной завершенности. В его стихах можно увидеть элементы декаданса, где тело предстает как объект наслаждения и созерцания, а также как носитель разрушительных начал. Этот подход позволяет А. Мариенгофу создать многослойный образ тела, который может быть одновременно привлекательным и отталкивающим. В его поэзии тело утрачивает свою обыденность, превращаясь в произведение искусства, наполненное скрытыми смыслами и символами. Это подчеркивает важность образа тела в культурном контексте, его связь с идеями красоты, гармонии и разрушения.

В поэзии В. Шершеневича тело становится инструментом для исследования пределов человеческого «я» и социальных конструкций, а также для передачи экстраординарных состояний сознания и откровений. Многочисленные телесные метаморфозы и экзальтированные состояния в стихах В. Шершеневича служат способом трансформации поэтической реальности, давая воз-

можность сопоставлять реальное и вымышленное, материальное и идеальное. Эта телесная поэтика помогает автору создавать многослойные образы, где каждая деталь взаимодействует с целым, предоставляя читателю больше возможностей для интерпретации. В. Шершеневич через экзальтацию передает экстремальные эмоциональные переживания, тяготы существования и энтузиазм, присущий русскому авангарду, тем самым открывая новые горизонты для поэтического языка и символики. В его поэзии тело представляется не только как физический объект, но и как медиатор множества культурных, философских и эстетических смыслов, позволяя ему стать значимой частью более широкого литературного контекста.

Стратегии репрезентации телесной топики реализуются в следующих тенденциозных направлениях – концепция фрагментированного, разъятого тела и экзальтированного, аффектированного тела, а также сквозной для поэтического творчества имажинистов лейтметафоре «тело–мир/мир–тело».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2024. 628 с.
2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Том 2 // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.
3. Гущина К.Н. Поэтика телесности в лирическом творчестве Владимира Нарбута: монография. Астрахань: Издательство АГТУ, 2023. 91 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т.1. Стихотворения / Подгот. текста и коммент. А.А. Козловского. – М.: «Наука»–«Голос», 1995. – 672 с.
5. Ивнев Р. Стихотворения [Эл ектронный ресурс] / Р. Ивнев // Режим доступа: <https://rurpоеm.ru/ivnev/all.aspx> (дата обращения: 28.08.2024).
6. Мариенгоф А. Буян-остров / А. Мариенгоф // Поэты-имажинисты. – Санкт-Петербург: Петербургский писатель, 1997. – С. 32–42. 4.
7. Мариенгоф А. Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. А. Кобринского. – СПб.: Академический проект, 2002. – 352 с.
8. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
9. Шершеневич В. 2х2=5. Листы имажиниста / В. Шершеневич // Поэты-имажинисты. – СПб.: Петербургский писатель, 1997. – С. 20–31.
10. Шершеневич В. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, состав, подготовка текста и примеч. А.А. Кобринского. – СПб.: Академический проект, 2000. – 368 с.

© Гущина Ксения Николаевна (k.churzina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Добриева Зейнаб Израиловна

Кандидат филологических наук, доцент, Ингушский
государственный университет
zinchik8080@mail.ru

VERBS OF EMOTIONAL STATE IN JOURNALISTIC TEXTS

Z. Dobrieva

Summary: Emotional verbs are a unique and important aspect of language, and their study helps to understand the human soul more deeply. Every emotion, every shadow of feelings and moods can be conveyed through precise and expressive verbs that enliven our words and make them effective. This article examines one of the key categories of words that express human emotional reactions and states. The author analyzes various verbs that describe feelings of joy, sadness, surprise, fear, anger, and other emotional phenomena. Particular attention is paid to the semantic content of these verbs. The article will be useful to linguists, psychologists, and anyone interested in the linguistic aspects of emotions and their expression in speech.

Keywords: verb, meaning, state, feeling, emotion.

Аннотация: В данной статье рассматривается одна из ключевых категорий слов, выражающих эмоциональные реакции и состояния человека. Автор анализирует глаголы, которые описывают чувство радости, грусти, удивления, страха, гнева и других эмоциональных явлений. Особое внимание уделяется семантическому наполнению этих глаголов. Статья будет полезна лингвистам, психологам, а также всем, кто интересуется языковыми аспектами эмоций и их выражения в речи.

Ключевые слова: глагол, значение, состояние, чувство, эмоция.

Чувства и эмоции играют важную роль в жизни человека, окрашивая восприятие мира, влияя на решение и поступки, формируя самочувствие и взаимодействие с окружающими. Чтобы выразить многообразие человеческих чувств, язык предоставляет нам обширный арсенал средств, среди которых особое место занимают глаголы эмоционального состояния. Эти глаголы необходимы для того, чтобы описать переживаемые нами состояния и передать их другим людям.

Согласно классификации Л.М. Васильева, глаголы эмоционального состояния (настроения) обозначают разнообразные эмоциональные состояния, при которых переживаются те или иные чувства, а также внешнее их проявление [3, с.124].

Глаголы эмоционального состояния – это слова, которые обозначают переживание определенного чувства или эмоции. В отличие от глаголов действия, которые описывают физические или ментальные действия, эти глаголы прямо указывают на внутренние состояния человека. Например, слова «беспокоиться», «волноваться», «восторгаться», «встревожиться», «восхищаться», «гневаться», «злиться», «любить», «ненавидеть», «радоваться», «огорчаться», «растравиваться» и прочие относятся к этой категории.

Анализируя тексты публицистического стиля, мы обратили внимание на использование авторами публицистических статей огромного количества глаголов, обозначающих эмоциональные состояния.

Глагол «беспокоиться» имеет значение «испытывать чувство тревоги или волнения, которое возникает у человека в ответ на различные внешние и внутренние раздражители». Данное чувство может быть вызвано множеством факторов: проблемами на работе, личными отношениями, состоянием здоровья, финансовыми трудностями или даже глобальными событиями, такими как политическая нестабильность или экологические катастрофы. Беспокойство, по сути, является естественной реакцией организма на потенциальные угрозы или неопределенность. Например: *Но чтобы наслаждаться этим даром жизни, чтобы распознать его, порадоваться ему, мы должны жить в настоящем моменте, в детском темпе и меньше **беспокоиться** о мелочах* [Аргументы и факты 21 августа 2021г.].

Человек, склонный к беспокойству, часто размышляет о том, что может пойти не так, переживает из-за мелочей и склонен искать проблемы там, где их нет. Это может снижать качество жизни, приводить к постоянному чувству неудовлетворенности и даже способствовать развитию депрессии. Например: *И поблагодарить ее за то, что всю мою сознательную жизнь только моя мама воспитывала меня, **беспокоилась** о моем будущем, переживала и являлась опорой и поддержкой все...* [Комсомольская правда 26 июля 2024г.].

Глагол «волноваться» охватывает широкий диапазон эмоциональных состояний человека, от легкой тревоги до глубокого беспокойства. Волнение, как внутреннее

состояние, часто возникает в ответ на предчувствия или ожидания каких-либо событий. Волнение может быть вызвано различными причинами – от повседневных забот и стрессов до значимых жизненных изменений и событий.

На психологическом уровне волнение часто тесно связано с неопределенностью и страхом перед возможными негативными последствиями. Люди могут волноваться по поводу своей работы, личных взаимоотношений, здоровья или будущего в целом. Например: *Чтобы избежать неприятностей и не заставлять **волноваться** родных и близких, необходимо, собравшись в лес, предпринять некоторые превентивные меры безопасности* [Комсомольская правда 7 августа 2023г.]; *Недавно сотрудниками Миграционки поделились, что очень бы хотели помочь гражданами и как-то успокоить тех, кто не только **волнуется** сам, но и передает своё тревожное состояние* [Комсомольская правда 2 декабря 2020г.].

Таким образом, глагол «волноваться» представляет собой многогранное явление, пронизанное различными аспектами человеческой психологии и поведения, служащее как источником потенциальных страданий, так и мощным стимулом для развития и самосовершенствования.

Глагол «восторгаться» имеет значение «переживать чувство сильного восхищения или умиления перед чем-то превзойденным, великолепным или впечатляющим». Это эмоция, которая приходит от видения красоты, которое захватывает дух, от невероятного мастерства, достигнутого в каком-то искусстве, или от проявления великодушия и настоящего добра в людях. Человек может восторгаться природой – ее обширными и живописными ландшафтами, величественной стройностью деревьев, грацией и стремительностью диких животных. Например: *также сыгравший Берлиоза актер признался, что долго не смотрел фильм, но сделал это, вспомнив как Аугуст Диль **восторгался** Санкт-Петербургом* [Аргументы и факты 20 марта 2024г.]; *Чем больше новый парижанин **восторгается** Парижем, тем меньше он его знает и любит* [Аргументы и факты 23 октября 2021г.].

Человек может восторгаться искусством – картинами, которые напоминают сны или вызывают глубокие раздумья; музыкой, что может тронуть душу до глубины, словами поэта, которые могут окутать сердце теплотой и светом. Например: *Жители Нью-Йорка **восторгаются** пением бродяги, скитающегося по улицам района Бронкс, рассказывает Daily Mail* [Аргументы и факты 12 декабря 2021г.].

Люди также могут восторгаться достижениями других – спортивными рекордами, научными открытиями, блестящими выступлениями и актами героизма. Например: *Хороший парень-то какой! - продолжила в это время **восторгаться** Полина Гагарина вместе с членами*

жюри [Комсомольская правда 1 марта 2024г.].

Глагол «восхищаться» имеет значение «проникаться глубокими чувствами, испытывать восторг и уважение к чему-либо или кому-либо». Восхищение может быть вызвано чем угодно: природой, искусством, людьми, их поступками или достижениями. Человек, способный восхищаться, обладает особым талантом воспринимать красоту и величие в каждой детали. Например: *на опубликованном Киркоровым видео певец **восхищается** российской природой* [Аргументы и факты 12 июня 2024г.].

Яркие примеры восхищения можно найти в каждой сфере жизни. Будь это выступление великого музыканта, картина художника-романтика или же достигнутые высоты в технологическом прогрессе, в каждом аспекте бытия восхищение играет роль двигателя, который поднимает нас на новые ступени развития. Например: *Мы гордимся вами, **восхищаемся** вашей смелостью, чтим подвиги», – сказал Путин* [Аргументы и факты 23 февраля 2024г.]. *Я **восхищаюсь** его работой, и мне повезло наблюдать за ней изнутри, принимать участие в огромных, масштабных проектах, быть их частью...* [Комсомольская правда 21 ноября 2023г.].

Глагол «встревожиться» имеет значение «возникновение у человека чувства тревоги или беспокойства в ответ на какую-либо ситуацию или обстоятельства». Чаще всего состояние тревоги возникает спонтанно и сопровождается физиологическими реакциями организма. Тревога, или беспокойство, служит защитным механизмом, который помогает человеку мобилизовать свои ресурсы, быть более внимательным и готовым к быстрому реагированию в стрессовой или опасной ситуации. Например: *Шум поднялся такой, что владельцы развлекательных заведений на берегу Соленого озера не на шутку **встревожились**, что произошедшее напугает отдыхающих* [Комсомольская правда 19 августа 2022г.]; *«Что вы имеете в виду под словом «обороняться»? Возможно, вы просто оговорились?» – **встревожился** адвокат обвиняемого* [Аргументы и факты 13 марта 2021г.].

Глагол «гневаться» имеет значение, которое вбирает в себя широкий спектр эмоций, от раздражения и досады до ярости и кипящей ненависти. Глагол «гневаться» обозначает процесс выхода этих эмоций наружу, когда человек выражает свое недовольство, негодование или даже ярость.

Эмоция гнева возникает при негативной оценке поступков, качеств или состояний других людей, которые не соответствуют ожиданиям человека. Исходя из норм общечеловеческой морали, человек является субъектом, чьи чувства вызываются факторами, прямо связанными с человеком. Даже если недовольство субъекта трудно связать с действиями или качествами другого человека,

то все равно считается, что причиной этого недовольства является человеческая деятельность. Например: *Он полон сил и желаний, проворно обнимает Лизу, не сильно **гнева**ется на Чацкого, который ему вовсе не чужд. Гневаться – значит допускать себе разноуровневые проявления агрессии, которые под влиянием различных факторов могут варьироваться от словесных перепалок до физических действий. Например: «Ребята, хотите **гне**ваться – идите в «Сокольники», Парк Горького...».*

Глагол «разъяриться» имеет значение «стремительное и мощное проявление гнева или сильного раздражения у человека, когда эмоции выходят из-под контроля». Например: *Саша окончательно **разъярился**: «Мне не нужна жена, которой не бывает дома!»* [Комсомольская правда 6 апреля 2022г.]. Разъярение часто сопровождается внешними проявлениями, такими как громкий крик, агрессивные жесты, резкие движения или даже физическое воздействие на окружающих. Гневной человек может направить свою ярость как на конкретное лицо или группу людей, так и на неживые предметы, ломая и разрушая их в порыве негативных эмоций. Например: *Россиянин так **разъярился**, что зарядил клюшкой по зубам канадцу, а когда тот схватился за лицо и упал, еще и толкнул его двумя руками сверху* [Аргументы и факты 18 октября 2022г.].

Глагол «расчувствоваться» имеет значение «процесс глубокого эмоционального реагирования на что-либо, что приводит к проявлению эмоций, обычно сентиментальных или трогательных». Это состояние обычно возникает в ответ на нечто, вызывающее сильный душевный отклик: прощальное слово, воспоминание, трогательный жест или момент, который затрагивает самые чувствительные струны сердца. Например: *Шоумен отметил, что после предложения Катерина Ковальчук **расчувствовалась** по-настоящему* [Аргументы и факты 24 июня 2024г.]; *у меня мурашки по телу, слезы – я **расчувствовалась** и была очень рада, что у нас складывается такое доверие и взаимопонимание* [Комсомольская правда 25 июля 2024г.].

Глагол «тревожиться» имеет глубокое и многообразное значение, которое охватывает состояние эмоционального беспокойства, неуверенности и внутренней драмы. Тревожиться можно за многие вещи: о будущем, о близких людях, о здоровье, о работе, о неизвестном и неопределённом. Когда человек тревожится, его тело и ум находятся в состоянии повышенной готовности. Часто это сопровождается физиологическими реакциями. Например: *Вместо того, чтобы **тревожиться**, специалист посоветовала сосредоточиться на реальных вариантах налаживания отношений с коллегами, предложив, к примеру, альтернативное перекуру короткое чаепитие* [Аргументы и факты 21 ноября 2023г.]; *А часы тикали, приближалось время, когда маленькую сироту*

*могли перевести из Дома ребенка в другое место, мы все **тревожились** и молились, – рассказывает Оксана* [Комсомольская правда 15 декабря 2023г.]. Тревожиться можно как осознанно, так и неосознанно. Например: *25% признаются, что часто **тревожатся** во время исполнения своих обязанностей, а 24% опрошенных руководителей делают это чрезвычайно часто* [Аргументы и факты 3 апреля 2023г.].

Глагол «любить» не просто выражает чувство, он воплощает в себе целую палитру эмоций и действий, связанных с привязанностью, заботой, уважением и приверженностью. Например: *Он подойдет всем, кто **любит** романтические истории, привязанные к реальной жизни* [Комсомольская правда 21 августа 2023г.].

Глагол «разлюбить» представляет собой сложное и многогранное чувство, отражающее постепенное угасание любви и привязанности к кому-либо или чему-либо. Разлюбить – это процесс, в котором эмоции, когда-то яркие и волнующие, постепенно теряют свою силу, ослабевают и, в конце концов, исчезают. В этом слове заложен глубокий эмоциональный переход от состояния сильной любви и привязанности к равнодушию. Например: *конечно, люди могут **разлюбить** друг друга, развестись, начать делить бизнес* [Комсомольская правда 26 июля 2024г.].

Глагол «жалобить» имеет значение, ассоциирующееся с выражением недовольства или неудовлетворенности. Он может быть использован в различных контекстах: от личных переживаний до социальных и политических ситуаций. Например: *Балалайка Архиповского может сводить с ума и завораживать, колдовать и **жалобить** до слез* [Комсомольская правда 23 апреля 2022г.].

Значение глагола «загрустить» включает в себя ментальный переход в состояние грусти, печали или меланхолии. Этот глагол отражает не просто наличие грусти, а её наступившее действие – смену настроения, которая может быть вызвана различными причинами, будь то воспоминания, текущие переживания или внешние обстоятельства. «Загрустить» указывает на начало процесса погружения в грусть, который может быть временным, но ощутимым для человека. Например: *но потом, когда столкнулся с сопроматом, с другими точными науками, **загрустил*** [Комсомольская правда 29 марта 2023г.].

Глагол «загрустить» имеет оттенок неожиданности и непредсказуемости. В повседневной речи он часто используется для обозначения кратковременного состояния, которое может пройти так же внезапно, как и началось. Например: *Таможенники признались, что немало **загрустили**: в этот день Мотя должен был переселиться на объект, для него даже купили специальный террариум – в свойственных таможене зеленых цветах* [Аргументы и факты 29 апреля 2022г.].

Глагол «запаниковать» имеет значение «потерять самообладание из-за сильного страха или переживания». Этот глагол передает внезапное и зачастую неконтролируемое эмоциональное состояние, в котором логическое мышление уступает место паническим реакциям. *Если я вдруг запутался, или выронил сигнальную веревку, а вокруг ничего не видно – где берег, где русло реки, то можно **запаниковать*** [Комсомольская правда 25 июля 2023г.]. Запаниковать можно в различных ситуациях: при неожиданной опасности, внезапных изменениях в привычной обстановке, чрезвычайных происшествиях и даже в обыденных стрессовых обстоятельствах, если они оказываются достаточно интенсивными. Например: *Девушка **запаниковала**, когда перестала видеть левым глазом, и решила поехать в больницу, но поняла, что садиться за руль слишком опасно для нее* [Аргументы и факты 1 мая 2024г.].

Глагол «злиться» имеет значение «испытывать глубокую неприязнь, гнев или недовольство в ответ на что-либо раздражающее, несправедливое или вызывающее неприятные эмоции». Это чувство может проявляться в разных формах: от тихого внутреннего возмущения до открытой агрессии. Этот глагол также имеет широкое применение в различных контекстах. Можно злиться на конкретного человека – например, на начальника, коллегу, члена семьи, друга и т. д. за какое-либо действие или бездействие. Например: *Пожилой мужчина недоволен своим новым местом пребывания, **злится** на медсестёр, скучает по дому и хочет поскорее выбраться* [Комсомольская правда 10 августа 2024г.]. Можно также злиться на ситуацию, например, из-за неудачного стечения обстоятельств, плохой погоды, опоздания поезда и т. д. Например: *более трети [35%] россиян злятся, если им поступают рабочие звонки в нерабочее время, однако, все же отвечают на них* [Аргументы и факты 9 февраля 2024г.].

Глагол «изумиться» имеет в русском языке глубокий и многослойный смысл, отражающий сложный эмоциональный спектр, который человек переживает при столкновении с чем-то неожиданным или удивительным. Изумиться – значит выйти за пределы обыденного восприятия, испытать временную потерю способности рационально осмыслить происходящее, так как наше сознание занято осознанием произошедшего чуда. Например: *Футболисты **изумились** такому решению руководства клуба, но отмечается, что на атмосферу в команде это не повлияло — она по-прежнему продолжает оставаться хорошей* [Аргументы и факты 23 февраля 2023г.]; Значение глагола «изумиться» включает в себя не только неожиданный эмоциональный всплеск, но и начало пути познания, открытия чего-то уникального и неповторимого. Например: *Я спросил, нет ли у нее задумки написать детский детектив, на что она очень **изумилась** и ответила, чтобы писать для детей, нужно обладать огромным талантом, и она еще не созрела для*

этого, – рассказывает Валерий Ильич [Комсомольская правда 27 января 2021г.].

Глагол «налюбоваться» представляет собой особенное чувственное действие, связанное с процессом созерцания чего-то или кого-то, вызывающего настолько сильное восхищение, что человек не может наглядеться. Например: *Он не может **налюбоваться** своим изображением на холсте и мечтает, чтобы портрет старел, а он всегда оставался молодым* [Комсомольская правда 4 декабря 2021г.].

Глагол «налюбоваться» не просто обозначает действие смотреть, но вбирает в себя весь спектр эмоционального отклика, связанного с этим зрелищем. Например: *Слепнувшая Алиса не может **налюбоваться** миром вокруг, в то время как хорошо видящие Юля и героиня Михалковой не замечают того, что происходит прямо у них под носом, и гадай теперь — это случайность или выученная слепота?* [Аргументы и факты 22 сентября 2022г.].

Глагол «обрадоваться» обладает глубоким эмоциональным значением и представляет собой важный аспект выразительности человеческих чувств. Этот глагол описывает состояние радости и позитивного волнения, которое возникает в ответ на какие-то приятные или обнадеживающие события. Этот глагол, который неразрывно связан с глубокими человеческими чувствами, делает акцент на ненасытное желание видеть и восхищаться. Например: *Ферги была фанаткой сериала «Герои», где Майло играл одного из главных персонажей: узнав, что Вентимилья станет в клипе ее «бойфрендом», певица очень **обрадовалась*** [Аргументы и факты 13 августа 2023г.].

Глагол «огорчиться» выражает состояние, когда человек испытывает чувство печали или разочарования в связи с каким-либо событием, действием или обстоятельством. Это глубокое эмоциональное переживание, которое может возникнуть в результате несбывшихся надежд, неудач или неприятных событий. Огорчение часто сопровождается чувством грусти, утраты и даже иногда обиды. Например: *Они очень **огорчились**, когда я переехала в другую квартиру, все соседи знали, что рука у меня легкая, а уколы и капельницы я делала по-соседски за символическое «Спасибо»* [Комсомольская правда 7 мая 2023г.]; *Судья проекта «Ледниковый период» Татьяна Тарасова **огорчилась** уходу блогера Дани Милохина из шоу о фигурном катании* [Аргументы и факты 25 октября 2022г.].

Глагол «паниковать» означает «испытывать внезапный, интенсивный страх, который часто ведет к иррациональным и дезорганизованным действиям». Этот глагол описывает состояние человека, который теряет контроль над своими эмоциями и поведением в результате сильного стресса или угрозы. Например: *Она тоже*

не умела плавать и начала сильно **паниковать**, когда оказалась в воде [Комсомольская правда 4 июня 2024г.]; Мужчина отметил, что люди начали **паниковать** и хотели перелезть в соседний вагон через выбитое стекло межвагонной двери, но из-за отсутствия огня передумали [Аргументы и факты 13 июня 2024г.]

Глагол «переволноваться» описывает состояние человека, испытывающего чрезмерное и продолжительное беспокойство или тревогу. Это сильный эмоциональный процесс, зачастую сопровождающий важные события или моментальные стрессовые ситуации. Например: видно, что ребята очень сильно **переволновались** и не показали цельной игры [Комсомольская правда 18 июня 2023г.]

Глагол «пламенеть» передает не только эмоцию, но и интенсивность, с которой она проявляется, и обладает особой силой и выразительностью, воплощая в себе энергию и яркость огня. Например: Светил фонарь в окно, и я начала писать: «Вот заревом рыжим в окне **пламенеет** холодная осень, и звезды, как зернышки, падают прямо на землю [Комсомольская правда 8 августа 2023г.]

Глагол «пожалеть» выражает как мимолетное чувство сострадания, так и более продолжительное и осознанное участие в чужой судьбе. Также может быть использован в контексте сожаления о совершённом. Например: поэтому мы обращаемся, если кто-то приютил его, ведь много же **сердобольных** людей: если вы **пожалели** и забрали мальчика, но он ведь нуждается не только в уходе [Комсомольская правда 13 июля 2024г.]

Глагол «разбередить» означает всколыхнуть, вызвать вновь забытые или подавленные чувства или воспоминания, причинить душевную боль или тревогу. Оно может использоваться в самых различных контекстах, от описания личных переживаний до отражения более масштабных, общественных явлений. Например: зато почти наверняка повезет Дании: трагикомедия Томаса Винтерберга «Еще по одной» про друзей, пытающихся побороть тяжелый кризис среднего возраста с помощью алкогольной терапии, **разбередила** души множеству зрителей [Комсомольская правда 24 июля 2024г.]

Глагол «сердиться» передает сильное эмоциональное состояние, связанное с негодованием, досадой или раздражением. Он олицетворяет собой многообразие человеческих эмоций, внутренних противоречий и реакций на внешние раздражители. Например: Фанаты наперебой стали поддерживать любимого артиста, желали здоровья и констатировали: им обижаться и **сердиться** абсолютно не на что [Комсомольская правда 14 февраля 2023г.]

Глагол «скорбеть» обозначает глубокую печаль или

страдание, часто связанное с утратой или тяжелым переживанием. Например: это все, что нам осталось, все, что мы можем сделать для них – помнить и **скорбеть**, зная, что голос их уже не отзовется, – сказали в Администрации города [Комсомольская правда 26 июля 2024г.]

Глагол «смутиться» обозначает состояние замешательства, беспокойства, или неловкости, которое возникает в разных ситуациях. Например: Сотрудница «Сибура» очень **смутилась**, но все-таки согласилась и, сопровождаемая под руку Главой, помогла перерезать ленточку [Комсомольская правда 3 мая 2023г.]

Глагол «умиляться» описывает эмоциональное состояние, когда человек чувствует нежность, восхищение или трогательность по отношению к чему-либо или кому-либо. Это чувство часто сопровождается ощущением тепла и эмоциональной близости. Например: слежу за вами и **умиляюсь**, когда же лапочка-дочка?!», – мнений и реплик, подобной этой, под постом множество [Комсомольская правда 16 ноября 2022г.]. Умиляться можно в различных ситуациях – когда видишь трогательный момент в фильме, наблюдаешь за маленьким ребенком, который делает свои первые шаги, или когда видишь, как старушка кормит бездомного котенка и т. д. Например: Фанаты продюсера **умилялись** первым шагам малыша и поздравляли Пригожина [Аргументы и факты 28 августа 2023г.]. Глагол «умиляться» помогает нам осознать, что счастье часто скрыто в мелочах, которые окружают нас каждый день.

Глагол «чувствовать» обозначает способность человека или животного воспринимать внешние и внутренние стимулы посредством органов чувств или эмоционального переживания. Например: обычно при посттравматическом стрессовом расстройстве человек **чувствует**, что ему как будто нужно постоянно «выживать», защищаться [Комсомольская правда 1 марта 2024г.]

Глагол «любить» включает в себя широкий спектр чувств и эмоций, от практической заботы до возвышенной духовности. Каждая из этих граней любви обогащает человеческую жизнь, делая её более полной и осмысленной. Любовь – это не просто чувство; это мощная движущая сила, которая позволяет человеку расти, творить и строить взаимоотношения с миром и людьми. Например: Девушка настолько его **любила**, что дала обет безбрачия [Комсомольская правда 25 февраля 2024г.]; Супруги **любят** путешествовать, больше всего им по душе Франция, вот и ребенку решили дать французское имя [Комсомольская правда 11 марта 2022г.]

Глагол «радоваться» включает в себя многообразие эмоций и оттенков, которые способны придавать нашей жизни особенный колорит и смысл. Например: Снег на

Заимке еще долго не стает, и отшельница **радовалась**, что новый помощник наконец-то сможет наносить достаточно дров, которые заготовлены и лежат на берегу Ерината [Комсомольская правда 28 февраля 2024г.].

Глагол «бояться» выражает эмоциональное состояние страха и тревоги, вызванное восприятием угрозы или опасности. Например: *Ты больше не будешь бояться*, – попрощалась с подругой Мария [Комсомольская правда 29 февраля 2024г.].

Глаголы эмоционального состояния являются важным и многогранным аспектом языка, поскольку они позволяют более точно и выразительно передавать внутренние чувства и переживания человека. Ими пронизаны тексты публицистического стиля, что свидетельствует об их широкой востребованности и значимости.

Эти глаголы не только обогащают наш лексический запас, но и служат основой для понимания и интерпретации человеческих эмоций. Они помогают выразить спектр чувств: от радости и восторга до печали и гнева, создавая тем самым уникальные эмоциональные контексты.

Таким образом, глаголы эмоционального состояния – это неотъемлемая часть нашего общения и самовыражения. Они делают наш язык более живым и выразительным, помогают строить и поддерживать связи между людьми, а также углубляют наше понимание эмоционального мира. Учитывая их значимость, многочисленные исследования в области лингвистики, психологии и культурологии продолжают углублять наше представление о роли этих глаголов и их влиянии на человеческое взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Буряков М.А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопросы языкознания. – 1979. – № 3. – С. 47–59.
3. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.
4. Добриева З.И. Структурно-семантические и функциональные особенности приставочных глаголов [на материале текстов публицистического стиля - Магас, 2009. – 211с.
5. Исаева И.А. Градуальная семантика глагола в современном русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Исаева. Моск. гос. обл.ун–т. – Саранск, 2008. – 17 с.
6. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 90–94.
7. Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989. – 180 с.
8. Романов Д.А. Способы передачи эмоций в русском языке // Русский язык в школе. – 2004. – № 4. – С. 78–82.
9. Романов Д.А. Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации // Вопросы языкознания. – 2015. – № 1. – С. 98–107.
10. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. – Самарканд, 1971. – 385 с.

© Добриева Зейнаб Израилевна (zinchik8080@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТОРГОВЫЙ ФЛОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент,
Государственный университет морского и речного
флота имени адмирала С.О. Макарова
univerandrey@mail.ru

THE MERCHANT FLEET OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES IN THE WORKS OF CONTEMPORARIES

A. Zuev

Summary: In the Russian pre-revolutionary fiction of the second half of the XIX - early XX centuries, quite a lot of space was devoted to the merchant fleet. These are works about the sea and ships, and first, about sailors, their peculiar customs, psychology, language, which were formed under the influence of specific living conditions. The heroes of marine works are a whole gallery of artistic images created with varying degrees of expressiveness, memorable sometimes for their strangeness, originality, then for their character, typicality. Using the potential of literary texts as a historical source can lead to a richer and more nuanced understanding of the history of the Russian merchant fleet. The works of contemporaries offer a unique and multifaceted view of the past, complementing traditional historical sources and improving understanding of historical processes.

Keywords: Merchant fleet, merchant shipping, sailor, fleet, Russian Empire, historical sources, historical process, everyday life, fiction.

Аннотация: В российской дореволюционной художественной литературе второй половины XIX – начала XX вв. достаточно много места было посвящено торговому флоту. Это произведения о море и кораблях, и, в первую очередь, о морях, их своеобразных нравах, психологии, языке, которые сложились под влиянием специфических условий жизни. Герои морских произведений – целая галерея художественных образов, созданных с разной степенью выразительности, запоминающихся то своей необычностью, неординарностью, то характерностью, типичностью. Использование потенциала художественных текстов в качестве исторического источника может привести к более богатому и более тонкому пониманию истории российского торгового флота. Произведения современников предлагает уникальный и многогранный взгляд на прошлое, дополнение традиционных исторических источников и улучшение понимания исторических процессов.

Ключевые слова: торговый флот, торговое мореплавание, моряк, флот, Российская империя, исторические источники, исторический процесс, повседневная жизнь, художественная литература.

В российской дореволюционной художественной литературе второй половины XIX – начала XX вв. достаточно много места было посвящено торговому флоту. Морские романы, рассказы, повести, очерки в них занимали немаловажное место. Это произведения о море и кораблях, и, в первую очередь, о морях, их своеобразных нравах, психологии, языке, которые сложились под влиянием специфических условий жизни.

Русский морской офицер, один из основателей журнала «Морской сборник», капитан 2 ранга Александр Петрович Соколов писал, что «нигде с таким незнанием не рассказываются морские события, как в наших журналах; в наших романах малюют моряков самыми дикими красками...» [13, с.198]. Г.Л. отмечал, что «мир русских тружеников моря – мир почти неведомый. Мы почти незнакомы с типами русских моряков, с их бытом, нравами, обычаями, с образом их жизни; все литературные труды когда – либо плававших и писавших, носят на себе отпечаток рассказов путешественников, которые глядя по сторонам, не останавливались на самом себе и на окружающем их обществе» [4, с.105]. В этой связи

интересными представляются произведения писателей в жанре исторической прозы, пришедшие в литературу из «клана моряков» и обладающие профессиональными знаниями о море и флоте.

Среди людей, посвятивших себя морскому флоту, было достаточно много незаурядных личностей. Чего стоит только имя Дмитрия Афанасьевича Лухманова (1867—1946) — прославленного русского и советского мореплавателя, капитана дальнего плавания, руководителя морских учебных заведений (Ленинград и Потти), Героя труда, писателя-мариниста и поэта, ученого [7, с.74]. В 1887 году в журнале «Русское судоходство» были опубликованы первые рассказы Дмитрия Лухманова о море и морях. Первая книга, «Морские рассказы» [8], вышла в 1903 году. В 1911 году вышла книга стихотворений «На суше и в море» [9]. Уже в советское время были опубликованы книги «Солёный ветер» (о годах службы матросом на иностранных судах), «Штурман дальнего плавания» (о взрослых годах автора), «20000 миль под парусами» (о плавании «Товарища»). Позднее выходит книга «Жизнь моряка» [10], в которую вошли эти три ав-

тобиографические повести, дополненная «Маленькой морской энциклопедией».

Знаменитый моряк увлеченно рассказывает о дальних плаваниях, удивительных людях, о переходах парусных кораблей через моря и океаны. Читатель узнает о том, как проходит кругосветное плавание под парусами, о настоящих моряках – смелых и отважных людях. Д.А. Лухманов побывал на всех континентах, повидал экзотические места в Африке и Азии, Америке и Австралии. Его жизнь была наполнена опасностями и приключениями. С каждой страницы его замечательных книг веет волнующей романтикой моря и ветром дальних странствий.

Автор всю жизнь оставался преданным морю и никогда не был «свободным художником», совмещая писательскую деятельность с работой на морском флоте.

Аполлон Николаевич Черман (псевдоним А. Чермный) (1865—1911) — писатель, журналист, по профессии — штурман дальнего плавания. Образование получил в Петербургских мореходных классах. После его окончания стал ходить штурманом дальнего плавания на морских коммерческих судах. Выйдя в отставку, поселился в Петербурге и занялся литературным трудом. Писал морские рассказы [17,19] и очерки [18]. Его произведения о людях, которые сердцем приросли к морю и флоту, о тех, кто накопил большой жизненный опыт, и поэтому им есть о чем сказать свое слово.

О красоте моря и суровой жизни писал Константин Михайлович Станюкович (1843—1903). Константин Станюкович – моряк и писатель, самый знаменитый в России писавший на темы из жизни моряков военно-морского флота. Он стал «флагманом» русской морской литературы. Есть в его творчестве и произведения о моряках «купеческого флота». В этом плане показателен его рассказ «Ледяной шторм» [15]. Это история из морской жизни рисует тяжелые будни и трудности, подстерегающие моряков, находящихся в плавании. «Непрерывающийся гул моря и вой ветра, потрясающий мачты и проносившийся то стоном, то визгом по мачтам, трубе и бортам, и эти тяжелые, ледяные и осwirепевшие волны в такой жуткой близости наводили ужас на несчастных моряков, не испытавших еще такого жестокого шторма. Смерть смотрела в глаза, беспощадно близкая» [15].

Николай Васильевич Максимов (1848–1900) окончил морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, по окончании которого служил на Черноморском флоте и затем вышел в отставку. Примкнул к числу добровольцев и, командуя батальоном, участвовал в сербско-турецкой войне. В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Н.В. Максимов находился в отряде М.Д. Скобелева, где также принимал участие в боевых действиях. Затем служил по-

мощником капитана на торговом судне на Чёрном море.

В журнале «Яхта» Н.В. Максимов поместил свой очерк, в котором рассказывает о непростой судьбе простого российского крестьянина ставшего капитаном торгового судна Иване Абрамове. «Отец его был крестьянин, имел убогую хату в одном из селений на мурманском берегу, занимался перевозкой рыбы из Архангельска; мать его промышляла вместе с другими бабами селения греблей между Соловецким монастырем и материком. Будучи мальчишкой, плавал с отцом вплоть до 18 лет и по смерти отца, поступил юнгой на английское парусное судно, первое подвернувшееся в Архангельском порту, во время его поисков места судового мальчика». Переходил с одного иностранного судна на другое, почти забыл родной язык и выучился немецкой грамоте, будучи преимущественно на службе у немцев. Прошел все ступени коммерческо-судовой иерархической лестницы» [11, с. 568]. На двадцать седьмом году своей жизни, Абрамов выслужился из вольнонаемных матросов в старшие рулевые, затем стал штурманом и наконец, капитаном. Впоследствии за границей он женился, появились дети. Человек нашел свое счастье.

Борис Степанович Житков (1882–1938) после университета сделал карьеру моряка. Работал штурманом на парусном судне, был капитаном научно-исследовательского судна. В 1912 году Б.С. Житков отправился в кругосветное путешествие через Гибралтар, Суэцкий канал, Красное море, мимо берегов Африки до Мадагаскара. Был в Индии, на Цейлоне, в Шанхае, Япония. Пересек три океана: Атлантический, Индийский и Тихий. Много ходил по Белому морю. Он освоил несколько других профессий, в том, числе став известным писателем. Все что он сам видел, слышал, пережил перенесено на страницы его произведений, которые были опубликованы уже в советский период, но описывали события его морской биографии.

В 1924 году издательство «Время» выпустило первый сборник рассказов Б.С. Житкова. Сборник назывался «Злое море» [5] и состоял из пяти новелл. «Это соответствует и в то же время не соответствует духу рассказов: море не злое, если люди умные и не жадные».

«Морские истории» [6] Житкова Б.С. повествуются о настоящем мужестве, воле, истинной храбрости моряков. Несмотря на целевую аудиторию, а это, преимущественно, подростки, рассказы написаны достаточно жестко, без попыток смягчить или растушевать. В них смерть – это смерть, а подлость – это подлость. И каждая ошибка в море может стоить человеческих жизней.

Иван Сергеевич Соколов-Микитов (1892–1975) устроившись в Ревеле на пароход торгового флота «Могучий», в течение нескольких лет скитался по морским просто-

рам. Путешествие на «Могучем» окончательно утвердило Соколова-Микитова в его решении стать моряком. Все ему нравилось: и строго размеренная жизнь на корабле, и люди, с которыми пришлось плавать, и морские просторы. «Первое впечатление от моря было потрясающе, – вспоминал впоследствии писатель, – море покорило меня».

Вскоре он поступил учеником матроса на пароход торгового флота «Меркурий», приписанный к Петербургу. Служба в торговом флоте обогатила представление Соколова-Микитова о мире, о людях. Он познакомился с жизнью европейских, азиатских и африканских портов, побывал в Турции и Египте, Греции и Италии, Нидерландах и Англии.

Основой ранних произведений И.С. Соколова-Микитова послужили впечатления от его первых морских путешествий, совершенных в 1913–1914 годах. В рассказах «Морской ветер», «Голубые дни», «Туман», «Чарши», «Танакино счастье» изображается жизнь суровая, трудная, но по-своему прекрасная, так как она воспитывает в людях чувство товарищества, потому что в борьбе со стихией и перед лицом опасности проявляются лучшие качества человека. Эти рассказы проникнуты высокой гуманностью, любовью к Родине, глубоким уважением к тяжелому матросскому труду [12].

Герои этих рассказов – люди, с которыми Соколову-Микитову приходилось делить тяжелую участь рядового матроса, встречаться в иностранных портах и матросских кубриках. Писателю близки и понятны переживания ирландского безработного, пришедшего «подкормиться» на русский пароход («Матросы»), и печальная судьба матроса Танаки, проигравшего в карты скромные сбережения («Танакино счастье»); его волнует жизнь анатолийского крестьянина-бедняка, очень похожая на трудную долю бедняка дореволюционной русской деревни («Чарши») [12].

В 1934 году вышла книга И.С. Соколова-Микитова «Пути кораблей» [13], в которую вошли его лучшие рассказы на морскую тематику, основанные на его личном дореволюционном опыте.

Александр Степанович Гриневский (псевдоним А. Грин) (1880–1932) сразу же после окончания Вятского городского училища сбежал в Одессу, чтобы стать настоящим мореплавателем. Через пару месяцев скитаний его приняли юнгой на пароход – к сожалению, опыт такой работы не пошел Александру впрок. После этого он несколько раз отправлялся в море на разных судах то в качестве юнги, то матросом. Ни одно из этих плаваний не принесло будущему писателю денег – возможно по той причине, что А. Грин совершенно не так представлял себе жизнь настоящего морского волка [16]. В его био-

графии были моменты, когда он был рыбаком, черно-рабочим, работал в железнодорожных мастерских и проходил военную службу, занимался революционной деятельностью.

А. Грин становится писателем. Несмотря на все тяготы, он постоянно стремился к морю, как к единственному живому существу, способному понять и успокоить его. Неслучайно одни из первых его рассказов «Трюм и палуба» [3] и «Капитан» [2] посвящены морской теме, которая впоследствии никогда не отпускала автора. В произведениях А. Грина люди и море всегда неразрывно связаны между собой. Морская практика писателя помогла ему абсолютно точно описывать специальную морскую терминологию судна. А. Грин отлично знал, что такое «стенга», «бакборт», «брашпиль», и поэтому весь этот морской антураж прекрасно вписывался в каждое его повествование, находясь на своем месте и делая описываемые путешествия вполне реальными и чрезвычайно правдоподобными [16].

Особое место в творчестве А. Грина занимает его «Автобиографическая повесть». В жанре мемуаров автор возвращается к прошлому, описывая свое путешествие к морю сначала от Вятки до Москвы, а затем от Москвы до Одессы. «Я не сомневался, что поступлю платным матросом. Я казался себе сильным, широкоплечим, молодцеватым парнем, тогда как был слабогруд, узок в плечах и сутул – но страшно вспыльчив и нетерпелив» [1, с.34].

Автор дает подлинно реалистическое представление о своей трудной морской жизни. «Для поступления в Мореходные классы требовался шестимесячный опыт плавания; невыгода плавать учеником была очевидна, так как ученик плавал без жалованья, платя за «харчи», то есть продовольствие, восемь-девять рублей в месяц, но работал при этом как обыкновенный матрос» [1, с.33].

Благодаря приобретенным знакомым Саше все-таки удалось на один месяц попасть в ученики матроса, но, не имея средств платить, такое обучение пришлось оставить. Однако, «как был я легкомыслен, вернее – беспечен тогда, таким остался я и теперь» [1, с.35].

Автор описывает, впервые увиденный Одесский порт: «Дым, паруса, корабли, поезда, пароходы, мачты; синий рейд, — все было там, и всего было сразу не пересмотреть. Странно поразило меня такое явление: морская чуть туманная даль (горизонт) стояла вертикально, стеной, а по гребню этой стены полз длинный дым скрытого расстоянием судна» [1, с.34].

По-своему замечательно его знакомство с гаванью. «В Карантинной гавани были пристани Русского общества пароходства и торговли. Не помня теперь названия молв, я знал тогда, где стоят угольщики частных вла-

дельцев, пароходы Российского общества транспортов, где останавливаются нефтеналивные пароходы «Блеск» и «Свет»; другие, кажется, «Айтер», «Гранвилль», «Боржом». Кому принадлежали они, я не знаю; кажется, надо думать, Русскому обществу П. и Т. Огромные пароходы Добровольного флота: «Саратов», «Петербург», «Воронеж» и другие – приваливали к соседнему с Карантинным молу. Вдоль набережной шел ряд парусников. Здесь стояли кормой к берегу греческие и турецкие суда – плоские, с широкой кормой и косыми парусами, часто цветными» [1, с.38].

Герои морских произведений – целая галерея художественных образов, созданных с разной степенью выразительности, запоминающихся то своей необычностью, неординарностью, то характерностью, типичностью. Использование потенциала художественных текстов в качестве исторического источника может привести к более богатому и более тонкому пониманию истории торгового флота Российской империи исследуемого периода. Произведения современников предлагает уникальный и многогранный взгляд на прошлое, дополнение традиционных исторических источников и улучшение понимания исторических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грин А. Автобиографическая повесть. – Ленинград: Издательство писателей, 1932. – 150 с.
2. Грин А. Капитан // Огонек. – Москва, –1908. – №43. – С.6-9.
3. Грин А. Трюм и палуба // Собрание сочинений Позорный столб, т.III. СПб., Прометей, 1913. – С. 205–233.
4. Г.Л. О торговом мореходном училище. Море и его жизнь. Еженедельный научно-литературный журнал. СПб, Экономич. Тип. В.О., – 1901. – № 2. – С. 104–110.
5. Житков Б.С. Злое море/ Б.С. Жидков Ленинград: Издательство «Время». 1924. – 70 с.
6. Житков Б.С. Морские истории: Рассказы для детей / Б.С. Жидков; Рис. Н. Тырса. – Ленинград: Гос. изд-во, 1926. – 56 с.
7. Зуев А.В. Журнал «Море и его жизнь» как источник для изучения торгового мореплавания России (вторая половина XIX - начало XX в.) / А.В. Зуев, Р.В. Аристов // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. – 2021. – № 1. – С. 73–85.
8. Лухманов Д.А. Морские рассказы: [стихи, рассказы, драма] / Д.А. Лухманов. – Петровск, Дагест. обл.: Паровая типо-лит. А.М. Михайлова, ценз. 1903. – 300 с.
9. Лухманов Д.А. На суше и в море: Стихотворения / Д.А. Лухманов. — Мариуполь: электро-тип. бр. Э. и А. Гольдрин, 1911. – 52 с.
10. Лухманов Д.А. Жизнь моряка: [Сборник: для сред. и ст. возраста] / Д.А. Лухманов; [Вступ. ст. В. Соболева Худож. О.В. Титов]. – Л.: Лениздат, 1985. – 511 с.
11. Максимов Н. Очерки и картинки из жизни наших моряков. Яхта - листок для любителей морского дела. Издательство Санкт-Петербургский речной яхт-клуб. – 1876. – № 6. – С. 563–573.
12. Море в жизни и творчестве Александра Грина. – URL: <http://proboating.ru/articles/people-and-sea/aleksandr-grin-and-sea/> (дата обращения: 16.08.2024).
13. Соколов Ал. «Русские моряки и поэты»// Морской сборник. Санкт-Петербург. В морской типографии. –1848. – № 6. Том I. – С.197-217.
14. Соколов-Микитов И.С. Пути кораблей [Текст]: [Рассказы о полярных путешествиях] / И. Соколов-Микитов; Суп.-обл. и переплет: М. Кирнарский. — [Ленинград]: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – Суп.-обл., переплет, –310 с.
15. Станюкович К. Ледяной шторм: рассказ. Посвящается А.В. Вергежскому / К. Станюкович // Мир Божий: ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования / ред. Виктор Острогорский. – 1900. – № 10. – С. 222–258.
16. Человек, влюбленный в море. – URL: <https://litvek.com/br/423858> (дата обращения: 16.08.2024).
17. Черемный А.Н. Чёрный капитан: (морская легенда) и другие морские рассказы / А.Н. Черемный. – Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1894. – 247 с.
18. Черемный А.Н. Море и моряки: (Мор. очерки) / А.Н. Черемный [псевд.]. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1891. – 244 с.
19. Черемный А.Н. Под рокот моря: морские рассказы / А.Н. Черемный. – Санкт-Петербург: Издание В. Врублевского, 1905 (Тип. Т-ва «Народная Польза»). – 333 с.

© Зуев Андрей Вячеславович (univerandrey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА РУССКО-АНГЛО-КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ ТЕРМИНОВ БЕСПИЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМ

DEVELOPMENT OF RUSSIAN-ENGLISH- CHINESE DICTIONARY OF TERMS OF UNMANNED AERIAL SYSTEMS

*E. Isaeva
Du Venhao
Ya. Isaeva*

Summary: Terminology is usually seen as the main catalyst for the formation of institutional discourse, conceptualisation of a subject area and its designation as a separate industry. The field of Unmanned Aerial Systems (UAS) is attracting increasing attention due to its strategic importance in shaping a country's technological sovereignty. This paper describes the design of a Russian- English Chinese dictionary of UAS terms. This work contributes to the standardisation of ABC terminology. Official standardisation documents such as national and international standards are used as data sources for the terminology entries. The results of the study demonstrate a detailed methodology for creating a multilingual dictionary in an emerging subject area.

Keywords: terminology of unmanned aircraft systems, standardization of UAS terminology, glossary, multilingual dictionary of terms, Russian-English-Chinese dictionary of UAS terms, terminology studies, ISO.

Исаева Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, Пермский
государственный национальный исследовательский
университет
ekaterinaisaev@gmail.com

Ду Вэньхао

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
duwenhao520@gmail.com

Исаева Ярослава Михайловна

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
isaevayaroslava65@gmail.com

Аннотация: Терминология обычно рассматривается как основной катализатор формирования институционального дискурса, концептуализации предметной области и выделения ее в отдельную отрасль. Область беспилотных авиационных систем (БАС) привлекает все большее внимание в силу своей стратегической важности для формирования технологического суверенитета страны. В данной работе описывается дизайн русско-англо-китайского словаря терминов БАС. Данная работа вносит вклад в стандартизацию терминологии БАС. В качестве источников данных для терминологических статей используются официальные документы по стандартизации, такие как национальные и международные стандарты. Результаты исследования демонстрируют детализированную методику создания многоязычного словаря в условиях формирующейся предметной области.

Ключевые слова: терминология беспилотных авиационных систем, стандартизация терминологии БАС, глоссарий, многоязычный словарь терминов, русско-англо-китайский словарь терминов БАС, терминоведение, ISO.

Статья посвящена разработке многоязычного словаря терминов беспилотных авиационных систем (БАС) в рамках проекта факультета современных иностранных языков и литератур «Стандартизация терминологии БАС: многоязычный словарь терминов». Терминология играет ключевую роль в развитии предметной области и рассматривается ведущими терминологами как точка отсчета этапа ее стандартизации [14]. В настоящее время такой отраслью, находящейся на этапе развития и первичной стандартизации и притягивающей пристальное внимание как экспертов отрасли, так и широкой аудитории, является беспилотная авиация [20]. Стремительное развитие отрасли обуславливает актуальность нашего проекта.

В статье рассматриваются принципы построения многоязычного словаря терминов применительно к терминологии беспилотных авиационных систем. Эта работа является попыткой представления международного стандартизированного описания терминологии

беспилотных авиационных систем на трех языках (русском, английском и китайском). Представлено описание структуры словаря, методика составления словарной статьи и ключевые источники данных. Согласно ГОСТ Р ИСО 10241-1-2013 «для обеспечения того, что общение в конкретной области будет эффективным и трудности в понимании будут минимизированы, необходимо, чтобы различные участники использовали одни и те же понятия и концептуальные представления. Стандартизация терминов и определений является, таким образом, фундаментальной во всех работах по стандартизации» [21].

Эффективным способом упорядочения и стандартизации терминологии является составление словарей. Словарь – «это определенным образом организованное собрание слов, как правило, с комментариями, в которых описываются особенности их структуры и / или функционирования» [5, с. 123]. Дж. Сэйджер отмечает, что терминологический словарь — это подробное справочное издание, предназначенное для специали-

стов в определенной области, которым требуется глубокое знание терминологии. По мнению Х. Фелбера, многоязычные словари являются ценными инструментами для стандартизации и согласования терминологии на разных языках, обеспечивая последовательность и ясность в международной коммуникации. Они способствуют точной передаче знаний и информации между языковыми сообществами, предоставляя точные и контекстуально релевантные переводы специализированных терминов [11]. С.Э. Райт и Г. Будин подчеркивают, что многоязычные словари играют важную роль в переводоведении и в международной коммуникации, поскольку уменьшают двусмысленность и способствуют общему пониманию терминов на разных языках. Многоязычные словари особенно важны в таких областях, как медицина, юриспруденция, технические науки и международные отношения, где очень важна точная и согласованная терминология [13].

Е.И. Оконешников приводит обобщенную классификацию словарей специальной лексики, подразделяя их на два типа: инвентаризационные и интерпретационные. Сфокусируемся на интерпретационном типе, т. к. он будет использован в практической реализации нашего проекта. Интерпретационные словари «снабжены дефинициями... Дефиниция должна быть краткой, точной, содержать наиболее существенные и отличительные признаки термина и не иметь избыточной информации» [4, с. 106]. Современные словари могут сочетать в себе несколько типов. Поэтому, рассмотрим также функционально-идеографический тип, который имеет отношение к нашему проекту. С.Н. Виноградов определяет функционально-идеографический словарь как сборник, в котором представлены различные языковые средства для выражения одного и того же смысла, с указанием на особенности их использования в речи. При создании такого словаря происходит классификация лексики по соответствующим семантическим категориям [1, с. 27].

На этапе проектирования словаря определяется авторская установка, которая заключается в определении таких аспектов, как предметная область, темпоральная и территориальная специфика лексики, а также в выборе назначения словаря (будь то переводной словарь, справочник или энциклопедия). Важную роль также играют целевая аудитория (например, общий или отраслевой словарь), уровень языка, который подлежит описанию (орфоэпический, орфографический, частотный словарь, словарь терминологической сочетаемости), и объём словаря (от словаря-минимума до малого или большого словаря) [6]. Макрокомпозиция словаря включает в себя структуру представления терминов, основные разделы и правила обработки таких явлений, как полисемия, омонимия, синонимия и терминологическая сочетаемость. Микрокомпозиция определяет содержание каждой словарной статьи [2, 9].

В терминоведении термин рассматривается как основная содержательная единица терминологического словаря, представляющая собой языковой знак, связанный со специальным понятием. В качестве термина могут выступать слова, словосочетания и аббревиатуры, а также, что примечательно, собственные имена могут выполнять эту функцию в специализированных текстах [7, с. 7–8]. В.А. Татаринцов подчеркивает, что термины различных отраслей не существуют в изоляции, а взаимодействуют друг с другом, образуя такие классы терминологических единиц, как общенаучная и общетехническая лексика, а также межотраслевые и отраслевые термины. Причем, общенаучные и общетехнические термины характеризуются инвариантностью, то есть их значения остаются неизменными вне зависимости от конкретной предметной области [7, с. 9]. Межотраслевые термины встречаются в нескольких предметных областях и могут представлять факт перехода понятий в новую предметную область (в этом случае значение термина остается неизменным) или могут являться терминологическими заимствованиями для обозначения других понятий, имеющих смысловую близость (метафорический перенос) [3, 7, 12].

Таким образом, терминологические системы обычно включают как собственные термины, так и те, которые были заимствованы из других научных дисциплин или являются общенаучными. Примером этого является терминологическая система БАС, в которой используются как основные термины, пришедшие из авиации, так и термины из смежных областей, таких как робототехника, информационные технологии, компьютерная безопасность и другие. Это обусловлено тем, что беспилотные авиационные системы развивались на основе достижений авиации, при этом тесно взаимодействуя с другими научными областями, которые также использовали эти технологии в своем развитии [8, с. 14–15].

Согласно классификации словарей, предложенной Л.В. Щербой, словарь, создаваемый в рамках проекта «Стандартизация терминологии БАС», представляет собой справочник, т.к. он охватывает лексику, используемую разными группами людей в различных временных периодах. Поскольку наш словарь ориентирован на русскоязычных пользователей, он направлен на уточнение значений терминов, связанных с беспилотными авиационными системами, что даёт основания рассматривать его так же, как толковый словарь. Помимо этого, словарь выполняет функции переводного, так как способствует пониманию текстов на английском и китайском языках [6, 10]. Мы руководствовались принципами составления терминологического словаря, разработанными С.В. Гриневым, О.С. Рублевой и Т.В. Шетле [2, 6, 9]. Таким образом, на этапе авторской установки мы определили предметную область – беспилотные авиационные системы не фокусировались на темпоральной и территориальной

специфике словаря, т. к. в перспективе словарь будет автоматизировано синхронизироваться с предметной областью с помощью средств искусственного интеллекта и экспертной оценки, но маркировка даты и места появления нового вхождения в данной разработке не предусмотрены. Словарь позволит выявлять особенности терминологической сочетаемости, т. к. термины будут сохраняться с контекстами и при подключении специальных модулей могут быть представлены в формате KWIC (key word in context – ключевое слово в контекстном окружении). В настоящий момент объем разработки представляется как словарь-минимум с перспективой масштабирования до большого словаря при подключении модуля автоматической идентификации терминов. При определении макрокомпозиции следует отметить, что в данный момент электронная база данных позволяет упорядочить термины по алфавиту и тематическим категориям. В перспективе предполагается возможность представления семантически близких терминов и омонимов как вывод одного поискового запроса.

Составление словаря осуществляется двумя способами: во-первых – консолидация терминологии государственных стандартов и отраслевых глоссариев беспилотных авиационных систем, во-вторых – идентификация терминов реализуется методом сплошной выборки из аутентичных текстов. Рассмотрим первый способ составления словаря беспилотных авиационных систем – «консолидация терминологии государственных стандартов и отраслевых глоссариев». Для реализации данной работы были отобраны российские государственные стандарты:

- ГОСТ Р 57258—2016. Термины и определения, представляющий стандартизированные термины, соотнесенные с понятиями, принятыми в предметной области БАС [16, с. IV]. Материал представлен в форме идеографического словаря – «термины систематизированы по группам, внутри каждой из групп термины расположены, в алфавитном порядке» [16, с. IV]. Для нашего проекта особенно ценным является соотнесение терминов на русском языке с их эквивалентами на английском языке. После составления глоссария стандартизированных терминов, полученных из официальных Национальных стандартов Российской Федерации, мы переходим к задаче перевода этих терминов на китайский язык. Работа заключается в поиске эквивалентов этих терминов в технической документации в отрасли беспилотных авиационных систем, представленной в оригинале на китайском языке. Далее представим описание использованных для этой цели источников:
- Официальный вебсайт Управления стандартизации Китая (SAC) www.sac.gov.cn предоставляет информацию о последних событиях и работе Национального комитета по стандартизации.

- Система полнотекстового размещения национальных стандартов <https://openstd.samr.gov.cn/> предоставляет тексты действующих в настоящее время обязательных национальных стандартов и технической документации.
- Платформа государственных услуг национальной стандартной информации std.samr.gov.cn предоставляет названия, категории, даты выпуска и другую информацию о национальных стандартах. Результаты поисковых запросов могут быть отфильтрованы по дате публикации или типу стандарта.
- Сеть службы стандартов Китая – национальная библиотека стандартов <https://www.nssi.org.cn/> предоставляет информацию о международных и национальных стандартах, в т. ч. ISO и ASTM. Данный ресурс будет полезен для сравнения китайских стандартов беспилотных авиационных систем с европейскими.

Для поиска определений и контекстов терминов беспилотных авиационных систем рекомендуется также использовать ресурсы китайских веб-сайтов, посвященных беспилотным авиационным системам (无人机系统的中文网站资源), например, веб-сайт о БПЛА <https://www.youuav.com/>, который является профессиональной платформой, предлагающей новости о последних разработках, информацию о компаниях, продуктах, брендах, закупках, выставках и т. д.

В перспективе словарь будет насыщаться широко используемыми в рассматриваемом дискурсе междисциплинарными терминами, «относящимися к таким областям, как авиация, программирование, робототехника и др.» [8, с. 18]. Следовательно, список ресурсов будет расширяться для включения контекстов междисциплинарной терминологии. Рассмотрим микрокомпозицию словаря на примере одной словарной статьи:

- Термин на русском языке: *дистанционно пилотируемое воздушное судно*;
- Аббревиатура на русском языке (если применимо): ДПВС;
- Термин на английском языке: *remotely-piloted aircraft*;
- Аббревиатура на английском языке: RPA;
- Термин на китайском языке (иероглифическое написание): *远程操控航空器*;
- Пиньинь – транскрибированный аналог термина по система романизации для путунхуа: *yuǎn chéng cāo kòng háng kōng qì*;
- Тематическая категория. В настоящий момент данный раздел включает категории, утвержденные в ГОСТ Р 57258—2016. Термины и определения. Далее будет расширяться с учетом других Стандартов и рекомендаций экспертов отрасли БАС: *общие понятия*;

- Часть речи – часть речи, заданная в форме выпадающего списка. Включает стандартные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие) и словосочетание: *словосочетание*;
- Развернутое определение термина на русском языке и ссылка на источник: *Беспилотное воздушное судно, которое пилотируется внешним пилотом с наземной станции управления полетом. Примечание - термин «дистанционно пилотируемое воздушное судно» применяется для одного из видов беспилотных ВС. ГОСТ Р 57258–2016.*
- Контекст употребления термина на русском языке (отрезок аутентичного текста научного, профессионального или научно-популярного дискурса, включающих термин) со ссылкой/гиперссылкой на источник: *ДПВС можно классифицировать по таким критериям, как максимальная взлетная масса (МТОМ), кинетическая энергия, различные критерии летно-технических характеристик, тип/район полетов и возможности (Руководство по дистанционно пилотируемым авиационным системам). Международная организация гражданской авиации. 999 Robert-Bourassa Boulevard, Montréal, Quebec, Canada НЗС 5Н7. 2015).*
- Контекст употребления термина на английском языке: *RPA will operate in and transit through national and international airspace as well as controlled and uncontrolled airspace.* (<https://www.icao.int/safety/UA/Documents/ICAO%20RPAS%20CONOPS.pdf>).
- Контекст употребления термина на китай-

ском языке: 如在2017年ICAO第28届航空安保专家组会议上，风险与威胁工作组“在其工作文件中指出，他们对远程操控航空器系统威胁进行了持续评估。(https://html.rhhz.net/BJHKHTDXXBSKB/20180511.htm).

Данная работа демонстрирует первые шаги по разработке русско-англо-китайского словаря терминов беспилотных авиационных систем. Составлен словарь терминов на трех языках, включающий термины в соответствии с национальными и международными стандартами. Детализация микроструктуры словарной статьи позволит масштабировать методику на другие проекты для получения унифицированных баз данных терминов и их последующей консолидации для создания большого электронного словаря терминов БАС. В данной работе мы сфокусировались только на терминах, включенных в ГОСТ Р 57258—2016. Термины и определения [16] и их переводе на китайский язык. Наши последующие усилия будут нацелены на подготовку полного содержания словарной статьи каждого термина, в т. ч. поиск определений и контекстов терминов на китайском языке, добавление других языков (французского, испанского) и расширение базы данных путем включения в нее терминов других национальных и международных стандартов [15; 17; 18; 19], а также терминов, полученных методом сплошной выборки и с помощью автоматического парсинга терминов из публикаций специализированных веб-сайтов. Данные инициативы находятся на стадии разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов С.Н. Смысловые категории в словарях идеографического типа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. № 1 (18). С. 23–32.
2. Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский Лицей, 1993. 309 с.
3. Исаева Е.В. Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности: дисс. ... канд. филолог. наук. Пермь, 2013. 238 с.
4. Оконешников Е.И. Интерпретационный тип словарей терминологической лексики якутского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1(10). С. 105–108.
5. Петрова Н.Э. Исторический аспект лексикографии: китайская и российская традиции // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 1 (26). С. 123–126.
6. Рублева О.С. Некоторые типы словарей русского языка и параметры их классификации // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 2 (2). С. 63–66.
7. Татаринов В.А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: автореферат дисс. ... канд. филолог. наук 1988. 29 с.
8. Хухуни И.Г. Новая терминосистема: пути формирования (на материале терминологии беспилотных летательных аппаратов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 13–20.
9. Шетле Т.В. Лексикографические критерии составления учебного словаря-минимума англоязычных терминов банковского дела // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 1 (15). С. 142–147.
10. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 1–266 с.
11. Felber H. Terminology manual. Wien: Infoterm, 1989. 234 p.
12. Isaeva E., Burdina O. Transdiscursive term transformation: The evidence from cognitive discursive research of the term 'virus' // Current Approaches to Metaphor Analysis in Discourse. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. P. 79–110.
13. Wright S.E., Budin G. Handbook of Terminology Management. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. 372 с.
14. Wüster E. Die Struktur der Sprachlichen Begriffswelt und ihre Darstellung in Wörterbüchern // Quality in Translation. Oxford: Pergamon Press, 1963. С. 415–443.

15. ГОСТ Р 59519—2021. Беспилотные авиационные системы. Компоненты беспилотных авиационных систем. Спецификация и общие технические требования // 21 н. э. С. 1–7.
16. ГОСТ Р 57258—2016. Термины и определения // 2018. С. 1–8.
17. ГОСТ Р 59518—2021. Беспилотные авиационные системы. Порядок разработки // 2021. С. 1–4.
18. ГОСТ Р 59520—2021. Беспилотные авиационные системы. Функциональные свойства станции внешнего пилота // 2021. С. 1–12.
19. ГОСТ Р 59517—2021. Беспилотные авиационные системы. Классификация и категоризация // 2021. С. 1–7.
20. Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407003744/#1000> (дата обращения: 27.09.2023).
21. ГОСТ Р ИСО 10241-1-2013. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ [Электронный ресурс]. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=187184> (дата обращения: 18.11.2023).

© Исаева Екатерина Владимировна (ekaterinaisae@gmail.com), Ду Вэньхао (duwenhao520@gmail.com),
Исаева Ярослава Михайловна (isaevayaroslava65@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АКЫЛЛЫ “УМНЫЙ” – АКЫЛҠЫЗ “ГЛУПЫЙ” В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

ABOUT ADJECTIVES AKYLLY "SMART" – AKYLҠYZ "STUPID" IN THE BASHKIR LANGUAGE

G. Isyangulova
M. Akilova

Summary: The study is devoted to the consideration of the oppositional characteristics of intellectual personality traits in the Bashkir language: аҡылл «smart» and аҡылл «stupid». The features of the conceptualization of intellectual qualities in the form of oppositions in their nomination by paremiological units and phraseological means of the Bashkir language are revealed.

Keywords: mentality, intelligence, smart, stupid.

Исянгулова Гульназ Абдулхаковна

Доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
“Уфимский университет науки и технологий”
igulnaz75@yandex.ru

Акилова Мунира Фатиховна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ “Уфимский
университет науки и технологий”
akilova_m@mail.ru

Аннотация: Исследование посвящено рассмотрению оппозитивных характеристик интеллектуальных свойств личности в башкирском языке: акыллы «умный» и акылҠыз «глупый». Выявлены особенности концептуализации интеллектуальных качеств в виде оппозиций в их номинации паремиологическими единицами и фразеологическими средствами башкирского языка.

Ключевые слова: менталитет, интеллект, умный, глупый.

Национальная языковая картина мира даёт представление о менталитете, культуре и особенностях восприятия мира. Менталитет любого народа обычно раскрывается через противопоставление, через антонимические пары, такие как любовь – ненависть, труд – лень, храбрый – трусливый, умный – глупый и т. д. Оппозиция умный – глупый является одной из ключевых.

«Центром картины мира, обладающей общими чертами у представителей одного языкового коллектива, является человек с его чувствами, намерениями, чертами характера, способностями и действиями» [4, 3]. Одной из важнейших характеристик человека как существа думающего выступает его умственная деятельность и интеллектуальные свойства.

Интеллектуальный потенциал является важнейшей характеристикой духовной составляющей природы человека. Ум как способность понимать, познавать действительность и глупость как несоответствие обозначенной норме всегда сопровождали человеческую коммуникацию. Почти во всех сферах человеческой жизнедеятельности встречается оценка ума или глупости человека. Знания, мудрость ценились во все времена, а их носители пользовались уважением.

Концепты «акыллы» и «акылҠыз», образуя в башкирском языке в когнитивную оппозицию, характеризуют интеллектуальные возможности человека. Ядром этих концептов является не только значение собственно «определенная интеллектуальная способность человека», но и, как представляется, «социально-поведенческая характеристика человека». Эти концепты занимают

важное место в языковой картине мира башкирского народа, они часто употребляются в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов и т. д.

Лексема акыллы в башкирском языке имеет 3 значения [1]:

1. Умный, рассудительный, мудрый. Акыллы кеше (умный человек). Примеры: Акыллы кеше максат менән йәшәй (М. Буракаева). – У умного человека есть цель. Тик был бала акыллы булырға тейеш: сөнки киләсәктә дәүләт менән идара итәсәк бит (Из сказки). – Только этот ребёнок должен быть очень умным: он будет править государством.
2. Умный, разумный. Акыллы тәқдим (разумное предложение). Примеры: Әйткәндәй, «акыллы» колонка менән башкортса ла, русса ла һөйләшергә буласак (Из новостей). – Кстати, с «умной» колонкой можно будет разговаривать и по-башкирски, и по-русски. Ниһайәт, һинән бер акыллы тәқдим ишетелде (Ф. Ильясова). – Наконец-то, от тебя услышали разумное предложение.
3. Воспитанный, умный. Акыллы бала (воспитанный ребёнок). Примеры: Парк рухлы ата-әсәләр, еләсәй-олатайзар, акыллы балалар менән тулған ине (Из новостей). – В парке было много родителей, бабушек и дедушек, хорошо воспитанных детей. Был төркөмдә бик акыллы балалар икән (Из новостей). – В этой группе очень воспитанные дети.

Данное слово встречается в составе следующих фразеологизмов: акыллы баш (умник), айык акыллы (трезвомыслящий), акыллы эш итеү (действовать, поступать умно, разумно), еңел акыллы (легкомысленный), тәрән

акыллы (мудрый), үткер акыллы (остроумный) и т.д. [7] Например: Үтә укымышлы, айык акыллы, изге йәнле кеше ул. – Она очень образованный, трезвомыслящий, добрый человек. – Ни бары 6 миллион һум тотонолған, – тип акыллы эш итеү миҫалын килтерзе. – Всего 6 миллионов потрачено, – он привёл пример разумного действия. Бындай бәндә һүззе аңламай, кәңәште тотмай, еңел акыллы була (Из сказки). – Такие люди очень легкомысленны, не прислушиваются к другим, не придерживаются советов. Был тәҗрибәле, тәрән акыллы, иғтибарлы һәм баҫалкы, бер қасан да төшөнкөлөккә бирелмәгән укытыусыны күптәр белә (Л. Бердикаева). Этого опытного, мудрого, внимательного и сдержанного, никогда не унивающего учителя знают многие. Ғәзинур Рамазан улы студент йылдарында музей-экскурсия комплексында экскурсовод булып эшләп, уңған, яуаплы, үткер акыллы булуыын күрһәтә (Т. Багаутдинова). – Газинур Рамазанович в студенческие годы работал экскурсоводом в музейно-экскурсионном комплексе, показал себя трудолюбивым, ответственным, остроумным человеком.

Прилагательное акыллы часто употребляется в составе пословиц и поговорок башкирского народа: Акыллы акылы менән алдырыр. – Умный умом возмёт. Акыллы кош канатын һаклай, акыллы кеше һүзен һаклай. – Умен тот, кто умеет держать язык за зубами. Умный слов на ветер не бросает. Телен тыйған – акыллы. – Умен тот, кто держит язык за зубами. Акыллыға ым да етә (Акыллыға – ишара). – Умному намек, глупому толчок [8].

Синонимами рассматриваемого слова акыллы являются прилагательные башлы (умный), төплә (умный, толковый, дельный), зиһенле (умный, сообразительный), аңлы (умный, сообразительный, смыслёный, сметливый), башы йомро (букв. голова круглая) [6]. Примеры: Башлы кеше ташты аш итер (Пословица). – Умный из топора каши сварит. Бик укымышлы, төплә кеше ине (Т. Аманов). – Он был очень образованным, умным человеком. Ҡыз матур за, бик зиһенле лә булып үсә (Г. Исянгильдина). – Девушка была красивой и очень умной. Влад кескәй сағынан аңлы бала булып үсә (И. Хужабирганов). – Влад с детства был сообразительным ребёнком.

Антонимом акыллы выступает прилагательное акылһыз, который в башкирском языке тоже многозначное и выражает следующие значения [1]:

1. Глупый, неумный, умственно ограниченный. Акылһыз кеше (глупый человек). Пример: Йәш сакта кеше акылһыз була ла, олоғая бара акыллана, тигән хәбәр дәрәҫ түгел ул. – Суждение, что молодые люди глупые, человек умнеет с возрастом, неправильное.
2. Неуместный, глупый. Акылһыз эш (глупый поступок). Пример: Уйламай әйтелгән акылһыз һүз атқан ук менән бер, атылдымы, тотоп алыу мөмкин түгел (Х. Тапаков). – Необдуманно высказанное слово как выстреленная стрела, не поймаешь.

3. Невоспитанный, дурной. Акылһыз бала (невоспитанный ребёнок). Пример: Бер акылһыз кеше ғәм халык алдында ғүмәр Хәйәмде кәмһетергә тотонған (Из хадиса). – Один невоспитанный человек при всем народе стал унижать Омар Хаяма.

Пословицы обычно дают негативную оценку глупому человеку, глупый человек не задумывается над своими поступками, поэтому часто совершает бессмысленные поступки, много говорит и любит давать советы, никого не слушает, не любит умных и завидует им: Акылһыз башка алтын бүрек файза бирмәс. – досл. Глупому даже золотая шапка не поможет. Акылһыз башка дан қунмас, қунһа ла озак тормас. – досл. Глупому слава не к лицу, если и придёт слава, то не на долго. Акылһыз акырып алдырыр. – Дураки горлом берут. Акыллы атын мактар, ярты акыл катынын мактар, үтә акылһыз үзен мактар. – Умный будет коня хвалить, полудурок будет жену хвалить, полный дурак будет себя хвалить. Акылһыз түргә үрелер, акыллы мөйөштән дә күренер. – Глупый стремится на почетное место, а умного и в толпе можно различить.

Как видно из примеров, достаточно часто лексемы акыллы и акылһыз употребляются в башкирских пословицах и поговорках вместе. Например: Акыллыға акыл бирһән, күпте белер, акылһызға акыл бирһән, қысқырып көлөр. – досл. Если умному дашь совет, он прислушается, если глупому дашь совет, он засмеётся. Акыллыға баш қиммәт, акылһызға мал қиммәт. – досл. Умный будет думать о себе, а глупый – о богатстве. Акыллыға бер һүз – мая, акылһызға мең һүз – зая. – Умному и слово богатство, глупому и слова жаль. Акыллыға һүз әйттем – уйланы ла белде, акылһызға һүз әйттем – тыңланы ла көлдө. – досл. Умному совет дал – подумал и сделал, глупому совет дал – послушал и смеялся [8].

Синонимов слова акылһыз в башкирском языке очень много: алийот, ауһар, ахмак, иҫәр, йүләр, тиле, тинтәк, диуана, һантый, һәтәү, иҫәүән, яртақыл, утыз туғызлы, қыркка берәү тулмаған, башына тай типкән, йөзгә берәү тулмаған, акылға бер төрлө, акылға теүәл түгел [6]. Примеры: Иҫәр менән бал ашағансы, акыллы менән таш ташы. – Лучше с умным потерять, чем с глупым найти. Тиле ғәйеп итер, акыллы фекер итер. – Глупый осудит, умный рассудит. Акыллы тигәнәң мактана башлаһа, ахмак тип иҫәплә. – Смех без причины – признак дурачины. Акыллы һүз әйткәнсә, алийот һуғып йыққан. – Человек задним умом крепок. Акыллы атын мактар, тинтәк катынын мактар. – Умный коня похвалит, глупый женой будет хвастаться.

Таким образом, интеллектуальные способности – одна из основных характеристик человека, наличие ума ценится в любой лингвокультуре. Интеллект – важное качество для человека, люди, обладающие умом, считаются достойными, успешными, а глупость не позволяет человеку развиваться, совершенствоваться и достичь успехов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкорт теленең академик һүзлеге. 1 том / Ф.Ф.Хисаметдинова редакторлығында. Өфө: Китап, 2011. 432 бит.
2. Воронина Т.М., Черноскутова Д.А. Антонимические лакуны при характеристике интеллектуальных свойств личности в русском языке и их фразеологическая компенсация // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расширенного заседания (Всероссийской с международным участием) научного семинара. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 49–56.
3. Кириллова И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум-глупость в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Нижней Новгород, 2012. 168 с.
4. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
5. Мишин А.А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2007. 150 с.
6. Ураксин З.Ф. Башкорт теленең синонимдар һүзлеге. Өфө, 2000. 208 бит.
7. Ураксин З.Ф. Башкорт теленең фразеологик һүзлеге. Өфө, 1996. 288 бит; 2006. – 344 бит.
8. Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө: Китап, 2008. 776 бит.

© Исянгулова Гульназ Абдулхаковна (igulnaz75@yandex.ru), Акилова Мунира Фатиховна (akilova_m@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕЙТМОТИВ ОДИНОЧЕСТВА В НОВЕЛЛИСТИКЕ Т. ШТОРМА

THE LEITMOTIF OF LONELINESS
IN THE NOVEL BY T. STORM

E. Kirdyanova

Summary: The leitmotif of loneliness in T. Storm's short stories is a synthesis of archaic and mythological views, romantic interpretation, and positivist ideas of the XIX century. It manifests itself in the images of lonely people and actualizes ideas about the collective, where the distance between man and nature disappears. The romantic element is present in the conceptual sphere and the artistic and poetic form of Storm's work. The dynamics of the leitmotif of loneliness develops to a certain point, and then turns into an ornament, where the ways of connecting elements play an important role. Space, time, details, and composition act as connecting elements, and the image of time is created by the change of seasons in the novel.

Keywords: leitmotif, novella, romanticism, Faustian type, loneliness, passeism, fairy tale, Theodore Storm.

Кирдянова Елена Робертовна

кандидат филологических наук, доцент, Университет
«Синергия», (г. Москва)
rober70@mail.ru

Аннотация: Лейтмотив одиночества в новеллах Т. Шторма представляет собой синтез архаико-мифологических воззрений, романтической интерпретации и позитивистских идей XIX века. Он проявляется в образах одиноких людей и актуализирует представления о коллективе, где дистанция между человеком и природой исчезает. Романтический элемент присутствует в концептуальной сфере и художественно-поэтической форме творчества Шторма. Динамика лейтмотива одиночества развивается до определенного момента, а затем превращается в орнамент, где способы соединения элементов играют важную роль. Пространство, время, детали и композиция выступают как соединительные элементы, а образ времени создается сменой времен года в новелле.

Ключевые слова: лейтмотив, новелла, романтизм, фаустианский тип, одиночество, пассаизм, сказка, Теодор Шторм.

Актуальность

Изучение поэтики Теодора Шторма является актуальным для современной германистики, поскольку в его реалистическом творчестве пересекаются элементы регионализма, выраженные в фольклорно-мифологических мотивах [1], [2], романтические черты [3], а сильное субъективное эмоциональное начало позволяет относить его к поэтическому реализму.

Новизна исследования связана с пристальным вниманием к лейтмотиву одиночества в отдельных новеллах Т. Шторма, с целью установить истоки и интерпретацию его содержания. На природу этого явления обратила внимание в своей диссертации ещё Ж.П. Саркисян, отметив генетическую связь «одиночества» («Einsamkeit») с романтизмом, установив, одновременно более психологическую, нежели трансцендентную трактовку этого понятия у Шторма [4, с. 33, 37].

Отметим, что в своих новеллах («В замке», «Университетские годы», «Карстен попечитель»), Теодор Шторм даёт свою интерпретацию широко распространённых в XIX веке позитивистских идей, что так же находит воплощение в образах одиноких людей. В комплексе лейтмотива актуализируются оставшиеся в прошлом представления о человеческом коллективе как общности живых и умерших, в которой дистанция между человеком и природой практически отсутствует. В свою очередь, герои Шторма испытывают потребность определить своё положение в социуме, с которым у них недостаточно

точек соприкосновения невозможность («Университетские годы») или они находятся в состоянии конфликта («Карстен попечитель», «Всадник на белом коне»).

Динамика лейтмотива одиночества в новеллах Т. Шторма такова, что после полного развития основных его составляющих он застывает и дальнейшие его линии не столько развивают его, сколько подтверждают уже данный комплекс. В определённом смысле такой лейтмотив приобретает форму орнамента. В таком построении повтор одного и того же элемента приглушает его семантическую значимость. Однако, важнее становятся способы соединения таких элементов.

В качестве соединительных элементов выступают образы пространства, времени, детали, а также композиция. Примером может служить образ времени, создаваемый сменой времён года в новелле «В замке» (1865 г.).

Одиночество главной героини Анны, представлено Штормом не фрагментарно и ситуативно, а как её важнейшее свойство, которое осознаёт сама героиня, и в котором она хочет разобраться. Обнаруживается оно ещё в детстве: «Ich bin immer ein einsames Kind gewesen» [5], и из состояния маленького одинокого ребёнка, Анна переходит в статус таинственной особы: «Между тем баронесса жила в старом замке совсем одна: никто не видел, чтобы мимо елового бора по дороге к замку когда-нибудь подымался экипаж из города или из соседних имений» [5, 1, с. 105]. Одиночество нарастает, и по словам самой Анны: «... мне здесь так одиноко, ещё более оди-

ноко, чем в те времена» [5, 1, с. 113]. Здесь совпадают две точки зрения: внешнего мира вне замка и внутреннего мира героини, что можно охарактеризовать как стремление к объективности. Движение лейтмотива строится от прошлого в настоящее (пассеистично) и, таким образом, организует внутреннее действие сюжета.

Анна не одинока в своём «Einsamkeit», в новелле «В замке» есть ещё один герой, Арнольд, испытывающий те же чувства: «Наконец выбравшись из кустарника на небольшую, залитую солнцем лужайку, я невольно остановился: меня охватило чувство беспредельного одиночества» [6, 1, с. 129]. Да и другие герои новеллы не обладают достаточными связями и включённостью в мир, чтобы мы могли сказать, что Шторм описывает альтернативный образ.

С лейтмотивом одиночества связан мотив смерти, который частично мотивирует одиночество: смерть брата Анны, тётушки, отца. Одна из граней одиночества и его причина – замкнутый характер Анны. Психологическая мотивировка для Шторма важна ещё и для уравновешивания романтического мотива лесного уединения, который непременно узнаётся читателем этой новеллы. Тем более, что с романтической традицией связан весь сказочный контекст истории. В детские годы Анна постоянно читает сказки, за что её журит дядя, стоящий на позитивистской точке зрения на мир.

Со сказкой связан так же мотив бога. Оба мотива, сказка и бог, — это контр мотивы в лейтмотиве одиночества, поскольку разрушают его: «Однако я не чувствовала себя одинокой - ... мне сопутствовал «добрый боженька» [6, 1, с. 114]. «Я и сейчас ещё ясно вижу, как мы с дядюшкой стоим среди елей в лесу. В тот день я впервые услышала, как в кронах мощных деревьев зашумел весенний ветер. «Прислушайся! – воскликнула я и подняла вверх пальчик. – Он идёт!» – «Да кто же!» – «Добрый боженька». Я глядела во все глаза и была уверена, что вижу развивающийся между ветвями край его голубого плаща» [6, 1, с. 15].

Можем увидеть, что лейтмотив одиночества имеет двойственное значение: детское одиночество, сопровождаемое внутренними размышлениями и фантазиями, не воспринимается как нечто угнетающее; наоборот, героиня чувствует себя в гармонии, ощущает единство с природой, богом и прочим. Одиночество женщины и девушки в данном контексте представляет собой изоляцию от природы, отчуждение от любви.

Специфической чертой лейтмотива одиночества является тяготение к сюжетному разрешению.

Характерный тип образа одинокого человека воплощён Теодором Штормом в образе Хауке Хайена («Всадник на белом коне» (1888 г.)) - герое фаустианского типа

[7]. Лейтмотив одиночества в этом образе базируется на сочетании мировоззренческих установок и особом характере героя. Мировоззренческая установка здесь основана на полагании бесконечного мира и процессе его познания, желании исчерпать знание о нём до дна, постичь гармонию мироздания любым способом. Характер такого человека – решительный. Это человек ищущий и одинокий. Одиночество героев фаустианского типа – один из истоков поиска и, одновременно, – наказание за самоуверенность и гордыню.

Одним из мотивов, усиливающих одиночество такого героя – мотив честолюбия и злобы. Такое сочетание Теодор Шторм даёт в образе Карстена («Карстен попечитель» (1878 г.)), в образе Ганса Кирха («Ганс и Гейнц Кирх» (1882 г.)).

<p>«... многие молодые матросы или лоцманы из низов бюргерского сословия при входе в церковь обуреваемы были отнюдь не религиозным рвением, а честолюбивым желанием добиться, когда – нибудь и для себя места наверху; поэтому, несмотря на проникновенную проповедь, они возвращались домой или на корабль не с благочестивыми мыслями, а взбудораженные вполне мирскими помыслами. К таким людям, полным тщеславных желаний, принадлежал и Ганс Адам Кирх» [6, 2, с. 74]. «Ганс и Гейнц Кирх».</p>	<p>«Много лиц прошло перед мысленным взором Хауке, и все они глядели на него недобрыми глазами. И Хауке охватила злоба на этих людей. Он готов был растерзать их – ведь они мешали ему занять место, для которого он был предназначен. Подобные мысли стали часто преследовать его. Вечно он носился с ними, и, несмотря на его прямодушие и доброту, в юной душе его постепенно поселились непомерное честолюбие и ненависть» [6, 2, с. 476–477]. «Всадник на белом коне».</p>
--	---

Честолюбие, целеустремлённость и одиночество – вот та смертельная смесь для героев такого типа. Как пророчество звучат слова Эльке – жены Хауке: «Это схватка не на жизнь, а на смерть. Почти все будут против тебя, никто не скажет спасибо за все твои труды и старания» [6, 2, с. 490].

Особенность одиночества такого типа героев в амбивалентной природе лейтмотива: чтобы проявилось одиночество, необходимо общество, среда. Так, во «Всаднике на белом коне», защита людей при помощи строительства дамб вызывает в людях почти мистический страх перед инженерными талантами Хауке и усиливает его одиночество. Деятельность на благо всех не компенсирует, не снимает одиночество, а усугубляет его.

Результаты

Проведя анализ новелл, в которых обнаруживается исследуемый лейтмотив, мы можем заключить, что лейтмотив одиночества наиболее последовательно реализован Теодором Штормом в новелле «В замке», и можно

утверждать, что в этом произведении представлен своеобразный канонический лейтмотив. Здесь фиксируются такие обязательные для лейтмотива элементы, как:

1. связь с природой, как основа для того, чтобы не чувствовать одиночество. Вокруг этого строится как психологический, так и сюжетных ход;
2. уединение в лесу, доме, и т. п., как максимальная степень проявления одиночества – отъезд из дома и разрыв связей;
3. божественное и научное конкурируют в сознание

- героев, реализуясь в сюжетные конфликты;
4. присутствие контрмотивов внутри лейтмотива одиночества: сказочный элемент, который служит опорой и поддержкой действий и мыслей героев, а в некоторых случаях (Науке Хайен), герои переходят в статус культурных мифологических героев, выступая защитниками людей от стихии, а также мотив Бога;
5. пассивность временной конструкции лейтмотива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабибуллина Э.Ф. Мифологема «белый конь» в новелле Теодора Шторма «Всадник на белом коне» / Э.Ф. Хабибуллина // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 12(39). – С. 55–60. – EDN PXUTYU.
2. Соколова Е.В. 2017.03.020. Вебер К.Д. Сооружение плотин и самопожертвование: дискурс катастрофы во «всаднике на белом коне» Теодора Шторма. Weber CH.D. Deichbau und Selbstopfer: der katastrophendiskurs in Teodor storms «der Schimmelreiter» // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. - Stuttgart: Metzler, 2016. - Jg. 90, N. 1. - S. 109-133 / Е.В. Соколова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2017. – № 3. – С. 124–130. – EDN ZOGFEP.
3. Максикова Н.А. Проблема художника в новелле Т. Шторма «Мастер Петрушка» / Н.А. Максикова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2005. – № 6. – С. 50–55. – EDN MGUZND.
4. Саркисян Ж.П. Новеллы Т. Шторма 1870-1880 гг.: (Проблемы творческого метода): специальность 10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии»: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (10.01.05) / (МГУ). Филол. фак. - [Москва]: Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 27 с.
5. Theodor Storm. Novellen. Im Schloß. [Электронный ресурс] – URL. <https://www.projekt-gutenberg.org/storm/novellen/imschlos.html> (дата обращения 1.07.24)
6. Шторм Т. Новеллы В 2 т. - М., 1965.
7. Ишимбаева Г.Г. Фаустианская тема в немецкой литературе: специальность 10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии»: диссертации. на соискание ученой степени доктора филологических наук/ Ишимбаева Галина Григорьевна; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. - Москва, 1999. – 444 с. Библиогр.: с. 419–444. - Место защиты: МГУ им. М.В. Ломоносова.

© Кирдянова Елена Робертовна (rober70@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ И КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Б.В. ШЕРГИНА)

Комкова Нина Илькамовна

доцент, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО
«Тюльский государственный университет»
lingvo_2012@mail.ru

Ломакина Ольга Валентиновна

Профессор, доктор филологических наук, Российский
университет дружбы народов, (г. Москва)
rusoturisto07@mail.ru

THE FUNCTIONAL POTENTIAL OF PAREMIAS AND WINGED UNITS IN A LITERARY TEXT (USING THE EXAMPLE OF SHORT STORIES BY B.V. SHERGIN)

**N. Komkova
O. Lomakina**

Summary: The article is devoted to the description of the functional potential of stable units (proverbs and winged units) in the fiction of the writer of the Russian North, Boris Shergin. As the research material, the author's card index of examples was used, obtained by using a continuous sample from the writer's works of fiction. The evidence base of the structure of language construction is given by «Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application» by Alexander Podvysotsky, the «Dictionary of Russian Proverbs and Sayings» by Vladimir Zhukov and the «Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions» by Vadim Serov. The authors of the article, basing on the conception of Elena Galimova, the North Russian version of the native picture of all the world, show the validity of the concept relating to the Pomor's speech based on examples of Boris Shergin texts. The stories, including linguoculturally labeled («Pomor's») parodies, are analyzed. The text-forming and plot-forming functions of paroemias in the stories of Boris Shergin are shown; the stories in which the proverb is included in the title are listed. Using the example of works from different years, it is represented how paremias affect the reflection of the spiritual and moral world of the Pomors, their moral and professional qualities. The synthesis of all paremiological functions compiles semantic actualizers characteristic or conceptual semantic of both the works of Boris Shergin and the entire prose of the Russian North.

Keywords: paremia, winged unit, functions, literary text, Boris Shergin's prose, Pomor's language, conceptual semantic.

Аннотация: Статья посвящена описанию функционального потенциала устойчивых единиц (поговорок и крылатых единиц) в художественной прозе писателя Русского севера Бориса Викторовича Шергина. В качестве материала исследования использовалась авторская картотека примеров, полученная приемом сплошной выборки из художественных произведений писателя. В качестве источников-верификаторов использованы лексикографические издания: «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.И. Подвысоцкого, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова и «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В. Серова. Авторы статьи, используя термин Е.Ш. Галимовой «северорусский вариант национальной картины мира», на примере текстов писателя показывают правомерность данного понятия, относящегося к поморскому языку. Проанализированы рассказы, включающие лингвокультурно маркированные («поморские») паремии. Показана текстообразующая и сюжетообразующая функции паремий в рассказах Б.В. Шергина; перечислены рассказы, в которых поговорка вынесена в название. На примере рассказов разных лет репрезентировано, как паремии влияют на отражение духовного и нравственного мира поморов, их моральных и профессиональных качеств. Синтез паремиологических функций выражает концептообразующую семантику, характерную как для произведений Б.В. Шергина, так и для всей прозы Русского Севера.

Ключевые слова: паремия, крылатая единица, функции, художественный текст, проза Б.В. Шергина, поморский язык, концептообразующая семантика.

Одной из черт идиостиля Б.В. Шергина является частотное употребление устойчивых единиц различных классов (идиом, паремий, афоризмов) как общеязыковых, так и локальных, известных лишь в Архангельске [1]. Исходя из исследований Е.Ш. Галимовой, «северорусский вариант национальной картины мира» служит, «наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [2, С. 125].

Последовательное описание фразеологической и паремиологической системы языка писателя предполагает

определение репертуара устойчивых единиц, их функционального потенциала во времени и пространстве (с позиции вертикального и горизонтального контекста) [3]. В художественных текстах устойчивые единицы нередко становятся смысловыми доминантами текста, выполняя сюжетообразующую и текстообразующую функции. Б.В. Шергин продолжает традицию Л.Н. Толстого и А.Н. Островского, выбирая в качестве заголовков и смысловых доминант текста устойчивые единицы.

Описание особенностей функционирования фразеологических ресурсов языка предполагает, прежде всего,

рассмотрение функционального потенциала в тексте на основании существующей типологии [3, С. 93–105], а также анализ трансформационного потенциала и его роль в создании текста [3, С. 178–226], [4, С. 295–329].

Цель данной статьи – проанализировать функциональные особенности устойчивых единиц в прозе Б.В. Шергина.

В качестве материала исследования используется авторская картотека примеров, полученная приёмом сплошной выборки из сочинений Б.В. Шергина. В данную статью включено 10 контекстов, представлены выводы по 13 анализируемым в работе рассказам.

В произведениях писателя преобладают паремии, которые, помимо метафоризации языка и стиля произведений Б.В. Шергина, репрезентируют фразеологическую, когнитивную и лингвокультурологическую структуру языка жителей Архангельского края [5, С. 295], а совокупность фразеологических единиц представляет истоки поморской души и моральных ценностей [1, С. 52].

Паремии, функционирующие в художественных произведениях Б.В. Шергина, можно разделить на три равных по объёму и семантической направленности общезыковой парадигмы: 1) структурированные из «поморской говóри» и отражённые в соответствующих словарях; 2) являющиеся частью поморского языка писателя и отражающие этнос и историю Архангельского края, моральные аспекты жизни и быта поморов; 3) окказиональные – индивидуально-авторские единицы.

Паремии, знакомые писателю с юных лет, репрезентированы в его рассказах вместе с единицами, имеющими лингвокультурно-маркированные характеристики, то есть исконно «поморскими» (служащими неотъемлемой частью структуры художественной прозы Б.В. Шергина): «**“Архангельский город всему морю ворот”**. Архангельск же стоит на высоком наволоке-то, смотрит лицом на морские острова. Двина под городом широка и глубока – океанские трехтрубные пароходы ходят взад да вперед, поворачиваются и причаливают к пристаням без всякой кручины» («Двинская земля»), где вышележащая паремия является своеобразной антитезой мягких тональных оттенков суровому смыслу контекста повествования. *Город архангельской, а народ в нём дьявольской* из паремиологического фонда «поморской говóри» [6, С. 34]; «С малых лет повадимся по пароходам и отступить не можем, кого море полюбит... **Не все в одно льяло льются, не все моряки**» («Двинская земля»), где паремия. *Не все в одно льяло льются* содержит поморское льяло – «форма для литья пуль» [6, С. 84]; «На малой каменной грядке живали по несколько дней, смотря по ветру, по рыбе, по воде. Сюда завозили хлеб, дрова, пресную воду. Так продолжалось лет семь или во-

семь. Наступил 1857 год, весьма неблагоприятный для мореплавания. В конце августа Иван с Ондреяном опять, как гагары, залетели на свой островок. Таково рыбацкое обыкновение: **“Пола мокра, дак брюхо сыто”**» («Для увеселения»), где данная паремия семантизируется в качестве поморской определённой предысторией контекста повествования, точно и ёмко характеризует быт и культуру жителей Архангельского края. Помимо этого, Б.В. Шергин использует метаязыковой рефрен «Таково рыбацкое обыкновение», повествующий о рыбацкой легенде, который указывает на источник [7]. Все такие рефрены «поморской говóри», используемые писателем, отображают топическую особенность контекста художественного повествования.

Паремии – важная часть структуры языковой картины мира писателя, выросшего в Архангельске, своеобразной родине русского фразеологического наследия: **«Будь же, сын, отца храбрее, Матери добрее. Живи с людьми дружно. Дружно не грузно. А врозь – хоть брось! ...»** («Детство в Архангельске»).

В паремийной структуре языка писателя важное значение приобретают окказиональные устойчивые единицы различных классов, которые могут быть вычленены из других, более объёмных единиц; образованы по существующим в языке системно-смысловым алгоритмам, базирующихся на синонимии, контрасте, инверсии; при этом значение может меняться частично или полностью и др. [4, С. 314–328]. Авторские паремии – контексты, репрезентируемые в семантическом аспекте, – актуализируют речевую сторону паремийного жанра или структуру заданной пословицы. Они репрезентированы лишь в текстах писателя и не встречаются в паремиографических изданиях: «*Мужиков писали-то головастьких, а жёночек коротеньких. Нам своё лицо терять не надобно. У всякой ягоды свой вкус*» («Лебяжья река»). Ср.: у всякого Павла своя правда; У всякого плута свой расчёт; У всякой пташки свои замашки [8, С. 459–460].

Важная для характеристики идиостиля писателя текстообразующая функция паремий в художественном тексте представляет собой не только частотное употребление в контексте, но и расстановку определённой акцентной семантики, наличик оценочных характеристик отображаемых событий, героев и их поступков [9, С. 25]. Вследствие включения паремий в текст происходит некая алгоритмизация всей сюжетно-контекстуальной структуры повествования. Например, в рассказе «Дождь» поморский художник по полотну Фатьян в контексте паремийного утверждения конкретизирует различия в полотнах иностранных и поморских художников, оценочно резюмирует печально-иронический подтекст покупок местных баб, выбравших для покупки яркие узорчатые материалы валяжного заезжего иностранца Пыха, а не простые, но качественные ткани односельча-

нина Фатьяна. Заморские узоры не вынесли простого испытания дождём, вечным спутником поморской погоды. Осознав свои ошибки, они возвращаются за обновками именно к Фатьяну: *«В балаган-то полезли и бабы, и девки да старухи. Поклонились, заговорили: Здравствуйте, гости торговые! Из ваших рук набойки захотели. Вчера к вам собирались, да кони не довели. Фатьян приосанился, дак прищурил глаз: – Доброе дело не опоздано. Милости прошу. Наши набойки за сутки не заплесневели, не заиндевели. Только что узором не корыстны, против модного базара не задорны... Бабы застыдились: – Карасином бы этот базар облить было да спалить!... – Тотто, – наставительно сказал Фатьян. – За морем прок потеряли, только хитрость одна. Русский мастер у работы радоваться хочет. Вот полотно: под песню прядено, под сказку ткано, на мартовском снегу белено. Мы к ткачихину художеству своё приложили. Краски натуральные: от матушки сырой земли, и от коры березовой, осиновой, от дерева сандала, от ягод, от цветущих трав. Земляную краску в пух стираем: хоть графиня рожу пудри! Сенька Рыжа Борода у выбойки, будто бабка-повивалка у родов. Тренька досточку-печатку режет, как батальный живописец. Я в свою набойку сорок лет людей сряжаю. Сколько молодёжи обучил, ремесло в руки дал. И от всех, кроме спасибо, другого слова не слыхивал. Я не хвалюсь. Моя работа пусть меня похвалит. Такое наше поведенье вековое-цеховое...» («Дождь»).* Резюмируется повествование тождественной паремией: «Фатьяновы же внуки-правнуки, такие же, как дед, красильщики-набойщики, работают теперь на фабриках. Дедова оказия не вылиняла, не выцвела в пересказах внучат. Дедовской пословкой и заканчивают: *“За морем прок потеряли, только хитрость одна”* («Дождь»), то есть используя одну паремию писатель резюмирует семантику всего повествования о приезде мистера Пыхе и поморском мастере Фатьяне, приобретающего характер и структуру прецедентной единицы, актуализатором которой является метаязыковая рефрен («Дедовской пословкой и заканчивают...»).

Текстовая природа пословицы, обоснованная А.А. Потебнёй, находит отражение и в работах современных исследователей, анализирующих функционирование пословиц в различных текстах, прежде всего, в художественной литературе [5], [10], [11].

Включение паремий не просто в текст, а использование в качестве названия отличает прозу Б.В. Шергина. При употреблении паремий в качестве заголовков произведений превалирует текстообразующая функция устойчивых единиц. Заголовок, как одна из доминантных позиций рассказа, «содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [12, С. 138]. Употребление паремий в качестве номинаций художественного произведения обосновано отражением в них специфики реалий, черт национального характера

каждого народа, ценностных представлений: писатели обычно используют эти языковые единицы в текстах художественных произведений именно в номинативном качестве [13, С. 127]. Заголовок-паремия способствует расширению семантического спектра контекстуального значения, а фольклорная природа пословицы адресует читателя к основополагающим аспектам поморской действительности. Употребляемые в произведениях паремии акцентируют внимание читателя на тематике повествования, очерчивает замысел произведения, предопределяет происхождение героев, их ценности и моральные стремления. Более десяти рассказов номинированы писателем паремиями и организованы в тематический сборник «Пословицы в рассказах»: *«Плотник думает топором»*; *«Собирай по ягодке – наберёшь кузовок»*, *«Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится»*, *«Длинная нитка – ленивая швея»*, *«Одно дело делаешь – другое не порть»*, *«Шей да пори – не будет пустой поры»*, *«Коня в гости зовут не мёду пить, а воду возить»* и др.

Разговорно-просторечный пласт в структуре паремий, выбранных Б.В. Шергиным формально для номинативной функции, а фактически – для создания текста, придаёт им именно поморские черты, приближая их семантику к жизни и быту поморов – земляков Б.В. Шергина, «которых писатель понимал и любил всей душой, стремился наиболее ярко отразить их образы, исповедать особенности их языка в своих произведениях» [1, С. 200].

Помимо пословиц, в языке художественного текста писателя не менее объёмно и образно, чем паремии, употребляются конструкции, состоящие из крылатых единиц, которые делятся на библеизмы, литературные цитаты, фольклорные цитаты. Библеизмы выступают в доминантной позиции, т. к. жители Архангельского края являются высоко воцерковленными людьми, свято верующими, что лишь праведная и честная жизнь, посвященная любимому ремеслу, позволит обрести истинное счастье. Библеизмы в основном употребляются в интертексте, синтезируя в себе семантику текстового первоисточника и адресую к нему читателя как к второстепенно-знаковому смыслу, актуализирующему идейный смысл сюжетной канвы, понятийный аспект произведения, корректно интерпретировать авторский замысел, особенности сюжета, образно-персонажные концепты. С позиции стилиобразующей функции использование литературно-художественных цитат и библеизмов значимо разграничивается в произведениях Б.В. Шергина.

Фольклорные цитаты в рассказах писателя немногочисленны и схожи по своей стилиобразующей функции с народнопоэтическими конструкциями, что роднит их с произведениями русской литературы XVII века. Они также протяжно певучи, т. к. используются для придания тексту литературного произведения особенностей фольклорного «сказа»: *«В 1912 году во Архангельске жил*

знаменитый архитектор, академик П.П. Покрышкин. Мы с Виктором отважились предстать перед ним во время реставрации Успенья на бору. Мы истово поклонились же, и Виктор произнёс-то заученное приветствие. Вместо ответа он налетел на нас, как мальчишка, и дал нам по шеям. «Это я благословляю вас. Художники не живут сладко, а живут терпко. Не будьте же **«спящие красавицы»**. Не спите – не дремлите» («Виктор-горожанин»), где спящая красавица – лицо, не желающее заниматься трудовой деятельностью и не интересующееся заданной им работой. Они медлительны и мечтательны в ситуациях, когда нужно выражать свою позицию, в том числе и профессиональную. Ср.: спящая красавица – «о людях невнимательных, мечтательных, медлительных, не проявляющих должного интереса к своей работе или профессии (иронический подтекст)» [14, С. 723]. Вообще стилизованная под фольклор сказовая форма, существующая в двух модификациях (сказ как повествование и сказ как жанровая вариация), в прозе Б.В. Шергина всегда приобретает вид литературно-художественного повествования, подражающий устной народной речи, имеющий сходство с фольклорными произведениями. Данная стилизация придаёт рассказам писателя неповторимую манеру изложения: читатель будто погружается в неизведанный мир поморского быта и обычаев, становясь его частью, очевидцем, иногда и участником всех событий, а не просто сторонним наблюдателем. Своеобразие фольклорного своеобразия рассказов Б.В. Шергина заключается в непосредственной адресации к народному творчеству. Задача автора не столько в том, чтобы расширить литературное наследие посредством фольклорного языка, сколько поэтизировать сам язык, создать уникальный текст, включающий характерные лишь для живой разговорной речи и «поморской говори».

О рекуррентном свойстве афористических единиц служить закольцованности текста можно говорить только в том случае, если они представляют собой своеобразную разновидность свободных конструкций, среди которых – наиболее схожие по структуре и приёмам функционирования с паремиями, широко употребляющимися в произведениях писателя как стилистический способ типизации народной речи. В целом кольцевая композиция позволяет рассмотреть характер и поступки героев от зарождения их духовных стремлений до изменений в течение всего жизненного пути. Рекуррентные фразовые конструкции – это прототипы потенциальных паремий или их свободные аналогии, то есть характерные для

живой просторечной манеры повествования, которая типизирована в художественных текстах Б.В. Шергина: «– Пуцай он хоть бы в утробу материну спрятался, и там добудем! – вопияли жёнки... Бежать-то на пароход поопасался: **бабам нигде не загорожено**, а капитан не любит неприятностей» («Дождь»); «– У тебя откуда барыши-то? – спросил Тренька. – Да ведь половину барыша мне Пых-от посулил!... – Ох же, дядюшка Фатьян! Нет у тебя ума-то с напёрсток. Таких, как ты, лесных тетерь, и учат. – За мою добродетель?! – За твою дурость, не во гнев будь сказано. – **После дела всяк умён**. Уйди с глаз! – рывкнул мастер» («Дождь»); «В балаган полезли бабы, девки и старухи. Поклонились, заговорили: – **Здравствуйте, гости торговые!** Из ваших рук набойки захотели. Вчера к вам собирались, да кони не довели. Фатьян приосанился, прищурился же глаз: – **Доброе дело не опоздано. Милости прошу**» («Дождь») и т. д.

Таким образом, использование паремий маркирует содержательно-философский подтекст прозы Б.В. Шергина, который, стремясь к сказовому (устно-поэтическому) способу представления художественной формы, выбирает пословичный жанр как наиболее синкретичный в функциональном плане. Паремия в прозаических произведениях Б. В. Шергина – это средство выражения народно-философской мысли, прямое или образное семантическое представление поморов в осмыслении мира и культурной среды (Русского Севера), своего места и назначения в этом мире (Архангельского города и др.), осознанно выбранной профессии («морского сословия» и др.), духовных ценностей, правил и норм поведения, истинно поморских особенностей. Выбор одного ремесла на всю жизнь, вера в библейские заветы характерны, в первую очередь, для жителей Северного края. Их неизменная вера в то, что добрые дела стократно умножают правдивые помыслы – отличительно поморская черта. Крылатые выражения употребляются не так часто, но при этом несут композиционно-идейный посыл, образующий семантическую канву художественного текста. Употребление паремий и крылатых единиц в художественных произведениях Б.В. Шергина имеет текстообразующий характер (несёт понятийно-философский подтекст), а также интертекстуальные свойства, при этом доминантную роль в текстообразовании занимают паремии, в т.ч. локальные. Синтез паремиологических функций имеет концептообразующее значение, характерное как для произведений Б.В. Шергина, так и для всей прозы Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комкова Н.И. Лексико-фразеологические тексты пространство поморов художественной каждого прозы состав Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук / Комкова Нина Илькамовна. – М, 2021. – 217 с.
2. Галимова Е.Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального свертхтекста / Е.Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 121–129.

3. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. Монография / под ред. В.М. Мокиенко / О.В. Ломакина. – М.: РУДН, 2018. 344 с.
4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович, А.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ, 2008. – 482 с.
5. Романов Д.А. Текст как проекция фразеологизма // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции / Д.А. Романов. – Тула: ТППО, 2018. – С.293-299.
6. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / собралъ на мѣстѣ и составилъ А. Подвысоцкий. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – 197 с.
7. Ломакина О.В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов / О.В. Ломакина. – М.: 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 130–137. doi: 10.22363/2313–2299-2017-8-1-130–137
8. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 535 с.
9. Ломакина О.В. Пословица в тексте или текст в пословице? (из опыта анализа паремий) // XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык во времени и пространстве» / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. Т. 2. Шанхай: Издательство Шанхайского института иностранных языков, 2011. – С. 175–181.
10. Мокиенко В.М. Излияние души: библеизм, ставший смыслом художественного текста // Слово – фразеологизм – дискурс: актуальные проблемы исследования в современном гуманитарном знании: сборник статей, посвящённый 85-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы, доктора филологических наук, профессора Костромского государственного университета Алины Михайловны Мелерович / сост. И.Ю. Третьякова, М.А. Фокина ; под ред. И.Ю. Третьяковой, М.А. Фокиной. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. – С. 13–24.
11. Ломакина О.В. Заглавие-паремия как способ выражения авторской позиции в художественном тексте (на материале народных рассказов Л.Н. Толстого) // Вестник Орловского государственного университета / О.В. Ломакина. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2010. – № 3 (11). – С. 126–130.
12. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: автореф. дис. . . . д-ра филол. наук: 10.02.01. / Савенкова Людмила Борисовна– Ростов-на-Дону, 2002. – 48 с.
13. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. 2-е изд., испр. / Н.А. Фатеева – М.: URSS, 2006. – 280 с.
14. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей. / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. – М.: «Локид-Пресс», 2005. – 880 с.

© Комкова Нина Илькамовна (lingvo_2012@mail.ru), Ломакина Ольга Валентиновна (rusoturisto07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПАРАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Кулимова Рима Хусеновна

кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
rim.2101@mail.ru

Хачетлова Сусанна Мухамедовна

Кандидат исторических наук, Доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
ha4etlova@yandex.ru

COMPARATIVE DESCRIPTION OF LANGUAGES FOR LINGUISTIC AND DIDACTIC PURPOSES

**R. Kulimova
S. Khachetlova**

Summary: The article provides a comparative description of languages for linguodidactic purposes both in terms of system and in comparison, of language subsystems, describes the differences in the morphological system of the native (Kabardian) and the studied (Russian) languages. Russian The main conclusion of the article was the statement that the source of interference in the process of teaching Russian to primary school students is the features of the morphological structure of the native (Kabardian) language in comparison with Russian, which must be considered when developing a methodology for teaching the studied (Russian) language in Kabardian schools.

Keywords: Russian and Kabardian languages, comparative study, bilingualism, bilingual linguistic personality, comparative-typological description of languages, comparative method, cognitive linguistics.

Аннотация: В статье Компаративное описание языков в лингводидактических целях проводится как в системном плане, так и в сравнении языковых подсистем, дается описание различий в морфологической системе родного (кабардинского) и изучаемого (русского) языков. Основным выводом статьи явилось утверждение о том, что источником интерференции в процессе обучения русскому языку учащихся начальных классов является особенности морфологического строя родного (кабардинского) языка в сопоставлении с русским, которые необходимо учитывать при разработке методики преподавания и изучаемого (русского) языка в кабардинской школе.

Ключевые слова: компаративное изучение кабардинского и русского языков, билингвизм, билингвальная языковая личность, сопоставительно-типологическое описание языков, сопоставительный метод, контрастная лингвистика.

Введение в проблему исследования и концептологические основания

Компаративное (сопоставительное) описание языков находит широкое применение не только в теории языка, но и прикладных исследованиях. «Проблема сопоставления как методического приема обучения русскому языку нерусских - одна из давних лингвометодических проблем, связанных с так называемым учетом родного языка». (Н.М. Шанский)

Нельзя опровергать, что научно обоснованную методику русского языка для национальной школы можно построить только на основе сопоставительного описания русского и родного языков. Сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях диктовалось задачами обучения неродному языку.

Многие зарубежные лингвисты под сопоставительной лингвистикой понимают сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях. Поэтому они считают, что сопоставительная лингвистика должна выявлять различия между сопоставляемыми языками для того, чтобы найти источники интер-

ференции, показать типичные ошибки, определить трудности (или иерархии трудностей) иностранного языка для тех, кто изучает его, объяснить типичные ошибки. Основоположником сопоставительного изучения языков в лингводидактических целях был выдающийся русский языковед Е.Д. Поливанов. [5, с.114]. В научных работах он указывал не только на различия между сопоставляемыми языками и трудности, вытекающие из этих различий, но и типичные ошибки носителей родного языка в речи на неродном языке. Большую роль в развитии теории сопоставительного изучения языков в лингводидактических целях сыграли работы Р.Ладо «Лингвистика через культуру» и «Обучение языку». [5.108с.] Он считал, что компаративная лингвистика должна устанавливать различия между сопоставляемыми языками.

Большую роль в развитии теории сопоставительного изучения языков в лингводидактических целях сыграла дискуссия, развернувшаяся в 1957–1958 гг. на страницах журнала «Русский язык в национальной школе». Поводом для данной дискуссии послужила содержательная статья Б.А. Серебрянникова «Всякое ли сопоставление полезно?».

При ответе на данный вопрос следует исходить из того, что сопоставление может служить методом исследования и приемом обучения неродному (русскому) языку. В первом случае устанавливаются сходства и различия между родным и неродным языками, во втором – эти сходства и различия доводятся до сознания учащегося для устранения отрицательного переноса родного языка. Второе, то есть сопоставление как прием обучения неродному языку, ибо приведенные им примеры на случай, когда сопоставление бесполезно, относятся к объяснению учебного материала.

Использование сопоставления при обучении русскому языку в национальной школе было и остается одним из средств, позволяющих учителю быстрее преодолеть трудности, связанные с особенностями родного языка учащихся, и лучше поставить преподавание. (журнал «Русский язык в национальной школе») Фрагментарное сопоставление позволяет определить лишь часть трудностей, которые возникнут в процессе преподавания неродного языка. [10, с.116]

Сегодня во многих странах ведутся исследования по осуществлению полного сопоставительного описания двух языков – работа трудная, требующая объединения усилий фонологов, грамматистов и лексикологов, знающих два или больше языков. Сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях продолжает расширяться. [7, с.109]

Постановка проблемы

В сопоставительном изучении русского и родного языков в лингводидактических целях ставятся две задачи – лингвистическая и методическая. Лингвистическая задача состоит в том, чтобы глубже выявить все общее в этих языках и все отличительное, специфическое именно для данного языка, наиболее ярко проявившееся в сопоставлении с другим. Задачи сопоставительного рассмотрения родного и изучаемого языков в теоретических целях – определение сходств и различий между сопоставляемыми языками:

- выявление причин сходства и расхождения;
- более глубокое познание системы родного и изучаемого языка, вскрытие тех признаков сопоставляемых языков, которые остались незамеченными при изучении одного языка;
- интерпретация системных соответствий и несоответствий между сопоставляемыми языками.

Для демонстрации примеров сопоставительного изучения языков в теоретических целях можно привести много работ, в которых выявлены не только сходства и различия между родным и изучаемым языками, но уточнены и развиты существующие в лингвистической и лингводидактической литературе концепции по со-

поставляемым языковым явлениям. [6, с.79-81] Сопоставительное изучение языков в теоретических целях дает возможность глубже проникнуть в системы сопоставительных языков, расширяет наше знание о системе каждого из сопоставляемых языков в отдельности, обогащает общее языкознание новыми данными.

Если лингвистическая типология и сравнительно – историческое языкознание развиваются главным образом на теоретических основаниях, то контрастивная лингвистика свои выводы, как теоретические, так и методические, подчиняет по преимуществу целям лингводидактическим. Изучение выявленных лингвистами сходств и различий между родным и неродным языками с точки зрения их значимости для обучения неродному языку, доказало, что не всякое сходство или различие оказывается методически релевантным. Для фиксации сходств и различий между сопоставляемыми языками вводятся следующие четыре понятия: 1) методически релевантное сходство; 2) методически нерелевантное сходство; 3) методически релевантное различие; 4) методически нерелевантное различие [1, с.12,21.]

Методология

Методически релевантное сходство – это такое сходство между родным и неродным языками, которое стимулирует положительный перенос навыков родной речи на иноязычную речь. Например, кабардинец, изучающий русский язык, не нарушит порядок слов в русском словосочетании **иди сюда**, так как в его родном языке это словосочетание имеет такой же порядок слов – **къак1уэ мыдэ**. Данное сходство облегчает усвоение кабардинцем русского языка. [9, с.177] Отсюда можно сделать следующие методические выводы или рекомендации: порядок слов в подобных русских словосочетаниях не вызывает никакой трудности для кабардинцев.

Методически нерелевантное сходство – это такое сходство, которое не стимулирует положительный перенос навыков, из которого невозможно сделать методические выводы или рекомендации. Например, если мы сравним кабардинский и русский языки по признаку наличия сослагательного наклонения, то обнаружим, что оно существует в обоих языках. Однако за этим, в сущности, абстрактным сходством скрываются глубокие различия в форме, семантике и функции сослагательных наклонений кабардинского и русского языков. Так, в сопоставляемых языках есть местоимения, имена существительные, глаголы и т. д., наличие чего действительно придает данным языкам сходство. Однако данное сходство не дает основания утверждать, что эти категории не представляют трудности для учащихся и не должны быть предметами обучения. А.А. Реформатский отмечает, что между сопоставляемыми языковыми явлениями могут оказаться кажущиеся сходства. Самое опасное – это ориентировка

на кажущиеся «схожести»; они почти всегда провокационны, и их – то и надо больше бояться, а причина мнимости этих «схожестей» – в идиоматичности языка. [2, с.264] Поэтому не следует смешивать методически релевантные сходства с лингвистически релевантными сходствами, так как сходства, являющиеся методически нерелевантными, часто оказываются лингвистически релевантными.

Методически релевантное различие – это такое различие между родным и неродным языками, которое может стать лингвистической причиной межъязыковой интерференции. Например наличие категории рода в русском языке и его отсутствие в кабардино-черкесском языке. В отличие от него **методически нерелевантное различие** не может вызвать межъязыковую интерференцию. Следует отметить, что одно и то же межъязыковое различие может быть методически релевантным для носителей одного из сопоставляемых языков и нерелевантным для носителей другого. Так, например, имя прилагательное в русском языке в отличие от имени прилагательного в кабардинско - черкесском обладает категориями числа, рода и падежа. [8.с.346] Данное различие методически релевантно для кабардинской аудитории, но нерелевантно для русской.

Обсуждение

Пример можно привести такой-кабардинец, не привыкший различать категории числа, рода и падежа имени прилагательного (этих категорий просто нет в его родном языке), не различает их зачастую и в русском языке, и в результате делает ошибки типа «глубокий яма», «моя папа». [3, с.188]

Таким образом, деление межъязыковых сходств и различий на методически релевантные и нерелевантные имеет огромное практическое значение. Без внимания к этому аспекту исследования результаты сопоставительного изучения невозможно использовать при обучении неродному языку, при создании научно обоснованной системы учебников, учебных пособий и программ по родным языкам. Сопоставительная лингвистика может стать базой для частной методики преподавания неродного языка лишь в том случае, если в ее задачу будет включен анализ выявленных сходств и различий с точки зрения их методической релевантности, то есть с точки зрения их интерференционной потенции. [6.с.40] В обратном случае результаты сопоставительного изучения окажутся «размытыми», то есть не готовыми для использования их в частной методике обучения неродному языку.

Заключение

Для установления всех методических релевантных сходств и различий между сопоставительными явлениями родного и изучаемого языков необходимо их глубокое сравнение, в результате чего, обнаружатся те признаки сопоставляемых языков, которые остаются незамеченными при изучении другого языка. Основными задачами сопоставительного изучения языков в лингводидактических целях является:

- определение сходств и различий между сопоставляемыми явлениями; методической релевантности сходств и различий;
- характера межъязыковых интерференций;
- межъязыковых системных соответствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. Учебное пособие для студентов и преподавателей педвузов. -М. Высшая школа, 1989.
2. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М.: Комкнига, 2006.
3. Загаштоков А.Х. Сопоставительно-типологическое описание русского и кабардино-черкесского языков в учебных целях. -Нальчик, 2009
4. Р. Ладо «Лингвистика через культуру» и «Обучение языку». - Л., 1989.
5. Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию Издательство: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» 1987. <https://www.livelib.ru/author/121405/top-evgenij-polivanov>, 1987
6. Реформатский А.А. О сопоставительном методе. В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1987.
7. Шанский Н.М. Сопоставление как один из методических приемов обучения русскому языку нерусских. - В сб.: Актуальные проблемы методики преподавания русского языка студентам, обучающимся в национальных группах неязыковых высших учебных заведений Закавказья. Тбилиси. 1974
8. Шапацева М.Х. Сопоставительная грамматика русского и адыгейского языков. Майкоп, 2005
9. Экба Н.Б. Опыт сопоставительной грамматики русского, абазинского и кабардино-черкесского языков. -Черкесск, 1963. 177с.
10. Ярцева В.Н. Теория и практика сопоставительного исследования языков. Изв. АН СССР.СЛЯ. 1986. №6.

© Кулимова Рима Хусеновна (rim.2101@mail.ru), Хачетлова Сусанна Мухамедовна (ha4etlova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА

A STUDY OF IDENTITY CONSTRUCTION IN THE MULTICULTURAL CONTEXT OF V. PERELESHIN

Wang Lingling
Dong Xinyu

Summary: Valery Pereleshin is one of the representative writers in the history of Russian diaspora literature in China. Starting from Pereleshin's diaspora experience and the content of his poems, the article analyses the reasons for the writer's identity anxiety, the arduous process of his identity search, and the process of his final identity building. This study can not only broaden the scope of Pereleshin's research, but also lay a certain foundation for subsequent related research.

Keywords: Pereleshin, cultural identity, identity construction.

Ван Линлин

Профессор, Цицикарский университет, (г. Цицикар)

672774985@qq.com

Дун Синьюй

Аспирант, Цицикарский университет, (г. Цицикар)

dxy2022903054@163.com

Аннотация: Валерий Перелешин - один из репрезентативных писателей в истории литературы русской диаспоры в Китае. Отталкиваясь от диаспорального опыта Перелешина и содержания его стихов, в статье анализируются причины тревоги писателя по поводу своей идентичности, трудности ее поиска и процесс ее окончательного формирования. Данное исследование может не только расширить рамки изучения творчества Перелешина, но и заложить определенный фундамент для последующих смежных исследований.

Ключевые слова: Перелешин, культурная идентичность, конструирование идентичности.

Введение

Валерий Перелешин (1913–1992) - один из представителей литературы русской диаспоры в Китае. Он родился в Иркутске и всю жизнь провел в скитаниях, переезжая то в Китай, то в Бразилию. В Китае он прожил 32 года, переезжая из Харбина, Бэйпина, Шанхая, Тяньцзиня и других городов, называя Китай своей «доброй мачехой» и «второй родиной». От первоначального чувства тревоги, вызванного приездом в Китай маргинальной личности, до поиска дома культурной идентичности и обретения чувства принадлежности среди изгнания и скитаний, он ищет баланс своей культурной идентичности в гетерогенной культуре, перемещаясь между двумя культурами России и Китая, постоянно создавая литературные произведения и стремясь найти свой духовный и культурный дом. В процессе творчества и изучения китайского языка он открыл для себя красоту китайской культуры, и его произведения содержат сильный китайский колорит. Он отождествлял себя с китайской культурой и включал китайские элементы в свою поэзию, переводя китайскую классику, такую как Дао Дэ Цзин и Ли Сао, а также стихи известных поэтов, таких как Ли Бай, Ду Фу, Су Ши и др. В ноябре 1952 года Перелешин покинул Китай и отправился на пассажирском лайнере в Бразилию, где писал о Китае на русском языке, сочинял стихи на португальском и перевел сборник стихов русского поэта Михаила Кузьмина «Александрийские песни». В Бразилии он писал о Китае по-русски, сочинял стихи на португальском, перевел сборник стихов русского поэта Михаила Кузьмина «Александрийские песни», опубликовал свои переводы с русского, китайского и английско-

го, а также стихи под названием «Старые места» в Рио-де-Жанейро, тем самым реализовав мультикультурную идентичность, смешение культурных идентичностей трех стран: России, Китая и Бразилии.

1. Тревожность идентичности в мультикультурных контекстах В. Перелешин

Термин «диаспора» означает «добровольное или насильственное перемещение народов из родных мест в новый регион, а также культурные конфликты и выбор в духовном мире отдельных людей или групп этих народов, решивших покинуть родную культуру и жить в инокультурной среде, культурный феномен, состоящий из ряда проблем, таких как культурная идентичность и ее поиск» [1]. Диаспора, как пространственный, временной и культурный переход, является индивидуумом внутри нее. «Меньшинства» - меланж национальных культур - наиболее очевиден в неопределенных идентичностях мигрантов, изгнанников, транснациональных мигрантов, таких как художники, рабочие, командировочные, метисы и т. д., которые находятся «между» культурами, существуют как «частичное присутствие», имеют конкретные, дискретные идентичности. Это маргинальные группы с конкретными, дискретными идентичностями, которые «перемежаются» между культурами и существуют как «частичное присутствие» [2]. И именно к этой маргинальной группе мигрантов с неопределенной идентичностью среди «меньшинств» принадлежит Перелешин. В 1920 году семилетний Перелешин последовал за матерью в Харбин из-за гражданской войны, живя в беспокойной обстановке, языковом барьере и в толпе

людей с разным цветом кожи, в этом контексте Перелешин оказался в состоянии афазии, живя в чужой стране, будь то реальность встреч или культурный фон, явно находясь в «краевом статусе», «маргинальное» состояние и самоизгнание для достижения свободы, так что Перелешин перед гетерогенной культурой в растерянности, в столкновении различий между национальной культурой и гетерогенной культурой вступает в противоречие, самобытная традиционная культура писателя утратила привязанность к культурной почве, отделилась от самобытной традиционной культурной среды, которая Оригинальная традиционная культура писателя теряет свою культурную почву и отделяется от оригинальной традиционной культурной среды. Запутавшись и колеблясь между приверженностью традиционной культуре и интеграцией в гетерогенную культуру, они вынуждены покинуть сложившуюся культурную и социальную среду и посвятить себя жизни за пределами страны. Различия, столкновения и смешение разных культур порождают ряд проблем, таких как тревога идентичности. Самоизгнание и возвращение Перелешина на родину проходят через всю русскую диаспору писателей. Диаспора — это не только смена места жительства, но и культурная и психологическая неустроенность. Перелешин представляет «маргинальную» группу русских писателей, чья идентичность не только находится вне матрицы, но и не способна по-настоящему интегрироваться в мейнстримное общество и быть принятой мейнстримной идентичностью, что свидетельствует о тревожности идентичности и сильном ощущении кризиса культурной субъективности писателей диаспоры. Для Перелешина различные виды маргинализации, возникающие в результате переезда в другую страну, — крайне болезненный опыт. С одной стороны, мигранты испытывают разную степень отчуждения в новой культурной среде; с другой стороны, эмигранты также испытывали чувство вытеснения из родной культуры и отсутствие творческой почвы для нее. Помимо столкновения с незнакомой средой, на ум приходят различные факторы, которые приводят к эмиграции и усиливают боль в сердце писателя Перелешина. В стихотворении «Подъ шляпы» он использует ряд действий и многократное употребление слова «отъ», чтобы раскрыть дилемму собственной эмигрантской жизни, попытку скрыть себя от внешнего мира, и через письмо Перелешина он также отражает общую ситуацию, с которой сталкиваются писатели диаспоры, — трудность интеграции в среду обитания диаспоры. В творчестве Перелешина отражена и общая ситуация, с которой сталкиваются писатели диаспоры, — трудность интеграции в среду обитания диаспоры. «Замкнутое поведение» показывает состояние писателя, но также отражает общее состояние писателей диаспоры в целом — замкнутое и не очень ладящее с другими. Перелешин мог использовать в творчестве только свою внутреннюю меланхолию, много писал о своих трудновыразимых чувствах в стихах и нашел «катарсическую отдушину» в

первые годы своего пребывания в Китае. Как отмечает Уильям Блум, «идентификация — это внутренняя, бессознательная поведенческая потребность любого человека. Люди стремятся утвердить свою идентичность, чтобы обрести чувство психологической безопасности, и они также стремятся поддерживать, защищать и укреплять свою идентичность, чтобы сохранить и усилить это чувство психологической безопасности, последнее из которых играет решающую роль в стабильности личности и здоровье психики» [3]. Он использует поэзию не только для того, чтобы выразить различные эмоции в своем сердце, которые трудно выразить, но и для того, чтобы обрести чувство внутренней безопасности через творчество, чтобы избавиться от психологической неуверенности и беспокойства по поводу своей маргинальной идентичности.

2. Поиск идентичности в мультикультурных контекстах В. Перелешин

Идентичность писателей и их атрибуты продолжают меняться с течением времени. Когда Перелешин впервые приехал за матерью в Харбин, его личность не изменилась в связи с изменением условий жизни. Повторное замужество матери обеспечило ему финансовое благополучие и благоприятные условия жизни. В это время он не ностальгировал по России и не жаловался на бедность [4]. В это время он прожил счастливую жизнь. Со сменой политических форм в диаспоре и смертью отца в Перелешине жизнь его и его матери стала осложняться. Резкое изменение качества жизни вынудило его зарабатывать на жизнь написанием и отправкой стихов, заставило автора усомниться в собственной идентичности, и в условиях путаницы он пытается найти свою идентичность в ходе непрерывной творческой работы. В 1932 году Перелешин вступил в харбинскую молодежную литературную группу «Чулаевка», где познакомился с поэтами и писателями своего поколения, что способствовало развитию его литературного творчества; с августа 1935 по лето 1937 года Перелешин изучал китайский язык в Харбинском юридическом техникуме, где у него появился интерес к китайской культуре, особенно к поэзии, что заложило основу для его последующих поисков собственной идентичности. Это также заложило основу для его последующих поисков собственной идентичности в творчестве. В 1938 году, столкнувшись с духовными и физическими мучениями, он решил обратиться в монастырь, чтобы найти пристанище. Однако этот выбор не принес ему комфорта, и с того момента, как он вошел в монастырь, он погрузился в раскол между духовной и физической личностью [4]. В тематике стихов также почти всегда преобладали его убеждения, и, по мнению писателя Перелешина, стихи, написанные в монастырский период, были «хуже, чем когда-либо». Монастырская среда ограничивает творческую мысль писателя и разрушает его иллюзии о монастырском мире,

который не является идеальным в его представлении, что приводит к бедности содержания его стихов. В результате писатель сомневался, что выбрать - поэта или монаха. Позже, в письме к Ли Хаиндрову, он прояснил свою идентичность как поэта в первую очередь и монаха во вторую.

Идентичность фактически включает в себя два понятия: одно - идентичность, т. е. «четкая и отличительная основа или мера, по которой индивид или группа идентифицируют себя в обществе, например, пол, класс, раса и т. д.»; другое - идентификация, т. е. «попытка индивида или группы найти и подтвердить свою культурную "идентичность"»; и другое - идентичность, т. е. «попытка индивида или группы найти и подтвердить свою культурную "идентичность"». Попытка индивида или группы найти и подтвердить свою культурную «идентичность»» [5]. В конце 1938 года, после трех лет изучения китайского языка, Перелешин попытался перевести старинное китайское стихотворение «Ичжоуская песня», что также свидетельствовало о том, что Перелешин уже начал воспринимать китайскую культуру. 1939 год, Перелешин отправился из Харбина в Бэйпин, где у него было новое понимание китайской культуры, и когда он впервые прибыл в Бэйпин, «пагоды, башни пагод и прямые улицы» заставили его почувствовать свежесть и волшебство. Пагоды, башни пагод и прямые улицы Бэйпина заставили его почувствовать свежесть и волшебство. «В своих мемуарах, написанных в 1970-х годах, он с восторгом рассказывал о дворцах и храмах, парках и прудах, пагодах и холмах, ресторанах и рынках, которые он посещал снова и снова» [4]. Толерантная культура Бэйпина вызвала у него живой интерес. Благодаря гостеприимству семьи Коростовичей он почувствовал себя в Бэйпине как дома и на время оставил свое одиночество. В этот период он продолжал создавать поэтические произведения, в которых искал свою идентичность и стремился к разнородному культурному признанию. Многие стихи, написанные им в Китае, были связаны с его жизненным опытом, он писал о том, что видел и слышал, черпая «питание» из китайской классики, такой как «Дао дэ цзин» и «Ли сао», а также из стихов известных поэтов; китайские горы, реки, обычаи и архитектура появлялись в его стихах, вдохновляя его на создание произведений. В его непрерывном творчестве китайские горы, реки, обычаи и архитектура появлялись в его стихах, служа вдохновением для его творчества. Прожив долгое время в Китае, он из растерянного и тревожного состояния в чужой стране превратился в человека, который принял и любил традиционную китайскую культуру, оценил красоту китайских гор, рек и картин по собственным наблюдениям, и именно благодаря тому, что Перелешин был хорошо знаком с китайской поэзией, в его поэтических произведениях отразился китайский колорит. В его стихах этого периода, хотя с точки зрения его личности он был русским, переехавшим в Китай, и все еще находился

на периферии по сравнению с основным обществом, с точки зрения содержания его произведений, он постепенно начал включать китайские элементы и создавать китайские темы. В стихотворении «Ностальгия» он видит Китай «мачехой», которая в обыденном восприятии, под влиянием сказок, таких как «Белоснежка», «Золушка» и т. д., вызывает в памяти образ злобной, эмоционально неустойчивой и т. д., но в стихотворении Перелешина «Ностальгия» он называет Китай «доброй мачехой, которая приехала в Китай, когда он был молод, выросла в желтокожей стране и стала братом желтокожего человека. Он считает, что Китай издревле толерантно принимал иностранцев и дал приют вынужденному поселиться в Китае Перелешину, чтобы тот мог жить в Китае и обрести временную стабильность в условиях сложных и переменчивых национальных потрясений и социальной ситуации. «На медленных крыльях приносят привет драгоценный» [6], Поэт завершает стихотворение словами о том, что ему стало грустно и тоскливо из-за тоски по дому. В этом стихотворении поэт выражает как тоску по родине и сильную ностальгию, так и любовь к Китаю и медленное принятие его.

После этого в таких стихотворениях, как «Поездка в Дун-лин», «Картина», «На середине моста», «Чжунхай», «Вид на Пекин из Би-юнь-сы», «В Шаньхайгуане», «Хуцинь», «Хусиньтин», «Последний лотос» и так далее, у Перелешина появляется множество китайских элементов, таких как «цветок лотоса, арочные мосты, храмы, богиня милосердия, Хуцин, сосны» и так далее. Посвятив хвалебную поэму Китаю, Перелешин прогуливался по парку Чжунхай, любясь бирюзовыми водами озера и необычайно яркими красками цветущих лотосов, а также наслаждаясь их ароматом. В храме Биюнь, как писал поэт династии Тан Ду Фу в своем стихотворении «Восхождение», можно ощутить великолепие «когда находишься на вершине горы, можно увидеть все горы». На вершине горы видение поэта расширяется, он забывает о славе и богатстве, ощущает окружающие его ветры свободы, спокойное настроение и внутренний мир. Посетите «первый перевал под небом» - перевал Шаньхайгуан, полюбуйте величественными горами, посмотрите на молчаливый город и сельскую местность, познакомьтесь с традиционными китайскими обычаями. «На западном небе резка Барабанная Башня, Где мудрый Вэньчан восседает под сумрачной аркой. Студент, чтобы стать на экзамене трудном бесстрашней, Там свечи приносит душистые жертвой неяркой». («В Шаньхайгуане», 1943) [6]. Ученые делают подношения с благовониями и свечами, чтобы получить управление Вэньчанцзюнем, молясь о том, чтобы обрести заслуги и удачу и получить хорошую перспективу. В стихотворении «Ночь на Сиху», написанном в 1946 году, автор пишет с позиции «Турист», думая о своей родине через пейзажи Китая, возвышающаяся многоугольная пагода напоминает ему о готических церквях его родины, а лунный свет, заливающий окна,

напоминает автору о его родном городе, и в то же время он узнает Китай как свой родной город. В последних двух строфах поэмы Цюй Юань, окунувшийся в быстро текущий поток, и Ли Бай с белой головой выражают тоску по родному городу и слабую грусть в сердце. В то же время появление в стихотворениях элемента «пагода» и двух писателей «Цюй Юань и Ли Бай» также доказывает, что писатель любит китайскую культуру, и только когда он любит китайскую культуру, он пишет и выражает свои чувства в стихах. Судя по стихотворениям, написанным в этот период, отношение писателя к разнородной культуре изменилось от принятия до признания.

Поскольку поэт долгое время жил в Китае, он постепенно знакомится с ним, а затем от знакомства переходит к любви. Время, проведенное в Китае, - важный след в творчестве Перелешина и важный этап в процессе формирования его идентичности, поскольку «другой» Китай был воспринят Перелешиним как часть его идентичности. Во время пребывания в Китае он идентифицировал себя с китайской культурой, выучил китайский язык, завел китайских друзей и, что еще важнее, любил китайскую литературу и стиль художественного творчества. В процессе поиска своей идентичности от «путаницы в идентичности к идентичности», несмотря на то что у него сформировалось чувство идентичности с китайской культурой, в его сердце по-прежнему остается место для его родины, России, что завершает сосуществование двух культурных идентичностей.

3. Формирование идентичности В. Перелешина в мультикультурном контексте

Единственной причиной для конструирования или реконструкции культурной идентичности является возникновение кризиса культурной идентичности, но конструирование или реконструкция культурной идентичности — это длительный, подвижный и изменчивый процесс [7]. Другими словами, процесс конструирования идентичности не меняется в любой момент времени, а находится в медленном, тихом процессе изменений, на который влияют такие факторы, как среда, в которой живет писатель, а также его жизненный опыт. Таким образом, культурная идентичность формируется в процессе непрерывного мышления и творчества писателя. В процессе культурного обмена важно понимать различные культуры и анализировать их коннотации всесторонне и объективно, чтобы по-настоящему понять другого и понять себя.

Перелешин всю жизнь был скитальцем: как русский, он пережил две диаспоры, которые принесли ему страдания, но двойной фон диаспоры дал и богатую литературную почву для его творчества. Два опыта диаспоры определили многообразие его личности. После семи лет жизни в России автор был вынужден жить в Китае вме-

сте с матерью, переезжая через четыре города (Харбин, Бэйпин, Шанхай и Тяньцзинь). Во время пребывания в Китае он испытывал афазию, впервые оказавшись в чужой стране, и испытывал противоречивую идентичность, поскольку ему было трудно решить, сохранять ли культуру своей родины или отказаться от родной земли и влиться в жизнь эмигрантского сообщества. Продолжая перемещаться по Китаю, он постепенно переходит от маргинальной социальной идентичности к интегрированной культурной идентичности. В своих стихах китайского периода он прошел путь от написания стихов о родине, России, к описанию китайских пейзажей (гор, рек, зданий, храмов и т.д.), повествованию о повседневной жизни, использованию исконно китайской лексики, подражанию формату и ритму китайских стихов, и постепенно в его стихах проявилось чувство местного своеобразия, которое было «принятием Китая как своего дома». Столкнувшись с двойственностью идентичности и не зная, как сделать выбор, он пишет о Китае, не забывая о своей родине - России. Литературный темперамент родины сохраняется в гетерогенной культуре вместе с трансформацией идентичности писателя, и автор, адаптировавшись к условиям жизни в Китае и поняв социальный фон, сохраняет воображение своей первоначальной родины, но также переходит от наблюдения чужой территории в новой среде обитания к В новых условиях жизни автор переходит от наблюдения за чужой территорией к сопереживанию гетерогенной культуре и корректировке отношений между собой, другим и реальностью, в которой он живет, в процессе экзотического культурного взаимопроникновения. Он не только следит за исходной родиной, но и идентифицирует себя с чужой родиной. Как найти баланс между различными культурами в процессе формирования идентичности — это тоже вопрос, который он ищет и над которым размышляет в своем творчестве. За 32 года жизни в Китае Гонконг был последним местом, которое он покинул, а в 1953 году Перелешин отправился на корабле из Гонконга в Бразилию, чтобы вернуться к поэзии после более чем 20-летнего отсутствия. Само собой разумеется, из-за утраты культурной почвы и географической связи с Китаем в поздних стихах Перелешина редко встречаются непосредственные изображения восточных пейзажей и ландшафтов, однако поздние стихи Перелешина не столь непосредственны, как те, которые он писал [8]. Однако содержание, связанное с Китаем, не исчезло из поэзии Перелешина, и во время жизни в Бразилии он не только соприкоснулся с новыми культурами, но и посвятил себя переводу классических текстов китайской культуры. В своем творчестве он не только опирался на китайскую культуру, но и перевел большое количество китайских произведений на своей третьей родине, в Бразилии, где перевел «Дао дэ цзин» в стихах и последовательно завершил переводы «Ли Сао», «Мулан Ци» и других древних китайских поэм, над которыми он начал работать еще в 1940-х годах. Кроме того, в этот период

он опубликовал мемуары «Два полустанка», посвященные жизни русских эмигрантов в Харбине и Шанхае, и «Поэма без предмета» – длинную автобиографическую поэму, документирующую его опыт жизни в Китае. Под фильтром воспоминаний Китай, бывшее место жительства русских, стал для поэта тем «изначальным домом», по которому он тосковал и которого ждал с нетерпением [8]. Его русские переводы китайских стихов очень качественны и красивы, максимально соответствуют ритмам китайской поэзии, а уровень русских переводов признан во всем мире. Синолог Ф. Марков сказал о русских переводах китайских стихов Перелешина: «Его переводы всегда уникальны, потому что идеальное сочетание гениев синологов и поэтов встречается крайне редко» [9]. По словам Ю. Иваска, «переводы Перелешина классических китайских поэтов – одни из лучших, имеющих на русском языке» [9]. Перелешин переводил китайскую классику не только на русский, но и на португальский язык, распространяя китайские произведения в латинском мире. В 1983 году он опубликовал в Бразилии книгу «Кожаные мешки для вина отупили нас», в которой собраны некоторые из известных произведений китайской поэзии, переведенные им на португальский язык, а также стихи, написанные им самим на португальском языке, и некоторые переводы русских стихов [10]. Перелешин по-своему способствовал распространению китайской культуры. Несмотря на то, что Перелешин нашел баланс на фоне мультикультурного контекста и благополучно выжил под влиянием разных культур, он все же не оправдал возложенных на него надежд и получил от этого удовлетворение. В своей книге «Три родины» Перелешин пишет: «Все три родины (Россия, где я родился, Китай и Бразилия, где я живу) не смогли утолить голод моего внутреннего мира. Сейчас у меня есть непоколебимая вера в Бога, но я также испытал глубокое подозрение, бунт, отчаяние и муки от того, что Бог меня оставил» [11]. Видно, что он всю жизнь скитался, страдал от бедности, войны и выкорчевывания, но какие бы трудности ни переживал, он всегда носил в сердце тоску по родине, выражал свои чувства в поэзии и оставил образ странника, который скитается по другим странам и не может вернуться на родину. 7 ноября 1992 года поэт скончался среди сожалений и одиночества от того, что не может вернуться на родину. К этому моменту он завершил создание собственной идентичности через динамический

процесс изменения идентичности «тревога идентичности – поиск идентичности – установление идентичности» своей жизнью в скитаниях и страданиях (двойной опыт экспатрианта), своими поэтическими произведениями и прекрасными переводами.

Заключение

Валерий Перелешин использовал свой диаспоральный опыт для успешного конструирования своей идентичности и реализации нового «я». В мультикультурном контексте непрерывного роста, от состояния афазии к тревоге, от борьбы в гетерогенной культуре к постоянному пониманию, от понимания и принятия гетерогенной культуры к культурному взаимопроникновению, а от культурного взаимопроникновения к возвращению этот извилистый и сложный процесс поиска и построения идентичности. Как аккумулировать различные культуры в мультикультурном контексте, постоянно преодолевать себя и самосовершенствоваться; как улучшить собственное понимание автором общества, а также культур разных стран, и найти точку равновесия между национальной культурой и гетерогенной культурой. Выйти из тупика под влиянием мультикультурализма, чтобы мультикультурализм мог сосуществовать и сливаться в создании произведений писателей и формировании их собственной идентичности, и реализовать новый вид культурной интеграции. Опыт и творчество самого Перелешина служат хорошим примером. Под влиянием мультикультурализма произведения писателя формируются благодаря богатству творческого содержания, в них он использует сущность разных культур, демонстрируя свой динамичный духовный мир, бережное отношение к родине, России, культурную идентификацию с китайской «мачехой» и принятие бразильской культуры. Поэтому в условиях мультикультурного сосуществования люди разных национальностей и рас должны быть терпимы друг к другу, уважать друг друга, понимать друг друга и продолжать двигаться к интеграции [12]. Этот процесс интеграции – не только процесс использования писателями своей собственной культуры, китайской культуры и бразильской культуры, но, что более важно, в процессе культурной интеграции он может помочь авторам сформировать правильное мировоззрение и использовать свои прекрасные языковые навыки для перевода и распространения различных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Пингун, главный редактор; Серия «Луань Дун», главный редактор. Глобализация и культурная идентичность. Гуанчжоу: Издательство Цзинаньского университета, 2013; №11.
2. Чжай Цзин. Маргинальные миры: исследование постколониальной теории Хоми Бхабхи. Издательство «Литературное искусство», 2013; №04.
3. Ле Дайюнь, Чжан Хуэй, ред. Культурная трансмиссия и литературный образ. Пекин: Издательство Пекинского университета, 1999; №01.
4. Ли Мэн, Недостоящее звено: литература русской диаспоры в Китае, Пекин, Издательство Пекинского университета, 2007.
5. Ван Миньань, ред. Ключевые слова для культурных исследований. Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 2019; №07.

6. Ван Цзяньчжао, под редакцией Ван Цзяньчжао и в переводе Гу Юя. Некуда возвращаться. Избранные стихотворения Перелешина. Ланьчжоу: Дуньхуанское издательство литературы и искусства, 2014; №06.
7. Дэн Юронг. Рассеянное письмо и поиск идентичности - интерпретация культурной идентичности Наипола. Иностранная литература, 2021; №01: 88–95, 158–159.
8. Цуй Лу, Ван Ган. От резонанса к общему: о культурной идентичности в русских заморских китайских сочинениях Перелешина. Преподавание русского языка в Китае, 2022, 41; №04: 39–49.
9. Дяо Шоуа. Русский поэт, вскормленный китайской землей: Валерий Перелешин. Журнал «В поисках истины», 2001; №01: 87–92.
10. Ван Ямин. Китайский комплекс и поэтическое выражение Перелешина. Преподавание русского языка в Китае, 2008; №02: 47–51.
11. Чжан Юнсян. Лучший русскоязычный поэт XX века в Южном полушарии - Валерий Перелешин. Русская литература, 2005; №04: 9–10.
12. Ма Чжэ. Исследование идентичности в мультикультурных контекстах - анализ построения идентичности Ребекки Уокер в ее автобиографических романах. Журнал социальных наук высших учебных заведений Шаньси, 2022; №10: 66–70.

© Ван Линлин (672774985@qq.com), Дун Синьюй (dxy2022903054@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ В. ПЕРЕЛЕШИНА В ПЕРСПЕКТИВЕ «ЧО-И»

THE CONSTRUCTION OF CULTURAL IDENTITY OF THE RUSSIAN WRITER V. PERELESHIN IN THE PERSPECTIVE OF "DIASPORA"

Wang Lingling
Dong Xinyu

Summary: Russian writer V. Pereleshin is one of the representative writers in the history of Russian diaspora literature in China. His poetic works are based on the theory of diaspora Yi, using the four meanings of the diaspora Yi phenomenon, paying attention to the collision and fusion of the cultures of his home country and the mainstream culture of the country where he lives in the diaspora, and highlighting the changing nature of the construction of his cultural identity through the study of the content and social background of Pereleshin's creative works. By studying the content and social background of Pereleshin's creative works, he highlights the changing nature of his cultural identity construction.

Keywords: Diaspora Yi, Pereleshin, cultural identity, construction.

Ван Линлин

Профессор, Цицикарский университет, (г. Цицикар)

672774985@qq.com

Дун Синьюй

Аспирант, Цицикарский университет, (г. Цицикар)

dxy2022903054@163.com

Аннотация: Русский писатель В. Перелешин - один из представителей истории литературы русской диаспоры в Китае. Его поэтические произведения основаны на теории чо-и, используют четыре значения феномена чо-и, обращают внимание на столкновение и слияние культур родной страны и массовой культуры страны проживания чо-и, высвечивают меняющийся характер конструирования своей культурной идентичности через изучение содержания и социального фона творчества Перелешина. Изучая содержание и социальный фон творчества Перелешина, он подчеркивает меняющийся характер конструирования своей культурной идентичности.

Ключевые слова: Чо-и, Перелешин, культурная самобытность, конструировать.

Введение

Процесс формирования культурной идентичности В. Перелешина уникален тем, что он имеет бикультурное происхождение, а его стихи отражают как влияние русской литературы на его творчество, так и сущность китайской культуры. Произведения Перелешина демонстрируют процесс формирования культурной идентичности через его самобытное письмо и богатый творческий фон, предоставляемый странами-экспатриантами в процессе экспатриации. Его произведения — это компиляция причудливой взаимосвязи между гетерогенными культурными структурными различиями и геопространственными перемещениями, а также проблема конструирования культурной идентичности, которая отражается в этом процессе [1]. Исследование поэтических произведений Перелешина с помощью теории «чо-и» не только открывает новый ракурс изучения поэзии Перелешина, но и помогает проанализировать важную роль его поэтических произведений в процессе конструирования культурной идентичности.

1. Принципы и приложения ЧО-И

Теория «чо-и» возникла на основе «Исследований чо-и» в статье «чо-и фафан», написанной Ли Шицзэном, и «И цзин», сокровища китайской культуры. Мысли бывших

мудрецов являются важной вдохновляющей силой для этой теории. «Диаспороведение» - это «изучение миграции, возвышения и прогресса». Концепция диаспороведения была разработана с целью изучения сложных изменений, происходящих в процессе мобильности людей, чтобы можно было более глубоко интерпретировать традиционный феномен миграции. И-Цзин — это классический источник китайской нации, в котором собрана кристаллизация китайской мудрости за тысячи лет, с космологическим колоритом философской системы «не строить, а конструировать» [2], которая помогает лучше разобраться с отношениями между собой и другими. С помощью мудрости «И-Цзин» наука о теории чо-и фокусируется на таких явлениях, как географическое перемещение (изменение расстояния) и поток идей и культур. Таким образом, она способна постичь постоянство вещей между «изменением» и «постоянством». Основная концепция теории чо-и заключается в том, что «чо» ведет к «и», а «материальное перемещение ведет к духовному качественному изменению», что включает в себя формирование и создание идеологических концепций индивида, вызванных материальным перемещением и духовными блужданиями. Сюда же относится формирование и создание индивидуальных идей в результате материальных перемещений и духовных блужданий. Материальное перемещение», о котором здесь идет речь, — это процесс перемещения между

важными структурными различиями в культурных зонах, состоящих из множества факторов, что приводит к значительным изменениям в духе индивида [2]. В данной работе автор в основном применяет первую группу понятий в концептуальной структуре 16-смысловой комбинации феномена чо-и - четыре смысла смещения чо-и, фокусируется на процессе конструирования культурной идентичности русского писателя Перелешина в контексте культуры «чо-и», раскрывает динамический процесс конструирования культурной идентичности Перелешина и объясняет изменчивый характер конструирования его идентичности. Раскрывается динамический процесс конструирования культурной идентичности Перелешина и объясняется изменчивость его конструирования идентичности.

2. Перемещенная диаспора меняется в Перелешине

«Основным объектом изучения теории чо-и является феномен диаспоры. Что такое «феномен чо-и»? А именно, «феномен материального перемещения между различными территориями (или цивилизациями, единицами и т. д.) качественно иной культурной структуры, с определенным количеством времени и другими величинами чо-и в качестве основы для духовного качественного изменения, и в итоге завершающий духовное качественное изменение субъекта чо-и», мы называем феноменом чо-и. Мы называем это феноменом чо-и». И феномен чо-и — это не просто феномен перемещения и не чисто интеллектуальный феномен, а сочетание материальных и духовных явлений [2]. То есть уровень, признаваемый перемещением материальности, поднимается до уровня культурной идеологии. Поэзия Валерия Перелешина (1913–1992) в 1920–1952 гг. в Китае и 1953–1992 гг. в Бразилии как репрезентативного писателя в истории литературы русской диаспоры в Китае относится к очень специфическому типу диаспорального феномена - феномену изгнания - в чо-и. Феномен чо-и - феномен изгнания.

Так называемый «феномен изгнания» означает перемещение людей между различными регионами в определенном контексте. Либо они перемещаются, спасаясь от войны, либо мирно, чтобы зарабатывать на жизнь [2]. Перелешин относится к первой категории: в возрасте семи лет он последовал за своей матерью в Харбин, Китай, чтобы спастись от войны на родине. Во время пребывания в Китае он переезжал из одного города в другой (Харбин, Бэйпин, Шанхай, Тяньцзинь) и был материально перемещен в чужую страну с большой разницей в культурном положении в течение тридцати двух лет, в течение которых его идентичность разрывалась между поэтом и монахом в соответствии с изменениями в его собственном восприятии, и в конце концов он осознал свою идентичность как поэта в первую очередь

и как монаха во вторую. С самого начала его незнакомство с эмигрантской средой привело к чувству тревоги, затем к чувству беспомощности в отношении того, как принять китайскую культуру, и, наконец, к углубленному изучению классических произведений китайской литературы и культуры, и в процессе творчества он продолжал испытывать эмигрантский процесс, связанный с воздействием эмигранта на эмигранта. Например, он изучал китайский язык, посещал китайские пейзажи, соприкасался с китайской классикой и вдохновлялся ею, переводил некоторые китайские классические произведения, такие как «Дао дэ цзин» и «Ли сао», а также классические стихи таких известных поэтов, как Ли Бай, Ду Фу, Су Ши и так далее, что привело к его духовному преобразению. В 1953 году он отправился в Бразилию на корабле из Гонконга, Китай. Несмотря на то, что он переехал в Бразилию, принимая новую культуру, он по-прежнему переводил китайские культурные тексты, не только русские переводы классических китайских культурных текстов, но и китайские стихи на португальском языке, а также сочинял стихи. Он использовал свое понимание традиционной китайской культуры и русские культурные особенности, чтобы соединиться друг с другом и сформировать характерную лирическую поэзию. Перемещение Перелешина из диаспоры создало богатую литературную почву для его поэзии, что побудило его создать множество прекрасных произведений.

3. Феномен чо-и Перелешина культурной идентичности в мультикультурном контексте – смешение четырех смыслов

Общая структура феномена чо-и основана на «двойственности чо-и» как отправной точке для взаимного сочетания и взаимопорождения. В построении элемента диаспоры есть четыре уровня смысла: во-первых, перемещение местоположения; во-вторых, качественное возвышение; в-третьих, замаскированная имитация; в-четвертых, коммуникация между диаспорой и заморскими китайцами. Вкратце можно сказать, что первое — это перемещение; второе - взаимная игра; третье - качественное возвышение; и четвертое - система крючков. Конструкция И Юань также имеет четыре слоя смысла: первый — это изменение, второй - непростой, третий - простой, четвертый - торговля. «Цяюань четыре смысла - И Юань четыре смысла» взаимное сочетание взаимного порождения, образующее комбинацию шестнадцати смыслов взаимного порождения концептуальной структуры [3]. Первая группа концепций структурирована как «четыре смысла движения», которая предполагает, что движение проходит через процесс «изменения-постоянства-упрощения-пересечения». В данном подразделе исследуется, как культурная идентичность диаспоры Перелешина в контексте культурной «чо-и» сочетает «Миграция изменения» и «Миграция постоянства» с последствиями «Миграция упрощения», в контексте диаспоры

Перелешина - Китай. В исследовании рассматривается, как культурная идентичность Перелешина в контексте культурной «диаспоры» сочетает «Миграция изменения» и «Миграция постоянства», порождая последствия «Миграция упрощения» и, в конечном счете, «Миграция пересечения». Таким образом, мы проиллюстрируем, как конструируется культурная идентичность Перелешина в процессе диаспоры.

3.1. «Миграция изменения» культурной идентичности

«Миграция изменения» означает перемещение, ведущее к изменениям. Следует отметить два аспекта «перемещения»: с одной стороны, это непосредственное изменение, связанное с географическим перемещением [2]. Например, смена обстановки, в которой живет Перелешин, приезд с родины в совершенно чужую страну, в окружении людей, говорящих на непонятном ему языке и имеющих цвет кожи, отличный от его собственного, заставляет его испытывать небывалое чувство тревоги и потерянности в чужой стране, и ему трудно влиться в новую среду на длительный период времени. С другой стороны, движение Перелешина может в дальнейшем привести к глубокому изменению духовной природы [2]. В процессе чо-и «изменение» оказал влияние на Перелешина, поскольку он познакомился с разными культурами и вступил в контакт с представителями разных рас (желтой расы) в незнакомой среде с разным социальным происхождением и условиями жизни. Во время пребывания в Китае, после некоторого периода проживания, он начал изучать китайский язык и проявлять интерес к китайскому языку и культуре, особенно к китайской поэзии. Он даже пытался переводить простые старинные китайские стихи на русский язык [4]. Например, он перевел первую китайскую поэму «Весенняя жалоба» [5]. На содержание его творений также повлияла его страна-эмигрантка, и в них появилось много элементов китайской культуры. Например, чай, шелк, веера, лотос, каллиграфия, хуцинь, сосны и так далее. Эти элементы имеют уникальный китайский колорит и являются свидетелями 5000-летней истории и культуры Китая. В стихотворении «В Шаньхайгуань» поэт поднимается на Шаньхайгуань, «Первый перевал под небом» Великой стены, одного из семи чудес древнего мира, смотрит на туманные горы и открывает вид на города и деревни у подножия гор, описывает то, что видит и чувствует, а также выражает свое глубокое понимание китайской культуры. Он узнал, что китайцы делают подношения благовоний и свечей Вэньчанцзюню в храмах, чтобы помолиться об успешной карьере.

Перелешин увидел Китай по своим следам и отразил увиденное и услышанное в Китае в своих стихах. Смена географического положения привела к смене страны проживания, смене среды обитания, смене контактов с

людьми, но также позволила ему попытаться понять разнородные культуры и принять влияние новых культур на себя в процессе экспатриации.

3.2. «Миграция постоянства» культурной идентичности

Так называемая «Миграция постоянства», движущаяся, но не меняющаяся, отражает нормальность, самый основной закон [3]. Во время пребывания в других странах (Китай, Бразилия) В. Перелешин изучал язык той страны, в которой жил, например, китайский в Китае и португальский в Бразилии. Однако, будучи русским, он продолжал писать на русском языке. Вместо новых русских шрифтов, которые он начал внедрять в Харбине, он продолжал использовать старые шрифты, которыми пользовался до русской революции [4]. Во время эмиграции в Китай Перелешин, столкнувшись с физическими и духовными страданиями, решил стать монахом вдали от мира. Хотя Перелешин жил на чужбине, как русский он не забывал о своей внутренней вере, и после мучительного выбора перед лицом мирских бед он решил сохранить веру и поступить в монастырь. Его решение сделать такой выбор было основано на тревоге и афазии эмигрантской среды, и, хотя жизнь в монастыре в какой-то мере ограничивала его литературное творчество, он нашел здесь свою зону комфорта, где смог оставить позади странности эмигрантской среды. Во время своего пребывания в Китае он продолжал писать на русском языке, выражая в стихах свою внутреннюю боль и тоску по родине. В стихотворении «Мы» писатель использует стихотворение, чтобы выразить свои чувства, он один из миллионов рассеянных людей, в процессе вынужденной экспатриации, бездомный, другая социальная и жизненная среда затрудняет его принятие на некоторое время, неспособный интегрироваться в новую среду, он горький и одинокий внутри, переносит боль от вынужденного покидания родины, в стихотворении «Мы-государство в государствах, Сплотившееся навсегда.» выражается ожидание писателя быть в другой стране, чтобы иметь возможность объединить своих соотечественников, чтобы устранить тревогу и неуверенность, принесенные жизнью в другой стране. Стихотворение «Мы создадим нацию внутри нации, мы всегда будем вместе» выражает ожидание писателя объединить своих соотечественников в чужой стране и устранить тревогу и беспокойство, вызванные жизнью в чужой стране. В конце стихотворения писатель выражает абсолютную преданность своей стране, глядя на холодный звездный свет чужой страны, и даже если он отдаст свою жизнь, он все равно верит, что принадлежит России. Некоторые писатели предпочитают использовать язык страны-эмигранта для творчества и отказываются от своего национального языка, чтобы лучше интегрироваться в местную культуру, выразить свои новые мысли и чувства и попытаться влиться в основное общество страны-эмигранта по-

сле пребывания в ней. Например, писатель-эмигрант Владимир Набоков, родившийся в России, стал американским гражданином и перешел на английский язык после переезда в США. А В. Перелешин, как русский писатель-эмигрант, живущий в Китае, даже находясь на чужбине и принадлежа к маргинальному статусу в сложной ситуации трудной интеграции в основное общество страны-экспатрианта в начале своей эмигрантской жизни, все же не отказался от творчества на русском языке, не забыл свои корни, всегда помнил, что он русский, и в ходе географических перемещений сохранял собственную нормальность и писал на русском языке, чтобы писать о культуре страны эмиграции.

3.3. «Миграция упрощения» культурной самобытности

Феномен «Миграция упрощения» в четырех значениях смещения является иллюстрацией того, что «смещение приводит к возникновению принципиального закона простоты», то есть в «смещении действуют как вариации, так и константы, возможны различные столкновения, взаимодействия и смещения, но самое главное - оно приводит к возникновению принципиального закона простоты». Могут быть столкновения, взаимодействия, смещения и так далее, но самое главное, что это приводит к появлению принципиального закона простоты» [3]. Феномен «Миграция упрощения» — это процесс «идентичности субъекта» в процессе «чо-и», при котором перемещение приводит к изменению («Миграция изменения»), вызывающему тревогу по поводу влияния на нормальность материнской культуры («Миграция постоянства»). Феномен «трансмиграции» — это изменение идентичности «субъекта» в процессе «чо-и» вследствие перемещения («трансмиграции»), которое приводит к тревоге по поводу воздействия на нормативность материнской культуры («трансмиграции»). Поэтому «субъекту диаспоры» приходится заново принимать и адаптироваться к чужой культуре, генерируя принцип простоты («смещающаяся простота»), чтобы иметь возможность обосноваться и развивать свои собственные устремления [6]. Перелешин родился в России, вырос в Харбине и вступил на путь литературного творчества в Харбине, который можно назвать истоком его литературного творчества. На раннем этапе своего литературного творчества, под влиянием русского происхождения, он опубликовал несколько своих собственных эмоциональных выражений о родине. Во время пребывания в Китае он получил хорошее образование в Харбине, а в университетские годы продолжал создавать собственные стихи и постепенно добился известности. В 1932 году он опубликовал свою первую книгу стихов «В пути» и вступил в Харбинскую молодежную литературную группу «Чулаевка», где познакомился со многими поэтами и писателями своего поколения, некоторые из которых оказали ему большую помощь в дальнейшей

жизни, а также оказали определенное влияние на рост его литературного творчества. В 1939 году Перелешин начал изучать китайский язык, и по мере знакомства с китайским языком и культурой постепенно включал все больше китайских элементов в свои творческие произведения. Публикация второй книги стихов «Добрый улей», в которую вошли 23 коротких стихотворения и перевод древнекитайской поэмы, ознаменовала начало нового этапа в творчестве Перелешина. В дальнейшем творчестве он не только включал китайские элементы и создавал китайские темы, но и воплощал китайские мысли в своих произведениях, переводил китайские «Ли Сао», «Дао Дэ Цзин», а также стихи некоторых известных древнекитайских поэтов, собрал и опубликовал их в сборнике стихов под названием «Стихи на ввер», который привлек широкое внимание. Как русский писатель, Перелешин никогда не отказывался от своей культуры и языка из-за незнакомой среды; напротив, хотя он владеет английским, китайским и португальским языками, он продолжает писать на русском, не забывая о своей родине, и является верным хранителем русской культуры. Иными словами, Перелешин, субъект чо-и, начал с «Миграция изменения», затем «Миграция постоянства», а потом «Миграция упрощения». Это отражение того, как субъект чо-и Перелешин реализует процесс конструирования своей культурной идентичности.

3.4. «Миграция пересечения» культурной идентичности

Предмет чо-и — это «перемещение навстречу разнородным культурам», что называется, «Миграция пересечения». Любой вид перемещения, на первый взгляд, кажется индивидуальной деятельностью, но на самом деле, если продолжить исследование, можно обнаружить, что процесс перемещения неизбежно включает в себя контакт и пересечение культурных тел. А изменения, происходящие в индивидах и субъектах в результате перемещения, стоит отметить, могут включать в себя и воздействие на внешнюю среду, то есть на контексты как диаспоры внутри, так и диаспоры вовне.

Как русский поэт-эмигрант, Перелешин имеет двойное культурное происхождение, он родился в России, но получил образование в китайском городе Харбин, эта особая идентичность и опыт позволяют ему стоять на перекрестке русской и китайской культур и творить, Перелешин, имея двойное культурное происхождение, в своей поэзии испытывает влияние русской литературной традиции и в то же время впитывает суть китайской культуры. Опыт жизни в Китае вдохновляет Перелешина на создание поэзии, а его стихи содержат большое количество китайских элементов, по которым также можно судить о любви писателя к китайской культуре. От первоначального сильного русского колорита своей поэзии к появлению китайских элементов, а затем к со-

существованию русских и китайских элементов в своей поэзии, Перелешин использовал свой собственный непрерывный процесс переселения и поиска идентичности, чтобы привести культуры двух стран с большими различиями к пересечению. В стихотворении «Хуцин» хуцин – традиционный китайский музыкальный инструмент, и поэт использует его, чтобы выразить свои внутренние чувства печали, и меланхоличная мелодия задевает его сердечные струны тоски по дому, и он затуманивает глаза слезами. Но в конце стихотворения он говорит: «И с музой, благодарной пленницей, Чужой печалью поделюсь». Слово «Музы» относится к девяти дочерям Зевса, бога неба в греческой мифологии, каждая из которых отвечает за одно из многочисленных искусств, от живописи до музыки, и является девятью богинями поэзии, песни, танца, истории и так далее. Термин «музы» относится к девяти дочерям Зевса в греческой мифологии, каждая из которых отвечает за одно из многочисленных искусств, от живописи до музыки. Это также свидетельствует о том, что в поэзии Перелешина отразилось пересечение китайской и русской культур, где культуры двух стран, хотя и разные, сосуществуют в поэзии Перелешина.

Заключение

Географическая среда естественным образом связана с историей и культурой: географическая среда способствует созданию культуры и несет в себе историческую память сообществ, а история и культура пропитывают эмоциональные потребности сообществ и, как

следствие, влияют на их ценности и кодексы поведения [1]. В. Перелешин родился в России, вырос в Китае, а умер в Бразилии. Его поэтические произведения меняются с географическим перемещением, и через динамический процесс феномена диаспоры «Миграция изменения – Миграция постоянства – Миграция упрощения – Миграция пересечения» он исследует процесс конструирования идентичности в перспективе «диаспоры» в Перелешине. Процесс конструирования идентичности в перспективе «чо-и» исследуется через динамический процесс «Миграция изменения - Миграция постоянства – Миграция упрощения – Миграция пересечения» феномена чо-и, в котором идентичность Перелешина конструируется в контексте культурной «чо-и». К «Миграция постоянства», к «Миграция упрощения», возникающему в результате столкновения и взаимодействия факторов изменения и постоянства вследствие географического перемещения, и, наконец, к «Миграция пересечения», достигаемой в результате слияния культур двух стран. Первый набор концептов феномена Первая концептуальная структура феномена – «четыре смысла переноса» – может хорошо проиллюстрировать процесс конструирования Перелешиним культурной идентичности, когда перед лицом гетерогенных культур сначала «сохраняются различия», а затем в постоянном понимании и познании поэта находят баланс между двумя культурами, достигают своей культурной идентичности и а затем в постоянном понимании и обучении поэт находит баланс между двумя культурами и реализует свою культурную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю Цзинь. Конструирование идентичности в американской этнической художественной литературе под углом зрения культурной «чо-и». Журнал Юго-Западного нефтяного университета (издание по общественным наукам). 2020; №1: 98–106.
2. Е Цзюнь. Меняющееся творение и постепенные изменения. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2014.
3. Е Цзюнь, ред. ЧО И, 2-я серия. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2015; №11.
4. Ван Цзяньчжао, под редакцией Ван Цзяньчжао и в переводе Гу Юя. Некуда возвращаться. Избранные стихотворения Перелешина. Ланьчжоу: Дуньхуанское издательство литературы и искусства, 2014; №06.
5. Ли Мэн, Недостоящее звено: литература русской диаспоры в Китае, Пекин, Издательство Пекинского университета, 2007.
6. Хсиао Фенг-Хсиен. «Субъектная идентичность и порождение смещающихся правил простоты в процессе «чо-и»: исследование образа Айлин Чанг в китайских любовных песнях Тайваня». 2018; №1: 94-99.

© Ван Линлин (672774985@qq.com), Дун Синьюй (dxy2022903054@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

REVIEW OF PERCEPTION OF SOVIET LITERATURE IN CHINA

Liu Xiangji
Meng Yaodeng

Summary: Soviet literature left the world a rich literary heritage with its unique aesthetic concepts and deep philosophical thoughts, and also had a significant influence on the development of modern Chinese literature. In this article, we will discuss the main views of scholars on the concept of «Soviet literature», consider the frequency, interests, trends and characteristics of reading Soviet literature by university students born after 2000 in Wuhan, China, and also consider how to better guide modern university students to reading Soviet literature in modern literary and cultural conditions and how to correctly evaluate excellent works of Soviet literature in the context of modern literary and cultural conditions.

Keywords: Soviet literature, Russian literature, Chinese youth, Internet reading, reception; literary reading.

Лю Сянчжи

аспирант, Чжуннаньский университет экономики и права, (г. Ухань, Китай)
2759543892@qq.com

Мэн Яодэн

доцент, Чжуннаньский университет экономики и права, (г. Ухань, Китай)
anmeng12@hotmail.com

Аннотация: Советская литература с её уникальными эстетическими концепциями и глубокими философскими идеями оставила миру богатое литературное наследие, а также оказала значительное влияние на развитие современной китайской литературы. В этой статье мы обсудим основные взгляды учёных на понятие «советская литература», рассмотрим интерес к советской литературе и ее восприятие студентами г. Уханя (КНР), родившимися после 2000 года, а также рассмотрим возможные способы привлечения современных студентов к чтению советской литературы и пониманию ее эстетической и нравственной ценности в современном литературном и культурном контексте.

Ключевые слова: советская литература, русская литература, китайская молодежь, Интернет-чтение, рецепция, литературное чтение.

Введение

С момента своего появления «советская литература» часто отвергалась западными учеными. Как отмечает американский исследователь Джеймс Эдвард Браун: «Поскольку понятие «советская литература» не имеет точного значения и наполнено политическим подтекстом, термин «советская» потерял значительную часть своего содержания» [1, с. 40–41]. Рецепция советской литературы в среднеазиатских республиках бывшего СССР в последние годы имеет сходные черты, как отмечает А.С. Исмакова, «история литературы в Казахстане является неполной из-за того, что с 1917 года в силу идеологических и личностных культов и других исторических и политических причин литература стала приложением к политической идеологии» [2, с. 10]. Ни один из писателей советского периода в энциклопедиях казахской и узбекской литератур не квалифицируется как «советский писатель» [3] [4]. В учебниках литературы, рекомендованных Министерством народного образования Республики Узбекистан и Министерством образования и науки Казахстана, нет глав о литературе СССР, даже не упоминается о ней [5] [6]. Казахстанская учёная А. Байгожина рассматривает феномен «советской литературы» с точки зрения культурной колонизации [7]. А узбекский учёный С. Мирзаев в работе «История узбекской литературы XX века» подчеркивает только национальную принадлежность таких писателей, как Гулям и Айбек, и «замалчивается» их советское авторство [8]. Подобные примеры в рецепции советской литературы в странах

бывшего СССР центральной Азии не исчерпываются.

Китай был одной из самых читающих стран советской литературы, но в настоящее время ее восприятие современной молодежью претерпевает значительные изменения, что отражает как динамику литературного и культурного развития Китая, так и жизнеспособность советской литературы в современную эпоху. В данной статье рассматривается вопрос об особенностях восприятия советской литературы и дается ориентир для объективной оценки современной ценности советской литературы и объективного понимания ее культурного значения.

Проблема понятия «советская литература»

После 1991 года ученые размышляли о разнообразии литературных школ, национальностей советской литературы.

Во-первых, размышлять о разнообразии литературных школ. Например, по мнению В. Агеносова «...нельзя и сводить всю литературу XX в. к революционным традициям, отказывая книгам другого плана в праве на существование или объявляя их литературой «второго сорта», стоящей вне «столбовой дороги» социалистического реализма» [9, с. 12]. Он предложил называть «советскую литературу» на «русской литературой XX века». Виктор Ерофеев в статье «Поминки по советской литературе» также указал, что советская литература с

1950-х годов включала в себя официальную, либеральную и деревенскую литературу [10]. Подобные взгляды на понятие «советская литература» также разделяются китайскими учёными, например Лю Вэньфэй утверждал, что советскую литературу не следует отождествлять с «революционной литературой» или «социалистической реалистической литературой», а следует обобщить термином «русскоязычная литература», чтобы снять различие между «литературой меньшинств», «литературой диаспор» и «возвращённой литературой» [11]. Ся Чжунсянь, проведя историческое исследование и этимологический анализ, пришла к выводу, что «советская литература» — это «литература советского периода» как ортодоксальная, так и неортодоксальная, как видимая, так и скрытая, и что советскую литературу следует изучать с исторической точки зрения [12].

Во-вторых, исследование китайского учёного Ван Цзечжи определения «советской литературы» четко подчеркивает ее этническое разнообразие. Ван рассматривает определение «советской литературы» с точки зрения состава произведений и утверждает, что определять «советскую литературу» как литературу национальностей и республик, поддерживавших советский режим в период 1917–1991 годов, явно неуместно. Во-первых, потому, что Союз Советских Социалистических Республик был основан только в 1922 году, поэтому данная классификация не является точной; Во-вторых, в том, что трилогия, написанная Горьким до 1917 года, также была включена в советскую литературу, в то время как некоторые произведения, созданные после Октябрьской революции, не сразу были признаны принадлежащими советской литературе. Карта советской литературы обновлялась дважды, в 1950-х и 1980-х годах, и состав произведений значительно изменился, то же самое произошло с писателями и их произведениями в республиках, Беларусь, Киргизия и других. Границы советской литературы расплывчаты и трудноопределимы [13].

Касательно трансформации границ и состава советской литературы, стоит отметить, что «...изменения в отношении государственной власти к литературе приводили к соответствующим изменениям в рядах авторов и круге произведений в советской литературе в разные периоды» [14, с. 626–627]. Но, по сути, причина размытости границ советской литературы заключается еще и в том, что она, как литературно-культурное явление, имела свои законы развития, и как официальное признание, так и научные дискуссии относились к процессу изучения этих законов. Например, самый ранний пример социалистического реализма как основного творческого метода – роман Горького «Мать», созданный в 1906 году. Этот роман стал известен ранее 1917 года, общепризнанного первого года советской литературы, и задолго до предложенной А.К. Воронским концепции «советской литературы» в 1922-ом году, но только на пленуме Союза

писателей СССР в 1934 году социалистический реализм был официально утвержден в качестве основного метода советского литературного творчества.

Поиски законов развития советской литературы велись не только советскими чиновниками, но и не советскими писателями и учеными, и даже западными антисоветскими силами, что сделало границы советской литературы не только размытыми, но и подчеркнуло ее политическую природу, как результат сложности академических взглядов и поляризации политических мнений. В связи с этим Ван Цзечжи заметил: «В последние годы я часто слышу, что некоторые люди хотят полностью отрицать, яростно критиковать или полностью ликвидировать «советскую литературу», что, похоже, стало модным, но это абсолютно неправильно, а также абсолютно неисполнимо! Мне кажется, что те, кто придерживается такой точки зрения, на самом деле выставляют себя в качестве воображаемого полемического врага» [13, с. 14]. «Воображаемым врагом», ставшим объектом критики, был «политический фактор». По словам Чжан Цзе, «вопрос об оценке советской литературы — это фактически спор между различными политическими взглядами» [15, с. 125].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что большинство из вышеперечисленных взглядов основываются на русской литературе и подчеркивают политические признаки советской литературы. Это также может повлиять на восприятие и принятие «советской литературы» рядовыми читателями и даже оказать воздействие на их читательское поведение. Данная работа опирается на вышеуказанную гипотезу и рассматривает особенности восприятия советской литературы студентами города Уханя (КНР), родившимися после 2000 года. Настоящее исследование будет подкреплено обзором тенденций чтения советской литературы в Китае.

Обзор чтения советской литературы в Китае

Исследование проводилось с 19 января по 10 марта 2021 года. Из 141 опрошенных студентов, родившихся после 2000 года, 37,57 % родились в 2000 году, 40,43 % – в 2001 году, 17,02 % - в 2002 году и 4,96 % - в 2003 году и позже.

Поскольку вузы гуманитарных наук обладают относительно богатыми литературными образовательными ресурсами, а их учебная программа в большей степени ориентирована на литературное направление, в выборке участвовало большее количество студентов гуманитарных университетов - 108 человек, что составило 76,6% от общего числа исследователей, а для обеспечения объективности данных в выборку также вошли 33 студента, изучающие негуманитарные науки, что составило 23,4%. В связи с тем, что язык советской литературы в значи-

тельной части русский, в данном исследовании была увеличена доля студентов, изучающих русский язык, среди респондентов, число это составило 45 человек.

Данное исследование было направлено на изучение содержания, способов чтения, мотивов и впечатлений студентов, читающих советскую литературу, а также причин, по которым они не читали советскую литературу, и причин их готовности читать ее в будущем.

Прежде всего, о способах чтения советской литературы студентами пост-нулевых годов. Опрос показывает, что 84,96 % респондентов читали советскую литературу в китайском переводе, а 14,96 % не уверены, читали они ее или нет. Студенты, изучающие английский и русский языки, находятся под влиянием своих специальностей и имеют более сильное намерение читать произведения советской литературы на английском или русском языках. В то же время большинство студентов предпочитали бумажные книги - 68,48 %; те, кто выбирает электронные книги, составляют 21,43 %, а те, кто пользуется аудиокнигами, - 9,26 %. В основном студенты предпочитали читать произведения советской литературы, переведённые на китайский язык, в печатном формате, и лишь немногие использовали мультимедийные или иные средства чтения. Во-вторых, итоги изучения мотивации студентов, родившихся после 2000 года, к чтению советской литературы. По данным опроса, 46,1% студентов читают советскую литературу в силу требований учебной программы, 39,01% - по рекомендации других или случайно. Под влиянием выборочной программы младших и старших классов 87,9 % учащихся прочитали произведения Горького (как «Детство», «Буревестник»), Шолохова (как «Тихий Дон»), Фадеева (как «Молодая гвардия») и др. Соотношение активного и пассивного чтения также имеет различия среди студентов разных специальностей: 47,82% и 43,47% в общем, в том числе 47,57% и 37,84% в специальностях гуманитарных наук, 43,33% и 33,33% в среди студентов негуманитарных наук. Доля студентов, читающих советскую литературу случайно, при самостоятельном чтении, составляет 41,67% среди студентов гуманитарных специальностей и 30,3% среди студентов негуманитарных специальностей, а доля читающих советскую литературу по рекомендации составляет 36,36%. Это говорит о том, что большинство студентов читают советскую литературу в соответствии с учебной программой, и инициатива чтения советской литературы несколько сильнее среди студентов гуманитарных наук, чем среди студентов негуманитарных специальностей.

Наконец, что касается отзывов студентов о мотивах чтения и причинах отказа от чтения советской литературы, то, как показывает опрос, более половины студентов, читавших советскую литературу, делали это из приятия идеологических особенностей, интереса к героям и

сюжетам произведений советской литературы. Интерес к чтению советской литературы менее выражен у 60 % студентов пост-нулевых, и полностью отсутствует у 10 % из них. Наблюдаемая ситуация может быть обусловлена рядом субъективных и объективных факторов, таких как очевидная временная дистанция, языковые и культурные различия между поколениями, высокая учебная нагрузка, а также проблемы с пониманием переводных текстов, сложность запоминания длинных имён персонажей и постижения запутанных сюжетных линий, характерных для произведений советской литературы. Следует отметить, что только 22,73 % студентов считают, что чтение советской литературы не имеет для них смысла и пользы, в то время как более 90 % студентов не читали ее, но заинтересованы в ее прочтении.

В целом результаты опроса отражают дилеммы, с которыми сталкиваются при чтении советской литературы студенты после нулевых, причем отсутствие интереса является основной причиной низкой мотивации к чтению советской литературы. В то же время высокая доля студентов, рассчитывающих читать советскую литературу в будущем, говорит о том, что среди китайской молодежи есть большое количество потенциальных читателей советской литературы и перспективы распространения советской литературы в Китае заслуживают ожидания. Объективное и всестороннее понимание этих обстоятельств и их причин новые идеи для размышлений о том, как лучше ориентировать современных студентов на чтение прекрасных произведений советской литературы в сегодняшних литературных и культурных условиях, правильно оценивать литературную и культурную ценность советской литературы, распространять классические произведения русской литературы и культуры всех эпох в Китае и генерировать новые идеи для обмена и взаимного признания китайской и русской литературы и культуры.

Итоги и рекомендации

Анализируя особенности чтения советской литературы студентами вузов, нетрудно обнаружить существующую читательскую дилемму. По сравнению с литературой других стран того же периода или с постсоветской русской литературой, классика советской литературы характеризуется большим уровнем серьёзности, что делает советскую литературу несовместимой с читательской атмосферой общества, в котором преобладает досуговое чтение. В числе субъективных факторов можно выделить сниженный интерес к чтению, глубокий смысл произведений, а также ограниченные возможности ознакомления с советской литературой, что приводит к неполноте знаний студентов о ней. В связи с этим мы предлагаем следующие меры.

Во-первых, учащиеся должны изменить свой стиль

чтения и повысить интерес к чтению. С точки зрения цели чтения и психологии потребностей, литературное чтение теоретически можно разделить на три уровня от низкого до высокого, т. е. уровень удовольствия, уровень искусства и уровень культуры [16]. За 74 года развития советская литература глубоко исследовала проблемы «социальной действительности», «природы человека», «жизни и смерти», она имеет свой особый социально-исторический характер. Её задача заключалась не в том, чтобы развлекать читателей, а в том, чтобы направлять их [17]. Вследствие этого советская литература не вполне удовлетворяет потребность в развлекательном чтении. Это объясняется еще и тем, что с начала формирования советской литературы группа элитарных писателей, таких как Горький, Шолохов, Островский и другие, настаивала на стремлении к изящному искусству и строгим эстетическим стандартам, что наделило советскую литературу реалистической и эстетической ценностью. В то же время нельзя игнорировать культурный дух и идеи, выраженные советскими писателями в литературе. Традиция литературоцентризма в русской культуре имеет долгую историю [18], а Культурные традиции, воспринятые и осмысленные в советской литературе, обширны и многогранны, представляя собой богатое наследие европейской и мировой культуры [19]. Согласно опросу, в настоящее время многие студенты читают фрагментарно, ориентируясь на легкую литературу, развлекательную, так что литературная классика все больше и больше исчезает из основного потока чтения, лицо советской литературы еще больше из-за ее неясного философского мышления, глубокого критического мышления, что не способствует развитию ума и мыслительных способностей студентов. Подводя итог, можно сказать, что объективные характеристики советской литературы определяют, что поверхностное чтение невозможно, для полноценного восприятия произведений необходимо выработать привычку к вдумчивому чтению, уделять внимание художественному и культурному подтексту, извлекать из текста содержащиеся в нём культурные и художественные смыслы.

Во-вторых, мы должны хорошо интерпретировать значение чтения советской литературы для повышения мотивации к чтению. С точки зрения стимулирования читательской активности, стандартная языковая программа средней школы предполагает, что учащиеся должны ознакомиться с более чем десятью выдающимися литературными произведениями во внеклассном чтении [20]. Как показывает опрос, подавляющее большинство пост-нулевых студентов читали советскую литературу, выбранную из учебников по языку для средней школы, например, автобиографическую трилогию, «Буревестник» Горького и «Как закалялась сталь» Островского. Данные за предыдущие годы свидетельствуют о том, что введение экзаменов или регламентация учебного плана могут в определённой степени мотивировать к чтению.

Тем не менее некоторые студенты после знакомства с советской литературой считают её лишённой вкуса и смысла. На самом деле, процесс конструирования смысла в советской литературе требует от читателя понимания и интерпретации структурной иерархии и образности художественного текста на основе постижения законов сущности литературы. Это также предполагает расширение горизонта ожиданий читателя, отклик на призывную структуру текста и воссоздание его подтекста [21]. Поэтому студентам необходимо изменить подход к чтению и отказаться от утилитарного режима чтения, ориентированного на быстрый успех и быструю прибыль. В контексте нового этапа развития современной литературы и культуры, преподавателям необходимо помочь студентам установить соответствующие ценностные ориентации, чтобы повысить эффективность чтения, помочь студентам расти [22], привить им интерес к чтению и изменить пассивную форму обучения, основанную на заучивании и оценке, на активный режим обучения чтению, включающий обмен идеями и анализ содержания произведений. Важно знать, что советскую литературу можно разделить на официальную, простонародную и либеральную, и студенты не могут узнать всю картину только по учебникам. Поощрение студентов к самостоятельному выбору произведений для чтения в соответствии с их личными интересами в большей степени способствует расширению их читательского кругозора и развитию глубокого понимания текста.

Наконец, создается читательская микросреда, способствующая более широкому восприятию советской литературы. С точки зрения читательской среды в обществе в целом, читательская атмосфера оказывает тонкое влияние на читательское поведение отдельных людей. Для того чтобы возродить интерес к классической советской литературе, основываясь на «воспоминаниях поколения», которые отражают общую картину читательских предпочтений в современном китайском обществе, необходимо обеспечить комплексное взаимодействие школ, библиотек и социума [23]. Советская литература, имеющая характер элитарной культуры, имеет большое значение для повышения идейно-культурного уровня студентов и соблюдения нравственных традиций, а ее динамичная и непрерывная духовная роль заставляет студентов постоянно черпать из нее питательные вещества для самосовершенствования и достижения цели образования и воспитания [24]. Результаты опроса показали, что большинство читателей предпочитают печатные издания при изучении советской литературы. В связи с этим необходимо оптимизировать формирование библиотечных фондов в высших учебных заведениях, чтобы обеспечить студентов более обширными ресурсами для чтения. В то же время студенты, изучающие иностранные языки, заявили, что предпочитают читать оригинальные книги на иностранных языках, поэтому в дополнение к китайскому

варианту перевода следует добавить русский вариант книг по советской литературе. Помимо этого, организация общественных мероприятий, посвящённых чтению, а также использование Всемирного дня книги и других способов популяризации и рекомендаций способствуют возвращению советской литературы в поле зрения читателей. Таким образом, у студентов появляется больше возможностей для знакомства с произведениями советской литературы.

Заключение

Понятие советской литературы сегодня широко обсуждается во всем мире, но в Китае оно представляет собой иную картину, чем во всем мире. Советская литература имеет давние исторические связи с Китаем, ее изучают с момента ее появления в Китае в начале XX века, она утверждается и признается китайскими учеными и читателями. Это зависит, с одной стороны, от образовательного значения советской литературы, и в преподавании китайского языка всегда придавалось значение ссылкам на советскую литературу; с другой стороны, это связано с уникальной историей, культурой и идеологией, которые вызывают у китайского народа сочувствие и любовь к советской литературе. Литература — это не просто профессия, она всегда близка к жизни и душе. Поэзия — это основная тайна нации, которая не только во-

площает инстинкт стремления человека к совершенству, но и содержит в себе невероятную энергию. В истории советской литературы появилась группа великих ученых и исследователей, которые наполнили блестящую советскую литературу эстетическим интересом и глубокими философскими мыслями, оставив миру богатое духовное культурное наследие. Несмотря на то, что в настоящее время советская литература пользуется несколько меньшим интересом у китайской молодежи по сравнению с прошлыми периодами, школы и общество могут продолжать стимулировать интерес к чтению советской литературы в Китае, используя разнообразные субъективные и объективные методы. Это позволит в полной мере реализовать её художественную, культурную и образовательную ценность, а также будет способствовать взаимному обмену в литературной и культурной сферах между двумя странами. В данном исследовании также есть области для улучшения. Хотя доля респондентов была изучена, количество опрошенных было ограничено, и не было проведено исследование фонда университетских библиотек китайских и русских изданий советской литературы, а также недостаточно изучены объективные ресурсы. Если факторы, вовлечённые в процесс чтения литературы, будут классифицированы и уточнены, а тематика опроса будет расширена за счёт включения различных групп общества, то результаты исследования станут более полными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун Э.Д. Русская литература после Октябрьской революции. Пер. Фань Лимин / пер. Сюэ Ж.Ц. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 1996. С. 38–50.
2. Исмакова А.С. Возвращение пляды. Алматы: НИЦ Фильм, 2002. 652 с.
3. Ашимбаев М.С. и др. Литература Казахстана (Энциклопедический справочник). Алматы: Издательство Арунда, 2010. 527 с.
4. Главная редакционная коллегия. Национальная энциклопедия Узбекистана. Ташкент: Научное изд-во Национальной энциклопедии Узбекистана, Т. 6. 2003. 708 с.
5. Миркурбанов Н.М., Голева Г.Ф., Петрухина Н.М. Литература (Учебник для 11 класса средних образовательных и средних специальных, профессиональных учебных заведений с русским языком обучения), Ташкент: Издательство-полиграфический творческий дом имени Чулпана, 2018, 200 с.
6. Назарова О. Литвиненко В. Казахская литература. Астана: Фолиант, 2013. 344 с.
7. Байгожина А. Маргинальные заметки дилетанта о национальной литературе // Всемирная литература сегодня. 1996. № 70(3). С. 527–530.
8. Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: «Восточная литература» РАН, 2010. 376 с.
9. Агеносов Ф.В. История русской литературы XX века. М.: Издательство Юрайт, 2015. 795 с.
10. Ерофеев Вик. Поминки по советской литературе // Ерофеев в. Страшный суд. Романы. Рассказы. Политические эссе. М., Союз фотохудожников России, 1996. С. 422–433.
11. Лю Вэньфэй. Советская литература как история // Советская литература. 1993. № 2. С. 55–61.
12. Ся Чжунсянь. Исследование понятия «советская литература» / ред. Лю Вэньфэй. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2005. С. 353–366.
13. Ван Цзечжи. «Советская литература»: коннотация, ценность и за ее пределами // Русская литература и искусство. 2007. № 1. С. 11–14.
14. Дяо Шаоуха. Словарь русской литературы двадцатого века. Харбин: Северное издательство литературы и искусства, 2000. 943 с.
15. Чжан Цзе. Русская литература после распада Советского Союза (1992–2001). Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2011. 248 с.
16. Лю Цзыюэ. Анализ уровня чтения литературы // Журнал Хунаньского первого педагогического вуза. 2002. № 2(4). С. 29–32.
17. Колпакиди Т. Х. Забытая советская литература и ее историческое наследие // Зарубежное литературоведение. 2017. № 39(6) С. 39–45.
18. Мэн Фаньхуа. Двадцатилетняя литература нового века: основной взгляд на длинные романы // Южный литературный форум. 2021. № 1. С. 6–10.
19. Лю Цзиньпэн. Взгляд Лихачева на развитие русской культуры // Преподавание русского языка в Китае. 2022. № 41(04). С. 50–59.
20. Чжан Хайчжи. Образовательная роль литературного чтения // Литературное образование (1). 2011. № 6. С. 55–57.

21. Ван Минь. Литературное чтение. Шанхай: Издательство Шанхайского университета Цзяо Тун, 2018. 174 с.
 22. Сюй Гуифан. Методы руководства учащимися для правильной ориентации чтения // Справочник по преподаванию в средней школе. 2009. № 34. С. 25.
 23. Чжан Цзюньсюн. Исследование чтения классической литературы студентами вузов // Кооперативная экономика и технология. 2022. № 11. С. 87–89.
 24. Ян Чуньфу. Литературное чтение и строительство вузов // Писатель. 2009. № 4. С. 195–196.
-

© Лю Сянчжи (2759543892@qq.com), Мэн Яодэн (anmeng12@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЕННЫХ СМЫСЛОВЫХ ЕДИНИЦ НА ОСНОВЕ КОРПУСА: НА ПРИМЕРЕ *ОЧЕНЬ*, *ВЕСЬМА* И *СИЛЬНО*

Лю Цзямин

Аспирант, Хэйлунцзянский университет,
(г. Харбин, Китай)
2171235468@qq.com

A CORPUS-BASED STUDY ON EXTENDED UNITS OF MEANING: TAKING *ОЧЕНЬ*, *ВЕСЬМА* AND *СИЛЬНО* AS EXAMPLES

Liu Jiaming

Summary: The rapid development of corpus linguistics provides a new perspective and way for linguistic research. This study is developed within the framework of Extended Units of Meaning proposed by Sinclair. Based on the analysis of frequency and register distribution, it takes “очень”, “весьма” and “сильно” three-degree adverbs as examples of the following aspects: colligation, collocation, semantic preference, and semantic prosody.

Keywords: synonymy's, degree adverbs, register, colligation, collocation, semantic preference, semantic prosody.

Аннотация: Стремительное развитие корпусной лингвистики открывает новые перспективы и подходы к исследованию лингвистики. Данная статья выполнена в рамках Распространенных Смысловых Единиц, предложенных Синклером. На основе анализа частоты и распределения регистра проведено исследование на примере трех наречий степени “очень”, “весьма” и “сильно” в следующих аспектах: коллигация, коллокация, семантическая преференция и семантическая просодия.

Ключевые слова: синонимы, наречие степени, регистр, коллигация, коллокация, семантическая преференция, семантическая просодия.

Введение

Наличие большого количества синонимов является признаком богатого и развитого языка. Русский язык обладает огромным разнообразием синонимов, которые, с одной стороны, обогащают словарный запас, а с другой стороны, представляют большую проблему для учащихся, изучающих русский язык. В языке нет абсолютных синонимов, так же, как и в природе нет вакуума [10]. Традиционное различие синонимов в основном опирается на словари, но из-за их ограниченности по объему и функциональности большинство из них может предоставить учащимся только качественные описания и толкования циклического типа, что во многих случаях не может удовлетворить потребности пользователей словарей. “Очень”, “весьма” и “сильно” обнаруживаются в таких словарях, как “Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений” [1], “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” [2], “Словарь синонимов и антонимов современного русского языка” [5], в которых три наречия степени классифицируются как синонимы. В словаре “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” [2] указано, что “очень” и “весьма” являются однозначными словами, а “сильно” имеет два значения. Первое значение означает “с большой силой” и не является объектом исследования в данной статье, второе образует синонимический ряд с “очень” и “весьма”. Хотя все три наречия обозначают высокую степень, информация, предоставляемая традиционными словарями, не всегда помогает учащимся их различить. Поэтому в данной

работе будет проведено количественное исследование, основанное на обширных и информативных данных, собранных с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ), чтобы компенсировать недостатки традиционного метода интроспекции.

1. Теоретическая база

Д.М. Синклер считает, что Распространенные Смысловые Единицы более обширны и разнообразны, чем отдельные слова [13]. Единицы состоят из пяти элементов: опорного слова, коллигации, коллокации, семантической преференции и семантической просодии. Опорное слово представляет собой лексическую единицу, извлеченную исследователем в корпусе. Коллигация — это отношение одновременного появления между опорным словом и абстрактной синтаксической категорией. Коллокация — появление двух или более слов в тексте на близком расстоянии друг от друга. Семантическая преференция отражает абстрактное обобщение семантических особенностей коллокативных слов. Семантическая просодия является функцией всей расширенной единицы и обобщением о коммуникативной цели единицы — причине ее выбора [12]. При внимательном рассмотрении этих пяти элементов легко обнаружить, что “коллигация” описывает синтаксическую комбинацию опорного слова, “коллокация” отражает лексическую комбинацию опорного слова, “семантическая преференция” отражает семантические отношения между опорным словом и коллокатами, а “семантическая просодия” выражает прагматические особенности опорного сло-

ва и раскрывает смысл эмоции автора или говорящего. Как отмечает Вэй Найсин, Распространенные Смысловые Единицы объединяют контекст, значение, функцию, структуру и цель, что позволяет более полно описать язык, и являются типичным комплексом формы, значения и функции [4].

В Китае существует множество теоретических и прикладных исследований, посвященных Распространенным Смысловым Единицам. На теоретическом уровне, например Вэй Найсин обсуждал их содержание и развитие [4]; Пу Цзяньчжун заново интерпретировал коннотации и расширения их пяти компонентов [6]. На практическом уровне, например, Чжан Сюйхуа провел исследование идентификации синонимов на основе корпуса, используя в качестве примера такие слова, как "absolutely", "totally", "completely" и другие [8]. Цинь Цзяньхуа и Дэн Фэй провели исследование распространенных смысловых единиц на примере "assure" и "ensure" на основе корпусного подхода [7].

В целом, результаты исследований в рамках Распространенных Смысловых Единиц в основном сфокусированы на английском языке. В данной статье предпринята попытка применить эту теорию к идентификации русских синонимов с целью обогащения количественных анализов синонимов.

2. Дизайн исследования

2.1. Вопросы исследования

Вопросы исследования заключаются в следующем:

1. Какова разница в частоте наблюдений и распределении регистра между тремя синонимами?
2. Каковы сходства и различия между тремя синонимами в аспекте коллигации, коллокации, семантической преференции и семантической просодии?

2.2. Инструменты исследования

Выбор корпуса в качестве основы для лингвистического исследования имеет решающее значение. Для данного анализа используется корпус НКРЯ, созданный Российской академией наук. НКРЯ был введен в эксплуатацию в 2004 году. В настоящее время его размер достигает 2 млрд слов, и типы текстов в нем разнообразны, включая не только прозаические произведения и сценарии, но и различные политические эссе, журналы, публицистику, официальные и бытовые тексты. С точки зрения хронологичности материала и разнообразия источников, НКРЯ обладает репрезентативностью и может служить основой для данного исследования. Кроме того, в исследовании будут использованы программное обеспечение для выборки Concordance Sampler и программное обеспечение для поиска Antconc (версия 4.2.4).

2.3. Этапы исследования

1. Три наречия выбраны в качестве "ключ" для поиска в основном корпусе НКРЯ, и получены индексы в диапазоне от 70,000 до 500,000. Из-за большого количества индексов использовано Concordance Sampler, чтобы случайным образом выбрать 500 индексов для каждого опорного слова в качестве выборки для исследования.
2. Получение данных о частоте наблюдений и распределении регистра синонимов. Сначала мы проводим поиск трех синонимов (на момент 18.12.2023) в основном корпусе НКРЯ, и были извлечены частоты наблюдений трех синонимов. Поскольку значение "с большой силой" у слова "сильно" влияет на научность статистических данных, в данном исследовании была проведена ручная идентификация 500 выбранных строк индекса с опорным словом "сильно" и была вычислена пропорция, когда "сильно" обозначает высокую степень (после этого достоверные индексы пополнены до 500). Затем следует проводить сравнение распределения трех синонимов в разных регистрах следующими шагами: во-первых, был задан подкорпус в соответствии с разными регистрами. В качестве письменного подкорпуса были выбраны художественные тексты, а также восемь сфер функционирования в нехудожественных текстах основного корпуса, в отличие от отдельного устного корпуса НКРЯ. Во-вторых, для каждого ключа были извлечены данные из подкорпусов, охватывающих 10 различных регистров, после чего были подсчитаны частоты. Поскольку количество слов в подкорпусах варьируется от 840,000 до 151 млн слов, необходимо рассчитать их частоту или встречаемость на миллион словоформ. Это вычисляется как соотношение частоты на миллион словоформ (ЧМС) = частота наблюдений $\times 1000,000$ / объем реального корпуса.
1. Подсчет видов и количества коллигации. Классификация и кодирование коллигаций проведены для общего объема 1500 индексов, после чего были подсчитаны частоты с помощью Antconc (версия 4.2.4).
2. "Очень", "весьма" и "сильно" установлены в качестве "ключ", затем "Грамм. Признаки" установлены на основе результатов коллигации и "Расстояние" установлено как "от 1 до 1", что означает поиск коллокатов на одной месте справа от опорного слова.
3. Маркировка семантической просодии. Эмоциональная окраска коллокатов в общей сложности 1500 индексов была классифицирована и закодирована с учетом расширенного контекста, после которого результаты были импортированы в Antconc (версия 4.2.4) для частотного поиска.

3. Результаты и обсуждения

3.1. Частота и распределение регистра “очень”, “весьма” и “сильно”

Частота может в определенной степени отражать вероятностные свойства языковой системы [11]. Поэтому в первую очередь необходимо проанализировать частоту наблюдений синонимов в основном корпусе НКРЯ без учета регистра. Частота наблюдений представляет собой количество раз, когда опорное слово встречается в корпусе. Следует отметить, что в 500 произвольно отобранных строках индексов с опорным словом “сильно” значение наречия степени составляет 83%, и частота наблюдений “сильно” в таблице ниже учитывает эту пропорцию.

Таблица 1.

Частота наблюдений трех синонимов.

опорное слово	очень	весьма	сильно
частота наблюдений	525880	86274	61429

Если мы возьмем за эталон частоту наблюдений “сильно” в НКРЯ, то “весьма” — примерно в 1,4 раза, а “очень” — примерно в 8,6 раза больше “сильно”, это значит, что “очень” используется чаще, чем “весьма” и “сильно”. С точки зрения частоты наблюдений можно предположить, что “очень” содержат наиболее богатую эмоциональную значимость и содержательные отсылки, а “весьма” и “сильно” употребляются в более ограниченных контекстах.

Сравнение распределения синонимов в разных регистрах также имеет важное значение для изучения языка. Под регистром понимаются языковые варианты, возникающие в связи с потребностью коммуникации и изменением ситуативных контекстов [9]. Синонимы, как правило, демонстрируют различные характеристики распределения в разных регистрах из-за различий в присущих им семан-

тических значениях, поэтому сравнение регистра помогает их различать. Статистика частоты наблюдений и ЧМС трех синонимов в 10 различных регистрах представлена в таблице ниже (расчеты ведутся в целых числах): (Таб. 2.)

В таблице представлено распределение синонимов в различных регистрах. Сначала проведено поперечное сравнение: в официально-деловых текстах “весьма” наблюдалось примерно в 2 и 11 раз чаще, чем “очень” и “сильно” соответственно. В остальных 9 регистрах частота “очень” намного превышает частоту “весьма” и “сильно”. Только в художественных текстах, электронной коммуникации и устных текстах частота “сильно” превышает “весьма”. В целом, “очень” чаще всего используется, “весьма” на втором месте, и “сильно” на третьем. Это согласуется с результатами анализа частоты наблюдений трех синонимов выше. Далее проведено продольное сравнение: “очень” часто употребляется в устных, обиходно-бытовых текстах и электронной коммуникации, редко употребляется в официально-деловых текстах. “Весьма” часто употребляется в официально-деловых и учебно-научных текстах, а редко употребляется в устных текстах. “Сильно” часто употребляется в электронной коммуникации и обиходно-бытовых текстах, а редко употребляется в официально-деловых текстах и рекламе. Если все 10 регистров были разделены на два основных регистра: письменный и устный, то “очень” приобретает четкую разговорную окраску, а “весьма” — типичную письменную окраску.

Понимание распределения трех синонимов в 10 регистрах позволяет учащимся русского языка взглянуть на различия синонимов с новой точки зрения и получить более полное представление об их использовании.

3.2. Коллигация “очень”, “весьма” и “сильно”

В данной работе для каждого опорного слова случайным образом выбрано 500 индексов (всего 1500), кото-

Таблица 2.

Распределение в 10 регистрах НКРЯ трех синонимов.

подкорпус	очень		весьма		сильно		
	частота	ЧМС	частота	ЧМС	частота	ЧМС	
художественный	189619	1257	19461	129	27263	181	
нехудожественный	публицистика	189528	1376	38894	282	19654	143
	официально-деловой	1194	234	2638	518	227	45
	производственно-технический	2059	1269	436	269	307	189
	учебно-научный	37789	951	15120	380	6513	164
	церковно-богословский	4184	790	955	180	334	63
	реклама	760	897	108	127	45	53
	обиходно-бытовой	95766	2879	8974	270	6702	201
	электронная коммуникация	9756	2844	485	141	901	263
устный	48542	3471	684	49	2132	152	

рые были классифицированы по коллигациям, и результаты оказались следующей таблицей: (Таб. 3.)

Данные показали, что “очень” может широко сочетаться с прилагательными, наречиями и глаголами с меньшим ограничением при использовании. “Весьма” наиболее часто сочетается с прилагательными, процентное соотношение составляет 86%, и имеет среднюю способность к сочетанию с наречием и наименьшую способность к сочетанию с глаголом. “Сильно” имеет наиболее типичное сочетание с глаголом, процентное соотношение которого составляет 89%, и слабое сочетание с прилагательными. В целом, “очень” может широко сочетаться с прилагательными, наречиями и глаголами, “весьма” в основном зависит от прилагательных, а “сильно” главным образом зависит от глагола.

3.3. Коллокация “очень”, “весьма” и “сильно”

Из проведенного выше анализа коллигации известно, что коллокаты трех синонимов могут быть прилагательными, наречиями или глаголами. Поэтому в данном разделе

были выделены три случая в зависимости от части речи коллокатов: коллокат — прилагательное, коллокат — наречие и коллокат — глагол. Результаты поиска представлены в таблицах (данные сохраняют одну десятичную дробь), которые содержат следующую информацию: коллокат, совместная частота и MI³. MI³ — это один из методов расчета коллокационной значимости в корпусной лингвистике, который не зависит от объема корпуса. Чем выше численное значение MI³, тем теснее связь между ключами и коллокатами. В связи с ограниченным объемом статьи в данной работе перечислены 10 коллокатов, MI³ которых занимают первые десять мест.

3.3.1. Коллокат — прилагательное

(Таб. 4.) При сравнении первых десяти прилагательных коллокатов в таблице можно заметить, что “очень” и “весьма” имеют три общих прилагательных коллоката: “важный”, “интересный” и “довольный”, а “сильно” не имеет общих прилагательных коллокатов с ними обоими. Кроме того, в коллокатах “сильно” часто встречается страдательное причастие: взволнованный, удлинённый, удивлённый, склеротизованный, развитый, озабочен-

Таблица 3.

Типы коллигации трех синонимов.

Ключ	Коллигации	Пропорция	Иллюстрации предложения в НКРЯ
очень	очень+Adj	55%	Очень хороший, добрый и смешной фильм о любви.
	очень+Adv	26%	Я очень хорошо знаю, как устроено государство.
	очень+V	19%	Я очень люблю свою работу и должность.
весьма	весьма+Adj	86%	Читайте газеты: может обнаружиться весьма полезная информация.
	весьма+Adv	12%	У собак такая реакция слабее, но тоже наблюдается весьма часто.
	весьма+V	2%	Весьма сожалею, но в машине нет музыки, которую ты любишь.
сильно	сильно+V	89%	На ваш взгляд, техника пилотажа <i>сильно</i> отличается?
	сильно+Adj	11%	Он был <i>сильно</i> пьян, еле держался на ногах.

Таблица 4.

Топ 10 прилагательных коллокатов.

очень			весьма			сильно		
коллокат	частота	MI ³	коллокат	частота	MI ³	коллокат	частота	MI ³
хороший	12677	22.6	важный	1710	19.3	пьяный	254	15.1
рад	6739	22.6	значительный	944	18.3	взволнованный	64	12.8
важный	8401	22.3	сомнительный	464	18.0	больной	109	12.3
довольный	4566	21.5	существенный	613	17.8	удлинённый	27	12.0
интересный	5416	21.4	полезный	668	17.6	нетрезвый	31	11.9
большой	7918	20.7	интересный	803	17.4	загорелый	34	11.2
красивый	4271	20.6	любопытный	488	17.2	удивлённый	40	11.1
похожий	3721	20.1	вероятный	323	17.2	склеротизованный	13	10.8
милый	3229	19.8	приятный	528	16.8	развитый	34	10.5
простой	3483	19.7	довольный	512	16.8	озабоченный	27	10.5

ный. Такой феномен не наблюдается в первых десяти коллокатах “очень” и “весьма”. В связи с этим мы можем предположить, что “очень” и “весьма” во многих случаях взаимозаменяемы, а “сильно” обычно не взаимозаменяем с двумя другими наречиями, когда коллокат является прилагательным.

Если прилагательные разделены на качественные и относительные, и наблюдая за коллокатами, мы обнаружили, что все прилагательные коллокаты являются прилагательными качественными. Это связано с тем, что свойства прилагательных качественных обычно подразумевают метрическую природу, и характеристики вещей, как правило, изменяются по степени, поэтому их можно объяснить наречием степени. Таким образом в русском языке не существует таких конструкций вроде “очень городская больница” или “весьма деревянный дом”. Стоит отметить, что такое сверх нормальное сочетание, как “наречие степени + прилагательное относительное” в русском языке не отсутствует. Например, “очень русский” встречается 190 раз в 161 различных текстах НКРЯ. Это свидетельствует о том, что “русский” постепенно приобретает свойственные характеристики, позволяющие ему сочетаться с наречиями степени. Это является проявлением активной адаптации языка в процессе развития общества, результатом постоянных инноваций носителей языка и следствием динамичного развития языка

3.3.2. Коллокат — наречие

(Таб. 5.) При анализе данных в таблице можно заметить, что “весьма” слабее сочетается с прилагательным, чем “очень”. Когда сочетается со словами “часто” или “редко”, “очень” и “весьма” взаимозаменяемы. Также было замечено, что “очень” может сочетаться с “сильно”

и они относятся к конструкции “наречие степени + наречие степени”. Для проверки возможности подобного сочетания двух других синонимов “очень”, “весьма” и “сильно” были установлены как “ключ” соответственно, “Расстояние” как “от -1 до -1” и “Грамм. признаки” коллокатаов — “наречие”. Результаты показали, что “сильно” может сочетаться с другими наречиями степени, например, “очень сильно”, “слишком сильно”, “весьма сильно”, “чрезвычайно сильно” и т. д., а “очень” и “весьма” не могут быть объяснены другими наречиями степени. Это означает, что “сильно” допускает градуирование самой оценки, а “очень” и “весьма” не могут. Поэтому в русском языке нет таких оборотов, как “слишком очень”, “сильно весьма” и тому подобные.

3.3.3. Коллокат — глагол

(Таб. 6.) В первую очередь, в первых десяти глагольных коллокатах “очень” и “весьма” имеют три общих коллоката: “обрадоваться”, “удивиться” и “сожалеть”, а “сильно” не имеет общих глагольных коллокатов с ними обоими. В этом проявляется сходство между “очень” и “весьма”. Кроме того, в коллокатах “весьма” только количество совместной частоты “ограничить”, “сожалеть”, “обрадоваться” и “напоминать” превышает 100. Это показывает, что “весьма” не очень часто сочетается с глаголами. Если мы сталкиваемся с ситуацией, когда “весьма” сочетается с глаголом, то этот глагол, вполне возможно, может быть “ограничить”, “сожалеть”, “обрадоваться” или “напоминать”.

3.4. Семантическая преференция “очень”, “весьма” и “сильно”

При сравнении 500 индексов каждого опорного слова было обнаружено, что коллокаты, сочетающихся с наречием “очень”, принадлежат к следующим семан-

Таблица 5.

Топ 10 коллокатов наречий.

очень			весьма		
коллокат	частота	MI ³	коллокат	частота	MI ³
коллокат	частота	MI ³	коллокат	частота	MI ³
хорошо	11791	23.1	удовлетворительно	227	17.3
часто	5609	20.6	часто	905	17.0
скоро	5184	20.5	редко	460	16.4
быстро	4188	20.0	кстати	235	16.3
редко	2687	19.9	успешно	292	16.0
долго	3315	19.2	искусно	177	15.6
сильно	2555	18.9	удачно	214	15.6
просто	1364	18.6	скептически	113	15.2
плохо	1881	18.6	своеобразно	87	14.8
мило	669	18.3	благосклонно	99	14.8

Таблица 6.

Топ 10 глагольных коллокатов.

очень			весьма			сильно		
коллокат	частота	MI ³	коллокат	частота	MI ³	коллокат	частота	MI ³
любить	9603	21.9	ограничить	193	15.0	измениться	642	18.0
понравиться	4037	21.1	сожалеть	130	14.6	отличаться	686	17.9
хотеться	5466	20.9	обрадоваться	115	13.0	пострадать	447	17.9
нравиться	3510	20.3	преуспеть	42	12.5	преувеличить	246	17.3
обрадоваться	1395	18.7	польстить	47	12.5	подействовать	270	17.1
устать	1526	18.6	распространить	66	12.3	болеть	443	17.0
хотеть	2696	17.5	напомянуть	114	12.1	пахнуть	402	16.6
удивиться	1053	17.4	удивиться	95	12.0	волноваться	345	16.5
хвалить	720	17.1	уважать	84	11.9	похудеть	199	16.4
сожалеть	547	17.1	способствовать	73	11.5	постареть	174	16.1

тическим классам:

Таблица 7.

Семантический класс коллокатов “очень”.

Семантический класс	Иллюстрации предложения в НКРЯ
Свойства	1) Правда, тот был огромного роста, <i>очень</i> смуглый брюнет. 2) Замечательного в этом саду только то, что он <i>очень</i> большой. 3) Причем все направления растут <i>очень</i> быстрыми темпами.
Оценка	1) Человек, даже <i>очень</i> хороший, всегда слаб, если он один. 2) В одном городе жила <i>очень</i> красивая девушка по имени Нина.
Эмоциональное состояние	1) Очень рада за тебя, что находишь время для отдыха. 2) Я <i>очень</i> боялся, что и у меня будет Антон-фагонь
Количество	1) В общем, говорить об этом фильме можно <i>очень</i> много. 2) Но на человека они нападают <i>очень</i> редко. 3) До кварцевой метки было еще <i>очень</i> далеко.
Модальное значение	1) Правда, я не <i>очень</i> умею с ними общаться. 2) Как раз я <i>очень</i> могу понять! Тебе тяжело, да, но нельзя так любить себя!
Речевое действие	Стихи ему не понравились, и он меня <i>очень</i> ругал
Психологическое действие	1) Не как актриса, я не <i>очень</i> понимаю, какая она актриса. 2) То есть ноги мои, но я <i>очень</i> чувствую их чужеродность.
Другие действия	1) Гнетущие мысли скрыть было трудно, но она <i>очень</i> старалась. 2) Он ответил, что готов и что он <i>очень</i> торопится.

А коллокаты, сочетающихся с наречием “весьма”, принадлежат к следующим семантическим классам:

Таблица 8.

Семантический класс коллокатов “весьма”.

Семантический класс	Иллюстрации предложения в НКРЯ
Свойства	1) Вы женщина <i>весьма</i> умная и, конечно, уже догадались о том, кто наш хозяин. 2) <i>Весьма</i> известен также был в свое время многолетний городской голова Москвы Н.А. Алексеев.
Субъективная оценка	Реакция директора Чеботарева тоже была <i>весьма</i> неожиданной.
Эмоциональное состояние	1) Ее глаза оставались при этом <i>весьма</i> печальными. 2) Все <i>весьма</i> обрадовались, когда я дал утвердительный ответ. 3) <i>Весьма</i> сожалею, но ничего не могу поделать
Количество	1) Известно, что у таких людей <i>весьма</i> часто встречаются наследственные заболевания. 2) Встречаются же они <i>весьма</i> редко, примерно 1–10 больных на миллион жителей.
Некоторое состояние	Я его <i>весьма</i> уважал и тоже дружил с ним.

И коллокаты, сочетающихся с наречием “сильно”, принадлежат к следующим семантическим классам:

Таблица 9.

Семантический класс коллокатов “сильно”.

Семантический класс	Иллюстрации предложения в НКРЯ
Эмоциональное состояние	1) Я увидел, что товарищ Данилин <i>сильно</i> взволнован. 2) В тот день папа вернулся с работы <i>сильно</i> озабоченный.

Семантический класс	Иллюстрации предложения в НКРЯ
Физическое состояние	1) Он всегда говорил ей “вы”, даже когда бывал <i>сильно</i> пьян. 2) А которые <i>сильно</i> больные, то по одному, а то зараза какая! 3) Нет, он не поедет, у Лены <i>сильно</i> болит голова.
Некоторые процессы и действия при обозначениях изменения и перемещения.	1) <i>Сильно</i> постарел, хотя прошло всего двенадцать лет. 2) Надо признать, мы <i>сильно</i> продвинулись в этом направлении. 3) За 12 или 15 веков их неспешного диалога обе стороны <i>сильно</i> изменились.
Другие действия	1) На ваш взгляд, техника пилотажа <i>сильно</i> отличается? 2) На меня очень <i>сильно</i> подействовала его посмертная выставка.

По содержанию таблиц можно сделать вывод, что “очень” обладает наиболее широким значением и может сочетаться со словами, обозначающими различные свойства, оценку, эмоциональное состояние, количество, модальное значение и некоторые действия, в особенности, речевые и психологические. “Весьма” и “сильно” имеют свои собственные ограничения при использовании. Например, “весьма” редко употребляется тогда, когда степень свойства может быть оценена однозначно, например, цвет, который обычно не описывается как “весьма черный”, а как “очень черный”. Кроме того, “весьма” не так широко сочетается с глаголом, как наречие “очень”, обычно не сочетаясь с обозначениями процессов и действий. Согласно данным НКРЯ, “весьма” часто сочетается только с ограниченным числом глаголов, таких как “ограничить”, “сожалеть”, “обрадоваться” и “напоминать”. Коллокаты “сильно” семантически связаны с человеком, например, эмоциональным состоянием и состоянием здоровья человека. Более того, “сильно” часто используется в качестве интенсификатора и часто сочетается с глаголами изменения и перемещения. Такие характеристики не были очевидно замечены у синонимов “очень” и “весьма”.

В целом, каждый синоним обладает своими семантическими преференциями, и только полное знание их позволяет точнее употреблять синонимы.

3.5. Семантическая просодия “очень”, “весьма” и “сильно”

Семантическая просодия может выражать оценочное отношение автора или говорящего к содержанию высказывания, и она, как правило, была разделена на позитивную, негативную и нейтральную [3, 14]. Позитивная семантическая просодия отражается в ярко позитивных эмоционально-модальных значениях коллокатов, привлекаемых опорными словами, негативная

семантическая просодия противоположна ей. Нейтральная семантическая просодия отражается в нейтральных эмоционально-модальных особенностях коллокатов, привлекаемых опорными словами. Это разделение семантических просодий на три типа также используется в настоящей статье.

Анализ семантической окраски коллокатов был проведен с учетом расширенного контекста, и статистически оценена эмоциональная окраска коллокатов. В общей сложности было проанализировано 1500 индексов. Затем нужно описать семантические просодии каждого опорного слова, результаты приведены в таблице ниже:

Таблица 10.

Характеристика семантической просодии синонимов.

ключ \ просодия	просодия		
	позитивная	негативная	нейтральная
очень	51%	18%	31%
весьма	56%	19%	25%
сильно	6%	59%	35%

Согласно статистическим результатам, среди коллокатов “очень”, наибольшая пропорция приходится на сочетания с позитивной окраской (51%), например, “хороший”, “интересный”, “любить” и другие. За ними следуют нейтральные (31%): “большой”, “маленький”, “редкий” и другие, а наименьшая пропорция приходится на сочетания негативной эмоциональной окраски (18%), например, “плохой”, “тяжелый”, “трудный” и другие. Среди коллокатов “весьма” наибольшая пропорция также приходится на сочетания с позитивной окраской (56%), например, “полезный”, “интересный”, “довольный” и другие. За ними следуют нейтральные (25%): “высокий”, “похожий”, “скоро” и другие, а наименьшая пропорция приходится на сочетания с негативной эмоциональной окраской (19%), например, “неприятный”, “сложный”, “опасный” и другие. Среди коллокатов “сильно” наибольшая пропорция приходится на сочетания с негативной окраской (59%), например, “пострадать”, “болеть”, “устать” и другие. За ними следуют нейтральные (35%), например: “изменить”, “подействовать”, а наименьшая пропорция приходится на сочетания с позитивной эмоциональной окраской (6%), например, “хотеться”, “любить” и другие.

Таким образом, “очень” и “весьма” в основном привлекают коллокаты с положительной и нейтральной окраской, демонстрируя положительную и нейтральную семантическую просодию, а “сильно” в целом привлекают коллокаты с негативной окраской, демонстрируя негативную семантическую просодию.

4. Заключение

Результаты показали, что по частоте употребления

слов “очень” наиболее часто используется, за ним следуют “весьма” и “сильно”. Что касается распределения регистра, “очень” чаще всего используется в устных текстах, “весьма” чаще используется в официально-деловых текстах, а “сильно” — в электронной коммуникации. По коллигации, “очень” широко сочетается с прилагательными, наречиями и глаголами, “весьма” часто сочетается с прилагательными, наречиями и несколькими глаголами, а “сильно” главным образом сочетается с глаголами и прилагательными. В отношении коллокации, “очень” чаще всего сочетается с “хороший”, “рад”, “хорошо”, “часто” и “любить”, “весьма” чаще всего сочетается с “важный”, “значительный”, “часто” и “ограничить”, а “сильно” часто сочетается с “пьяный”, “измениться”, “отличаться” и “пострадать”. С точки зрения семантической преференции, “очень” обладает наиболее широким значением и может сочетаться со словами разными обозначениями. Особенность “весьма” заключается в том, что оно характеризуется сочетаемостью с обозначениями свойств, степень

которых может быть оценена субъективно, а “сильно” характеризуется сочетаемостью с обозначениями здоровья человека. С точки зрения семантической просодии, “очень” и “весьма” выражают главным образом позитивную и нейтральную просодию, а “сильно” выражает в основном негативную просодию.

Данная статья в рамках Распространенных Смысловых Единиц Синклера провела сравнительный анализ трех синонимов “очень”, “весьма” и “сильно” в аспектах колликации, коллокации, семантической преференции и семантической просодии на основе исследования частоты наблюдений и распределения регистра с помощью НКРЯ. Результаты показали, что три синонима во многих аспектах проявили разницу. Данная работа доказала, что Распространенные Смысловые Единицы являются полезным инструментом для синонимической дифференциации и одновременно имеют большое значение для преподавания языка и составления словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 299 с.
2. Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 750 с.
3. Вэй Найсин. Общий подход к исследованию семантической просодии // Преподавание и исследование иностранных языков. 2002. № 4. С. 300-307.
4. Вэй Найсин. Основы теории Фетра в корпусной лингвистике // Иностранный язык (Вестник Шанхайского университета иностранных языков). 2008. № 2. С. 23-32.
5. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 224 с.
6. Пу Цзяньчжун Интерпретация Модели Распространенных Смысловых Единиц // Изучение иностранных языков. 2020. № 2. С. 1-8+112.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: «Советская энциклопедия», 1935-1940.
8. Цинь Цзяньхуа, Дэн Фэй. Теория Распространенных Смысловых Единиц, управляемой корпусом, и идентификация синонимов. // Вестник Аньхойского технологического университета (издание по общественным наукам). 2014. № 1. С. 66-67.
9. Чжан Сюйхуа. Исследование Распространенных Смысловых Единиц, управляемой корпусом — на примере языка высшей степени силы. // 2010. № 4. С. 25-30.
10. Чжан Цзидун, Лю Пин. Общий подход к идентификации синонимов на основе корпуса. // Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии. 2005. № 6. С. 53-56+100.
11. Cruse D. *Lexical Semantics*. Cambridge: CUP, 1986. 270 с.
12. Halliday M.A. K. *Corpus studies and probabilistic Grammar*. In K. Aijmer & B. Altenberg (eds). *English Corpus Linguistics: Studies in Honour of Jan Svartvik*. London: Longman, 1991. С. 30-43.
13. Sinclair J. *Corpus Concordance Collocation*. Oxford: Oxford University, 1991. 10 с.
14. Sinclair J. *The Search for Units of Meaning*. TEXTUS IX (1). Genova: Tilgher, 1996. 71 с.
15. Stubbs M. *Text and Corpus Analysis: Computer-Assisted Studies of Language and Institutions*. Oxford: Blackwell, 1996. 58 с.

© Лю Цзямин (2171235468@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ФРЕЙМИНГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ – НА ПРИМЕРЕ «ПОСЛАНИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ» 2024 Г.¹

Лю Цзямин

Аспирант, Хэйлуцзянский университет

(г. Харбин, Китай)

13073107682@163.com

ANALYSIS OF METAPHORICAL FRAMING IN POLITICAL DISCOURSE – ON THE EXAMPLE OF 2024 VLADIMIR PUTIN'S ADDRESS TO THE FEDERAL ASSEMBLY

Liu Jiaming

Summary: Based on the theory of metaphorical framing, this article analyzes surface frames, activated by words, and deep frames, activated by these surface frames. The object of analysis is V.V. Putin's Address to the Federal Assembly for 2024, which focused on the themes of "social welfare", "economic growth", "technological progress" and "responsibility of environmental protection". The statistical analysis revealed that the dominant surface frames include "travel", "orientation" and "war". These three surface frames activate the deep frames such as "innovation", "progress", "mutual assistance", "conflict", "overcoming challenges", "development" and "support". This in turn constructs a pragmatic identity for the Russian government as "the conductor of the country's development", for Russian citizens as "defenders of national security" and for Russia itself as "a nation on the rise".

Keywords: political discourse, metaphorical framing, surface frame, deep frame, metaphorical pattern, pragmatic identity.

Аннотация: В данной статье на основе теории метафорического фрейминга рассматриваются поверхностные фрейминги, которые активируются словами, и глубинные фрейминги, активируемые этими поверхностными фреймингами. Объектом анализа является Послание В.В. Путина Федеральному собранию на 2024 год, в котором основное внимание уделяется таким темам, как «общественные блага», «экономический рост», «технологический прогресс» и «экологическая ответственность». В результате статистического анализа были выявлены доминирующие поверхностные фрейминги, включая «путешествие», «ориентация» и «война». Эти три поверхностных фрейминга активируют глубинные фрейминги, такие как «инновация», «прогресс», «взаимопомощь», «конфликт», «преодоление вызовов», «развитие» и «поддержка». Это, в свою очередь, конструирует прагматическую идентичность для правительства России как «проводника развития страны», для граждан России как «защитников национальной безопасности», и для самой России как «нации, находящейся на подъеме».

Ключевые слова: политический дискурс, метафорический фрейминг, поверхностный фрейминг, глубинный фрейминг, метафорическая модель, прагматичная идентичность.

Введение

Политический дискурс занимает ключевую позицию в пропаганде политических идей, формировании общественного мнения и конструировании коллективной психологии. Существует несколько определений этого понятия. Например, А.Н. Баранов характеризует политический дискурс как набор дискурсивных практик, которые либо идентифицируют участников политического общения, либо формируют определенные темы политической коммуникации [2, с. 246]. Ван Шаохуа предлагает рассматривать политический дискурс как «форма аргументации, которая поддерживает или оппонировать определенному образу поведения и придает рациональность принятию решений» [4, с. 146].

Выступление президента России Владимира Путина

является одним из классических образцов политического дискурса, который исследовался учеными как в стране, так и за рубежом с различных точек зрения. Например, Л.В. Балашова провела анализ военных метафор в лингвистическом и когнитивном аспектах на материале выступлений Путина в контексте пандемии COVID-19 [1]. Н. Гезайли выполнил прагматический анализ использования стилистически окрашенных языковых единиц в политическом дискурсе, опираясь на телевизионные выступления В.В. Путина [5]. Лю Байвэй рассмотрел выступления В.В. Путина через призму теории языковой философии М.М. Бахтина о диалогизме [7]. Основываясь на классической теории риторики, Сюй Хун и Лю Цзюань изучили риторическую функцию убеждения метадискурса в российском политическом дискурсе [10].

Данная статья основывается на теории метафори-

¹ Данная работа является результатом крупного проекта Ключевой научно-исследовательской базы гуманитарных и общественных наук Министерства образования «Исследования по лингвистической теории Апресяна и современному китайскому семантическому синтаксису» (Номер проекта: 17JJD740005).

ческого фрейминга и рассматривает использование как поверхностных, так и глубинных метафорических фреймингов в выступлении В.В. Путина. Эти фрейминги демонстрируют основные ценности президента и позволяют глубже понять российскую политику. Кроме того, статья анализирует процесс формирования прагматичной идентичности в рамках метафорического фрейминга.

1. Теоретические основы

1.1. Теория концептуальной метафоры

Теория концептуальной метафоры была предложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их монографии 1980 года «Метафоры, которыми мы живём» («Metaphors We Live By»), завоевала широкую известность в академической среде и постоянно привлекает внимание в области российской политической лингвистики. Согласно авторам, метафора служит способом мышления, основанным на использовании одной категории явлений для постижения и переживания другой [16, с. 5]. Метафорическое мышление пронизывает повседневную жизнь человека, и, естественно, политические дискурсы. Как Томпсон отметил, «политика без метафор подобна рыбе без воды», метафора помогает простым гражданам легче интерпретировать мысли политиков [19, с. 185].

1.2. Теория фрейминга

Термин «фрейминг» происходит из антропологических теорий и получил новое развитие в начале XXI века благодаря Дж. Лакоффу, который разработал теорию фрейминга, объединив фреймовую семантику, социологический и коммуникационный анализ, и применил ее в политическую науку. Лакофф определяет фрейминг как ограниченную психологическую структуру с внутренней организацией системы [17, с. 10]. По его мнению, фрейминг существует в форме нейронных карт в нашем мозгу, представляя собой устойчивую когнитивную структуру, отражающую наше понимание окружающего мира [15, с. 15]. Таким образом, люди неизменно используют свои привычные фрейминги для интерпретации дискурса. Например, когда речь заходит о войне, в сознании активируется модуль, связанный с этой темой, который включает в себя различные сценарии и персонажи, такие как враг, оружие, атака, защита, фронт, стратегия, победа и поражение. Когда активированные нейронные связи устанавливают рефлексивные отношения между двумя фреймингами, возникает концептуальная метафора [17, с. 28]. Например, рефлексия между фреймингами войны и развития страны — переход от более конкретного и знакомого фрейминга войны к более абстрактному и непонятному фреймингу национального развития через нейронные связи, порождает концептуальную метафору «национальное развитие как война».

Фрейминг подразделяется на поверхностный и глубинный, где поверхностный фрейминг активируется словами, а моральные ценности, активируемые поверхностными фреймингами, называются глубинным. Как Ван Шаоха отметил, глубинный фрейминг определяет восприятие людьми окружающего мира и охватывает самые глубокие слои моральных и политических принципов. Он формирует моральные системы и мировоззрения людей, представляя собой концептуальную инфраструктуру нашего разума. Важные национальные политики строятся на основе глубинных фреймингов [3, с. 28].

Метафорический фрейминг представляет собой синтез теории фрейминга и концептуальной метафоры. Применение этого метода в анализе политического дискурса позволяет выявить подсознательные установки, которые формируют мышление и поведение руководителей [13, с. 215].

1.3. Методология исследования

Послание президента Федеральному собранию — это ежегодное публичное обращение главы государства к обеим палатам парламента, в котором дается оценка положения дел в стране и определяются основные направления внутренней и внешней политики. На современном этапе развития послание отражает политический курс государства на институализацию самостоятельного развития России, повышение эффективности работы государственного аппарата, модернизацию социально-экономической сферы в контексте глобальных кризисов [6, с. 11]. В связи с этим послание президента Федеральному собранию служит характерным примером политического дискурса России.

Материалом этого исследования является Послание В.В. Путина Федеральному собранию на 2024 г. (далее — Послание), объем которого составляет 12865 слов. Предметом исследования выступают метафорические языковые единицы, использованные В.В. Путиным в Послании. Для проведения статистического анализа была применена программа Antconc (версия 4.2.4), результаты которого представлены в таблице 1. Согласно данным, основной темой Послания является стремление российского правительства к всестороннему развитию страны путем реализации ряда национальных проектов и планов, включая реформы в экономической, социальной и образовательной сферах. Особое внимание уделяется благополучию граждан, в частности, многодетных семей, с целью обеспечения долгосрочного процветания и гармонии в обществе.

Для оценки универсальности поверхностного метафорического фрейминга в этой статье применяется концепция «резонанс сферы-источника», предложенная Чартерис-Блэк [14, с. 741]. Формула расчета резонанса

Список высокочастотных слов в материале Послании В.В. Путина на 2024 г.

Ранг	Частота	Слово	Ранг	Частота	Слово
1	76	Россия	11	28	федеральный
2	54	проект	12	27	ребенок
3	51	страна	13	26	школа
4	50	развитие	14	26	правительство
5	49	человек	15	25	система
6	49	программа	16	24	компания
7	48	регион	17	24	поддержка
8	47	семья	18	22	социальный
9	34	гражданин	19	21	город
10	31	экономика	20	21	жизнь

представлена следующим образом:

$Resonance = \sum Type \times \sum Token$, где $\sum Type$ — сумма метафорических лексических выражений, относящихся к определенному типу метафорического фрейминга, а $\sum Token$ — сумма частоты каждого метафорического лексического выражения.

Цель данного исследования обусловила следующие задачи:

1. Определить доминирующие метафорические фрейминги в Послании.
2. Проанализировать поверхностные фрейминги, активируемые словами.
3. Проанализировать глубинные фрейминги, активируемые поверхностными фреймингами.
4. Обсудить формирование прагматичной идентичности в Послании на основе метафорического фрейминга.

2. Анализ поверхностных и глубинных метафорических фреймингов

В этой статье собранный материал организован в соответствии с резонансным значением, и получены семь метафорических поверхностных фреймингов. Согласно концепции «резонанс сферы-источника» проводятся расчеты их метафорических моделей, метафорических выражений, частот, $\sum Type$, $\sum Token$ и $Resonance$ (см. таблицу 2). С учетом резонансных значений, доминирующими метафорическими фреймингами оказываются фрейминги путешествия, ориентации и войны.

2.1. Фрейминг «путешествие»

Фрейминг путешествия широко используется не только в повседневной жизни, но и в политическом контексте. Существует пословица: «Жизнь прожить – не поле перейти», которая иллюстрирует метафорическую модель «Жизнь человека – это путешествие». В Послании

применение различных аспектов концепта путешествия, таких как путешественник, дорога, пункты отправления и назначения, а также попутчик, скорость и препятствия, помогает интуитивно понять сложность и динамику процесса национального развития. Соответствующие метафорические модели включают «развитие экономики – это путешествие», «развитие обороны – это путешествие», «развитие образования – это путешествие» и т. д. Чаще всего встречаются метафорические лексические выражения: «направление», «темп» и «достижение». К примеру:

1. Предлагаю сделать ещё один шаг в этом направлении – дать выпускникам, что называется, второй шанс.
2. Нам важно увеличить темп в решении социальных, демографических, инфраструктурных и других задач и при этом выйти на качественно новый уровень оснащённости армии и флота.
3. Работа над целым рядом других перспективных систем вооружений продолжается, и о новых достижениях наших учёных и оружейников мы ещё узнаем.

В примере (1) фрейминг путешествия используется для описания процесса развития и совершенствования системы единого государственного экзамена (ЕГЭ). Слово «шаг» рефлексивует прогресс и движение вперед, отражая динамику изменений и улучшений в системе ЕГЭ. Слово «направление» рефлексивует целенаправленность этого процесса, демонстрируя, что развитие образования имеет определенные цели и ориентиры. В примере (2) метафорическое ключевое слово «темп» в словаре определяется как «Степень быстроты в исполнении музыкального произведения, а также в движениях, в исполнении чего-н.» [9, с. 1856]. В данном случае выражение «увеличение темпов» в области путешествия рефлексивует стремление страны к оперативному и эффективному решению социальных, демографических и инфраструктурных задач, а также к повышению уровня

Таблица 2.

Метафорические фрейминги в материале Послания (2024 г.)

Типы фрейминга	Метафорические модели	Метафорические выражения и их частота	ΣType	ΣToken	Resonance
Путешествие	Развитие экономики – путешествие.	путь (3), двигаться (3), шаг (3), идти вперед (1), сталкиваться (3), направление (13), возвращаться (1), ориентир (3), достижение (9), доступ (1), доступный (3), доступность (3), добиваться/добиться (4), переход (1), ближайший (10), направить (19), сторона (4), перейти (2), выйти (1), пройти (3), темп (13)	22	103	2266
	Развитие обороны – путешествие.				
	Развитие образования – путешествие.				
	Прогресс – достижение.				
	Программа развития – направление.				
Ориентация	Развитие страны – вверх.	рост (20), повышение (7), увеличиться(6), прирост (1), наращивать (5), поднять (1), повышать/повысить (4), снижать (2), снижение (2), расти (6), увеличить (9), превышать/превысить (5), вырасти (4), свыше (1), наращивание (1), центральный (1)	18	75	1350
	Деградация страны – вниз.				
	Будущее – вперед.				
	Прошлое – назад.				
Война	Развитие страны – война.	борьба (4), стратегия (3), стратегический (6), стратегически (1), прорыв (3), победа (4), защита (8), защищать (3), отстаивать (1), угроза (2), вызов (6), враждебное действие (1), против (2), оружие (1), охранять (1), поражение (5), охрана (4), тактика (2)	18	57	1026
	Борьба с эпидемией – война.				
	Гражданин – защитник.				
	Политика – война.				
	Международная конкуренция – война.				
Здание	Развитие страны – здание.	создание (6), строительство (1), основа (10), фундаментальный (7), опора (2), базовый (2), построение (1), база (9)	8	38	304
	Развитие общество – здание.				
	Развитие науки и техники – здание.				
Механизм	Развитие экономики – механизм.	механизм (10), эффективность (10), драйвер (1), перевооружение (1), энергия (2), действовать (1), мотор (1)	7	26	182
	Развитие промышленности – механизм.				
	Региональное развитие – механизм.				
Семья	Страна – дом.	Соотечественник (1), партнер (2), партнерский (1)	3	4	12
	Дружественные страны – члены семьи.				
Театр	Политическая деятельность – театр	роль (5)	1	5	5

оснащенности армии и флота. Прибытие в пункт назначения путешествия рефлексировать достижение развития страны, таким образом, слово «достижение» в пример (3) рефлексировать прогресс в разработке и внедрении новых технологий в военной сфере.

Поверхностный фрейминг путешествия активизирует глубинные фрейминги, такие как «инновация», «прогресс» и «взаимопомощь». Путь к целям не всегда бывает гладким, трудности могут возникнуть неожиданно. Чтобы успешно добраться до конца путешествия, путешественники должны оказывать взаимную поддержку, адаптировать свои действия и корректировать маршруты в ответ на возникающие препятствия. Пример (1) указывает на новые инновации в системе ЕГЭ, цель которых – предоставить выпускникам больше возможностей и способствовать развитию талантов. Пример (2) подчеркивает стремление России к созданию эффективной экономики вооружённых сил. Пример (3) акцентирует

внимание на военном прогрессе России, который продолжается в рамках общего «путешествия» к безопасности и стабильности.

2.2. Фрейминг «ориентация»

Ориентационная метафора возникает напрямую из физического опыта человека. Различение пространственной ориентации является самой основной способностью человека и самым примитивным человеческим опытом. Люди, следовательно, используют себя в качестве эталона и применяют концепцию ориентации для понимания абстрактных понятий. Фрейминг ориентации подразумевает применение пространственных концепций, таких как верх и низ, право и лево, далеко и близко, впереди и сзади, центр и край и т. д., с целью построения другой абстрактной концепции. Фрейминг ориентации обладает собственной внутренней систематикой, например, в большинстве случаев, всё, что воспринимается

как плохое, имеет ориентацию «низ», а хорошее – «верх». В Послании метафорические модели включают «Развитие страны – вверх», «Будущее – вперед» и т. д. Наиболее часто встречающимися метафорическими выражениями являются «рост», «увеличить» и «повышение».

1. В горизонте ближайших шести лет мы должны добиться устойчивого роста рождаемости.
2. Так вот уже с 1 марта 2024 года предлагаю вдвое увеличить таким специалистам федеральную выплату за классное руководство и кураторство группами до 10 тысяч рублей.
3. Нужна постоянная работа, направленная на повышение качества жизни семей с детьми, на поддержку рождаемости.
4. В вышеприведенных примерах «рост», «увеличить» и «повышение» отражают понятие направленности «вверх» в ориентационной концепции, указывая на положительную тенденцию в восходящем развитии российского общества. В примере (4) слово «рост» определяется в словаре как «Увеличение в числе, в размерах, развитии» [9, с. 1597]. Данное слово демонстрирует план по увеличению или развитию числа рождений в течение ближайших шести лет, выражая намерение достичь устойчивого роста рождаемости. В примере (5) слово «увеличить» определяется как «Сделать больше (по величине, объёму, количеству)» [9, с. 1924], указывая на повышение материальной поддержки для специалистов, занимающихся классным руководством и кураторством группами, чтобы способствовать улучшению уровня образования и поддержки в образовательной среде. В примере (6) слово «повышение» указывает на улучшение условий для семей с детьми, целью которой является содействие росту числа рождаемости.

С помощью концепции направленности активизируется метафорический поверхностный фрейминг ориентации, который, в свою очередь, активизирует глубинные фрейминги «развитие» и «поддержка». Успешное развитие страны, включая демографические показатели, такие как рождаемость (пример 4), подразумевает стремление к постоянному улучшению и развитию социальных условий. Повышение размера федеральных выплат для специалистов (пример 5) отражает готовность государства стимулировать профессиональную деятельность в области образования. Работа по улучшению качества жизни семей с детьми и поддержка рождаемости (пример 6) подчеркивает важность заботы о гражданах и стремление обеспечить им достойную жизнь.

2.3. Фрейминг «война»

Историческое развитие России сопровождалось войнами. Как отметил А.П. Чудинов, «тысячелетняя история России – это во многом история войн» [11, с. 19]. В

результате сознание войны постепенно изменяет культурный опыт и схемы мышления русского народа. В современном мире интенсивность политических конфликтов можно сопоставить с войной, в связи с этим многие связанных с войной понятия, такие как враг, авангард, фронт, военная стратегия, воюющий процесс и итоги войны, используются для объяснения других концепций. В Послании метафорические модели включают «развитие страны – это война», «борьба с эпидемией – это война», «гражданин – это защитник» и т.д. Высококачественные метафорические слова, к примеру, «стратегия», «защита» и «вызов».

Например:

1. Уже подписан указ об утверждении обновлённой редакции Национальной стратегии развития искусственного интеллекта.
2. Для поддержки гражданских инициатив в сфере защиты окружающей среды считаю необходимым учредить фонд экологических и природоохранных проектов.
3. Демографы утверждают, что этот вызов связан с общемировыми социальными, экономическими, технологическими, культурными и ценностными изменениями.

Метафорическое ключевое слово в примере (7) – это «стратегия», которая определяется как «Наука о ведении войны, искусство ведения войны» [9, с. 1806]. Итоги войны в значительной степени зависят от военной стратегии, так же как выбор разных политических курсов отражается на развитии государства. На основе такой схожести «стратегия» в концепции войны рефлексировывает план России на развитие искусственного интеллекта. В примере (8) охрана окружающей среды представлена как война против загрязнения природы, слово «защита» рефлексировывает стратегическую позицию и намерение бороться за сохранение окружающей среды, подчеркивая важность и серьезность экологической проблемы, а также необходимость активных действий для противостояния этой угрозе. Слово «вызов» в военном контексте используется для обозначения различных проблем, с которыми сталкиваются военные лидеры и солдаты. Таким образом, «вызов» в примере (9) рефлексировывает проблему снижения рождаемости как важную и сложную задачу, требующую решения.

Метафорический поверхностный фрейминг войны активизирует глубинные фрейминги «конфликт» и «преодоление вызовов». Политическая реальность, как и война, изобилует конфликтами и противоречиями. В сложной обстановке мировой политики выбор правильных стратегий является ключом к устойчивому развитию страны. Приведенные примеры указывают на стратегии в области цифровизации, экологической безопасности и поддержки многодетных семей. Разработка и реализация этих страте-

гий необходимы для преодоления современных вызовов и обеспечения устойчивого развития общества в целом.

3. Анализ конструирования прагматичной идентичности

Во фрейминге значительную роль играет прагматичная идентичность, предложенная китайским лингвистом Чэнь Синьжэнем. По его мнению, прагматичная идентичность подразумевает контекстуализированную идентичность адресата и адресанта, которая выбирается намеренно или непреднамеренно участниками коммуникации, а также идентичность других индивидов или групп, упоминаемых говорящим в его высказываниях [12, с. 27]. Одной из прагматических функций метафорического фрейминга является формирование прагматичной идентичности, что напрямую связано с позициями и перспективами говорящего. Завершение формирования идентичности в процессе коммуникации способствует достижению говорящим своих коммуникативных намерений. При этом фрейминг, активируемый говорящим в дискурсе, служит фундаментом для его перспективы [8, с. 132]. Таким образом, теория фрейминга и концептуальной метафоры могут служить когнитивно-психологическим фундаментом для говорящих в коммуникации, в то время как создание прагматических идентичностей способствует успешной реализации их коммуникативных намерений в определенной ситуации общения. В данной работе проводится анализ наиболее частотных фреймингов – путешествия, войны и ориентации.

3.1. Правительство России – проводник развития страны

Во фрейминге путешествия В.В. Путин использует такие слова, как «ориентир», «сталкиваться», «направить» и другие, чтобы создать образ России, движущейся к долгосрочным целям и справляющейся с различными вызовами. Это формирует прагматическую идентичность, где правительство представляет собой проводника, который ведет страну по верному пути, постоянно адаптируя свои методы и стратегии для преодоления возникающих трудностей.

1. Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии.
2. Начну с одной из самых острых проблем – это, мягко говоря, невысокие доходы, с которыми сталкиваются в том числе многодетные семьи.

В примере (10) выражение «ориентир всей государственной стратегии» символизирует главную цель и приоритетные задачи правительства России, направленные на достижение устойчивого роста рождаемости и создание благоприятных условий для семей, особенно многодетных. В примере (11) слово «сталкиваться» рефлексивно

препятствия, стоящих на пути к достижению благополучия и процветания всего общества. И правительство готово к постоянной работе над решением проблемы бедности и содействию национальному развитию. В целом, фрейминг путешествия, используемый В.В. Путиным, позволяет формировать прагматичную идентичность, что правительство России – ответственный и действенный проводник нации, который активно работает над устойчивым развитием страны, преодолевает различные проблемы и адаптируется к меняющимся условиям.

3.2. Граждане России – защитники национальной безопасности

Во фрейминге войны В.В. Путин использует выражения «защищать», «защита», «угроза» и подобные, чтобы создать контекст, в котором российский народ предстает в роли «защитников» страны, сплоченных перед лицом внешних и внутренних угроз. В этом контексте В.В. Путин конструировал для каждого гражданина России прагматичную идентичность как отважного защитника, который активизирует свои силы для защиты Родины и продвижения национальных интересов в условиях кризиса.

1. Мы все, граждане России, будем вместе защищать нашу свободу, право на мирную и достойную жизнь.
2. Именно так – всем миром – мы не только заставили отступить смертельную угрозу глобальной эпидемии совсем недавно, но и показали, что в нашем обществе преобладают такие ценности, как милосердие, взаимная поддержка, солидарность.
3. Все они с оружием в руках встали на защиту Родины.

В примере (12) В.В. Путин использует выражение «вместе защищать», подчеркивая солидарность среди российских граждан в решении стоящих перед страной задач. В примере (13) используется выражение «отступить угрозу», которое указывает на успешное противостояние российских граждан смертельной опасности глобальной эпидемии. В примере (14) В.В. Путин использует выражение «встать на защиту Родины», чтобы подчеркнуть готовность и ответственность российских граждан, независимо от их профессий, встать на защиту своей страны и ее интересов, объединяясь ради общей цели. В целом, фрейминг войны не только подчеркивает единство и солидарность граждан, но и связывает личные идентичности с национальными приоритетами. Таким образом, В.В. Путин вдохновляет людей на активные действия и ответственность за будущее страны, создавая чувство гордости за выполнение долга перед Отечеством.

3.3. Россия – нация, находящаяся на подъеме

Во фрейминге ориентации В.В. Путин использует такие слова, как «поднять», «превышать», «вырасти» и т.д.,

обозначающие положительное развитие, чтобы создать контекст, в котором Россия активно развивается и достигает успехов в различных областях, и прагматичную идентичность, что Россия является нацией на подъеме.

1. И очень многое сделали они для того, чтобы поднять на государственный уровень вопрос долгосрочного ухода, потому что они всё время ставили эти вопросы.
2. Сегодня доля несырьевых отраслей в структуре роста уверенно превышает 90 процентов, то есть экономика становится более сложной, технологичной, а значит, гораздо более устойчивой.
3. При этом вклад туризма в ВВП России также вырастет вдвое – до пяти процентов.

В вышеприведенных примерах подчеркивают достижения и потенциал России в различных сферах. В примере (15) В.В. Путин использует слово «поднять», подчеркивает эффективную работу благотворительных фондов и социальных некоммерческих организаций над улучшением социальных условий и обеспечением поддержки наиболее уязвимым группам населения, к ним относятся дети-инвалиды, пожилые и больные люди. В примере (16) В.В. Путин использует слово «превышать» и демонстрирует, что Россия успешно диверсифицирует свою экономику, сокращая зависимость от сырьевых ресурсов. В примере (17) В.В. Путин использует слово «вырасти», чтобы указать на то, что Россия активно развивает свой туристический сектор, в результате вклад туризма в экономику России будет неуклонно расти. Таким образом, с помощью использованием связанных с ориентацией слов, В.В. Путин сконструировал прагматичную идентичность для России

как нации на подъеме, активно работающей над повышением конкурентоспособности на мировом арене.

4. ВЫВОДЫ

В данной статье с применением теории концептуальной метафоры и теории фрейминга проводится дискурс-анализ на материале Послания Президента РФ Федеральному собранию 2024 г. По статистическим данным, В.В. Путин использовал семь различных сфер-источников: путешественный, военный, ориентационный, архитектурный, механический, семейный и театральные, чтобы создать соответствующие метафорические поверхностные фрейминги. Путем анализа поверхностных метафорических фреймингов, таких как «путешествие», «ориентация» и «война», выявлены глубинные фрейминги, активируемые поверхностными фреймингами, к ним относятся «инновация», «прогресс», «взаимопомощь», «конфликт», «преодоление вызовов», «развитие» и «поддержка». Кроме того, данная статья обсуждает конструирование прагматичной идентичности в рамках метафорического фрейминга. В.В. Путин формирует прагматичную идентичность для российского правительства как «проводника развития страны», для граждан России как «защитников национальной безопасности» и для самой России как «нации на подъеме». Анализ метафорического фрейминга не только открывает новые пути для исследования политического дискурса, но и способствует более глубокому пониманию этого дискурса с позиций когнитивной и критической лингвистики. Это позволяет лучше понять культурные ценности, стоящие за политическим дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л.В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина // Коммуникативные исследования. 2020(4): 777–800.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Ван Шаохуа, Лян Цзинной. Корпусный анализ метафорической модели фрейминга в современном американском политическом дискурсе – на примере выступлений Буша и Обамы. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2017. = 汪少华, 梁婧玉. 基于语料库的当代美国政治语篇的架构隐喻模式分析——以布什与奥巴马的演讲为例. 北京: 北京大学出版社, 2017.
4. Ван Шаохуа, Чжан Вэй. О когнитивном построении системы политического дискурса Китая – на примере двух выступлений Си Цзиньпина в Швейцарии в 2017 году // Вестник Нанкинского педагогического университета (издание по общественным наукам). 2017(5): 146-153. = 汪少华, 张薇. 论中国政治话语体系的认知建构——以习近平2017年瑞士两场演讲为例, 南京师大学报(社会科学版), 2017(05): 146-153.
5. Гезайли Н. Прагматический анализ употребления стилистически окрашенных языковых единиц в политическом дискурсе: на материале выступлений В.В. Путина // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2021(4): 66–77.
6. Зубарев А.А., Слинко А.А. Роль и значение посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на современном этапе развития // Теории и проблемы политических исследований. 2023(1А): 11-18.
7. Лю Байвэй. Дискурс, построенный для других – диалогический характер выступлений В.В. Путина // Русский язык в Китае. 2016(4): 56-60. = 刘柏威. 为他人建构的话语——普京演讲的对话性, 2016(4): 56-60.
8. Ми Чэньцзе, У Хаотянь. Анализ политического дискурса с точки зрения когнитивной прагматики – на примере выступления Владимира Путина на ПМЭФ-2021 // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022(5–2): 131–136.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Академии наук СССР, 1949.
10. Сюй Хун, Лю Сюэцзянь. Построение метадискурса риторических функций убеждения в российском политическом дискурсе – на примере дискурса «Послании Владимира Путина Федеральному собранию РФ на 2019 г.» // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2020(3): 100–108. = 许宏, 刘雪娟. 俄语政治语篇中元话语修辞劝说功能的构建——以普京2019年国情咨文语篇为例, 解放军外国语学院学报, 2020(3): 100-108.

11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.
12. Чэнь Синьжэнь. Прагматичная идентичность: динамический выбор и дискурсивная конструкция // Исследование иностранных языков, 2013(4): 21–32+112. = 陈新仁. 语用身份:动态选择与话语建构, 外语研究, 2013(04): 27-32+112.
13. Чэнь Сыци. Анализ метафорического фрейминга в политическом дискурсе России (на материале текстов выступлений Владимира Путина в Международном дискуссионном клубе «Валдай») // Политическая лингвистика. 2023(3): 214–224.
14. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2004.
15. Lakoff, G. Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. Hartford: Chelsea Green Publishing, 2004.
16. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
17. Lakoff, G. The neural theory of metaphor[C]. CR. Gibbs. (ed.). The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
18. Lakoff, G. Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision. London: Macmillan, 2006.
19. Thompson, S. Metaphor: Implications and Applications. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associations Publishers, 1996.

© Лю Цзямин (13073107682@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КАРТИНЫ

DOMESTIC LITERATURE OF THE XX CENTURY: FORMATION FACTORS, PROBLEMS OF THE CREATION OF THE QUALIFICATION PICTURE

**U. Panesh
F. Beshukova**

Summary: The article considers the problems of studying Russian literature of the 20th century in new historical conditions. Various factors of its development are analyzed: socio-historical background, theoretical sources, the influence of cultural traditions of the world art of speech, as well as multinational literary and aesthetic unity. Various versions of the qualification picture of the literary era, presented in the domestic literary science, are given. Reliance on the principle of scientific historicism and comparative typological method of research contribute to the actualization and rethinking of the posed current problems in new cultural and historical conditions.

Keywords: features of the literary era of the 20th century, cultural, historical, and theoretical sources, influence of literary traditions, comparative typological method, typological relations, evolution of the national identity, genre features.

Панеш Учжук Масхудович

*Профессор, Адыгейский государственный университет,
(г. Майкоп)
panech45@mail.ru*

Бешукова Фатима Батырбиевна

*Профессор, Адыгейский государственный университет,
(г. Майкоп)
fat8474@yandex.ru*

Аннотация: Рассматриваются проблемы исследования отечественной литературы XX века в новых исторических условиях. Анализируются различные факторы ее развития: социально-историческая почва, теоретические корни, влияние культурных традиций мирового искусства слова, а также многонациональное художественно-эстетическое единство. Приводятся различные варианты квалификационной картины литературной эпохи, представленные в отечественной литературоведческой науке. Опора на принцип научного историзма и сравнительно-типологический метод исследования содействуют актуализации и переосмыслению поставленных актуальных проблем в новых культурно-исторических условиях.

Ключевые слова: особенности литературной эпохи XX века, культурно-исторические и теоретические истоки, влияние художественных традиций, сравнительно-типологический метод, типологические связи, эволюция национального самосознания, жанровые особенности.

Завершилась литературная эпоха XX века, в рамках которой сложилось отечественное искусство слова. Завершилась не только в плане календарном, но и, надо полагать, в отношении культурно-исторического, а также художественно-эстетического ее развития. Общеизвестными представляются в наше новое время оценки данного сложного и противоречивого процесса. Они как известно, отличаются друг от друга, и это связано со спецификой и содержанием этапов формирования самой литературоведческой науки. Именно это, прежде всего, определяет трудности исследования отечественной литературы, явления уникального, сыгравшего свою, особую роль в формировании мирового искусства прошедшего века. Показательно между тем, что в определениях творческой эпохи XX века нередко звучит слово прорыв, что, на наш взгляд, относится и к отечественной литературе и характеризует ее художественно-эстетические поиски.

Актуальность поставленной темы, как показывает анализ, определяется разными факторами. Литератур-

ная эпоха не просто сложилась, но и прошел не один десяток лет после ее завершения. Таким образом, наступило время для ее осмысления. Связано это и с тем, что появились условия для более объективной оценки природы, особенностей, ее места в истории мирового литературного процесса. Что касается отечественного искусства слова, безусловно предстоит ее новое и непредвзятое исследование. Имеется в виду переосмысление не только как явления оригинального, ставшего частью мировой культуры столетия, но и, что не менее важно, содействовавшего своим содержанием формированию особенностей искусства слова XX века.

В связи с этим возникает необходимость обратиться, прежде всего, к истокам, к различным факторам развития литературного процесса. При этом важно иметь в виду, прежде всего, общие для всех национальных литератур социально-исторические и теоретические корни. Без них невозможно представить отечественное искусство слова, являющееся не просто частью мировой культуры, но и испытывавшее ее определяющее влия-

ние на протяжении всех этапов развития. Вместе с этим нуждается в пристальном внимании значение национального фактора в формировании общероссийского художественного сознания, определившего эволюцию художественной мысли.

На такой основе требуется далее решение вопросов границ, а также периодов развития отечественной литературы. Важно будет в этом случае выйти и на различные подходы в определении исторических координат мировой литературы, что поможет установить необходимые типологические связи. Попытки представить в таком контексте градацию отечественного искусства слова и обозначить особенности этапов его развития, а также наметить пути структурно-типологической классификации художественного процесса потребуют анализа представленных в доперестроечное время попыток систематизации литературы и новых вариантов, предложенных в последние десятилетия.

Существенные коррективы в планируемые исследования должно внести востребованное сегодня осознание и обновленный анализ, а также объективная оценка такого явления, как многонациональное единство. Оно, как представляется, не только сыграло большую роль в формировании самого большого и значительного советского периода отечественной литературы, но и стало решающим фактором создания искусства слова нового образца. Разрешение такой задачи, важной в типологическом отношении, может помочь не только выявлению межнациональных связей, которые привели к формированию литературных общностей разных уровней, но и определению особенностей отечественной литературы XX века как явления нового и уникального.

Картина заново воссозданной истории литературы будет неполной без обобщения процесса возникновения и развития ново письменных литератур. Речь идет о создании варианта общего для мировой культуры художественно-эстетического явления, которое сложилось в рамках формирования отечественного искусства слова рассматриваемого века. Оно, как показывает анализ, не только обогатило содержание литературной эпохи, но и во многом содействовало выработке ее неповторимых черт.

Что касается главного фактора формирования отечественной литературы XX века, то трудно отрицать влияние общих, мировых социально-исторических и теоретических истоков. Имеется в виду общий кризис и ощущения абсурда, вызванные мировыми катаклизмами, а далее – девальвация основополагающих ценностей и, прежде всего, чувства историзма в его традиционном понимании. Проявилось это, с одной стороны, в возникновении и формировании разных философских течений, названных в свое время «упадочными» [1], что отразилось во взглядах Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, экзистенциализма и т. д. Ревизия

историзма мышления отразилась, с другой стороны, в дополнении его идеей о перспективах революционного преобразования реальности, о чем свидетельствует философия марксизма-ленинизма.

Все это, безусловно, оказало влияние на эволюцию художественного сознания нового времени, что необходимо отразить в исследовании. Имеется в виду широкое распространение различных декадентских и модернистских направлений, ориентированных на новую концепцию личности, из которой вытекает соответствующая интерпретация ключевых концептов «мир и человек», «человек и его природа», «человек и человек».

Направление научного поиска должно быть вместе с тем направлено на попытки обновления реалистического метода. В связи с этим необходимо принять во внимание то, что кризис историзма мышления приводит к пересмотру абсолютизированного в свое время принципа социального детерминизма, положенного в свое время в основу реалистического метода, что повлияло на его содержание и значительно ограничило его возможности. Воздействие теоретической мысли и эстетических направлений нового времени ведет к эволюции реализма, что проявляется в усилении художественной проблемности и усложнении характера. Такая тенденция сопровождается активными художественно-эстетическими поисками, что, в свою очередь, приводит к движению в направлении многообразия поэтических форм. Такая общая в типологическом плане устремленность сказывается на творчестве писателей, представляющих разные национальные литературы – Т. Манна, Ф. Мориака, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя, Дж. Голсуорси и, прежде всего, Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Обновление реализма должно быть увязано, о чем свидетельствует общая история литературы, и с другими теоретическими поисками. Имеется в виду попытки переосмысления историзма мышления за счет его наполнения революционным содержанием. Основополагающая идея истории как объективного, саморазвивающегося и эволюционного процесса дополняется марксистской мыслью о вероятности познания мира и возможностях человека, который может оказать решающее влияние на ход событий. Вера в разум и силы личности, способной обновить мир, должна была кардинальным образом изменить содержание детерминистской концепции, характерной для традиционного реалистического мышления.

Развитие метода, связанное с таким направлением поисков литературной эпохи XX века, отразилось, к примеру, в творчестве Б. Брехта. Об этом свидетельствует революционный взгляд писателя, в котором сострадательному гуманизму литературы прошлого века противопоставляется творческий и созидательный. Это определяет не только линию поведения героя новой эпохи, но и эстетические принципы реализма революционного

образца, названного социалистическим. Такой подход как считает художник, был востребован столетием кардинальных перемен.

Творческие поиски Б. Брехта отразили, как показывает анализ, общую тенденцию мировой литературы в области обновления реалистических традиций, что становится одним из важнейших направлений развития литературной эпохи XX века. И это также необходимо иметь в виду в научных исследованиях. Об этом свидетельствует общая тенденция, которая проявилась в произведениях писателей разных литератур – Р. Роллана, А. Зегерс, Дж. Рида, Р. Фокса, Д. Лукача и др. Проявление отмеченных закономерностей в отечественном искусстве слова говорит не только о его вовлеченности в мировое художественно-эстетическое пространство, но и об отражении в нем типологических особенностей единого культурно-исторического процесса. Следует отметить, в связи с этим влияние эстетики и театральной системы Б. Брехта на отечественную литературу, что еще раз подтверждает мысль о том, что выработка общероссийского художественного сознания и его развитие осуществляется в тесной связи с мировым.

При анализе отечественной литературной эпохи XX века будет в то же время важно в методологическом отношении иметь в виду особые национальные социально-исторические условия, для которых становятся характерными специфические, именно российские формы. Связано это с тем, что кризис, характерный для общей ситуации, протекал здесь в крайне острой форме и привел к распаду «старой духовности» [2: 5]. И не только. Речь шла о социальном взрыве, кровопролитной революции, спровоцировавшей гражданскую войну и насильственную смену власти. Строительство государственной системы, последовавшее дальше, как декларировалось, было ориентировано на традиционные демократические понятия свободы и равенства всех классов и народов. Но сам исторический перелом, коснувшийся всех сторон жизни и, прежде всего, сознания масс, выливается не только изначально, но и на протяжении десятилетий в крайне противоречивые по содержанию перемены.

Связано это с тем, что проводимые социалистические преобразования опирались на во многом упрощенную базу философии марксизма-ленинизма. Это привело к строительству идеологизированного общества, в котором искажалась природа искусства, а также его цель и назначение. Что касается теоретической составляющей революционной мысли, легкой в основу новой социалистической культуры, то ее интерпретация оказалась во многом односторонней. Важно и это учесть при анализе и оценках.

Необходимо признать в то же время и то, что основательная идея об изменяемости мира и возможностях каждого человека и сопутствующая ей концепция активного, творческого гуманизма придали новый импульс

традиционному реализму. Эта общая в типологическом плане тенденция отразилась в варианте социалистического реализма, воссозданного в советской литературе. И не только отразилась, она становится одним из факторов, определивших формирование на протяжении десятилетий оригинальной по содержанию и форме художественной литературы. Тому свидетельство творчество множества художников слова М. Шолохова, Л. Леонова, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, В. Быкова, Д. Кугультинова, Т. Керашева, обогативших мировую классическую традицию.

На декларированные принципы оказывает влияние в то же время положение о необходимости применения революционного насилия при решении вопросов, касающихся строительства новой культуры. И это, надо полагать, было также вызвано особыми российскими культурно-историческими условиями. Речь идет об упрощении принципов социалистического искусства, призванного по идее обогатить метод, сохранив его основополагающие особенности. Все это способствовало созданию новой социокультурной ситуации, для которой становятся характерными отрицание эстетического плюрализма, идеологическое давление и жесткая цензура, что во многом определило характер формирования советской литературы на шесть десятилетий, начиная с 20-х до конца 80-х гг. Таким образом, общенациональная российская идентичность, определившая содержание формирующегося художественного сознания, во многом опиралась на идеологизированную мифологию.

Но было бы не верным абсолютизировать значение такого фактора. Ориентиры революционного искусства, создаваемого в сложном социально-историческом пространстве, носили по содержанию неоднозначный характер. Они были связаны и с опытом мирового искусства слова, а также с традициями русской культуры прежних веков. Об этом свидетельствует то, что даже официально признанная литература пыталась опереться на самые разные истоки. Для нее становится характерным, к примеру, строительство нового культурно-исторического сознания на основе «интеллектуального и эстетического потенциала многих наций и народностей» [3: 14–15]. Такая тенденция носила, как показывает анализ, не формальный характер, она реализовывалась конкретно и достаточно результативно на протяжении развития всего художественно-эстетического процесса. Российское художественное сознание на своем трудном пути развития стремится, как видно, освободиться от номенклатурных предписаний и встать на магистраль свободного развития.

Решить заново эти вопросы и воссоздать «комплексную историю» литературы, как того требует наступившее время, помогут принципы научного историзма [4: 285], а также обращение к сравнительно-типологическому ме-

туду исследования. Следует обратить на это внимание по нескольким причинам. В советский период развития литературоведческой науки был накоплен большой материал системного изучения многонациональной истории отечественного искусства слова, который, безусловно, должен быть востребован, рассмотрен в критическом плане и использован. В то же время необходимо учитывать, что в условиях сложившейся государственной командно-административной системы складывающаяся литература подгонялась под номенклатурные схемы, что отразилось на оценках как отдельных творческих явлений, так и в целом художественного процесса. Поэтому пересмотр литературной эпохи и новый ее анализ займет немало времени.

К сказанному важно добавить, что в 90-е гг. в условиях революционной перестройки, потери мировоззренческих ориентиров, а также ставшего реальностью идеологического раскрепощения становится фактом игнорирование базовых понятий, касающихся сущности и природы искусства, а также методов его исследования. Речь идет не просто о критике, сложившейся в 20 – 80-е годы, литературы и эстетики социалистического реализма, а об отрицании системного анализа и абсолютизации «фрагментарности», т. е. формального подхода к творческим явлениям [3: 75]. В связи с этим необходимо заметить, что без обращения к социально-историческим истокам и национальному фактору, т. е. без опоры на принципы научного историзма, невозможен анализ отдельного произведения, тем более невозможно его включение в систему общего художественно-эстетического пространства. Отмеченное выше говорит о том, что на протяжении всего пути развития отечественной литературы XX века ее оценки претерпели значительные изменения. Это также должно отразиться на характере предпринимаемых сегодня исследований.

Для обновленного и объективного воспроизведения картины отечественного искусства слова XX века будет иметь определяющее значение, как говорилось выше, анализ важных в методологическом плане вопросов, связанных с установлением исторических координат литературной эпохи. И далее – выявление черт этапов, что поможет провести структурно-типологическую квалификацию жанров и стилей. Все это должно привести к определению особенностей художественно-эстетического процесса с его общероссийским национальным своеобразием, отражающим в то же время мировые тенденции. Продвижение исследования в таком направлении уже имеет место, но, по нашему мнению, решение этих вопросов оставляет впечатление неопределенности, а местами и неточности. То, что обсуждение носит дискуссионный характер объяснимо и правомерно в научном плане. И все же напрашиваются консолидированные выводы, что должно привести к научно обоснованной результативности.

Следует, прежде всего, обратиться к попыткам систематизации литературной эпохи, которые начинаются в 60 – 70-е гг., т. е. в советской научной школе, например, в работах Ю. Суровцева, И. Неупокоевой, Л. Якименко, Г. Ломидзе, А. Бучиса, Р. Бикмухаметова, М. Пархоменко, Н. Басселя, Ч. Гусейнова и др. Они ориентируются на сложившуюся традиционную схему, в которой отдельно выделяется литературная эпоха конца XIX-го – начала XX века. Такой подход, как оказывается, не лишен политизированных оценок. Об этом говорит то, что начало макроцикла, к примеру, неуклонно связывают со знаковым историческим событием – революцией в России, которая, как декларируется, ознаменовала открытие нового творческого столетия.

В этих трудах, что необходимо учесть, накоплен, безусловно, большой опыт анализа в определении границ этапов, особенностей развития периодов, а также в области формирования различных жанровых модификаций, к примеру, в вариантах, предложенных в свое время Ю. Суровцевым [5: стлб. 996–1025], Н. Басселем [6: 37–47] и др. Ориентиром определения исторических рубежей литературной эпохи служат, что также показательно, социально-исторические истоки и связанные с ними теоретические факторы. Следует отметить, однако, что характеристики и оценки исторической почвы в это время могли испытывать влияние идеологического подхода и номенклатурных предписаний государственной политики, что влияло на объективность исследований.

Важно иметь в виду и то, что предложенные варианты систематизации отечественного искусства слова сложились до завершения литературной эпохи. Это также отразилось на уровне научной обстоятельности выводов и предложенных заключений. Что касается проблем градации, то она проводилась все-таки не формально, исходя из календарного принципа, а с учетом культурно-исторических факторов. Об этом, к примеру, свидетельствует то, что в литературном процессе отдельно выделялась эпоха конца XIX-го – начала XX века, а XX век датировался отдельно, начиная с 20-х гг.

Показательны вместе с этим поиски, связанные с формированием квалификационных картин, предпринятые в постперестроечное время, т. е. уже после завершения прошлого столетия. Они, как показывает анализ, отличаются разнообразием и носят дискуссионный характер. В некоторых работах рубежи сложившейся литературной эпохи рассматриваются, исходя из хронологического принципа. Об этом свидетельствуют работы Ю. Борева [7: 408–414], Л.Г. Михайловой [8], Я.Н. Засурского [8], В.М. Толмачева [9]. Такой подход прост и как бы закономерен. Но вместе с тем возникают сомнения по поводу продуктивности такого решения. Они определяются вопросом: всегда ли литературная эпоха вмещается в обозначенные временем хронологические границы? Касается это художествен-

ных направлений, развития стилей, движения жанров.

Закономерно, что такие размышления приводят к другому варианту реализации проблем определения рубежей и периодизации отечественной литературы. Показательно в плане отмеченного, что в работах Л. Лейдермана русское искусство слова датируется с 90-х годов предыдущего века, а в XX веке обозначаются четыре периода развития [10]. Задача совместить эстетический и социокультурный подходы приводит и авторов «Истории литературы XX века (20 – 50-е годы)» к возвращению к классической схеме, когда отдельно выделяется Серебряный век, а далее обозначаются этапы формирования творческого столетия, частью которого объявляется конец XIX-го – начало XX века [11].

Как видно, определение границ отечественной литературы в их соотносительности с рубежами мирового искусства слова остается открытой. В связи с этим следует, на наш взгляд, уделить более пристальное внимание научно-обоснованным принципам градации, за которой должно последовать обозначение периодов и выявление их особенностей. Только такой подход поможет формированию развернутой и полной квалификационной картины литературной эпохи XX века. При любом варианте, на наш взгляд, следует выделить внутри общих границ художественно-эстетического процесса формирование советского этапа - важнейшего, как по протяженности его развития, так и по значимости созданных на этом непростом пути творческих явлений. Потребуется, безусловно, и ее деление на периоды в соответствии с методологически выверенным подходом.

В связи с этим возникает в новых культурно-исторических условиях нужда в объективном анализе и в непредвзятой оценке такого фактора формирования отечественной литературы, как многонациональное единство. Эта необходимость определяется тем, что с недавних пор в условиях распада российского многонационального сообщества становятся реальностью попытки ревизии самого культурно-исторического единства, ставшего на самом деле основой развития уникального по своей природе искусства слова. В этом отношении показательно, что эволюция гражданского самосознания связывается некоторыми историками литературы только с национальной идентичностью, что может негативно отразиться на оценках не только творческого процесса, но и в целом искусства.

Такая точка зрения, надо полагать, не учитывает культурно-исторических условий, которые складываются на начальном этапе формирования искусства слова нового образца. Обще советское самосознание в это время, безусловно, испытывало влияние идеологизированной мифологии. Это отражается в искажении положений но-

вого метода – социалистического реализма, что отчасти привело к пресечению эстетического плюрализма. Но новое сообщество в то же время направило усилия для объединения и сближения народов, что содействовало взаимодействию национальных культур. Это, как показывает анализ, способствовало формированию новой уникальной общности. Таким образом, многонациональное единство как фактор имело социально-исторические корни. Оно определялось коренными преобразованиями и теоретической мыслью, востребованной временем. Новая культурная общность опиралась так же на духовные традиции и опыт прошедших столетий. Об этом, к примеру, свидетельствуют исторические связи народов, заложенные в российской реальности дореволюционных времен. С начала же XX века многонациональное единство как фактор приобретает новое качество, и это предоставляет ему возможности для еще большего влияния.

Определяется это еще и тем, что новая модель общенационального самосознания, которая формируется в революционных исторических условиях, ориентируется и на такие общечеловеческие ценности, как дружба, равенство, свобода, единство и справедливость. Создаваемое общее искусство опирается также на культурные традиции множества народов и народностей, приобщившихся к революционным переменам, что определило новое содержание творческих явлений. Словом, речь идет о новом типе художественного сознания, которое вбирает в себя «интеллектуальный и эстетический потенциал многих наций...» и за счет этого заметно обогащается [12: 14–15].

В таком контексте следует вести речь и о формировании варианта ново письменной литературы, которая стала неотъемлемой частью отечественной литературы новейшего времени. Без нового анализа и непредвзятой оценки ее места и роли общая картина художественно-эстетического процесса будет неполной. В связи с этим напрашивается исследование ряда актуальных проблем. Прежде всего, речь должна идти о ново письменной литературе как явлении мирового искусства слова, т. е. как о явлении общенациональном в типологическом плане, стало быть, необходим разговор о ее сути и природе. В связи с этим следует подчеркнуть, что в мировой культуре имели место разные ее варианты: американский, африканский, азиатский, и это должно стать основанием для предварительных размышлений. Важно далее определить закономерности ново письменной литературы, сформировавшейся в общероссийском литературном пространстве. Имеются в виде ее истоки, факторы развития, а также национальные разновидности. Отдельного внимания заслуживают вопросы, которые касаются того, как проявляются особенности литературной эпохи XX века в ново письменных литературах и каков их вклад в общую межнациональную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная буржуазная литературная теория. М., 1972. 128 с.; Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М.: Худож. лит., 1972. 397 с.; Можнягун С.О модернизме. М., 1974. 240 с.; Западное искусство. XX век. М., 1978. 368 с.; Новые художественные тенденции в развитии реализма на западе, 70-е годы. М., 1982. 320 с.; Современная литература за рубежом. М., 1983. 664 с.
2. Зверев А. XX век как литературная эпоха // Вопросы литературы. 1992. Вып. 2. С. 3–56.
3. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М., 2008. 196 с.
4. Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история: о западноевропейской литературе XVI – первой половины XIX. М., 1990. 317 с.
5. Суровцев Ю.В. Советская литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». М., 1971. Стлб. 996–1025.
6. Бассель Н. Типологические связи эстонской литературы с литературами других народов. Таллин, 1980. 392 с.
7. Боров Ю. Социалистический реализм: социально-активная личность включена в творение истории насильственными средствами // Теория литературы. Т. IV: Литературный процесс / гл. ред. Ю. Боров. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 602 с.
8. История зарубежной литературы / под ред. Л.Г. Михайловой, Я.Н. Засурского. М., 2003. 544 с.
9. Зарубежная литература XX века / под ред. В. М. Толмачева. М., 2003. 632 с.
10. Лейдерман Н.Л. О периодизации русской литературы XX века // Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. С. 4–14.
11. История русской литературы XX века (20-50-е годы). Литературный процесс. М.: Изд-во Московского университета, 2006. 776 с.
12. Гамзатов Г.Г. Двадцатый век как эпоха национальных литератур // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: теория, история, проблемы современного развития. М., 2005. С. 10–20.

© Панеш Учжужук Масхудович (panech45@mail.ru), Бешукова Фатима Батырбиевна (fat8474@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОДНОРОДНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Пирманова Назира Исмековна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ
«Оренбургский государственный педагогический
университет»

METHODOLOGICAL FEATURES OF STUDYING HOMOGENEOUS DEFINITIONS IN SECONDARY SCHOOL

N. Pirmanova

Summary: The article discusses the methodological features of the study of homogeneous and heterogeneous definitions in secondary school, which relates to complex issues of the school curriculum. The work system is based on the principles of a text-centric approach and is complex (multidimensional) in nature: it includes linguostylistic analysis of the text of a work of art, lexical analysis, dictionary work, selection of synonyms, work with dictionary definitions in an explanatory dictionary, the use of creative tasks and modern interactive technologies.

Keywords: homogeneous definitions, heterogeneous definitions, text, text-centric approach, work system, creative work, interactive technologies.

Аннотация: В статье рассматриваются методические особенности изучения однородных и неоднородных определений в средней школе, что относится к сложным вопросам школьной программы. Система работы основывается на принципах текстоцентрического подхода и имеет комплексный (многоаспектный) характер: включает лингвостилистический анализ текста художественного произведения, лексический анализ, словарную работу, подбор синонимов, работу со словарными дефинициями толкового словаря, использование творческих заданий и современных интерактивных технологий.

Ключевые слова: однородные определения, неоднородные определения, текст, текстоцентрический подход, система работы, творческая работа, интерактивные технологии.

Квалификация однородности-неоднородности определений вызывает у обучающихся много затруднений, что не может не отразиться на пунктуационной практике. Школьникам порой трудно установить однородность или неоднородность определений, связанных отношениями синонимичности, причины-следствия, обоснования-вывода, пояснения-уточнения и пр. Степень однородности определений, описывающих объект в разных аспектах, определяется значимостью передаваемых характеристик, к примеру, перечислительная интонация играет важную роль в таких случаях, однако она не выступает в качестве определяющего фактора.

В средней школе происходит изучение и закрепление понятия об однородных членах предложений, групп однородных членов предложений, их значения, понимание смысловых, интонационных, грамматических и пунктуационных признаков, прорабатываются навыки постановки знаков препинания при однородных определениях, рассматривается роль однородных определений в речи, а также нормы построения предложений с однородными определениями.

Приёмы и способы изучения однородных и неоднородных определений в школе находятся в поле зрения современных исследователей (Т.В. Сенюшкина [5]; Н.Н. Рябченко [4]; И.В. Текучева, Л.Ю. Громова [6]).

Основной целью учителя на уроке является форми-

рование пунктуационной зоркости учащихся и навыков коммуникации, умения находить смысловые отрезки, которые являются коммуникативными элементами, умения ставить знаки препинания, согласно правилам русского языка, умения находить пунктуационные ошибки. Наиболее продуктивна в этом направлении работа на основе связного текста.

Текстоцентрический подход в обучении русскому языку является методологической основой образовательного процесса, в котором текст становится эмоционально воздействующим объектом изучения. Обучение, организованное посредством текста, направлено на формирование всех видов компетенций.

В исследованиях А.Д. Дейкиной [1], Т.М. Пахновой [3] и др. текст рассматривается как важнейшая единица обучения русскому языку, как основа создания не только обучающей, но и речевой среды.

Текст как дидактическое средство является источником информации, инструментом освоения лингвистического, терминологического аппарата, приемом овладения нормами русского литературного языка, способом приобщения к национальной культуре, инструментом контроля и диагностики уровня сформированных знаний и умений [7, с. 15].

Под текстом мы понимаем не только письменное

сообщение, но и устную речь. Н.А. Ипполитова, говоря о тексте как единице языка и речи, подчёркивала, что «текст – коммуникативная единица, обладающая такими признаками, как связность, цельность, тематическое единство, членимость, композиционная оформленность» [2, с. 32].

Изучение однородных определений в 8 классе на основе принципов текстоцентрического подхода позволяет более эффективно применять современные педагогические технологии, связанные с методиками проблемного обучения, интегрированного и разноуровневого обучения, новейших информационных технологий.

Особое внимание на уроках мы уделяем такому виду работы, как комплексная работа над текстом, которая осуществляется в определённой последовательности и системности, включает лексический анализ, лингвостилистический анализ текста, словарную работу, редактирование текста, анализ исследуемых членов предложения, в данном случае - однородных определений. К примеру, в предложенном фрагменте текста из произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» учащимся необходимо найти определения, указать способ их выражения, определить однородные или неоднородные, объяснить, почему определения однородны или неоднородны.

И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, - сказал Пугачев, - затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!». Сосед мой затынул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором.

Подбираем синоним к устаревшему слову *сем-то*, определяем его частеречную принадлежность; определяем значение слова *бурлацкую*, подбираем однокоренное существительное (*бурлак*), вспоминаем группы устаревших слов (историзмы, архаизмы). Определяем стилистическую окрашенность и значение устойчивого выражения (*на сон грядущий*); выделим семантикостилистические особенности употребления отдельных выражений: *движение дерзкое* (читаем словарную дефиницию из толкового словаря, отметим особенности употребления прилагательного *дерзкий* в данном предложении и в современной речи); *бедственный успех* (выясняем, какой смысл имеет сочетание этих слов в данном тексте, составим словосочетания с прилагательным *бедственный* с другой смысловой нагрузкой). Таким образом, подобная разноаспектная работа в процессе анализа связного текста позволяет решить несколько учебных задач; анализируя текст художественного произведения учащиеся наблюдают и стилистические возможности языковых единиц, и особенности употребления изучаемых членов предложения.

Выборочный диктант, объяснительный диктант проводятся на материале этого же произведения и сопровождаются комментарием учащихся и выводами учителя (*Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю; Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый; И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра*).

Основная методическая задача учителя - выработать знание критериев разграничения однородных и неоднородных определений, сформировать навык их разграничения, что связано с пунктуационным оформлением изучаемых членов предложения в тексте.

Признаки однородности-неоднородности определений выявляются при анализе художественного текста, включающего эпитеты, что является иллюстрацией употребления имён прилагательных и причастий в переносном значении и указывает на их стилистическую роль в поэтическом тексте. Например, учащимся дано задание выписать словосочетания с однородными и неоднородными определениями из фрагментов поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»:

- a) *А мой отец? он как живой / В своей одежде боевой / Являлся мне, и помнил я / Кольчуги звон, и блеск ружья, / И гордый непреклонный взор, / И молодых моих сестер;*
- b) *Мой труп холодный и немой / Не будет тлеть в земле родной.*

Проводим словарную работу, лексический анализ слов (*кольчуга, тлеть*); анализируя второй фрагмент, обращаем внимание на образность и метафорический характер предложения и делаем вывод об использовании определений в поэтической речи.

Домашняя работа. Задание: выписать из произведения А.С. Пушкина «Дубровский» 5 предложений с однородными и 5 предложений с неоднородными определениями. Выборочная работа направлена на самостоятельное выполнение задания и должна показать степень понимания теоретического материала. Кроме того, внимательная и вдумчивая работа школьников над текстом повести способствует реализации межпредметных связей, активизации читательского интереса, более глубокому пониманию смысла произведения. В таком аспекте целесообразно и проведение творческих работ, направленных на конструирование предложений, конструирование текста и т. п.

Вызывает интерес обучающихся мини-сочинение - описание по картине, созданной при помощи нейросети (демонстрируем три варианта с изображением леса, пейзажа, моря). Учащимся дано задание использовать в

тексте однородные и неоднородные определения. После проверки творческих работ проводим беседу культурно-эстетической направленности, с включением небольших индивидуальных мини-сообщений учащихся, что позволяет расширить представления школьников о творчестве известных художников-пейзажистов или маринистов.

При изучении однородных определений в 8 классе продуктивно использование творческих работ, различных современных интерактивных технологий (составление синквейна, кластера к анализируемому тексту, ментальной карты и т. д.), игровых форм («Соберите пазл» и др.).

Таким образом, изучение однородных определений, построенное с учетом принципов текстоцентрического подхода, позволяет осуществлять межпредметную связь, чрезвычайно важно для духовно-нравственного воспитания учащихся, для развития их творческих способностей. Именно текст в современной методике составляет основу дидактического материала, с помощью которого формируются основные коммуникативные умения школьников. Использование текстоцентрического подхода при изучении однородных определений способствует развитию связной речи обучающихся, формированию целостного представления о языковой системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейкина А.Д. Текст как единица языка, речи и культуры в стратегии инновационного содержания школьного курса русского языка. Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2021. Серия № 1: Психологические и педагогические науки. № 2, с. 5–11.
2. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н.А. Ипполитова. М.: Владос, 2007. 169 с.
3. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды / Т.М. Пахнова // Русский язык в школе. 2000, №4. С. 20–28.
4. Рябченко Н.Н. Современные педагогические технологии, реализующие текстоцентрический подход // Инновационные процессы в науке и образовании: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 102–106.
5. Сеньюшкина Т.В. Однородные и неоднородные определения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201000308 (дата обращения: 2 апреля 2024).
6. Текучева И.В., Громова Л.Ю. О некоторых тенденциях развития методики преподавания русского языка // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №2 (83). С. 188–192.
7. Черепанова Л.В. Формирование лингвистической компетенции при обучении русскому языку / Л.В. Черепанова. Новосибирск: Наука, 2006. 324 с.

© Пирманова Назира Исмековна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICAL HOMONYMS
IN THE EVEN LANGUAGE

S. Savvinova

Summary: The Evens are one of the small-numbered peoples living dispersed in the Republic of (Sakha) Yakutia and other regions of the Russian Federation. The Even language belongs to the Tungus-Manchurian branch of the Altai language family.

The relevance of the study is determined by the fact that the problems of homonymy have not been the subject of linguistic research in Evenology and, consequently, the lack of works on the homonymy of the Even language. The aim of the work is to study and describe complete homonyms in the Even language. The object of the study is lexical units of the Even language. The subject of the study is homonymy of lexical units of the Even language. The materials for the study were the «Even-Russian dictionary» by V.A. Robbeck, M.E. Robbeck. Robbek [1]. The complex of methods and techniques of analyzing the actual material in the study allowed us to identify the total number of homonymic units at different levels of the linguistic system of the Even language.

Keywords: Evenes, even language, lexicon, homonyms, full homonym.

Саввинова Степанида Николаевна

Кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, (г. Якутск.)

stepanidasavvinova@mail.ru

Аннотация: Эвены – один из малочисленных народов, дисперсно проживающих в Республике (Саха) Якутия и других областях Российской Федерации. Язык эвенов относится к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Актуальность исследования определяется тем, что проблемы омонимии не были предметом лингвистического исследования в эвеноведении и, следовательно, отсутствием работ по омонимии эвенского языка. Целью работы является исследование и описание полных омонимов в эвенском языке. Объектом исследования являются лексические единицы эвенского языка. Предмет исследования – омонимия лексических единиц эвенского языка. Материалами для исследования послужил «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек [1]. Комплекс методов и приемов анализа фактического материала при исследовании позволил выявить общее количество омонимичных единиц на различных уровнях языковой системы эвенского языка.

Ключевые слова: эвены, эвенский язык, лексика, омонимы, полные омонимы.

Изучение вопросов омонимии и полисемии, проблемы разграничения омонимов и многозначных слов являются одной из актуальных задач современного языкознания. Актуальность данного исследования заключается в том, что в эвенском языкознании остаются малоизученными многие проблемы лексикологии, в частности вопросы полисемии и омонимии. Статья посвящена описанию полных лексических омонимов в эвенском языке. Надо отметить, что в тунгусо-маньчжуроведении отсутствуют работы по омонимии, также в эвенском языкознании вопрос разграничения многозначных слов и омонимов не был предметом лингвистического исследования. Исходя из этого, вытекает необходимость исследования омонимов с точки зрения функционального аспекта.

В отечественной лингвистической литературе изложены основные определения омонимов и омонимии [2], [3], [4], [5], [6] и др. Так В.В. Виноградов указывает, что омонимами «могут быть названы лишь такие лексические единицы, которые совпадают по своему внешнему звуковому облику во всех своих формах» [2]. О.С. Ахманова в своем словаре омонимов трактует так: «омонимы — это два (или более) слова, состоящие из тождественных фонемных рядов и различающиеся только семантически или грамматически, или и семантически, и грамматически одновременно» [4]. М.И. Фомина считает, что лексическими омонимами могут считаться два или более разных

по значению слова, совпавших в написании, произношении, грамматическом оформлении [5, с.57]. Например: *авун* I шапка – *авун* II забава; *арбун* I склон горы – *арбун* II отлив; *боктай* I задерживать кого-л. – *боктай* II присваивать чужое; *дяпкалкан* I щелистый – *дяпкалкан* II искренний; *өтэрэпэч* I по-прежнему - *өтэрэпэч* II издавна и т.д. На основании этих трактовок мы определяем понятие омонимов и омографов. Омонимами считаются слова, которые пишутся и произносятся одинаково, относятся к одной части речи, но отличаются своими значениями. В словаре «Эвенско-русский словарь» [1] насчитывается 412 омонимичных пар. Автор данного словаря в статье «О построении словаря» дает определение омонимов: «омонимы – одинаковые по звучанию и написанию, но разные по написанию слова» и дает примеры их отражения в словаре «...даны в словаре отдельными статьями, обозначенными римскими цифрами. Например: ИРГЭ I хвост; ИРГЭ II 1) головной мозг; 2) ум, рассудок [1, с. 24]. В эвенском языке большая часть омонимов состоит из двух слов, редко встречаются омонимичные пары, состоящие из трех и более слов. Например:

Дяпкадай I 1) соединять, составлять, скреплять; 2) чинить, штопать;

Дяпкадай II решать, постановлять, условливаться, замышлять, задумывать;

Дяпкадай III сложить штабелем

Нун I (мн. Нунэл) 1) ствол оленьих рогов (основной);

2) русло реки (главное); судоходный путь, фарватер; 3) река (образовавшаяся из нескольких проток); река, впадающая в море:

- Нун II основное русло реки;
- Нун III (мн. нунэл) неумелый;
- Нун IV он вынимает.

Как известно, лексические омонимы делятся на два вида: полные и неполные. В.В. Виноградов в своем труде дает следующее определение полных омонимов: «Среди полных лексических омонимов необходимо различать две категории слов:

1. омонимы, относящиеся к разряду так называемых неизменяемых слов, лишенных сложного аппарата формообразования и словоизменения;
2. омонимы, принадлежащие к таким частям речи, в пределах которых слово обладает разветвленной системой грамматических форм и словообразовательных отрошков» [3]. Если полные лексические омонимы совпадают не только в написании и произношении, но и в основных грамматических формах, то, следовательно, они должны относиться к одной части речи. В. В. Виноградов указывает: «В кругу тех категорий знаменательных слов, которые имеют сложные системы форм словоизменения и словообразования, в русском языке по своей численности и своему семантическому весу особенно выделяются два разряда омонимов: а) омонимы-существительные и б) омонимы-глаголы. Именно внутри этих двух частей речи особенно широко развита омонимия. Этого, впрочем, естественно и ожидать, так как большая часть русской лексики замкнута в пределах классов имени существительного и глагола» [3]. Н. М. Шанский подчеркивает, что полными омонимами считаются слова, которые относятся к одному грамматическому классу и совпадают между собой во всех грамматических формах [8, с.18]. Исходя из вышеизложенного нам представляется уместным рассмотрение омонимы эвенского языка по грамматическим классам.

Рассмотрим полные лексические омонимы эвенского языка, относящиеся к глаголам и именам существительным.

В эвенском языке насчитывается 148 полных омонимов имен существительных. У полных лексических омонимов имен существительных совпадают формы числа и в ед.ч., так и во мн.ч., например:

ед.ч. хэликэ I кружка – ед.ч. хэликэ II волшебная стрела;
мн.ч. хэликэл I кружки – мн.ч. хэликэл II волшебные стрелы.

Совпадают также при склонении по падежам и в ед.ч., так и во мн.ч. Например:

вин.п. хэликэв кружка, стрела; хэликэлбу кружки,

волшебные стрелы;

Дат.п. хэликэду кружке, волшебной стреле; мн.ч. хэликэлду кружкам, волшебным стрелам;

Напр.п. хэликэтки кружки, волшебной стрелы; мн.ч. хэликэлтэки кружек, волшебных стрел;

Местн.п. хэликэлэ в кружке, на волшебной стреле; мн.ч. хэликэлдулэ в кружках, в волшебных стрелах;

Продольный п. хэликэли по кружке, по волшебной стреле; мн.ч. хэликэлдули по кружкам, по волшебным стрелам;

Направит. -прод.п. хэликэкли до кружки, до волшебной стрелы; мн.ч. хэликэлэкли до кружек, до волшебных стрел;

Отложительн.п. хэликэдук от кружки, от волшебной стрел; мн.ч. Хэликэлдук от кружек, от волшебных стрел;

Исходный п. хэликэгич со стороны кружки, волшебной стрелы; мн.ч. хэликэгич со стороны кружек, со стороны волшебных стрел;

Твор.п. хэликэч кружкой, волшебной стрелой; мн.ч. Хэликэди кружками, волшебными стрелами;

Совместн.п. хэликэнюн с кружкой, с волшебной стрелой; мн.ч. хэликэлнюн с кружками, с волшебными стрелами.

Полные лексические омонимы в эвенском языке совпадают и по форме принадлежности. Эта категория показывает на принадлежность предмета тому или иному лицу. Как указывает В.А. Роббек [7, с.491], формы принадлежности «выражены морфологически», то есть при помощи суффиксов. Лично-притяжательные формы указывают на принадлежность предмета 1,2 и 3-му лицу. Например:

Ед.ч. хэликэ I кружка - хэликэв моя кружка – хэликэ II волшебная стрела - хэликэв моя волшебная стрела;

Мн.ч. хэликэл I кружки – хэликэвун мои кружки – хэликэл II волшебные стрелы - хэликэвун мои волшебные стрелы.

При относительно-притяжательной форме, которая показывает принадлежность чего-либо кому-либо и оформляется суффиксом –н-. Например:

Ед.ч. хэликэ I кружка - хэликэ-н-у – моя кружка – хэликэ II волшебная стрела - хэликэ-н-у моя волшебная стрела.

Мн.ч. хэликэл I кружки - хэликэ-н-ун мои кружки – хэликэл II волшебные кружки - хэликэл-н-ун мои волшебные стрелы.

Полные лексические именные омонимы могут совпадать по форме увеличительности и уменьшительности, которые «оформляются при помощи суффиксов, которые присоединяются как к непроизводным, так и производным именам» [8, с. 77]. Например, с суффиксом –чан/-чэн образуется уменьшительно-ласкательная, с оттенком снисходительности форма имени:

хэликэчэн кружечка – хэликэчэн стрелка;

С суффиксом -ндя/-нде образуется увеличительно-одобрительная форма имени. Например: хэликэ-ндя I большая кружка – хэликэ-ндя огромная стрела.

Таким образом, именные полные омонимы в эвенском языке совпадают по числу (ед.ч. и мн.ч.), в падеже, по форме принадлежности и уменьшительности и увеличительности.

В эвенском языке полных глагольных омонимов меньше, чем именных. Глагольных омонимичных лексем насчитывается около 96. Полные глагольные омонимы совпадают:

По виду: например, тяру/дай I поручить, заказать, попросить привезти через кого-л. (вид продолж.действия тяру-т-тэй заказывать, поручить, договориться) – тяру/дай II послать сообщение (вид продолженного действия тяру-т-тэй посылать сообщение);

По числу и времени: тяруттэм ед.ч., наст.вр. я поручаю, заказываю – тяруттэм ед.ч., наст.вр. я посылаю;

Прош.время ед.ч. тяруттив I я поручил, заказал - тяруттив II послал сообщение.

По наклонению: условное наклонение тяру-ра-ку I если договорюсь, поручу, закажу – тяру-ра-ку II если пошлю сообщение.

Таким образом, в эвенском языке насчитывается 238 полных омонимов, из них состоят из имен существительных 148 омонимичных пар. В эвенском языке большая часть омонимов состоит из двух слов, редко встречаются омонимичные пары, состоящие из трех и более слов. Полные лексические омонимы, состоящие из имен существительных в эвенском языке, совпадают формы ед. ч. и мн. ч. Совпадают также при склонении по падежам и в ед. ч., так и во мн. ч. Полные лексические омонимы в эвенском языке совпадают и по форме принадлежности. Полные лексические именные омонимы могут совпадать по форме увеличительности и уменьшительности, которые оформляются при помощи суффиксов –чан/-чэн, -ндя/-нде, которые присоединяются как к непроизводным, так и производным именам. Анализ глагольных омонимов показал, что их гораздо меньше, чем именных. Полные глагольные омонимы совпадают по виду, числу и времени, наклонению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роббек В.А. Эвенско-русский словарь/ В.А. Роббек, М.Е. Роббек – Новосибирск: Наука, 2005. – 353 с.
2. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295–312.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977. - С. 288–294.
4. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка/ О.С. Ахманова. – М.: Русский язык, 1986. – 448 с.
5. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высш. шк, 1990. 175 с.
6. Шанский Н.М. и Иванов В. В. Современный русский язык. Учебник для пединститутов в 3ч. Ч.1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – М.: Просвещение, 1987.
7. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. – 723 с.
8. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского языка). – Л., 1947. – 268 с.

© Саввинова Степанида Николаевна (stepanidasavvinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Слепцова Евгения Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
slepzova_evgenia@mail.ru

THE IMPORTANCE OF GERMAN GERMAN LOANWORDS IN RUSSIAN FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

E. Sleptsova

Summary: This article research loanwords from the German language in Russian. The study of this phenomenon is important for linguistic and cultural analysis since the German language has had a significant influence on the Russian language for many centuries. In the article are treated the linguistic and extralinguistic factors influencing the appearance of loanwords in the Russian language. The article is based on the analysis of literature, dictionaries and original texts containing loanwords from the German language.

Keywords: Germanism, assimilation, intercultural communication, adaptation, accentology, phonetic occurrence.

Аннотация: Данная статья исследует заимствования, пришедшие из немецкого языка в русский. Изучение этого феномена является важным для лингвистического и культурного анализа, так как немецкий язык оказывал значительное влияние на русский язык на протяжении многих веков. В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на появление заимствований в русском языке. Статья основана на анализе литературы, словарей и оригинальных текстов, содержащих заимствования из немецкого языка.

Ключевые слова: германизм, ассимиляция, межкультурная коммуникация, адаптация, акцентология, фонетическая реализация.

В центре всех коммуникативных исследований всегда стоит человек: будь это социально-дискурсивный подход или вопросы лингвокультурной практики; методико-педагогические аспекты или образовательные технологии; социальные исследования или морально-этические ориентиры и витальные ценности [2, с. 5].

Заимствования новых слов – одна из форм языкового влияния народов друг на друга, способ оптимизации межкультурной коммуникации и попытка лучше понять «душу» народа, его менталитет. Интенсивные контакты между русским и немецким народами начались ещё в Средневековье, а активизировались в XVII–XVIII веках. Это были, прежде всего, тесные политические, торгово-экономические, промышленные, культурные и научные связи.

В процессе исторического развития русского языка свое влияние на него оказывали французский, польский языки, но наибольшее число заимствованных лексических единиц пришло из немецкого языка. Это связано, прежде всего, с различными реформами, а также с тесным сотрудничеством России и Германии во всех сферах жизни.

Ученые и исследователи рассматривают современные процессы развития языка в различных аспектах, в том числе и аналогично петровскому периоду (Н.В. Габдреева, А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева). Актуальным остается вопрос об этимологическом родстве

западноевропейских заимствований в русском языке, которое исследуется такими авторами, как Л.П. Крысин, И.В. Токарева. Также в статье мы опирались на труды, включающие анализ германизмов и галлицизмов в современном русском языке на морфологическом, семантическом уровне и фонетическом уровнях (А.А. Зализняк, М. Haspelmath, W. Lehfeldt).

В качестве теоретических методов использовались общенаучные методы (анализ, синтез, аналогия). Основу исследования составили лингвистические методы (описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный), а также метод компонентного анализа, позволивший изучить содержательную составляющую языковых структур.

Значительную часть русской лексики составляют слова, заимствованные из немецкого языка. С XIII в. влияние немецкого языка начинает непрерывно возрастать. В XVI и начале XVII в. польский язык берет на себя роль посредника между немецким и русским языками, что повлияло на формирование заимствований из немецкого языка.

В конце XVII и начале XVIII в. немецкие заимствования достигли своего пика в русском языке: реформы Петра I в области управления, военного дела, экономики и культуры способствовали принятию немецких обозначений для предметов повседневного обихода и переводу

терминов на русский язык, например, **административных терминов:** (*der*) *Buchhalter* – бухгалтер, (*die*) *Polizei* – полиция, (*die*) *Strafe* – штраф, (*das*) *Formular* – формуляр, (*der*) *Graf* – граф и др.; **военного министерства:** (*die*) *Hauptwache* – Hauptвахта, (*der*) *Standart* – штандарт, (*der*) *Feldmarschall* – фельдмаршал, (*der*) *Gefreiter* – ефрейтор и др.; **технических и научных терминов:** (*der*) *Korkenzieher* – штопор, (*die*) *Klappe* – клапан, (*die*) *Kachel* – кафель, плитка, (*der*) *Kran* – кран, (*der*) *Strich* – штрих, (*die*) *Landkarte* – карта земель и др.; **ремесленных терминов:** (*die*) *Werkbank* – верстак, (*der*) *Stempel* – штампель и др.; **художественных терминов:** (*der*) *Blick* – блик, (*der*) *Kapellmeister* – капельмейстер, (*der*) *Tanzmeister* – танцмейстер, (*die*) *Kunstkammer* – кунсткамера и др.; **повседневных терминов:** (*die*) *Waffeln* – вафли, (*der*) *Kleister* – клейстер, (*der*) *Kegel* – кегля и др.

Однако со второй половины XVIII в. также наблюдается сильное влияние французского языка, который не только популярен среди русского дворянства как модное явление того времени, но и дает международные термины, такие как *альтруизм*, *антагонизм*, *ассоциация* и др. Октябрьская революция привела к исчезновению многих немецких заимствований, однако русский язык дополняется множеством новых технических терминов. Эта тенденция достигла своего пика в 60-х гг. XX в.

В XXI в. наблюдается активное сотрудничество между Германией и Россией во всех сферах жизни: тесные экономические, культурные, политические связи. В результате наблюдается активное обогащение русского языка германизмами. Многие лингвисты рассматривают современные процессы развития языка аналогично петровскому периоду [1, с. 200].

В отличие от более старых заимствований из немецкого языка, которые преимущественно относятся к вещественным именам существительным и обозначают технические термины, увеличивается число абстрактных существительных, таких как (*der*) *Weltschmerz* – мировая боль; (*das*) *Wunschdenken* – желаемое мышление; (*der*) *Galgenhumor* – мрачный юмор, юмор висельника; (*die*) *Gretchen-Frage* – вопрос Гретхен; (*der*) *Zeitgeist* – дух времени; (*der*) *Voluntarismus* – волюнтаризм; (*das*) *Konzept* – концепция; (*der*) *Vandalismus* – вандализм; (*die*) *Sehnsucht* – тяга, зависимость; (*das*) *Heimweh* – тоска по родине; (*das*) *Kavaliersdelikt* – мелкое нарушение; (*das*) *Berufsverbot* – запрет заниматься профессиональной деятельностью; (*das*) *Wirtschaftswunder* – экономическое чудо и др. [1, с. 219].

Заимствованиям из немецкого языка посвящено несколько научных работ по русскому языку: В.Ю. Кипарский в конце XX в. исследовал в «Русской исторической грамматике» вопрос об этимологическом родстве западноевропейских заимствований в русском языке, в

том числе германизмов, из допетровского, петровского и постпетровского периодов. Л.П. Крысин в книге «Русское слово свое и чужое» дает теоретическую основу для заимствований в русском языке и анализирует их в диахроническом аспекте [4]. В энциклопедии «Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода» представлены и проанализированы германизмы и галлицизмы современного русского языка на морфологическом и семантическом уровне [1].

Но в упомянутых работах не рассматриваются акцентологические изменения германизмов в системе русского языка и факторы, которые к ним привели.

И.В. Токарева в своей диссертации «Адаптация немецких лексических заимствований в русском литературном языке (на материале источников рубежа XIX-XX веков)» исследует немецкую лексику этого периода в русском языке, при этом она также описывает изменения, которые претерпевают германизмы на уровне ударения в русском языке, однако они носят очень поверхностный характер [6].

Поскольку закономерности русского языка играют решающую роль в расстановке ударений в заимствованиях, то для изменений в ударении германизмов в русском языке решающее значение имеют внутриязыковые (лингвистические) факторы.

Определение принадлежности германизмов к схеме ударений в русском языке относительно, так как большинство ошибок возникает при их склонении. Сам факт, что германизмы включены в этимологические и лексические словари, свидетельствует о том, что они являются неотъемлемой частью системы русского языка и регулярно используются говорящими. Но они также создают определенные трудности для носителей русского языка: значение того или иного слова, его правильное написание и ударение.

В. Лехфельдт предложил различать термины «акцент» и «ударение», а не использовать их как синонимы: «Когда речь идет об акценте, это относится к абстрактному уровню языка, в то время как ударение относится к конкретной фонетической реализации акцента на уровне фразы» [8, с. 3].

Расширение и обогащение лексического состава языка происходит двумя путями: посредством словообразования, то есть собственными силами, или благодаря заимствованиям. Феномен заимствований настолько распространен в русском (и не только русском) языке, что производные аффиксы (иноязычные суффиксы и корневые морфемы) также могут участвовать в словообразовании. Эти процессы можно наблюдать на следующих примерах: из повседневного использования в язы-

ке невозможно исключить такие корневые морфемы, как *аудио-, видео-, супер-, теле-*. Глагольные суффиксы из немецкого языка *-ieren, -isieren, -ifizieren (reformieren, technisieren, personifizieren)* активно используются в русском языке в словах на *-ировать, -изировать, -ифицировать (реформировать, механизировать, персонафицировать)* [4]. Вот почему не всегда возможно провести четкую границу между заимствованиями и производными словами.

В немецком языке известно традиционное различие между заимствованным и иностранным словом. Заимствованное слово здесь определяется как слово, которое в какой-то момент истории языка вошло в его лексикон в результате заимствования (передачи, копирования) [7, с. 36]. Следует учитывать, что в этот диапазон входят не только лексемы, но и иноязычные элементы, как, например, в русском *агро-, аква-, де(з)-, ре-, транс-, пан-, контр-*.

Заимствование слов из иностранных языков называется языковым усыновлением [7]. Это понятие является более широким, чем заимствованное слово. После заимствования слова проходят так называемую фазу адаптации или усвоения, ассимиляции, интеграции. На этом этапе заимствованные слова адаптируются к языковой системе изучаемого языка и претерпевают изменения на всех языковых уровнях: фонологическом, орфографическом, морфологическом, семантическом и синтаксическом [7, с. 42].

Степень адаптации имеет решающее значение для различения двух терминов – «иностраный» и «заимствованный». Степень адаптации зависит от следующих факторов: периода заимствования, знания исходного языка носителем целевого языка, а также его личного отношения к исходному языку. Иностранные слова – это слова с низкой степенью адаптации. Под заимствованными словами понимаются заимствования, которые на всех уровнях языка приняли правила языка записи [7, с. 42–43].

Однако в русском языке это различие рассматривается иначе. Согласно Л.П. Крысину, в русском языке существуют, с одной стороны, заимствования, а с другой стороны, экзотизмы/иноязычные вкрапления [4, с. 50–51]. Заимствованиями могут считаться только те иностранные слова, которые используются как минимум в двух стилях устной и письменной речи и которые не имеют семантически идентичных эквивалентов в языке-реципиенте. К последним относятся иностранные слова, которые не были или не были полностью адаптированы русской языковой системой. Эти иностранные слова сохраняют почти все черты и свойства, характерные для языка-источника.

Примерами экзотической лексики являются *круэйро*

(валюта Бразилии до 1994 г.), *смог, аксакал, арык, пиала, минарет* и другие. В качестве примеров иноязычных вставок можно привести латинские обороты, такие как *альтер эго, постфактум, terra incognita* и др. [4, с. 60–63].

Поскольку такое различие подходит для изучения языка на лексическом, но не на акцентологическом уровне, и рассматривает только те лексемы, которые носители языка воспринимают как чуждые элементы, термин «иностранное слово» следует применять и далее. Германизмы, которые полностью ассимилировались в русской языковой системе, такие как *хлеб, лук, танец, шляпа, князь* и др., не учитываются, так как больше не воспринимаются как иностранные.

Важнейшим критерием при выборе германизмов является эстетико-семантическая корреляция, это означает максимальное соответствие немецкой лексемы соответствующей русской лексеме на странице содержания и выражения, причем именно в момент включения немецкой лексемы в русский язык. Например, немецкие существительные, которые относятся к периоду между 1700 и 1900 гг. Некоторые лексемы в Орфографическом словаре русского языка Р.И. Аванесова [7] приведены с новым ударением, например: *мольбёрт* вместо *мольберт*, *шляфрók* вместо *шляфрок*, *мáтрица* вместо *матри́ца*, *гáубица* вместо *гауби́ца* и др.

Если слово не имеет типичной структуры слов определенного класса того или иного языка, то возникают сомнения в его принадлежности к данному языку и, следовательно, предположение о его иноязычном происхождении. [4]. По конкретным признакам можно определить, является ли слово иностранным или нет. Чаще всего это происходит на фонетическом уровне. Это могут быть следующие признаки:

1. Наличие определенных фонем, которые нетипичны для русского языка, таких как твердые согласные перед [e] в начале слова, например *мэр, темп, тест, эльф*, нетипичные для русского языка особенно если сонорный согласный стоит в конце слова, например *монстр, спектр, цикл, ритм, пункт* [3, с. 487].
2. Наличие нетипичных начальных элементов, таких как *вице-, теле-, моно-* и др., например, *вице-адмирал, монограмма, монокультура, телевидение*.
3. Наличие определенных акцентологических характеристик, типичных только для заимствований.

Типичными особенностями германизмов в русском языке являются:

1. сочетания звуков [шт, шп, фл, хт]: *штаб, штемпель, шпиль, шприц, флюгер, бухта*;
2. начальный звук [e]: *егерь, ефрейтор*;
3. сочетания звуков [эр, ум, ус, унг, эль, аль, тет] и др. на конце слов, например, *брандмауэр, шлагбаум*,

автобус, лозунг, дроссель, сталь, факультет и др. [1, с. 201–202].

Но не все иностранные слова имеют четко выраженные характеристики, которые прямо говорят об их иностранном происхождении. Еще одной скрытой особенностью иностранных слов в русском языке можно считать семантическую принадлежность к группам слов с определенным тематическим содержанием. Например, англицизмы встречаются в основном в морской, спортивной и компьютерной областях, а галлицизмы – в области моды.

Германизмы чаще всего образуют лексические группы **с общественно-политическими терминами**, такими как *ауслендерфрай* (ausländerfrei – свободный от иностранцев), *бундесминистр* (Bundesminister), *волюнтаризм* (Voluntarismus), *глобализация* (Globalisierung), *либерализация* (Liberalisierung), *ландтаг* (Landtag), *максималист* (Maximalist), *восточная политика* (Ostpolitik), *правовое государство* (Rechtsstaat), *благотворительный фонд* (Stiftung), *доверительное управление* (Treuhand), *Зондербунд* (Sonderbund – сепаратистский союз); группы **с экономическими и торговыми терминами**, такими как *бундесбанк* (Bundesbank), *экономическое чудо* (Wirtschaftswunder), *гастарбайтер* (Gastarbeiter), *гешефт* (Geschäft – коммерческое дело), *гроссбанк* (Großbank – крупный банк), *маклер* (Makler), *рентабельность* (Rentabilität), *штрихкод* (Strichkod) и др.

Кроме того, сюда относятся группы слов **с названиями немецких продуктов питания**, такие как *айнтopf* (Eintopf), *айсбайн* (Eisbein – свиная рулька), *вурст* (Wurst – колбаса), *глинтвейн* (Glühwein), *грюнколь* (Grünkohl – листовая капуста), *зауэркраут* (Sauerkraut – квашеная капуста), *Кёльш* (Kölsch – светлое пиво, которое варится в Кёльне), *Пильзнер* (Pilsner – сорт пива, названного в честь города Пльзень), *рислинг* (Riesling – сорт винограда для белых вин, белое вино), *шнапс* (Schnaps), *штолен* (Stollen – рождественский немецкий кекс), *штрудель* (Strudel); группы **с абстрактными терминами** из области психологии, философии, искусства и литературы, таких как *мировая боль* (Weltschmerz), *гештальт* (Gestalt), *интроверт* (introvertiert), *экстраверт* (extravertiert), *менталитет* (Mentalität), *мазохизм* (Masochismus), *концепция* (Konzept), *философема* (Philosophem), *образовательный роман* (Bildungsroman), *научно-популярная книга* (Sachbuch), *субкультура* (Subkultur), *молодежный стиль* (Jugendstil) и др. [1, с. 220–221].

При описании места ударения в иностранных словах предполагается, что ударение должно относиться к той же морфеме, что и в языке-носителе. Так, например, следующие иностранные слова немецкого происхождения сохранили в русском языке ударение на первом слоге основы: *галстук* (Halstuch), *лозунг* (Lösung), *ротмистр*

(Rittmeister), *вахмистр* (Wachtmeister), *штекер* (Stecker), *кафель* (Kachel), *пудель* (Pudel), *тифдрук* (Tiefdruck – глубокая печать), *штокверк* (Stockwerk – рудное тело), *глетчер* (Gletscher – ледник), *локон* (Locke) и др. Как и в немецком языке, ударение падает на второй слог в таких словах, как *ефрейтор* (Gefreiter), *гешефт* (Geschäft – дело, бизнес) и др.

Однако невозможно знать все правила постановки ударения в языке, более того, часто бывает трудно определить истинный язык-носитель иностранного слова. При этом также имеет большое значение, каким образом иностранное слово было включено в язык-реципиент. Иностранное слово может попасть в него непосредственно из языка-источника или через посредство других языков, причем акцентологические характеристики последнего являются определяющими для русского языка [1, с. 8], например, немецкое слово *Jährmarkt*, польское *jármark*, русское *ярмарка*, или немецкое *Áutobus*, польское *autóbus*, русское *автóбус* и т. д.

Не все особенности ударения иностранных слов можно объяснить влиянием закономерностей языка-источника. Следует отметить, что для русского языка нельзя указать единственный языковой источник, из которого было заимствовано абсолютное количество слов и тем самым оказано значимое влияние на систему ударений русского языка. В конечном счете, закономерности языка-реципиента имеют решающее значение при постановке ударения в иностранных словах. Если при постановке ударения в русских лексемах следовать морфологическому принципу, то с иностранными словами дело обстоит иначе. Поскольку иностранное слово воспринимается в языке-реципиенте как целое, нет различия между основой и аффиксами. Заимствованное слово сначала перенимает аналогичные русские словоформы, имеющие внешнее сходство.

Тем не менее, существуют иностранные слова, которые не имеют аналогий с морфологической структурой русских словоформ. Большинство из них рассматриваются как явления вне системы русского языка и чаще всего являются несклоняемыми, например, *желе, фойе, пони, виски, ампула, атташе, боа, леди, алиби* и др. Подавляющее большинство этих иностранных слов сохраняют ударения, характерные для языка-источника, и на них не влияют колебания ударения.

Иностранные слова, не подлежащие склонению, сразу воспринимаются и классифицируются носителями русского языка как иностранные, но со временем, чем чаще иностранное слово используется в повседневной речи, тем выше вероятность того, что оно склоняется неправильно, например: *без пальты, на метре* и т. д. В этом случае говорят о недостаточной речевой культуре говорящего, поскольку такие варианты ударения недопусти-

мы в рамках кодифицированного литературного языка.

Поскольку для иностранных слов трудно определить место ударения по морфологическому принципу, здесь учитываются другие факторы: лингвистические и экстралингвистические. Лингвистические факторы включают процессы, происходящие в языковой системе, такие как наличие слов с одинаковой семантикой в языке-реципиенте и наличие слов с одинаковым типовым расположением фонем, но которые не образуют определенных морфем в русском языке. К экстралингвистическим факторам относятся определенные события, происходящие в языковом сообществе в определенный момент времени, например, влияние на русский язык региональных диалектов.

Иностранные слова из немецкого языка приспособляются к русской языковой системе на этапе адаптации и претерпевают изменения на всех языковых уровнях. Процесс включения заимствований в систему русского языка и отнесения иностранных слов к определенным русским парадигмам словоформ сложен и длителен.

Как в русских парадигмах словоформ важную роль играют исходные формы слов, также обстоит дело и с заимствованными словоформами. Но поскольку исходная форма (им. п. ед. ч.) иностранного слова все еще находится под влиянием соответствующей ей формы языка-источника и совпадает с исходной формой в русском языке (им. п. ед. ч. или им. п. мн. ч.), то исходная форма в иностранных словах играет еще большую роль, чем в русском языке.

Отсюда следует, что существует два фактора, влияющих на место постановки ударения в заимствованных исходных словоформах:

1. место ударения в исходной форме в языке-источнике;
2. степень соответствия этой заимствованной исходной формы по сравнению с образцами русской словоформы.

При этом законы языка-реципиента имеют решающее значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография. / М.: Флинта: Наука, 2013. 328 с.
2. Гончарова Л.М. Исследования коммуникативных практик: возможности и подходы. // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Т. 13. № 1, 2024. С. 5.
3. Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. 1, 2. М.: Языки славянских культур, 2010, 2011. 848 с., 352 с.
4. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
5. Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М.: «Русский язык», 1988. 704 с.
6. Токарева И.В. Адаптация немецких лексических заимствований в русском литературном языке (на материале источников рубежа XIX – XX веков): дис. ... канд. филол. наук 10.02.01. Тюмень, 2002. 174 с.
7. Haspelmath M. Lexikal Borrowing: Concepts and Issues. In: M. Haspelmath, U. Tadmor: Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter, 2009.
8. Lehfelddt W. Akzent und Betonung im Russischen. 2., verbesserte und erweiterte Auflage. München, Berlin, Washington. Verlag Otto Sagner, 2012. 174 S.

© Слепцова Евгения Викторовна (slepzova_evgenia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕВОД И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Сюй Инжуй

Московский государственный университет (МГУ)

xuyingrui@yandex.ru

TRANSLATION AND INTERLANGUAGE INTERFERENCE IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIFFERENCES

Xu Yingrui

Summary: In the context of globalization, where intercultural contacts are becoming increasingly intense, translation plays a crucial role in ensuring effective communication between different peoples and cultures. One of the main challenges faced by translators is cross-linguistic interference—a phenomenon in which the structure of the native language influences the translation process into the target language. The purpose of this study is to analyze the impact of cultural differences on translation and to examine cross-linguistic interference as a complicating factor in translation. The paper addresses the theoretical aspects of translation, including its types, as well as a classification of forms of cross-linguistic interference. Special attention is given to practical examples where interference led to errors, and strategies to minimize this phenomenon are discussed. The methodological approach of the study includes an analysis of literary sources, real-life examples from translation practice, and an examination of successful strategies aimed at overcoming cross-linguistic interference. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the interaction between linguistic and cultural aspects of translation, allowing for practical recommendations for translators. The study concludes by reaffirming the importance of considering cultural context and applying an interdisciplinary approach to improve translation quality. The findings also emphasize the need for further development of methodological solutions for translation in the context of globalization.

Keywords: translation, cross-linguistic interference, cultural differences, intercultural communication, text adaptation, globalization.

Аннотация: В условиях глобализации, когда межкультурные контакты становятся все более интенсивными, перевод играет важнейшую роль в обеспечении эффективной коммуникации между разными народами и культурами. Одной из главных проблем, с которой сталкиваются переводчики, является межъязыковая интерференция — явление, при котором структура родного языка влияет на процесс перевода на целевой язык. Целью данного исследования является анализ влияния культурных различий на процесс перевода и изучение межъязыковой интерференции как одного из факторов, осложняющих перевод. В работе рассматриваются теоретические аспекты перевода, включая его типы, а также классификация форм межъязыковой интерференции. Особое внимание уделяется практическим примерам, где интерференция привела к ошибкам, а также стратегиям минимизации этого явления. Методологический подход исследования включает анализ литературных источников, примеры из реальной практики перевода, а также изучение успешных стратегий, направленных на преодоление межъязыковой интерференции. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении взаимодействия лингвистических и культурных аспектов перевода, что позволяет предложить практические рекомендации для переводчиков. В результате исследования подтверждается важность учета культурного контекста и применения междисциплинарного подхода для улучшения качества перевода. Выводы исследования также указывают на необходимость дальнейшей разработки методологических решений для перевода в условиях глобализации.

Ключевые слова: перевод, межъязыковая интерференция, культурные различия, межкультурная коммуникация, адаптация текста, глобализация.

Введение

В условиях глобализации вопрос перевода и межъязыковой интерференции приобретает особую актуальность, поскольку культурное и языковое взаимодействие между странами и народами значительно возросло. Перевод выступает важным средством коммуникации между различными культурами, соединяя языковые сообщества и способствуя распространению знаний и информации [1]. Однако этот процесс не лишен сложностей. Одной из наиболее актуальных проблем является межъязыковая интерференция, которая проявляется в виде влияния структур родного языка на изучение и использование иностранного. Это явление усложняет процесс перевода, особенно в контексте культурных

различий, когда переводчик сталкивается не только с лингвистическими барьерами, но и с необходимостью передать смысл исходного текста в условиях иной культурной среды [2]. Неверное понимание культурных особенностей может привести к ошибкам, искажающим смысл оригинала и создающим дополнительные трудности для целевой аудитории.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить, как культурные различия влияют на процесс перевода и какие формы межъязыковой интерференции возникают в процессе межкультурной коммуникации. Важно не только выявить основные типы ошибок, связанных с интерференцией, но и предложить подходы к минимизации этого явления, что позволит

улучшить качество перевода и обеспечить его адекватность с точки зрения восприятия целевой аудиторией. Особое внимание уделяется изучению перевода как средства межкультурной коммуникации, где важно учитывать как языковые, так и культурные аспекты.

Теоретические аспекты перевода и межъязыковой интерференции

Теоретические аспекты перевода и межъязыковой интерференции представляют собой важную область исследований в рамках лингвистики и переводоведения, поскольку они затрагивают вопросы взаимодействия языков и культур. Прежде всего, следует определить, что такое перевод и какие существуют его основные типы. В лингвистической литературе принято выделять несколько видов перевода: дословный, свободный и художественный. Дословный перевод подразумевает буквальную передачу значений слов и конструкций исходного языка на целевой язык, что нередко ведет к искажению смысла оригинала в силу различий в грамматических структурах и лексике [3]. Свободный перевод предполагает более гибкий подход, когда переводчик стремится передать смысл исходного текста, адаптируя его под целевую аудиторию и принимая во внимание культурные различия [4]. Художественный перевод, в свою очередь, фокусируется на передаче не только смысла, но и стилистических и эстетических особенностей текста, что особенно важно при переводе литературных произведений. Исследования в этой области указывают на то, что каждый из этих типов перевода сталкивается с уникальными трудностями, связанными с межъязыковой интерференцией.

Межъязыковая интерференция – это явление, при котором структура родного языка оказывает влияние на процесс изучения и использования иностранного языка. В переводоведении под межъязыковой интерференцией понимается перенос элементов родного языка переводчиком на целевой язык, что приводит к появлению ошибок различного рода. Согласно исследованиям Прядильникова О.В, межъязыковая интерференция является одним из основных факторов, влияющих на качество перевода, так как она проявляется на всех уровнях языковой системы – от фонетики до синтаксиса и стилистики [5]. Межъязыковая интерференция часто становится источником переводческих ошибок, поскольку переводчик, обладая знанием родного языка, непроизвольно использует его структуру и правила при переводе на другой язык. Это особенно актуально в условиях культурных различий, когда различия в мировоззрении и восприятии реальности также оказывают влияние на выбор лексических и грамматических средств.

Классификация форм межъязыковой интерференции включает в себя несколько аспектов: фонетическую,

грамматическую, лексическую и стилистическую интерференцию [6]. Фонетическая интерференция проявляется в переносе звуковых особенностей родного языка на целевой язык, что особенно заметно при устных переводах и в процессе изучения иностранных языков. Исследования показывают, что носители разных языков имеют склонность к использованию привычных фонем и интонационных моделей при говорении на иностранном языке, что может затруднять понимание сообщения. Грамматическая интерференция связана с влиянием грамматических конструкций родного языка на целевой язык. Например, при переводе с русского на английский язык переводчики часто сталкиваются с проблемой передачи видовременных форм глагола, что может привести к неправильной интерпретации действия или состояния. Лексическая интерференция проявляется в выборе слов, которые на первый взгляд кажутся эквивалентными в обоих языках, но в действительности имеют разные коннотации или области употребления. Так, например, перевод слова «интеллигент» с русского на английский как «intelligent» будет ошибочным, поскольку в английском языке это слово не несет той культурной нагрузки, которая присуща русскому термину. Наконец, стилистическая интерференция возникает при попытке сохранить стиль оригинала в условиях другой языковой системы, что может привести к появлению неестественных конструкций в переводе.

Таким образом, межъязыковая интерференция представляет собой сложное явление, которое требует глубокого анализа и учета при переводе. Важнейшей задачей переводчика является осознание того, что каждый язык и каждая культура обладают своими уникальными особенностями, и механический перенос структур одного языка на другой неизбежно ведет к ошибкам. Теоретические исследования в области перевода и межъязыковой интерференции предоставляют богатый материал для анализа и поиска решений, направленных на минимизацию влияния интерференции, что является важным шагом на пути к созданию качественных переводов.

Культурные различия и их влияние на перевод

Культурные различия оказывают фундаментальное влияние на процесс перевода, так как язык тесно переплетен с культурной средой, в которой он функционирует. Различия в понятийных категориях, характерных для разных культур, порождают существенные сложности в передаче смыслов при переводе [7]. Например, в русском языке понятие «душа» занимает центральное место в культурной парадигме и несет глубокий эмоциональный заряд, в то время как в китайской культуре аналогичную роль может играть категория «心» (сердце), что требует от переводчика умения уловить и передать этот важный смысловой оттенок. Следовательно, перевод понятий, глубоко укорененных в культурных контекстах,

требует не просто знания лексики, но и понимания того, как эти понятия воспринимаются носителями культуры целевого языка.

Часто переводческие ошибки возникают из-за неверного понимания идиом и культурных аллюзий, что связано с различиями в культурных кодах. Идиоматические выражения редко можно перевести буквально, так как их значение часто не связано с прямым значением слов. В качестве примера можно привести английскую идиому «kick the bucket», которая в буквальном переводе на русский язык не имеет смысла и требует эквивалентного выражения на русском языке, например, «отдать концы». Культурные аллюзии представляют собой еще одну серьезную проблему: они могут быть связаны с историческими или мифологическими явлениями, знакомыми одной культуре, но неизвестными другой. Например, аллюзия на Ахиллову пяту в западной культуре легко понятна, но в других культурах, где греческая мифология не так распространена, может потребовать разъяснения или использования аналогичной аллюзии, более понятной для целевой аудитории.

Помимо идиом и аллюзий, важным аспектом является контекст, в котором используется терминология, особенно в технических и деловых переводах. Например, известен случай, когда слово «manual» было переведено на японский язык как «наставление», что вызвало у пользователей ассоциации с военной терминологией, что не соответствовало контексту использования инструкции для бытовой техники. Это указывает на необходимость учитывать культурные различия в восприятии не только сложных литературных текстов, но и обыденных, повседневных материалов. Ошибки перевода в таких случаях могут не просто изменить восприятие текста, но и нанести ущерб репутации компании или продукта [8].

Культурный контекст, таким образом, оказывает непосредственное влияние на восприятие текста целевой аудиторией. Различные культурные сообщества придают разные значения одним и тем же символам, понятиям и явлениям. Например, красный цвет в китайской культуре символизирует удачу и процветание, тогда как в западных культурах он может ассоциироваться с опасностью или агрессией. Перевод рекламного текста, где ключевую роль играет цветовая символика, без учета культурных различий может оказаться неэффективным или даже вызвать отрицательные реакции. Учет культурного контекста становится ключевым фактором, определяющим, насколько успешным и адекватным будет перевод.

Культурные различия представляют собой важный вызов для переводчика, который должен не только передать лингвистический смысл, но и учесть культурные особенности целевой аудитории [9]. Успешный перевод требует глубинного понимания того, как культурные

коды и символы работают в рамках разных языковых систем, и от того, насколько переводчик способен учитывать эти различия, зависит успех перевода. Это делает культурный контекст неотъемлемой частью переводческого процесса и важным элементом в построении межкультурной коммуникации.

Практические примеры межъязыковой интерференции в переводе

Практические примеры межъязыковой интерференции в переводе демонстрируют сложности, возникающие в процессе переноса значений с одного языка на другой. Межъязыковая интерференция нередко приводит к неправильной интерпретации текста, особенно в случаях, когда переводчик некорректно использует грамматические и лексические структуры родного языка при переводе на целевой язык. Например, в переводах с русского на английский часто встречаются ошибки, связанные с различиями в синтаксисе. Конструкции, допустимые в русском языке, могут звучать неестественно на английском [10]. Так, русская фраза «Он был рад тому, что сделал» при дословном переводе на английский — «He was glad that he did» — нарушает грамматические нормы английского языка и требует трансформации в «He was glad to have done it». В данном случае межъязыковая интерференция проявляется в попытке сохранить структуру исходного языка, что приводит к неадекватному восприятию текста на целевом языке.

Для минимизации межъязыковой интерференции переводчики используют различные стратегии, включающие контекстуальные и культурные примечания, а также обращение к двуязычным экспертам. Контекстуальные примечания позволяют читателю лучше понять те элементы текста, которые могут быть трудны для восприятия из-за культурных или лингвистических различий. Например, при переводе литературных произведений, насыщенных культурными аллюзиями, переводчики часто добавляют сноски или пояснения, чтобы объяснить читателям особенности исторического или культурного контекста. Это особенно актуально при переводе произведений, где автор активно использует идиоматический язык, или где имеются многочисленные ссылки на культурные реалии, как это можно наблюдать в произведениях Чарльза Диккенса или Федора Достоевского. Кроме того, обращение к двуязычным экспертам, особенно носителям культуры целевого языка, помогает избежать грубых ошибок и упрощает процесс адаптации текста для новой аудитории. Эксперты, хорошо знакомые с обеими культурами, могут указать на нюансы, которые не всегда очевидны переводчикам, даже если они обладают высоким уровнем владения языком.

Анализ конкретных случаев из реальной практики перевода показывает, что межъязыковая интерференция

ция может существенно повлиять на точность и восприятие текста. Например, в области технического перевода ошибки часто возникают при переносе понятий, которые не имеют прямых эквивалентов в целевом языке. В одном из известных случаев, связанных с переводом инструкций для программного обеспечения, слово «backup» было переведено как «резервное копирование», что вызвало путаницу у русскоязычных пользователей, так как в контексте речь шла скорее о «создании резервной копии». Этот пример демонстрирует, как межъязыковая интерференция на лексическом уровне может привести к нарушению функциональности текста, особенно в технической сфере, где точность имеет критическое значение. В медийных переводах подобные ошибки могут быть еще более значительными. Так, в переводе субтитров к международным фильмам часто встречаются случаи, когда фразеологизмы или культурные отсылки переводятся дословно, что не только не передает смысла, но и сбивает с толку зрителей [11].

Примеры из реальной практики перевода показывают, что межъязыковая интерференция остается одной из главных проблем, с которыми сталкиваются переводчики. Однако использование стратегий, направленных на преодоление этой проблемы, позволяет значительно улучшить качество перевода. Важно учитывать как лингвистические, так и культурные аспекты, чтобы адаптировать текст для целевой аудитории и добиться его адекватного восприятия.

Заключение

Заключая данное исследование, можно отметить, что культурные различия и межъязыковая интерференция оказывают значительное влияние на процесс перевода. Ключевым аспектом является то, что без учета культурного контекста перевод не может считаться адекватным. Межъязыковая интерференция, проявляющаяся на различных уровнях языка — от фонетического до синтаксического, значительно усложняет задачу пере-

водчика, особенно в случае, когда культуры исходного и целевого языка кардинально различаются. Ошибки, возникающие вследствие интерференции, могут исказить смысл текста, что особенно критично в художественном и техническом переводе. Таким образом, для обеспечения качества перевода необходимо не только учитывать языковые различия, но и глубоко погружаться в культурный контекст, который предопределяет восприятие информации целевой аудиторией.

Практическое значение данного исследования заключается в разработке рекомендаций для переводчиков, работающих в условиях межъязыковой интерференции. Прежде всего, переводчикам необходимо уделять больше внимания изучению культурных различий, так как адекватное понимание чужой культуры является залогом успешного перевода. Использование контекстуальных примечаний и активное обращение к двуязычным экспертам может минимизировать ошибки, связанные с интерференцией. Кроме того, для улучшения качества перевода необходим междисциплинарный подход, объединяющий лингвистические, культурологические и переводческие исследования. Только в таком формате можно создать методы, которые будут способствовать эффективному межкультурному взаимодействию в условиях глобализации, когда важность точного перевода возрастает многократно.

Перспективы дальнейших исследований в данной области обширны. Необходимы новые методологические подходы для преодоления межъязыковой интерференции, которые включали бы в себя не только лингвистический анализ, но и изучение когнитивных и культурных особенностей восприятия текстов. Исследования в условиях глобализации могут помочь разработать универсальные принципы перевода, которые будут применимы к различным языковым и культурным парадигмам. Это позволит повысить качество перевода и адаптацию текстов, особенно в межкультурных коммуникациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паршин А. Теория и практика перевода. — М.: Русский язык, 2000.
2. Ив Г. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2016. — № 4. — С. 56-74.
3. Серебрянникова Е.Ю. Закономерности применения лексико-грамматических трансформаций при переводе китайских текстов экономической направленности на русский язык (на примере текстов на тему «Международная торговля»): выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 45.03.02-Лингвистика. — 2022.
4. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. — М.: Litres, 2022.
5. Прядильникова О.В. Региональные особенности произносительной системы современного русского языка в Республике Башкортостан: дис. ... канд. филол. наук. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2010.
6. Самохина И.А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2018. — № 4. — С. 90-96.
7. Шимановская Л.А. Переводческие исследования и их специфика // Вестник Казанского технологического университета. — 2010. — № 3. — С. 450-456.

8. Баринаева И.А., Овчинникова И.Г. Влияние новых переводческих технологий на распознавание и классификацию ошибок перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2021. — № 1. — С. 8–25.
9. Джумаева Д.М. Теория и практика перевода, вопросы устного и синхронного перевода // ЎЗДҚОР О'ҚИТУВЧИ. — 2023. — Т. 3, № 33. — С. 79–85.
10. Щенникова Н.В. Грамматический идиоэтизм русского идиома английского языка // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. — 2011. — № 23. — С. 299–305.
11. Рубцова М.Ю. Стратегии перевода китайских фразеологических единиц в кинематографическом дискурсе на русский язык: выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 45.03.02-Лингвистика. — 2022.

© Сюй Инжуй (xuyingrui@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КОММУНИКАЦИИ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫХ ОНЛАЙН-ИГРАХ

Тихомиров Дмитрий Петерович

Аспирант, Государственный Университет Просвещения,
(г. Москва)
DTihomirov7051@yandex.ru

PROFANITY AS ONE OF THE COMPONENTS OF COMMUNICATION IN COMPETITIVE ONLINE GAMES

D. Tikhomirov

Summary: The modern world offers a huge number of games with different levels of difficulty, plots, and genres. A special place in this industry is occupied by online games offering to fight against the same players alone or in a team.

For successful interaction in online games, there are several communication functions: quick and regular chat, voice chat, a system of interaction and commands, after the game chat. Dissatisfaction, lack of work with random players, or dissatisfaction with the actions and conduct of allies or rivals are not uncommon in online games. These reactions lead to aggression and rudeness. Players resort to profanity, expressing their emotions and feelings. Some examples will be discussed in this article.

The relevance of this article is due to the high popularity of online games in the world, which allow linguists to explore the unique discourse of online gaming communities.

The material for the study was examples of comments taken from the streams of Russian-speaking streamers.

The research methods were observation, analysis, description, and classification.

The practical significance of this article is the description of the use of profanity in the discourse of online games.

Keywords: online games, communication, comments, game chat, voice chat, profanity, obscene language, mate, rudeness, vulgarisms, linguocinisms, aggression.

Аннотация: Современный мир предлагает огромное количество игр с разными уровнями сложности, сюжетами и жанрами. Особое место в данной индустрии занимают онлайн-игры, предлагающие сразиться против таких же игроков в одиночку или в команде.

Для успешного взаимодействия в онлайн-играх существует ряд функций для коммуникации: быстрый и обычный чат, голосовой чат, система взаимодействий и команд, после игровой чат.

Нередким явлением в онлайн-играх выступает неудовлетворенность, несработанность со случайными игроками или недовольство действиями и поведением союзников или соперников. Данные реакции приводят к агрессии и к проявлению грубости. Игроки прибегают к ненормативной лексике, выражая свои эмоции и чувства. Некоторые примеры будут рассмотрены в данной статье.

Актуальность данной статьи обусловлена высокой популярностью онлайн-игр в мире, позволяющих лингвистам исследовать уникальный дискурс игровых онлайн сообществ.

Материалом для исследования послужили примеры комментариев, взятые со стримов русскоговорящих стримеров.

Методами исследования послужили: наблюдение, анализ, описание и классификация.

Практическая значимость данной статьи – описание применения ненормативной лексики в дискурсе онлайн-игр.

Ключевые слова: онлайн-игры, коммуникация, комментарии, игровой чат, голосовой чат, ненормативная лексика, обценная лексика, мат, грубость, вульгаризмы, лингвоцинизмы, агрессия.

Коммуникация является важнейшим элементом взаимодействия в обществе в любой из сфер жизнедеятельности. Развитие технологий и интернета открыло огромный набор новых возможностей, разнообразив и сделал общение доступнее, поскольку позволило игнорировать ряд трудностей. Социальные сети, мессенджеры, видеозвонки позволяют связывать людей из разных уголков мира в режиме реального времени.

Коммуникация является одной из важнейших составляющих онлайн-игр и киберспорта. Выстраивание правильных стратегий и общения является одной из победных стратегий в PvE (player versus environment) и PvP (player versus player) играх. Однако, нередким явлением для внутри- и постигровых чатов и голосовых чатов соревновательных онлайн-игр является применение ненормативной лексики, обценной лексики, вуль-

гаризмов и издевательств. В рамках киберспорта такое явление встречается гораздо реже ввиду сплоченности команд, высокоорганизованного и профессионального подхода, спортивной составляющей киберспортивных турниров и жестких ответных мер за неподобающее поведение. Тем не менее, случаи непристойного поведения и коммуникации могут встречаться практически на любом этапе и форме взаимодействия в онлайн-играх.

Актуальность данной статьи обусловлена возросшими популярностью и интересом к онлайн-играм в современном мире. На данный момент компьютерные и мобильные игры вышли из зоны хобби и стали способом заработка и создания контента, находя отклик у огромного количества людей в качестве игроков и зрителей. Такой уровень популярности позволяет развиваться и реализовываться игрокам за счёт участия в турнирах и

соревнованиях, стриминговой деятельности, создания контента и коллабораций.

Теоретической базой исследования послужили труды таких учёных, как Штейнбах К.В., Кастельс М., Войкунский А.Е., Гаспаров Б.М., Партридж Э., Носек Дж. и другие.

Практической базой исследования послужили примеры внутри- и постигровых чатов отечественных и зарубежных стримеров и контент – мейкеров, а также собственный собранный материал по играм Dead by Daylight, Dota 2, Counter-Strike, Counter – Strike 2, League of Legends, Among us, Goose Goose Duck и др.

Феномен грубости при коммуникации в онлайн играх

Понятие «киберспорт» было введено писателем – фантастом Уильямом Фордом Гибсоном. В своих книгах «Нейромант» и «Граф Ноль» автор даёт характеристику киберпространству как «мир без сковывающих его границ» [1, С. 170].

По мнению М. Кастельса, коммуникация в киберпространстве – это самоуправляемая сетевая на основе личного выбора система, переводящая общение на новый качественный уровень взаимодействия. В своей книге «Галактика Интернет» он утверждает, что такой способ коммуникации является доминирующим в информационную эпоху [2, С. 8].

Согласно А.Е. Войкунскому, киберпространство можно определить как «источник хранения неограниченного количества информации, предоставляющее доступ к огромному количеству способов самовыражения» [3, С. 67–72]

Б.М. Гаспаров дал следующую характеристику коммуникативного пространства, являющегося основой интернет-дискурса: «мысленно представляемая среда, нуждающаяся в восприятии и воспроизведении высказываний для выстраивания коммуникации» [4, С.338]. И.И. Шабшин не только поддерживал такую трактовку коммуникации в интернет-среде, но и расширил границы интернета, дав ему определение «метасреды, позволяющей реализовываться практически в любой сфере жизнедеятельности» [5, С.7].

Таким образом, большинство учёных сходятся во мнении, что коммуникация в киберпространстве – это самостоятельная, уникальная среда, формируемая пользователями, дающая неограниченный доступ к информации и самовыражению. Общение в киберпространстве позволяет игнорировать ряд факторов, способных оказывать влияние на коммуникацию в реальном мире.

Коммуникация в киберпространстве является не только возможностью, но и одним из компонентов высокоэффективной стратегии победы, как было сказано

ранее. Правильно сформированное общение позволяет избежать ряда трудностей. Данное явление подтверждается статистическими данными, демонстрирующими доминирование сформированных и слаженных отрядов над командами, созданными из случайных игроков. Это объясняется рядом преимуществ, как, например, схожесть стиля геймплея, командной работой и, разумеется, возможностью слаженного общения.

Несмотря на все вышеперечисленные факторы, нередким явлением для коммуникации в онлайн-играх и в киберпространстве является проявление грубости и агрессивного поведения в форме вербальной агрессии. Такое поведение может быть вызвано рядом причин. К ним можно отнести следующие:

1. Стресс и напряжение, возникающие на протяжении всей игровой сессии;
2. Токсичное/ оскорбительное поведение вражеской команды или игрока;
3. Оскорбительное/ токсичное поведение союзников;
4. Намеренная порча игры одной из сторон остальным/ вредительство;
5. Применение эксплойтов или сторонних программ;
6. Оскорбления и пассивная/активная агрессия от других игроков во время/ после игры;
7. Анонимность игроков и относительная вседозволенность в поведении;
8. Относительно низкие штрафы за проявление грубости, введённые разработчиками.

Подобные ситуации нередко приводят к открытому проявлению агрессии. Пользователи прибегают к вульгаризмам, ненормативной лексике, обценной лексике.

Также необходимо понимать, что онлайн-игры держат игрока в постоянном напряжении, заставляя прикладывать усилия на протяжении всей игровой сессии. Такое состояние требует эмоциональной и психологической разрядки, а прибегание к ненормативной лексике позволяет это реализовать. Такой способ считается одним из самых быстрых и «безболезненных».

Подвульгаризмами (франц. vulgarisme, отлат. vulgaris – обыкновенный, простой) принято понимать грубые слова и выражения, применимые в литературном языке, взятые из жаргона и просторечия. Вульгаризмы являются разговорной формой выражения эмоций, поскольку носят оценочный или экспрессивный характер. Применение вульгаризмов в речи не только ведёт к её огрублению, но и ярко демонстрирует настрой носителя [6].

Один из крупнейших специалистов в области просторечной лексикографии Э. Партридж развивал идею о том, что вульгаризмы являются производной от коллоквиализмов, приобретая с уничижительной (пейоративной) экспрессией (коннотацией) [7]. Его идеи разделял Дж. Носек. На основе их исследований было предложено следующее понятие вульгаризмов: нецен-

зурные или бранные слова и выражения, вызывающие протест у слушателей и не допустимые в приличном общении [8, С.275-278].

Под ненормативной лексикой принято понимать сегмент бранной лексики, включающей в себя нецензурные, вульгарные и непристойные лексические единицы языка, возникающие в ответ на непредвиденную (как правило, негативную) ситуацию [9, С.654-658].

Также частым явлением в соревновательных онлайн-играх является применение обсценной лексики. Под обсценной лексикой понимается табуированная, недопустимая лексика, воспринимаемая как отталкивающая и непристойная (от лат. *obscenus* «непристойный, распутный, безнравственный»). Обсценные слова являются одними из наименее исследованных пластов лексики в отечественной лингвистике. Табуированность данной категории лексических единиц привела к своеобразному запрету на их научное изучение [10].

Необходимо отличать обсценную лексику от ненормативной, поскольку для первой характерно применение социолектов. Также отличительной особенностью обсценной лексики является акцентированность на табуированных названиях частей тела и/или действиях сексуального характера.

Роль обсценной лексики в контексте онлайн-игр – выражение эмоциональной боли, негодования или напряжения.

Г. Гусейнов, доктор филологических наук сравнивал обсценную лексику с действительностью, проходящей через упорный, иногда насильственный половой акт [11].

В.И. Шаховский в своей работе отмечал, что обсценная лексика является реакцией на подавление боли, как физической, так и внутренней. Применение табуированной лексики ведёт к снижению стресса, позволяя выразить негодование, агрессию и резкость в словесной форме [12].

Особое место в пласте лексического уровня языка занимают лингвоцинизмы. Под лингвоцинизмом принято понимать «непременно сознательный акт, выражающий умышленное, оскорбительное выражения пренебрежения к людям, к тому, что им дорого, к общественной морали [13, С.319].

По мнению А.П. Сковородникова, лингвоцинизмы стоит понимать как «слова, словосочетания и микротексты, в которых содержится циничное, то есть противоречащее нормам нравственности и благопристойности нигилистическое, унижающе-глумливое отношение к тому, что представляет общепринятую ценность» [14].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Коммуникацию в киберспорте можно понимать как самоуправляемую, постоянно развивающуюся мета среду, лишенную ряда ограничений. Её главным преимуществом можно считать вариативность, раскованность и игнорирование ряда факторов, мешающих общению в реальном пространстве.
2. Нередко игроки во время или после игровых сессий прибегают к агрессии ввиду ряда негативных факторов.
3. Чаще всего игроки прибегают к применению вульгаризмов, ненормативной и обсценной лексики, демонстрируя свои злобу, негодование, обиду и злость.

Далее в статье будут рассмотрены примеры применения данной лексики, взятые со стримов и видео youtube и twitch контент-мейкеров. Также в статье будут приведены примеры, полученные в ходе собственного игрового опыта.

Примеры использования ненормативной лексики в онлайн – играх

Использование ненормативной лексики, обсценной лексики и вульгаризмы в онлайн-играх не только неэтично, но и может негативно повлиять на атмосферу игры, вызвать конфликты между игроками и привести к нарушениям правил игрового сообщества. Обилие нецензурной лексики может испортить впечатление от игрового процесса и создать напряженную обстановку.

Более того, использование вульгаризмов может быть воспринято как форма неуважительного поведения по отношению к другим игрокам и администрации игры. В итоге это может привести к блокировке аккаунта или другим санкциям.

Как было сказано ранее, под вульгаризмами принято считать грубые выражения, с чертами жаргона и просторечия. В коммуникации онлайн-игр можно встретить следующие примеры данной лексики:

Таблица 1.

№	Пример	Случай использования
1	Тупой/Тупица	- этот тупица не нашёл ничего лучше, чем продать нас!
2	Банально/Банальный	- банально каждый второй юзер, заткнись уже
3	Идиот	- этот идиот пошёл рашить (прим. захватить) башню в соло и слил рейтинг всей тиме (прим. команде)
4	Гнида	- какая же ты гнида! Такого ещё поискать - ага, расскажешь
5	Тварь/Тварина	- вот же тварь...

При применении данного набора лексики можно заметить, что пользователи прибегают к сарказму и издёвкам. Игроки пользуются повторами, восклицательными знаками. С точки зрения лингвопрагматики, применение данных единиц характеризует говорящего/пишущего как пользователя, желающего выделить свою речь, унижить или задеть свою цель. Порой использование данных единиц является ответной, активной реакцией на действия или слова другого игрока. Данные фразы практически не распознаются внутренней цензурой, что даёт относительную безопасность для людей, прибегающих к ним (однако другие игроки могут отправить жалобу, которая будет рассмотрена модераторами или разработчиками/специалистами).

Обценная лексика воспринимается как резко неприемлемая, противоречащая нормам, вызывающая этический диссонанс. Такие высказывания нарушают типичную коммуникацию в виртуальной среде. А их направленность и заикленность на действиях сексуального и/или насильственного характера только усиливает этот контраст. Примеры данной лексики не могут быть продемонстрированы по этическим соображениям.

Применение данной лексики позволяет пользователям проявлять максимальный уровень эмоциональности, не сдерживаясь и не ограничиваясь. Такие выражения нередко сопровождаются лексическими повторами, использованием капслока и восклицательных знаков. Игроки в таких ситуациях не боятся жалоб, бана (временная или перманентная блокировка) и штрафов, поскольку задеты, оскорблены или разъярены ситуацией или словами. Использование данных лексических единиц нередко блокируется встроенной цензурой без вмешательства специалистов.

Лингвоцинизмы воспринимается как намеренная издёвка или насмешка над привычными нормами, ситуациями или действиями. В игровых комментариях данное явление демонстрирует явное издевательство над поведением, стратегиями и геймплеем союзников или соперников. К примерам лингвоцинизмов в игровом сообществе будут следующие единицы:

Таблица 2.

№	Пример	Случай использования
1	Гений	- ребят, это чё было? - — это он кинул себе под ноги хаешку (прим. гранату) - Гений))
2	Отлично сделал	- сорян, думал успею. Не знал про таую долгую перезарядку. - не-не, отлично сделал! Лучший!

№	Пример	Случай использования
3	Лучший	- сорян, думал успею. Не знал про таую долгую перезарядку. - не-не, отлично сделал! Лучший!
4	Молодец	Весь спаун (прим. ресурсы) слил. Молодец какой. . .
5	Профи	- что за профи сливает шак (от англ. Лачуга) на 5 генах?
6	Легенда	Не, ну это легенда (прим. после проигранной погони ли ошибки)
7	Киберспорт/ киберкотлета	Что-то на киберспортивном. . . (прим. после проигранной погони ли ошибки)
8	На скилле	- все чемпионы так делают. Умирают в начале катки на скилле, чтоб дать другим поиграть)
9	Умничка	Умничка какой. Ливнул, оставил тиму.
10	Хороший план	- от души, ребята! - чё ты ноешь? - потому что вы меня продали и свалили. - надо было ближе к воротам падать. - Хороший план. Отличный. А вы спасали? Помогали? Что-о сделали для победы?
11	Надёжный	Надёжный чел. Смелый. (про убежавшего без причины игрока)
12	Уолтер	- Отличный план, Уолтер! Просто замечательный, если я всё правильно понял (цитата из сериала «Большой Лебовски»)

Пользуясь данной лексикой, игроки пытаются обойти штрафы и наказания со стороны других игроков и разработчиков, демонстрируя либо сарказм и иронию, либо превращая свои фразы в шутку (что встречается реже). Нередко пользователи прибегают к членению предложения или односоставным назывным предложениям. Также нередко сообщения с такими лексическими единицами сопровождаются смайликами или эмоджи.

Для исследования были изучены записи и эфиры 296 примеров с 200 стримов. В 28 стримах не было найдено применения ненормативной лексики в игровых чатах и при голосовом общении в команде или в игровых сессиях (комментарии подписчиков и зрителей каналов не учитывались). Наиболее встречающимися были примеры допустимой ненормативной лексики. Такая популярность обусловлена в первую очередь искусственной цензурой чата, скрывающей или кодирующей недопустимую лексику, функцией жалобы и возможного бана за вредоносную коммуникацию, потенциальным нежеланием огласки и stalking (прим. нежелательное навязчивое преследование одного человека другим в реальном и/или виртуальном пространстве с возможной травлей) со стороны аудитории стримеров. Процент использования ненормативной лексики составил 56,97%. (Рис. 1.)

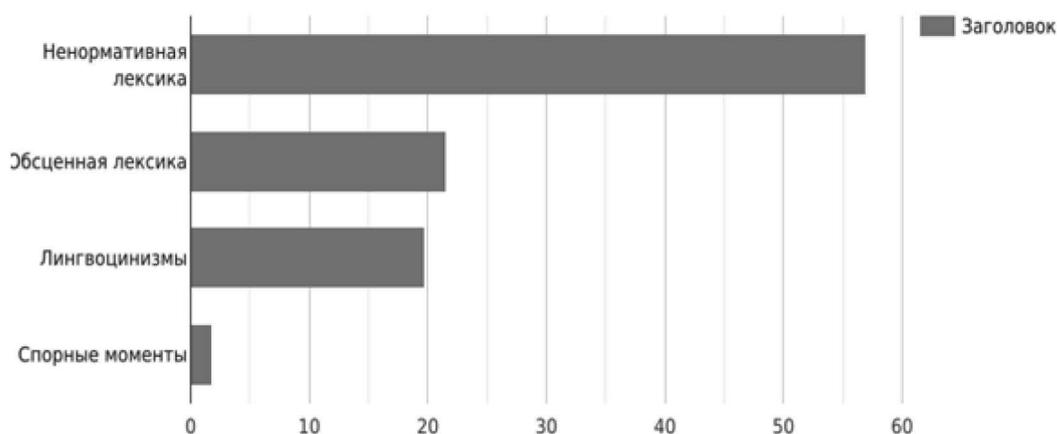


Рис. 1.

Вторым по популярности средством выражения агрессии оказалось применение обсценной лексики. Как уже было сказано ранее, большинство онлайн-игр с текстовым чатом обладают «вшитой» цензурой и активно наказывают за подобные действия. Наиболее часто обсценная лексика встречается в играх с активным голосовым чатом, поскольку такой поток информации практически невозможно хранить, а значит контролировать и отслеживать. К обсценной лексике прибегали в 21,51%.

Процент применения лингвоцинизмов составил 19,76, поскольку это «легальный», незапрещённый способ выразить свои эмоции без риска получить штрафы.

В нескольких ситуациях возникали спорные моменты по применению подобных лексических единиц, но они также были учтены (1,76%).

Статистика использования ненормативной лексики, обсценной лексики и лингвоцинизмов.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Применение ненормативной лексики в онлайн-

играх может быть связано с выражением разных мыслей, идей, эмоций и чувств, но наиболее часто это является ответной реакцией на такие негативные эмоции, как негодование, разочарование, злость, обида и т. д.

2. Ненормативная лексика является весьма распространённым явлением в сфере компьютерных онлайн-игр. Имея возможность свободно выражаться и, не имея строго надзора или ограничивающих рамок со стороны создателей, игроки выражают различные эмоции удобным для себя способом.
3. Наиболее частым видом применения данной лексики в текстовых чатах выступает «не матерная» ненормативная лексика. Такая популярность обуславливается несколькими факторами: внутренней цензурой и правилами поведения и общения на стримах и в игровых сессиях, а также другими.
4. Обсценная лексика чаще всего встречается в онлайн-играх с активным голосовым чатом. Такая популярность в играх данного типа обусловлена невозможностью хранения, обработки и распознавания такого огромного потока информации, а соответственно и его контроля. Игроки могут активно выражаться и проявлять эмотивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибсон У.Ф., Штейнбах К.В. – Современная зарубежная проза, 2018. -с. 170
2. Кастельс М. -Галактика Интернет; 2004. - с. 8
3. Войкунский А.Е.- метафоры интернета; 2011. -с. 70–72
4. Гаспаров Б.М. - Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования; 1996. – с.338
5. Шабшин И.И. - Психологические особенности и феномены коммуникации в Интернете; 2005. -с. 7

6. Понятие «вульгаризмы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/vul-garizmy-bd7154?ysclid=lv5uvzql797590669> (Дата обращения: 24.04.2024)
7. Рюмин Р.В. - Э.Х. Партридж и субстандартная англоязычная лексикография; 2006 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-h-partridzh-i-substandartnaya-angloyazychnaya-leksikografiya> (Дата обращения: 24.04.2024)
8. Цирханова С.А. – Термин «вульгаризм» в трактовке Эрика Партриджа; 2008 - с. 275 -278
9. Гришева К.А., Кондратей М.В., Ткаченко В.В. - Ненормативная лексика, основные факторы ее употребления; 2014 - с. 654-658
10. Шкапенко Т.М. - Общественная лексика: о когнитивных механизмах табуизации слов; 2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstsennaya-leksika-o-kognitivnyh-mehanizmah-tabuizatsii-slov?ysclid=lvq1slh4i1498039527> (Дата обращения: 25.04.2024)
11. Гусейнов Г. – Общественная лексика; 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://postnauka.org/video/11636> (Дата обращения: 25.04.2024)
12. Шаховский В.И. - Эмоции - мотивационная основа человеческого сознания; 2006 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-motivatsionnaya-osnova-chelovecheskogo-soznaniya?ysclid=lvq1z7v4cp562574136> (Дата обращения: 25.04.2024)
13. Ковинько Л.В. – семейное воспитание: краткий словарь; 1990. – с. 319
14. Сковородников А.П. - К определению термина «Лингвоцинизмы»; 2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-termina-lingvotsinizmy/viewer> (Дата обращения: 25.04.2024).

© Тихомиров Дмитрий Петерович (DTihomirov7051@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОВЕЛЛЫ З.А. ВОЛКОНСКОЙ «СЛАВЯНСКАЯ КАРТИНА V СТОЛЕТИЯ»: ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ И РОМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Токарева Марина Сергеевна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Marinatok97@gmail.com

TO THE INTERPRETATION OF Z.A. VOLKONSKAYA'S SHORT STORY "SLAVIC PICTURE OF THE FIFTH CENTURY": ENLIGHTENMENT AND ROMANTIC ASPECTS

M. Tokareva

Summary: The article is devoted to the ideological features of Princess Z.A. Volkonskaya's short story "Slavic Picture of the Fifth Century" in the context of the Enlightenment and Romantic tradition. The aim is to find out how the author portrays the dichotomy "barbarism-civilization" in the work of salon literature. The novelty lies in the consideration of the little-studied work as a fusion of Romanticism and Enlightenment. "Slavic picture" fits into the romantic search for the so-called 'Slavic antiquity' and the formation of the national myth. The Enlightenment component in Volkonskaya's text is refracted through the prism of "feminine" themes and writing strategies of salon authors, which, on the one hand, built in advance certain categories of evaluation for critics, on the other hand, offered a unique perspective on the subjects, the influence of which went far beyond the limits of this type of literature.

Keywords: Enlightenment, Romanticism, salon literature, civilization, Ferguson, Rousseau, Zinaida Volkonskaya.

Аннотация: Статья посвящена идейным особенностям новеллы княгини З.А. Волконской «Славянская картина пятого века» в контексте просветительской и романтической традиции. Цель – выяснить, каким образом автор изображает дихотомию «варварство-цивилизация» в произведении салонной литературы. Новизна заключается в рассмотрении малоизученного сочинения как слияния романтизма и Просвещения. «Славянская картина» вписывается в романтический поиск так называемой «славянской античности» и формирование национального мифа. Просветительская составляющая в тексте Волконской преломляется сквозь призму «женских» тем и писательских стратегий салонных авторов что, с одной стороны, заранее выстраивало определенные категории оценки для критиков, с другой – предлагало уникальный взгляд на сюжеты, влияние которых выходило далеко за пределы такого типа сочинений.

Ключевые слова: просвещение, романтизм, салонное творчество, цивилизация, Фергюсон, Руссо, Зинаида Волконская.

Зинаида Александровна Волконская (1789/1793–1862) была литератором, композитором и музыкантом. Сочинения Волконской тяготеют к формам салонной литературы. Зинаида Александровна держала литературно-музыкальные салоны и была приближенной ко двору Александра I в годы заграничных походов. В первой половине 1820-х её московский салон посещали А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А. Мицкевич, Д.В. Веневитинов и другие. После переезда в Рим в 1829 г. княгиня принимала у себя на вилле Н.В. Гоголя, Ф.А. Бруни, В. Камуччини, Г. Верне, В. Скотта и других мыслителей [1, с. 11]. Она объединяла европейские и русские традиции в искусстве и была восприимчива к очень разным течениям.

Сейчас З.А. Волконская преимущественно рассматривается как посредник между разными литературными группами и проводник итальянской культуры в России и русской культуры в Италии. Литературное наследие З.А. Волконской ни раз привлекало внимание, однако все ещё изучено фрагментарно, поскольку исследователи обсуждали преимущественно биографию, а творчество

лишь в связи с ней и очень выборочно [1,3,4,5,6]. «Сказание об Ольге», «Четыре новеллы», многочисленные путевые заметки, дневниковые записи изучены недостаточно, их идейная сущность так и не была затронута. Одно из немногочисленных исключений представляет работа А.А. Высоцкого «Киевская Русь в историческом романе 30-х гг. XIX века»: М.Н. Загоскин, А.Ф. Вельтман, З.А. Волконская». Говоря о «Славянской картине», А.А. Высоцкий пишет, что сюжет построен на противопоставлении варварства и цивилизации в духе философии Просвещения [7, с.10]. Это мнение следует обсудить более подробно, так как А.А. Высоцкий не описал романтические свойства этого текста и не связал их с культурно-историческим контекстом. С учетом этих замечаний мы намерены сосредоточиться на идейном и контекстуальном аспекте «Славянской картины».

Изначально «Славянская картина...» («Tableau slave du V siècle») была написана на французском языке и издана анонимно в Париже в 1824-м, в следующем году в Москве появился перевод Петра Шаликова. Одним

из наиболее влиятельных трудов по русской истории во Франции была «Российская история» П. Левека (*Histoire de Russie tirée des chroniques originales, des pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation*, 1782) [8]. П. Левек настаивал на том, что славяне, как и большинство европейских народов, пришли с Востока: эта точка зрения опровергалась редакторами в позднейших изданиях этой книги [9, с.62-63]. Тем не менее, в предуведомлении Волконская указывает на Азию как на колыбель славян «и всего рода человеческого» [10, с.XII]. Вероятно, Волконской были известны труды Левека, так как до Карамзина в русских дворянских семьях историю России изучали преимущественно по его труду [11, с.4]. Однако, скорее всего, княгиня цитировала «Российскую историю» по памяти и не была знакома с позднейшими изданиями.

По форме «Славянская картина...» напоминает новеллу, однако это весьма условно, потому что авторское жанровое определение («картина») не совпадает с современными представлениями о жанре в русскоязычном литературоведении. В тексте рассказывается история родителей легендарного предводителя славян и основателя Киева – Кия. Для лучшего понимания дальнейших рассуждений вкратце обрисовем сюжет: житель самого развитого племени долины, юноша по имени Ладовид, уходит искать невесту в лесные дикое племена. Там он находит дикарку Мириаду, берёт её в жёны и пытается вписать её в жизнь своей общины. Однако Мириада убегает в лес. Ладовид отправляется на поиски жены, проходит некоторые испытания, находит её и уговаривает вернуться. Герой готов простить Мириаду, лишь бы она возвратилась в семью, а значит – в цивилизацию. В итоге Мириада возвращается, принимает обычаи племени долины и видит сон-предзнаменование: о том, как она родит князя-объединителя всех славян.

«Славянская картина» преподносилось в форме научных исканий Волконской. Сочинение базируется на сведениях из первого издания «Истории государства российского» Н.М. Карамзина – это было практически единственное серьёзное исследование, рассказывающее о жизни древних славян. Кроме того, использовались труды немецкого историка славянских государств Людвиг Гебарди. П. Левек, ссылки на которого отсутствуют в «Славянской картине...», писал о нравах и верованиях славян: именно на этих темах акцентировалась Волконская. В частности, имена многих богов, а также значение сакральных мест (река и лес) в новелле согласуются с представлениями Левека [8, с. 36–45]. После публикации княгиню пригласили в историческое общество при Московском университете – «Общество истории и древностей российских» [3, с.33]. Сегодня, конечно, такой текст нельзя назвать научным, но он, так или иначе, отвечал запросам времени.

В предуведомлении княгиня раскрывает свои намерения. Она хотела бы изобразить «окультуривание» диких племён:

«Мне показалось ещё, что я увеличу привлекательность сей картины, представивши противоположность между нравами, религиозными понятиями и чувствами человека, который, начавши пользоваться благами рождающегося просвещения, познаёт труд, земледелие, законы чести и благопристойности, и между жизнью и грубыми понятиями существа, которое, в диком состоянии – плачевном следствии продолжительного уничтожения – произрастает как былие, живёт как скот, и которого врожденные добродетели и бессмертная душа как будто под жёсткую карою, снимаемую одним только временем, или ранними и могущественными усилиями гения *просветителя*» [10, с. XI].

Необходимо обратить внимание на слово «просветитель» (во французском оригинале – «civilisateur») [12, с.157]. В трудах большинства просветителей XVIII в., за исключением Руссо, слово «цивилизация» имело позитивную коннотацию. Оно подразумевало отказ от моральных и политических идей феодализма в пользу общественных ценностей, провозглашавших разум, справедливость и свободу целью развития социума. Однако трактовка этого понятия различалась. Например, шотландский просветитель Адам Фергюсон одним из первых выстроил градацию «дикость-варварство-цивилизация», где под цивилизацией понималось высшее состояние общества. Согласно идее, высказанной в его «Очерке истории гражданского общества» (*An Essay on the History of Civil Society*, 1767), человечество бесконечно стремится к прогрессу, и народы проходят все три стадии с разной скоростью. По Фергюсону, формирование идентичности в социуме происходит не столько через осознание принадлежности к человечеству как таковому, сколько через включение в конкретную группу. Членство в одной группе подразумевает исключение из другой, враждебной. Солидарность внутри первой группы проявляется в противопоставлении себя этой второй группе [13; 14, 15, с.6]. Волконская демонстрирует историю этноса на примере двух племен, первое из которых относится к полянам, другое, как следует из примечаний, соотносимо с древлянами [10, с.71]. Эти племена показаны в сопоставлении и даже в некоторой оппозиции: исторически древляне и поляне действительно враждовали [16, с.30].

Мы предполагаем, что представления Волконской о цивилизации и частично о социуме совпадают с Фергюсоном: «Очерк истории гражданского общества» был переведён на основной язык чтения русских дворян – французский – в 1783-м, затем в 1817-1819-м появился русский перевод, однако нет прямых доказательств знакомства Волконской с этим сочинением. По мнению

княгини, переход от варварства к цивилизации начинается с оседлого образа жизни и развития земледелия [10, с.1]. Данная гипотеза соответствует общему направлению эволюционного подхода, который развивался в тот период в антропологии. Вместе с тем Волконская анализирует его социальный и философский аспекты. Княгиня утверждает, что общество базируется на разумном начале и способно обуздать самые низменные человеческие пороки. Жизнь вне общества, следовательно, ведёт к невежеству, моральному разложению и вседозволенности.

Социальная структура, в свою очередь, зиждется на семейных отношениях. В сюжете играют роль два племени: лесное племя – кочевое с дикими нравами, и племя долины – оседлое, с социальными законами и иерархией. В племени долины женщины должны быть покорными. Ладовиду, главному герою, приходит время жениться, однако он не ищет невесту среди соплеменниц: он сочувствует несвободным людям. Он говорит, что союз слабого и сильного, тирана и раба не принесёт счастья [10, с.3]. Ладовида более привлекают женщины кочевых племён, которые не зависят от семейной иерархии.

Герой покидает дом и скитается. Так как автор изображает Ладовида с помощью позитивно окрашенных эпитетов, можно предположить, что его непослушание традициям племени находит отклик у Волконской. Тем не менее основной акцент сделан не столько на «горькой женской судьбе», сколько на тяжёлом положении мужчин [10, с.47]. Из уст Ладовида мы узнаём, что роль тирана несовместима с нравственностью – расширяя этот тезис, можно утверждать, что тирания столько же противоречит цивилизации, сколько ей противоречит отсутствие внешнего общественного контроля. Однако мужчины племени долины, находящиеся под наименьшим влиянием гендерных и семейных установок, чем женщины, вынуждены соответствовать статусу ради уважения соплеменников.

Кроме того, исключение из общественной жизни грозило гибелью, поскольку людям вне сообщества угрожали плохая погода, дикие животные, голод и грабители. Добровольное изгнание Ладовида подчёркивает его цивилизованность: ради своих убеждений он готов пойти на риск. В таком случае уже соплеменники Ладовида представляются варварами, так как они поддерживают несвободное положение женщины. Ладовид, соответственно, выступает как цивилизатор не только по отношению к лесным славянам, но к членам своей общины. Покинув племя долины ради поиска собственного пути, Ладовид в каком-то смысле выбирает цивилизацию, где нет места оскорблению человеческого достоинства. Таким образом, Волконская выходит за пределы простого описания гендерных отношений, переводя их в более широкую плоскость, попутно наделяя Ладовида чертами

романтического героя [10, с.46].

В лесах персонаж проходит испытание: он спасает дикарку Милиаду от рук агрессивной соплеменницы. Ладовид рассказывает Милиаде о жизненном устройстве и нравах своего племени и предлагает ей выйти за него замуж. Из их диалога становится ясно, что «лесные» славяне не знают, что такое семья, гостеприимство, хозяйство, они собираются только ради охоты и войны [10, с.47]. Они не имеют понятия о браке и воспитании детей. Отчасти такое изображение социального устройства соответствует историческим данным. Например, С.К. Желяева и А.А. Максимова в статье «К вопросу о заключении брака в языческой Руси» пишут, что древляне, кривичи, вятичи, северяне жили в лесной местности и практиковали полигамию, в то время как именно поляне, жившие по течению Днепра и практиковавшие моногамию, стали основой населения Киевской Руси [17, с.38]. Сегодня влияние моногамных семей на образование централизованной власти практически не отрицается. Итак, для автора «Славянской картины» очевидна роль семьи в переходе от варварского состояния к цивилизации.

Если говорить об образах главных героев, то Волконская воспроизводит древнее восприятие о женщине как носительнице хаоса. Мужчина в данном контексте предстаёт в роли наставника: например, он объясняет Милиаде, почему он отказался мстить ей за побег из семьи. Мечь недостойна человека, а благодарность его возвышает. Милиада уверена, что мечь дана богами и им угодна, в то время как Ладовид разграничивает негативное и положительное влияние богов, то есть вносит в её представления некоторую рационализацию:

– «<...> разве мщение не дано нам богами же?

– Так, но оно происходит от Чернобога, источника зол наших, оно вредоносно, разрушительно. Благодарность же сладостна, мила и продолжительна» [10, с.58].

В конце произведения героиня признаёт, что безопасность общины стоит свободных нравов лесов: отныне Милиада стремится принести цивилизацию своим племенам. Таким образом, героиня воплощает путь развития человеческих обществ: цивилизация в «Славянской картине» предстаёт как попытка защиты от всех видов опасностей, начиная от природных катастроф и заканчивая деструктивными проявлениями психики. Важно, что задача переосмыслить этот путь досталась именно женскому персонажу. Это можно трактовать двояко. С одной стороны, Милиада – рефлексирующий герой со множеством ипостасей. С другой стороны, может показаться, что именно женская природа более дикая и нуждается, по мнению автора, в приручении [18, с.48]. В «Славянской картине» мужчина и женщина противопоставлены друг другу, он – продукт цивилизации и культуры, она – свободного от всех видов ие-

рархии общества, однако эта дикость у Волконской не окрашена негативно. Скорее это пространство свободы, но свободы сиюминутной, без стратегического планирования, свойственного более зрелым обществам: в экспозиции автор подчёркивает, что лесные славяне не знали нравов и законов, соответственно, они лишены будущего [10, с.1].

Какова специфика интерпретации идей Просвещения в «Славянской картине»? Во-первых, Волконская осмысляет столь актуальную для XIX в. тему сквозь призму гендерных и семейных отношений. Женская субъектность выражается во множестве ипостасей. Мириада – это и лесная нимфа, житель загадочной «экзотической страны», «нецивилизованного» мира, и жена, и член общины, и родоначальница княжеского рода. Мужская роль – новаторская, Ладовид нарушает правила и открывает новую форму взаимодействия между лесным племенем и племенем долины. Он же выступает как просветитель или цивилизатор: несёт правила и новые общественные рациональные установки. Используя термин Е. М. Мелетинского, можно сказать, что Ладовид выполняет функции культурного героя (*heros civilisateur*) [19, с.259]. В мифологии такие персонажи занимались обучением и воспитанием людей ради преодоления хаотичного состояния, защиты от необузданных сил и выстраивания мира как устойчивой системы. Во имя достижения своего предназначения культурный герой часто жертвует собой (самый известный пример – Прометей), так и Ладовид в течение всего повествования ни раз подвергается опасности.

С нашей точки зрения, утверждение английского историка Александры Тоси о том, что Волконская выступает за полную женскую эмансипацию несколько преувеличено [20, с.251]. Однако процесс перехода к цивилизации показан именно сквозь женскую судьбу, путь которой состоит в добровольном ограничении себя в интересах безопасности и порядка. Такой подход укладывается в логику Просвещения: просветители не всегда однозначно относились к «женскому вопросу». С одной стороны, идеи Д. Локка, Ж-Ж. Руссо и Ш. Монтескье дали толчок более свободному положению женщин. При этом идеалом гражданина был именно свободный мужчина, и только за ним закреплялись основные научные и общественные достижения, женщина сохраняла вспомогательную роль в рамках семейных обязанностей. Предполагалось, что женщины провоцируют разгул нравов, следовательно, их жизненное пространство должно быть меньше мужского [21, с.71].

Интерес литературного романтизма первой трети XIX века к национальному характеру, мифопоэтическим образам и легендам был вызван, помимо прочего, несколько враждебным восприятием современной им действительности [22, с. 554]. При этом сочинения на истори-

ческую тему обладали ещё одной спецификой: восприятием древности как колыбели нации. Мечтательное осмысление прошлого в романтизме соответствует оппозиции «былые времена-современность», где белые времена неизбежно идеализируются, а факты становятся неотличимы от вымысла [23, с.314]. Русская мысль этого периода формировала национальное самосознание через изучение Древней Руси. Импульс к осмыслению отечественной истории дала публикация «Слова о полку Игореве» в 1800 году, за ним последовал ряд исторических произведений различных малых жанров, таких как «Славянские вечера» В.Т. Нарезного, повесть «Марфа Посадница» Н.М. Карамзина, трагедия «Дмитрий Донской» В.А. Озерова, «Аскольдова могила» М.Н. Загоскина и т.д. Первый том «Истории государства Российского» вышел в 1816 году. Именно в это время, после победы над Францией, Россия начинала осознавать себя как сильное государство: появилась необходимость в систематизации истории и построении национального мифа. Кроме того, есть вероятность, что на интерес Волконской к древнерусской тематике повлияло её окружение – она плотно взаимодействовала с обществом любителей. Особенно тесно она общалась с Д.В. Веневитиновым, Ив. Киреевским и С.П. Шевырёвым [1, с. 26–27], они, в свою очередь, были близки с А.С. Хомяковым и М.П. Погодиным, которые также стремились в каком-то смысле постичь «дух народа».

На пути к осмыслению этого «духа» русские и западноевропейские мыслители находились в разном положении. Западноевропейские интеллектуалы видели истоки своей культуры в Античности, интерес к которой принял новый поворот после археологических открытий Египетского похода Наполеона. Археология начала формироваться как наука, поэтому в рассуждениях о греческой, римской или египетской истории имелась возможность опираться на более или менее точные данные. Русская культура представлялась несколько оторванной от общих античных корней. Существовала потребность интегрировать славянскую историю в историю мировой (иначе говоря, европейской) цивилизации. Для этого предстояло обнаружить «славянскую античность», от которой можно было бы сконструировать линию развития страны. Однако достоверных данных о славянской древности было крайне мало, поэтому приходилось опираться в большей степени на легенды. Славянская мифология тоже не выстраивалась в единую систему, а состояла из слабо локализованных и мало атрибутированных языческих поверий, обрядов и традиций. Следовательно, как русские романтики, так и профессиональные историки видели свою задачу в реконструкции мифологии и мировоззрения, из которого органично бы вытекала вся российская история [24, с.134].

В стремлении к мифологизации истории «Славянская картина», очевидно, вписывается в романтиче-

скую парадигму. Автор объясняет эволюцию славян их психологическими склонностями – тоже типичный приём писателей романтического толка, который мы встречаем, прежде всего, у И. Гердера и Новалиса. При этом творческая задача, очевидно, заключалась в том, чтобы прославить своих предков и вписать славянскую древнюю историю в общемировой контекст: этой цели служили, например, примечания с описанием различных ритуалов, которые встречаются как у славян, так и у других древних этносов. Так, описывая славянскую традицию похоронных плакальщиц, автор упоминает о наёмных плакальщицах Древней Греции, Рима, а также о рассказывающей о подобном обычае среди еврейского и африканских народов [10, с.81]. Учитывая эту задачу, нужно было досконально и правдиво изобразить исторические детали, иначе сочинение не могло претендовать на хоть какую-нибудь достоверность. В своём стремлении «концептуализировать» прошлое Волконская не избежала одной из распространенных ошибок историков Древней Руси того времени: в «Славянской картине» присутствует некоторое вольное обращение с мифологией. Утверждается, что она основана на греческих, египетских и индийских представлениях о божественном [10, с.XII].

Воображаемое погружение в древность или в экзотические, чаще всего восточные, миры считается одним из способов эскапизма и дистанцирования от своей эпохи. Романтики, вслед за Руссо, которого тогда много обсуждали в русской литературе, несколько идеализировали жителей «экзотической страны», которая могла представлять собой как вымышленное, так и реально существующее пространство [25, с.78; 26, с.425-426]. Волконская, как представитель романтической эпохи, следует этим тенденциям, которые обозначены и в «Славянской картине» на уровне задумки и сюжета. Например, уход в лесное племя можно интерпретировать как путешествие в «экзотическую страну» в поисках идеала. Ладовид уходит к диким славянам не только ради невесты, но ради нечто противоположного обычаям своего племени – свободы и гордости. Он ищет общество без притеснений, где люди живут согласно исключительно законам природы, иначе говоря, естественным законам в их руссоистском понимании. Экзотическая страна как топос является местом, свободным от внешних влияний – оно сохранило свою «самость» и наиболее яркие черты. Представления Ладовида об обитателях леса сопоставимы с представлениями о «благородном дикаре», иначе говоря, они поэтизированы и привлекают как что-то таинственное. Однако после знакомства с нравами лесных племен, герой лишается иллюзий относительно их устройства и традиций. Такой сюжетный поворот несколько опровергает руссоистскую концепцию и сближается с классическими просветительскими идеями, однако без демонизации «варварства»: экзотическая страна остается прекрасной, но цивилизация и

господство разума признается наилучшими условиями для развития личности и общества. В этом посыл Волконской сближается с критикой Руссо, которую находим у Н.М. Карамзина:

«<...> сия вечно цветущая страна, под благим, светлым небом, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любят друг друга, как нежные братья <...> есть нечто восхитительное для воображения чувствительных людей; но — будем искренны и признаемся, что сия счастливая страна есть не что иное, как приятный сон, как восхитительная мечта сего самого воображения». [27, с.129].

«Славянская картина» представляет собой синтез романтических и просветительских идей. С одной стороны, в этом сочинении очевиден характерный для романтизма интерес к национальным истокам, героизация главного героя и конструирование истории как непротиворечивого мифа. Подобные темы занимали интеллектуалов начала века, когда перед европейским обществом назрел вопрос выстраивания отношений с автохтонным населением колоний, а перед российским – поиск так называемой «славянской античности» и формирование национального мифа после победы в войне 1812 года.

С другой стороны, сюжет «Славянской картины» построен на конфликте между варварством и цивилизацией, который задаёт определенную ценностную ориентацию. Она отражает просветительскую убежденность в неизменном прогрессе, ставшую, впрочем, к началу XIX в. общим местом – человечество идёт от худшего к лучшему, так было в начале времён, так есть и сейчас. Для автора цивилизация – цель нравственного развития общества. Предположительно, Волконская опиралась не только на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, но и на «Российскую историю» П. Лёвека и «Очерк истории гражданского общества» А. Фергюсона, при чём от Карамзина и Лёвека заимствовалась преимущественно фактология, а от Фергюсона – идейная составляющая. «В Славянской картине...» отсутствует присущее романтизму пессимистичное отношение к нынешней эпохе, однако ощутима предромантическая, по определению Ю.В. Манна, оппозиция «европейское-нецивилизованное» [23, с.319].

Концовку метафизически можно трактовать следующим образом. Трансформация в сторону более сложного социального устройства – княжества – является следствием полного перехода главного женского персонажа из дикого состояния в состояние цивилизации. Дихотомия «варварство-цивилизация» осмысливается сквозь отношения полов – наиболее востребованной темы в женской литературе. Текст объединяет как романтические, так и просветительские тенденции, оставаясь верным «классическому» Просвещению в противовес Руссо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты. СПб.: Некоммерческое партнёрство «Русская культура», 2017. 272 с.
2. Гаррис М.А. Зинаида Волконская и её время. М.: К.Ф. Некрасов, 1916. 136 с.
3. Сайкина Н.В. Московский литературный салон кн. Зинаиды Волконской: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2002. 271 с.
4. Глушакова И.Н. Салон З.А. Волконской как окно в Европу для Пушкина и его друзей // Россия и Италия. Вып.4. Встреча культур. М.: Наука, 2000. С.109-165.
5. Чупринова Н.В. Художественное своеобразие путевых записок княгини З.А. Волконской // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 8. С. 116–119.
6. Гасперович В. Зинаида Волконская. Неопубликованные материалы из итальянских архивов // Альманах на память будущему. М.: ИД Тончу, 2014. С.228-232.
7. Высоцкий А.А. Киевская Русь в русском историческом романе 30-х годов XIX в.: (М Н. Загоскин, А.Ф. Вельтман, З.А. Волконская): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н / Днепрпетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепрпетровск, 1991. 17 с.
8. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, des pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation. T.1. Paris, 1783. 375 p.
9. Андреев В.В. Создание древнерусского государства в трудах французских историков второй половины XVIII в. // Вестник НовГУ. 2014. №83–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-drevnerusskogo-gosudarstva-v-trudah-frantsuzskih-istorikov-vtoroy-poloviny-xviii-v> (дата обращения: 18.07.2024).
10. Волконская З.А. Славянская картина пятого века. Перевод с франц. князя Петра Шаликова. М.: Университетская типография, 1825. 107 с.
11. Андреев В.В. Происхождение и расселение славян во французской историографии второй половины XVIII в. // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-i-rasselenie-slavyan-vo-frantsuzskoy-istoriografii-vtoroy-poloviny-xviii-v> (дата обращения: 18.07.2024).
12. Oeuvres choisies de la princesse Zénéïde Volkonsky née princesse Beloselsky. Paris, Carlsruhe, 1865. 339 p.
13. Pencilé M-A. Adam Ferguson, Essai sur l'histoire de la société civile // Lecture. URL: <http://journals.openedition.org/lectures/16395> (дата обращения 22.07.2024)
14. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. The fourth edition revised and corrected. London, 1773. 466 p.
15. Терин Д.Ф. «Цивилизация» против «Варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. 2003. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsiya-protiv-varvarstva-k-istoriografii-idei-evropeyskoj-unikalnosti> (дата обращения: 01.07.2024).
16. Лобин А.М. Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века; под ред. проф. А.И. Ванюкова. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 310 с.
17. Жилыева С.К., Максимова А.А. К вопросу о заключении брака в языческой Руси // Вестник экономики, управления и права. 2021. №4 (57). С.36-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zaklyuchenii-braka-v-yazycheskoj-rusi> (дата обращения: 28.07.2023).
18. Токарева М.С. Философско-историческая концепция цивилизации сквозь призму гинокритики в «Славянской картине V столетия» З.А. Волконской // Время научного прогресса: сборник научных трудов по материалам VI Международной конференции, Волгоград, 10 августа 2022 года. Волгоград: Сфера, 2022. С. 43–52.
19. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
20. Women in Russian Culture and Society (1700-1825) (ed. By W. Rosslyn and A. Tosi). New York, Palgrave Macmilan, 2007. 256 p.
21. Луканина О.Н. Проблема «Женского» в философии эпохи Просвещения // Вестник МГУКИ. 2010. №2. С.70-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhenskogo-v-filosofii-epohi-prosvescheniya> (дата обращения: 31.07.2023).
22. Сомов О.М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. В 2-х т. Т. 2. Ред. коллегия: М.Ф. Овсянников [и др.]. Сост., вступит. статья и примеч. З. А. Каменского. М., Искусство, 1974. 647 с.
23. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., Искусство, 1976. 377 с.
24. Милюгина Е.Г. Русский романтизм в поисках «славянской античности». Дергачевские чтения-2000. Ч. 1. №. 5. Екатеринбург, 2001. С.134-139.
25. Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 862 с.
26. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Собрание сочинений. Том 1: Русская литература и культура Просвещения. 2-е издание, исправленное. М.: ОГИ, 2000. С.425-434.
27. Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 122–142.

© Токарева Марина Сергеевна (Marinatok97@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НОВЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ В КИТАЕ

Хуан Хаонань

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
huanghn@mail.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF VISUAL IDENTITY OF NEW CONSUMER PRODUCTS IN CHINA

Huang Haonan

Summary: Since the implementation of the identity strategy in China, many companies have integrated their internal and external images into a visual identity system, which has contributed to the creation of a strong image in the minds of consumers. In recent years, many new consumer products have appeared on the market, and visual identity continues to be a key tool for brand formation and promotion. However, the old standards no longer meet the needs of the new era, and the visual identity of modern products has undergone significant changes. This article examines the development and changes of visual identity of new consumer products in China, focusing on the characteristics of visual identity of food brands. The study adopts the methods of analysis, synthesis, comparison, and description. The article explains the basic concepts and functions of visual identity, describes the development of the new consumer product industry in China, and analyzes the logos, advertising campaigns and websites of the brands in the rankings, summarizing the trend of visual identity of products in recent years.

Keywords: visual identity, new consumption, China, consumer goods, food brands, features, trends.

Аннотация: После внедрения стратегии идентификации в Китае множество компаний объединили свои внутренние и внешние образы в рамках системы визуальной идентичности, что способствовало созданию сильного имиджа в сознании потребителей. В последние годы на рынке появилось множество новых потребительских товаров, и визуальная идентичность остается ключевым инструментом для формирования и продвижения брендов. Однако старые стандарты уже не отвечают требованиям новой эпохи, и визуальная идентичность современных товаров претерпела значительные изменения. В данной статье рассматривается развитие и изменения визуальной идентичности новых потребительских товаров в Китае, уделяя особое внимание особенностям визуальной идентичности продуктов, представленных пищевыми брендами. В исследовании применяются методы анализа, синтеза, сравнения и описания. В статье объясняются основные концепции и функции визуальной идентификации, описывается развитие индустрии новых потребительских товаров в Китае, а также анализируются логотипы, рекламные кампании и веб-сайты брендов, находящихся в рейтингах, обобщая тенденции визуальной идентификации товаров за последние годы.

Ключевые слова: визуальная идентификация, новое потребление, Китай, потребительские товары, пищевые бренды, особенности, тенденции.

Визуальная идентификация – это система, которая использует ряд элементов визуальных символов для передачи информации о бренде аудитории и часто тесно связана с корпоративным имиджем. В современном контексте визуальная идентификация, идентичность бренда, айдентика, фирменный стиль и корпоративная идентификация часто используются как синонимы, но есть и тонкие различия. А.И. Куценко перечислил различные определения корпоративной идентификации бизнеса и указал, что в России развитие идентификационной составляющей бизнеса как его обязательной части началось с 1990-х годов, и было подвержено сильному влиянию западной бизнес-терминологии [4, с. 13]. Так что айдентика в разных практиках называется по-разному.

Корпоративная идентификация – это важная стратегия, которую необходимо планировать и прогнозировать. Е.Л. Трофимова делит структуру корпоративной идентичности на четыре уровня с организационной точки зрения: когнитивный, поведенческий, эмоциональный, оценочный компоненты [9, с. 14]. Корпоративная

идентификация должна отражать философию, культуру и стратегию бизнеса компании. Она больше связана с организационной структурой компании, имиджем сотрудников, офисной средой и т. д. и направлен на передачу общего имиджа и силы компании.

Американская ассоциация маркетинга определяет бренд с точки зрения знака и функции: бренд — это название, термин, дизайн, символ или любую другую характеристику, которая отличает продукт или услугу продавца от товаров или услуг других продавцов. И создание имиджа бренда подчеркивает ценности бренда, индивидуальность, эмоциональные ассоциации и т. д. Оно включает в себя не только визуальное представление товаров и услуг, но и коммуникацию и продвижение бренда. Вместе с визуальной идентичностью продукта они образуют органическое целое и совместно влияют на познание потребителей и их решения о покупке.

Визуальная идентификация – самая прямая и заразительная часть корпоративной идентификации и айдентики. Визуальная идентичность – это основополагающая

идея, формирующее эмоциональные связи, репутация и ожидания, которые складываются в общественном мнении относительно организации, продукта или услуги [5, с. 133]. Визуальная идентичность является важной частью построения современного корпоративного имиджа и бренда. Благодаря интеграции символических форм внешняя коммуникация формирует хорошее корпоративное впечатление для достижения цели продвижения продуктов или услуг.

Обычно создание визуальной идентичности бренда включает в себя разработку логотипа, фирменных шрифтов и стандартных цветов, дополнительных стилизованных графических элементов и их комбинаций. Визуальная идентичность бренда определяет стиль и идеологию всех визуальных аспектов коммуникации бренда.

В 1980-х годах Китай начал внедрять системы визуальной идентификации. Первой компанией, которая это сделала, стала фармацевтическая компания «Аполлон». Название компании, ее торговый знак и бренд совпадают, а «Аполлон» ассоциируется с лекарственными средствами. Эта стратегия объединяет характеристики продукта, имидж бренда и корпоративный имидж, что приносит значительные экономические и социальные выгоды. Годовой объем производства компании вырос с 1 миллиона юаней в 1988 году до 1,05 миллиарда юаней в 1994 году, что стало настоящим мифом в китайском бизнес-сообществе. Успех «Аполлона» способствовал резкому увеличению числа китайских компаний, применяющих имиджевые стратегии. Однако стратегия корпоративного имиджа вскоре столкнулась с упадком из-за внутренних и внешних когнитивных и операционных проблем [3, с. 5]. В некоторой степени таким руководителям и шаблонам не хватает гибкости. Основная идея «корпоративного стиля» – общий для всех продукт коммуникации, заменяется на другой подход – уникальный для каждого коммуникативный акт [2, с. 17].

Визуальная идентичность товаров представляет собой применение и развитие визуальной идентификации бренда и компании на уровне конкретных продуктов. Она нацелена на подчеркивание уникальных характеристик, функций, преимуществ и целевой аудитории каждого отдельного товара. Разработка такой идентичности должна осуществляться с учетом общего визуального стиля бренда, чтобы привлечь внимание потребителей и вызвать у них желание приобрести продукт. Эффективный визуальный дизайн, особенно для новых товаров, способен быстро завоевать рынок. Однако, как отметил Г.В. Буханов, визуальный дизайн также подвержен определенным ограничениям. Дизайн, безусловно, творческая деятельность, но имеет четкие параметры, связанные с бизнесом и социумом, ограниченные рамками технического задания, целевой аудиторией, особенностями потребления и свойствами товара, целями

заказчика, стратегией продвижения и многими, не очень творческими конкретными параметрами [1, с. 6]. Поэтому при создании визуальной идентичности продуктов необходимо учитывать их функциональность, эффективность и технологичность.

В условиях сегодняшней жесткой конкурентной рыночной среды индустрия новых потребительских товаров переживает стремительные изменения и развитие. Система визуальной идентичности играет важную роль в создании узнаваемости бренда, привлечении клиентов и передаче его ценностей. В наши дни понятие «Визуальная идентификация» подразумевает не только фирменный стиль, в том понимании, в котором он был 5–10 лет назад. Сегодня суть айдентики бренда заключается в переходе к гибкой и динамичной дизайн-системе [10, с. 11].

Развитие сектора новых потребительских товаров в Китае стартовало со стратегической трансформации страны от концепции «Сделано в Китае» к «Создано в Китае». Это было сделано для того, чтобы удовлетворить высокий потребительский спрос и способствовать дальнейшему росту национальной экономики. В результате в стране возникло множество новых брендов, предлагающих качественную продукцию и обладающих положительным имиджем.

В 2015 году Государственный совет представил руководство, направленное на активное использование ведущей роли нового потребления, а также на ускорение развития новых предложений и движущих сил [8]. В этом документе впервые была введена концепция нового потребления.

На XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в 2017 году было заявлено, что основным противоречием в обществе новой эпохи является несоответствие между растущими потребностями народа в лучшей жизни и неравномерным и недостаточным развитием. В том же году в Китае начали появляться новые потребительские товары. Согласно данным Национального бюро статистики, общий объем розничных продаж потребительских товаров в 2017 году составил 34,7 трлн юаней, в то время как в год начала реформ и открытости эта цифра была менее 0,2 трлн юаней.

В 2003 году, когда была запущена платформа электронной коммерции Taobao, общий объем розничных продаж составил 5,1 трлн юаней и с тех пор ежегодно увеличивался. С 2015 года на рынке появилось множество новых брендов, которые изменили его структуру благодаря новым концепциям потребления и предложили потребителям уникальный опыт. Несмотря на влияние эпидемии COVID-19 на рынок потребительских товаров, именно в этот период стали популярны группо-

вые покупки в сообществах и электронная коммерция в прямом эфире. Интерес потребителей к покупкам не угас, однако они стали более экономными и рациональными. К 2023 году общий объем розничных продаж потребительских товаров достигнет рекордных 47,1 трлн юаней.

В отличие от традиционных розничных потребительских товаров, новые потребительские товары выделяются по нескольким ключевым аспектам:

1. Инновационные технологии. Такие как 5G, Интернет вещей и большие данные, которые делают процесс потребления более удобным.
2. Новые каналы продаж. Короткие видеоролики, прямые трансляции, групповые покупки в сообществах и рекомендации влиятельных лиц предоставляют потребителям множество вариантов для покупок.
3. Новая целевая аудитория. С изменением демографической структуры Китая поколение Z стало ведущей потребительской силой, а также молодые люди из малых городов и новый средний класс с доходом свыше 100 тысяч юаней.
4. Современные маркетинговые стратегии. Например, совместный трансграничный брендинг для привлечения внимания и различные мероприятия, связанные с женской экономикой.
5. Новые потребительские сценарии. Например, концепция 15-минутного жизненного круга, где все необходимые товары и услуги, такие как лекарства, еда, одежда, досуг и образование, доступны в пределах 15 минут пешком от дома.
6. Обновленный имидж. Многие бренды начинают использовать восточную эстетику и национальные стили.

Эти примеры иллюстрируют особенности новых потребительских товаров, которые проявляются не только в новых отраслях и категориях, но и в традиционных брендах, которые постоянно обновляются. Разработка новых потребительских товаров выигрывает от накопленного опыта в смежных отраслях, профессиональной зрелости специалистов и быстро развивающейся интернет-экосистемы, созданной интернет-компаниями.

В результате этих изменений в макросреде визуальная идентичность новых потребительских товаров постоянно эволюционирует, опираясь на традиционную систему визуальной идентичности.

Согласно китайской поговорке, еда занимает центральное место в жизни человека. Для китайцев трехразовое питание является обязательным. Среди множества новых потребительских товаров наибольшую популярность имеют продукты питания и напитки, включая товары из сетевых магазинов и розничной торговли.

Кроме того, на рынке появились новые товары в таких категориях, как одежда, косметика, электроника, товары для матерей и детей, а также товары для домашних животных и отдыха.

Согласно отчетам, опубликованным соответствующими агентствами, таким как «500 лучших отечественных потребительских брендов Китая в 2024 году» [11], «Новый официальный документ по потреблению в Китае в 2023 году» [6] и «Отчет о ценности 100 лучших новых потребительских брендов в 2020 году» [7], мы выбрали репрезентативные новые потребительские товары в категории продуктов питания и напитков. Мы проанализировали их визуальную идентичность, включая логотипы, цветовые схемы, графические элементы, упаковку, рекламные плакаты и веб-страницы, с акцентом на системность и индивидуальность бренда, а также обсудили особенности и тенденции развития визуальной идентификации новых потребительских товаров.

Мы обнаружили, что визуальная идентичность доступных новых потребительских товаров часто основана на дружелюбных мультяшных образах. Эти персонажи, будь то часть логотипа, заметный элемент упаковки или гигантская кукла, притягивают взгляды в торговом зале. Симпатичные мультяшные герои, миниатюрные животные и яркие узоры вызывают ощущение тепла и дружелюбия, способствуя повышению потребительской симпатии и желанию приобрести продукт. С 2020 года потребители становятся более рациональными; целевая аудитория для качественных, доступных товаров теперь более внимательно смотрит на их экономичность и практичность. В палитре преобладают аппетитные оттенки оранжевого, красного и желтого.

Бренды, в основе своих визуальных идентичностей использующие сочетание простых китайских иероглифов и английских названий, эффективно позиционируют продукты среднего и высокого классов. Целевые потребители отдают предпочтение качеству, вкусу и оригинальности. Такому дизайну удается создать лаконичную, величественную, интернациональную атмосферу, формируя профессиональный и изысканный образ, соответствующий амбициям среднего и высокого сегмента, жаждущего символов качества и статуса. Простая линейная графика и мягкие оттенки подчеркивают уникальную привлекательность бренда.

Как разновидность идеограммы, форма китайских иероглифов тесно связана с их значением. В дизайне визуальной идентичности новых потребительских товаров особое внимание уделяется пониманию китайских иероглифов. Потребителям легче воспринимать и запоминать китайские иероглифы, что способствует быстрому созданию узнаваемости и ассоциаций с брендом. Простые и понятные иероглифы способны быстро

привлечь внимание потребителей и избежать сложных интерпретаций и недоразумений, которые могут возникнуть из-за графики. Однако это не означает, что графика утратила свою значимость в визуальной идентичности новых товаров. Хотя её основная функция больше не заключается в передаче ключевой информации, она играет важную роль в украшении и эмоциональном выражении. Графика, соответствующая идеографическим ассоциациям китайских иероглифов, может повысить визуальную привлекательность и запоминаемость бренда, оставляя яркое впечатление в сознании потребителей и тем самым улучшая его узнаваемость.

Названия продуктов являются важным элементом визуального представления вербального контента в системах визуальной идентификации. Дизайн визуальной идентичности многих брендов начинается с интересной концепции и запоминающегося названия, которое может быстро привлечь внимание потребителей и вызвать их любопытство. Например, молочная компания «Adopt a Cow», основанная в 2016 году, стремится создать бизнес, который занимается разведением коров для пользователей. Девиз компании: «Коровы растут хорошо, молоко будет отличным». Логотип бренда выполнен в виде «ушной бирки», идентификационного символа коровы, с черными китайскими иероглифами на желтом фоне, что делает его легко узнаваемым. Среди множества молочных продуктов он выделяется своим четким и уникальным дизайном, который эффективно передает индивидуальность, ценности и неповторимый шарм бренда, оставляя глубокое и неизгладимое впечатление в сознании потребителей.

У общественности с каждым днем все ярче расцветает чувство идентичности с местной культурой, а правительство активно содействует расцвету культурных и креативных индустрий. В последние годы китайские элементы продолжают прояснять палитру визуальной идентификации. Например, в дизайне логотипов находят отражение традиционные китайские узоры и каллиграфические шрифты, в рекламе гармонично переплетаются чернила и пейзажные картины, а упаковка обретает жизнь через художественные узоры, вырезанные из бумаги, в то время как плакаты оформляются с использованием куплетной структуры для достижения визуального баланса. Эти традиционные китайские элементы насыщены глубоким историческим и культурным подтекстом, способными пробуждать эмоциональный резонанс в сердцах потребителей, даруя им ощущение культурной принадлежности при выборе и использовании продуктов. Более того, адаптируясь к запросам молодого поколения, традиционные культурные элементы соединяются с современными анимационными технологиями для создания уникальных визуальных нарративов, что вносит новизну и создаёт новые возможности на рынке потребительских товаров, одновременно поддерживая

наследие и развитие традиционной китайской культуры.

Традиционные бренды склонны выбирать красный цвет в качестве основного элемента своих логотипов. Этот глубокий цвет, обладающий самой длинной световой волной в видимом спектре, не только привлекает взоры, но и создает у людей ощущение близости и расширенности. Культурные и исторические аспекты лишь усиливают его значимость: в китайской культуре красный воплощает благоприятность, процветание и удачу, передавая позитивные, восторженные и энергичные образы, которые стремятся укрепить доверие потребителей к традициям, аутентичности и качеству.

Однако с развитием рынка и изменением потребительских предпочтений новые бренды восходят к новым вершинам жизнеспособности и инноваций, переосмысляя палитру логотипов. Они стремятся выделиться в океане предложений. Смелые и яркие цветовые сочетания мгновенно захватывают внимание, создавая запоминающееся визуальное впечатление. В то же время современные потребительские марки все более акцентируют внимание на эмоциональном резонансе, отражая ценности конкретных целевых групп. Каждый уникальный выбор цвета становится олицетворением философии и позиции бренда.

Популярность социальных сетей сделала взаимодействие между брендами и потребителями более непосредственным и частым, что способствует совместному творчеству и укрепляет чувство принадлежности у потребителей. Для того чтобы установить более глубокие эмоциональные связи и повысить привлекательность своей продукции, бренды начали размещать популярные комментарии пользователей и девизы молодежи прямо на упаковке и в рекламе. При этом смайлики будут отражать эмоции, передаваемые этими цитатами. Такие высказывания имеют эмоциональную ценность для потребителей и вызывают отклик. Дизайн визуальной идентификации становится более эмоциональным, индивидуальным и повествовательным, что облегчает процесс дележа и распространения таких продуктов.

Кроме стремления к персонализированному потреблению, люди также начинают уделять внимание ценности продуктов для здоровья. Это изменение в потребительских предпочтениях побудило компании акцентировать внимание на экологичности и здоровье в своем позиционировании. В дизайне визуальной идентичности многих новых товаров используется зеленый цвет, символизирующий природу, жизненную силу и здоровье, а также синий цвет, ассоциирующийся со свежестью, комфортом и безопасностью, чтобы передать идеи экологичного и здорового потребления. Бренды акцентируют внимание на натуральных, бездобавочных и устойчивых характеристиках своих продуктов в упа-

ковке и рекламе, а также используют графику, связанную с растениями, каплями воды и облаками, чтобы помочь потребителям интуитивно ощутить связь между продуктом, природой и здоровьем.

Подводя итоги нашего исследования, мы приходим к выводам. Визуальная идентичность новых потребительских товаров продолжает эволюционировать, опираясь на традиционные основы промышленного дизайна. На этот процесс влияют множество факторов: от технологий до демографических изменений, от каналов сбыта до культурных особенностей. Эти воздействия порождают богатство изменений и новых тенденций. Мы можем выделить следующие ключевые моменты:

1. Внимание сосредоточено на понимании китайских иероглифов, в то время как визуальные элементы становятся более простыми и интуитивно воспринимаемыми.
2. Инновационное применение традиционных китайских компонентов.
3. Цветовая палитра становится более смелой, отражая молодежные и модные тенденции.
4. Визуальная идентичность включает идеи устойчивого и здоровья-соответствующего потребления.
5. Дизайн визуальной айдентики акцентирует уникальность бренда и укрепляет эмоциональную связь, придавая особое значение взаимодействию с пользователем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буханов Г.В. Проектное мышление. Креативность. Творчество // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2020. № 38 (38). С. 2.
2. Габриелян Т.О. Знаковый генезис визуально-графической идентификации бренда // Наука и современность. 2014. № 34. С.17–22
3. Гун Чжэнвэй. Дизайн фирменного стиля. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2016. 202с. 龚正伟. 企业形象 (CI) 设计[M]. 北京: 清华大学出版社, 2016
4. Куценко А.И. Корпоративная идентификация бизнеса: Бренд-бук и паспорт фирменных стандартов / А.И. Куценко, Е.Г. Лашкова. М.: Новокузнецк, 2011. 262 с.
5. Манянкина Н.В. Возможности использования социальных медиа для внедрения системы визуальной идентификации // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Том 4. № 4. С.132–139
6. Новый официальный документ по потреблению в Китае в 2023 году 2023 // [электронный ресурс] — URL: <https://max.book118.com/html/2024/0406/5322131230011134.shtml> (дата обращения: 15.08.2024). 第一财经&长沙新消费研究院. 2023中国新消费白皮书
7. Отчет о ценности 100 лучших новых потребительских брендов в 2020 году // [электронный ресурс] — URL: https://www.sohu.com/a/442172192_184436 (дата обращения: 20.08.2024). 三声&数字品牌榜. 2020年度新消费品牌价值TOP100报告
8. Руководство по активному использованию ведущей роли нового потребления и ускорению развития нового предложения и новых движущих сил // [электронный ресурс] — URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2015/content_2975882.htm (дата обращения: 09.08.2024). 中共中央国务院. 国务院关于积极发挥新消费引领作用加快培育形成新供给新动力的指导意见[EB/OL](2015-11-19)[2024-08-15].
9. Трофимова Е.Л. Теоретические подходы к изучению корпоративной идентичности // Психология в экономике и управлении. 2017. № 2. С.7–17
10. Федорова А.В., Лагутина М.А., Буханов Г.В. Проектирование вариативных систем визуальной идентификации бренда как инновационный подход в коммуникативном дизайне // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 31. С.10–30
11. 500 лучших отечественных потребительских брендов Китая в 2024 году // [электронный ресурс] — URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1799902908061042902&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 09.08.2024). 艾媒金榜. 2024年中国国货消费品牌500强

© Хуан Хаонань (huanghn@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АПЕЛЛЯТИВНЫЕ ОНИМЫ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

APPELLATIVE ONYMS IN MILITARY DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

B. Khushvakhtov

Summary: The article defines the place of homonym appellation in onomastics and provides examples of its application in the English language. It examines in detail how the difference between the terms «proper name» and «common noun» is presented in linguistic works and examines the structural and semantic analysis of the designations of equipment, weapons, and attributes of the military discourse of the English-language linguacultural with the «proper name» component. The example of empirical material shows the transition of proper names to the category of common nouns. The main conclusion of this study is the definition of homonym appellation as one of the ways to create secondary names that contribute to the enrichment of the language with new lexical units.

Keywords: appellative, onym, deonymization, proper name, structural-semantic analysis, secondary nomination.

Хушвахтов Билолидин Саймудинович

*Специалист отдела рекрутинга и сопровождения иностранных обучающихся, Управление международного сотрудничества, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
bilol.hushvahtov@mail.ru*

Аннотация: В статье обозначается место апелляции онимов в ономастике и приводятся примеры её применения на материале английского языка. Подробно рассматривается, как в лингвистических трудах представлено различие терминов «имя собственное» и «имя нарицательное», рассматриваются структурный и семантический анализ обозначений техники, оружия, атрибутики военного дискурса англоязычной лингвокультуры с компонентом «имя собственное». На примере эмпирического материала показана переходность имён собственных в категорию имени нарицательного. Основным выводом данного исследования является определение апелляции онимов как одного из способов создания вторичных наименований, способствующих обогащению языка новыми лексическими единицами.

Ключевые слова: апелляция, оним, деонимизация, имя собственное, военный дискурс, структурно-семантический анализ, вторичная номинация.

В науке о языке до сих пор не существует единой точки зрения на то, что считается именем собственным, чем имя собственное отличается от нарицательного имени, имеет ли оно значение, что подразумевается под этим значением и др. А.Н. Антышев считает, что противопоставление имен нарицательных и собственных подкрепляется тем аргументом, что апелляции, как правило, многозначны, им свойственны сдвиги в значениях, обусловленные как внеязыковыми факторами, так и особенностями развития самой лексико-семантической системы языка. Для имен собственных характерна однозначность, независимо от того, образованы ли они морфологическим или лексико-семантическим способом [1, с. 11].

А.В. Суперанская отмечает, что «понятие апелляции и имя нарицательное, частично совпадающие, тем не менее не идентичны. Слово апелляция, по существу является заимствованным из лат. *nomen appellativum*, перевод которого издавна известен в русских грамматиках как имя нарицательное. Однако термин апелляция «ушёл» из первоначальной пары противопоставленных в грамматике терминов и сопоставляется в ономастике термину оним. Оба они, и апелляция, и оним, лежат вне грамматических категорий. Термин оним более системен, чем термин имя собственное, так как он связан с такими терминами, как ономастика, ономастикон, онимизация

(апелляция), а также с названиями всех разрядов ономастики (топонимика, астрономика и т. д.). Противопоставление апелляции и онима имеет следствием противопоставление апеллятивной и онимической лексики [7, с. 37]. Т.А. Буркова пишет о том, что переход имен собственных в разряд нарицательных имеет важную закономерность, а именно известность денотата для членов коллектива. От конкретного лица, по мнению ученого, абстрагируются характерные черты, действия, поступки и т. д., образуя понятия, которые начинают называться именем данного субъекта. Затем происходит трансформация онима на любое другое лицо, характеризующееся теми же чертами, что и носитель имени [4, с. 1402]. Обобщение и индивидуализация – главные отличия, определяющие специфику имен нарицательных и имен собственных. Рассматривая словообразовательные аспекты имен собственных по индивидуальным признакам, А.Е. Бижкенова подчеркивает, что на основе имен собственных появляется особая лексика, которую она называет деонимами, а процесс их образования – деонимизацией [2, с. 7].

По данным «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, «деонимизация – это переход онима в апеллятив без аффиксации». Автором выделены следующие виды переходов: а) имя лица – лицо; б) имя лица – вещь; в) название места – вещь; г) имя лица –

действие; д) название места – действие; е) имя лица – единица измерения [6, с. 89]. Если принять во внимание, что называемый с помощью имени собственного объект всегда определен, то истинная сфера употребления имени собственного – различные речевые ситуации, где все определено. Переходя в язык как систему знаков, имя собственное должно обрести некоторую долю событийно-ситуационной информации, которая бы позволила установить его связь с логико-предметными рядами, без чего оно не может функционировать в системе [8, с. 18–19]. Аппеллятивация имён, считает Р.З. Ханичев, приводит к их переходу в другие лексические подсистемы: **генри** – единица самоиндукции (**Дж. Генри** – американский физик), **рентген** – рентгеновы лучи – рентгенография – (немецкий физик **Рентген**), **палех** – миниатюрные изделия из папье-маше с особо стилизованной росписью (**Палех** – село в Ивановской области), **хохлома** – расписная деревянная посуда (**Хохлома** – село в Горьковской области, где ее изготавливают), **гжель** – белая фаянсовая посуда с синим рисунком (**Гжель** – густонаселенная местность в Подмосковной Мещере) [8, с. 21].

Особенно частотным является переход уменьшительных форм личных имен в сферу нарицательной лексики. Например: **Хороша Маша**, да не наша (при этом **Маша** может быть и неодушевленным предметом); стоит на горке в красной шапке **Егорка** (гриб); ср. англ. **jack-rabbit** большой американский заяц, **jack-snipe** бекас, **tom-cat** кот самец, **billy-goat** козел. [7, с. 44–45]. В результате изменения семантической структуры антропонима новое, перенесенное имя выполняет все функции нарицательного имени: оно употребляется в грамматических формах и сочетаниях, характерных для нарицательного имени, употребляется во всех видах словообразования, а, следовательно, это служит подтверждением деонимизации личного имени [5, с. 38].

Процесс деонимизации – перехода имени собственного в разряд нарицательных – часто характеризует прецедентное функционирование имен. К.Э. Болотина называет два вида деонимизации: 1) естественная и 2) искусственная деонимизация. Естественная деонимизация может быть неполной, т.е. не наблюдается полный отрыв имени нарицательного от имени собственного. Полная деонимизация (искусственная деонимизация) предполагает соответственно полноценный отрыв от первичного значения. Таким образом, имена прошедшие неполную деонимизацию, сохраняют свое основное назначение – быть именем собственным – указывать, индивидуализировать, означать людей (в основном). Но они приобретают дополнительные коннотации и начинают означать людей определенного характера. [3, с. 110–111]. Имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же чертами, при этом не подвергаясь полной аппеллятивации. Так, широко известное имя **Нерон (Nero)**, которым назывался

один из древнеримских императоров, стало обозначать жестокого тирана вообще [8, с. 25]. В XIX–XX вв. сокращенные формы имен переносятся и в технику, становясь элементами технического просторечия: ср. **Jack (Джек)** – уменьшительное от **John (Джон): jack** «флаг, домкрат, рычаг»; **jack-knife** – «большой складной нож» [7, с. 46].

Как мы видим, в целом переход имени в аппеллятив связан с необходимостью поиска новых имен и более точного отражения фрагментов действительности, то есть обусловлен экстралингвистическими факторами.

Целью данной статьи является структурный и семантический анализ обозначений техники, оружия, атрибутики военного дискурса англоязычной лингвокультуры с компонентом «имя собственное». Эмпирическим материалом настоящего исследования послужили более 100 обозначений, отобранных нами из англо-английских, англо-русских словарей, а также журналов и газет 2015–2020 гг. [10,11,12,13,14,15,16,17,18,19,20].

Структурно-семантический анализ эмпирического материала рассмотренных нами аппеллятивных онимов позволил выделить следующие виды антропонимов, перешедших в разряд нарицательных и используемых в номинации военных атрибутов, военной техники, операций, событий и т. д.:

I. Личное имя:

- **Merlin** (Мерлин) – всепогодный универсальный вертолет среднего класса BBC Великобритании (предполагается, что название происходит от имени персонажа рыцарских романов о короле Артуре (XIII–XIV вв.), волшебника и ясновидца Мерлина, который помог Артуру овладеть большим мечом).
- **Alfred** (Альфред) – вооруженное торговое судно Континентального флота (назван в честь Альфреда Великого, короля Уэссекса, которому приписывают основание английского военно-морского флота).

II. Фамильное имя:

- **Remington** (Ремингтон) – «пулемёт» (по фамилии американского конструктора огнестрельного оружия Элифалета Ремингтона; англ. Eliphalet Remington 1793–1861);
- **Langley** (Лэнгли) – «авианосец» ВМС США (по фамилии американского астронома, физика, изобретателя болометра и пионера авиации Сэмюэла Пирпонта Лэнгли; англ. Samuel Pierpont Langley 1834–1906);
- **Franklin** (Франклин) – американский «авианосец» времён Второй мировой войны (по фамилии одного из отцов-основателей США Бенджамина Франклина; англ. Benjamin Franklin 1706–1790);
- **Abrams** (Абрамс) – основной «боевой танк» США (по фамилии генерала Крейтона Абрамса; англ. Creighton Abrams 1914–1974).

III. Личное имя + фамилия:

- **Jack Johnson** (Джек Джонсон) – «тяжелое оружие», «тяжелый снаряд» (по имени известного негритянского боксера Джек Джонсона; англ. Jack Johnson 1878–1946);
- **Dwight Eisenhower** (Дуайт Эйзенхауэр) – американский «авианосец» (назван в честь 34-го президента США Дуайта Эйзенхауэра; англ. Dwight Eisenhower 1890–1969);
- **Carl Vinson** (Карл Винсон) – американский авианосец (назван в честь американского конгрессмена от штата Джорджия Карла Винсона; англ. Carl Vinson 1883–1981).

IV. Прозвище:

- **Black Maria** (Черная Мария) – полицейская машина, оборудованная для перевозки арестованных (предполагается, что название восходит к имени Марии Ли [Lee, Maria], бостонской владелицы меблированных квартир (около 1840), очень сильной негритянки – «черной Марии». Рассказывали, что, когда нужно было арестовать разбушевавшихся пьяниц, звали Марию, и она без труда доставляла их в полицейский участок) [https://regional_studies.academic.ru/2194/Black_Maria].
- **Honest John** – американская твердотопливная баллистическая ракета (В конце 1950 года генерал-майор Хольгер Тофтой был полковником, курировавшим разработку ракеты. Проект находился под угрозой отмены на том основании, что такая большая неуправляемая ракета не могла иметь точность, чтобы оправдать дополнительные средства. Во время поездки на ракетный полигон Уайт-Сэндс Тофтой встретил техасца, который был склонен делать невероятные заявления. Всякий раз, когда кто-либо выражал сомнение по поводу утверждений этого человека, он отвечал: «Почему в этих местах меня зовут «Честный Джон!». Поскольку проект подвергался сомнению, Тофтой чувствовал, что это прозвище подходит для ракеты и предложил имя своему начальству)

[McKenney 2007, 212].

Статистический анализ количества тех или иных рядов антропонимов в составе апеллятивных онимов военного дискурса показал, что лидирующую позицию занимают прозвища – **45%**, фамильные онимы составляют **30%**, личные имена в составе апеллятивных онимов – **21%**, комбинации «личное имя + фамильный оним» – **11%** из рассмотренных нами 100 апеллятивных онимов в военном дискурсе английского языка.

Результат представлен в виде диаграммы на следующем рисунке (см. Рисунок № 1)

В основе апеллятивации онимов лежат метафорические и метонимические переносы. Доминирующими в проанализированном материале являются метонимические переносы, как правило переход фамильного имени конструктора, изобретателя на название огнестрельного оружия, военной техники и так далее: **Colt** (Кольт) – револьвер (назван в честь Самуэля Кольта – американского оружейника, изобретателя и промышленника, основателя компании Colt's 200 Manufacturing Company); **Barrett** (Барретт) – крупнокалиберный снайперский винтовка (назван в честь Ронни Барретта (Ronnie Barrett) – разработчика и основателя компании «Barrett Firearms Manufacturing»; **Winchester** (Винчестер) – общее название для винтовок и ружей, производившихся компанией Оливера Винчестера Winchester Repeating Arms Company в США. Следует отметить, что интернет-пользователи для выбора никнейма также могут использовать фамильные онимы, например, своих кумиров из разнообразных сфер жизни: **Sofycarey** (девушка *Sofie Kneill* предпочла своей реальной фамилии фамильный оним своей любимой американской певицы Mariah Carey) [9, p. 94].

Апеллятивация онимов, таким образом, занимает одно из важных мест в ономастике и представляет собой один из способов создания вторичных наименований, способствующих обогащению языка новыми лексическими единицами.

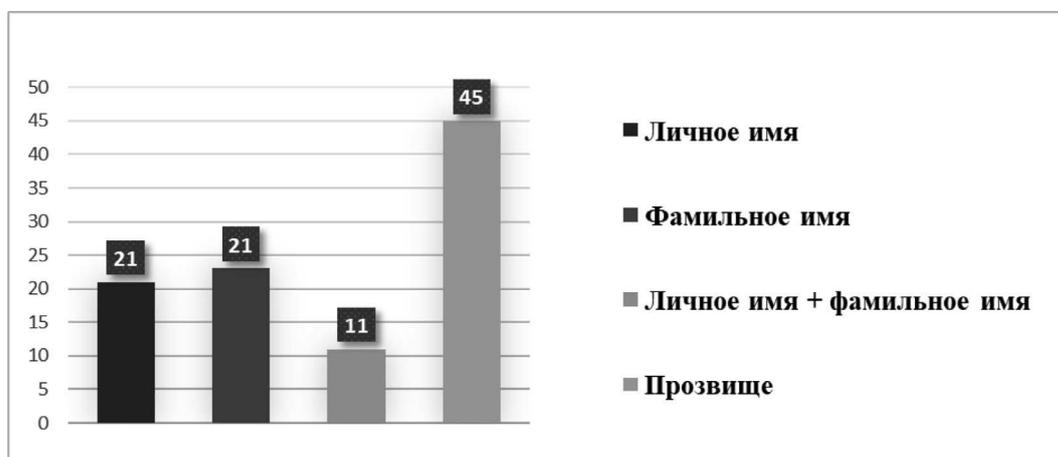


Рис. 1. Апеллятивные онимы в военном дискурсе

ЛИТЕРАТУРА

1. Антышев А.Н. Имена. Немецкая антропонимы – Уфа, БГАУ, 2001. – 239 с.
2. Биженова А.Е. Содержательный и словообразовательный потенциал деонимов (слов, восходящих к именам собственным). – Алматы, НИЦ «Фылым», 2003. – 308 с.
3. Болотина К.Э. Ономастические доминанты в языковой картине мира квебекцев: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / Болотина Ксения Эдуардовна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2018. – 161 с.
4. Буркова Т.А. Аpellятивные антропонимы в обиходно-разговорном стиле (на материале немецкого языка) // Вестник Башкирского университета. Т.19, № 4, 2014. С. 1402–1406.
5. Ковалева М.С. Английские антропонимы и их лексикографическое представление: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ковалева Мария Сергеевна; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.]. – Самара, 2015. – 187 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
7. Суперанская А.В. Сталтмане В.Э. Подольская Н.В. Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
8. Ханичев Р.З. Сопоставительная характеристика процессов деонимизации в русском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20/ Ханичев, Рустам Зумадинович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2003. – 177 с.
9. Kaziaba V. Burkova T. Adolescence – Name – Internet: How Do German-Speaking Girls Name Themselves on the Web? Studien zur deutschen Sprache und Literatur Istanbul, 2022. Heft 47. – S.81-108 <https://iupress.istanbul.edu.tr/en/journal/sdsl/issue/year2022-vol0-issue47-re>
10. Англо-русский словарь американского сленга / Под общ.ред. Е.И. Тузовского; Пер. с англ. Е.И. Тузовского и Д.М. Смушквича. М.: Изд-во «Книжный сад», 1993. – 544 с.
11. Даминова С.О. Англо-русский словарь военного сленга = English-Russian dictionary of military slang: [около 2000 терминов] / С. О. Даминова. – Москва: URSS, 2010. – 92 с.
12. Даминова, София Оскаровна Англо-русский словарь по торпедному вооружению = English-Russian dictionary on torpedo weapon. – Тула: Гриф и Ко, 2010. – 287 с.
13. Ричард А. Словарь американского сленга – М.: Рус. яз., 1991–528 с.;
14. Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика: Англо-русский словарь военного сленга. – М.: Воениздат, 1973. – 182 с.
15. McKenney, Janice E., The organizational history of field artillery 1775-2003 / Washington, D.C.: Center of Military History, United States Army, 2007. – 394 p.
16. Eric Partridge A Dictionary of Slang and Unconventional English (Taylor & Francis Routledge) 1984, 1400 p.
17. «Army AL&T» (January – March 2020 year).
18. «Defens News & Army Times» (January 2017 – 2020 year).
19. «The Magazine of the Association of the United States Army» (2015-2020 year).
20. «SOLDIER – Magazine of the British Army» (January – December 2018 year).

© Хушвахтов Билолидин Саймудинович (bilol.hushvahtov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЕ ЭМОЦИИ И ЧУВСТВА ЛЮБВИ В ОСЕТИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цховребова Белла Филушовна

кандидат филологических наук, доцент, Московский
финансово-промышленный университет «Синергия»
bella-c@mail.ru

Зангиева Зарема Низамовна

кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова, (г. Владикавказ)
zangieva_zn@mail.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS THAT OBJECTIFY EMOTIONS AND FEELINGS OF LOVE IN THE OSSETIAN AND ENGLISH LANGUAGES

**B. Tskhovrebova
Z. Zangieva**

Summary: The article is devoted to the concept of love - the most important basic emotion in the list of positive emotions. The universal nature of human emotions and feelings, their linguistic embodiment, the nature of linguistic accentuation and evaluation manifest themselves differently in languages of different systems. Particular attention is paid to comparing the ways of expressing love in the Ossetian and English languages, as well as identifying common features and differences between them.

We consider the term "concept" in this article as an ethnomental concept, where speakers of certain, specifically taken language fill in its internal characteristics, considering the standards, stereotypes and priorities generally accepted in a given linguistic and cultural society. In addition, the conceptors are phraseological units - one of the most culture-specific units of language, capable of conveying the intellectual content of the native peoples of the languages being studied - Ossetian and English. The most frequent and ambiguous positive feeling in both the Ossetian and English languages was the concept of "love", which we considered in the article.

Keywords: linguistic picture of the world, linguistic culture. Emotional concept, phraseological unit, national and cultural significance, positive feeling.

Аннотация: Статья посвящена концепту любви – самой важной базовой эмоции в списке позитивных эмоций. Универсальный характер эмоций и чувств человека, их языковое воплощение, характер языковой акцентуации и оценки проявляют себя неодинаково в разнотипных языках. Особое внимание уделяется сравнению способов выражения любви в осетинском и английском языках, а также выявлению общих черт и различий между ними. Термин «концепт» в данной статье рассматривается нами как этноментальное понятие, где носители определенного, конкретно взятого языка, заполняют его внутренние характеристики, учитывая общепринятые в данном лингвокультурном обществе эталоны, стереотипы и приоритеты. Концепторами выступают фразеологизмы – одни из самых культуроспецифичных единиц языка, способные передавать интеллектуальное содержание народов-носителей изучаемых языков – осетинского и английского. Наиболее частотным и неоднозначным позитивным чувством как в осетинском, так и в английском языках стал рассматриваемый нами в статье концепт «любовь».

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультура, эмоциональный концепт, фразеологическая единица, национально-культурная значимость, позитивное чувство.

Введение

В каждой нации существует коллективное понимание языка и видение мира, отраженное в системе идей и культурных концептуальных областях. Эти области передаются людьми, принадлежащими к данной нации. Следовательно, идеи представляют собой сложные семантические структуры, которые играют центральную роль в формулировании фундаментальных аспектов языкового сознания нации. Ценности, присущие определенной этнической общности, формируют специфическую номинацию концептуальных атрибутов. Этот процесс формирования, в свою очередь, играет ключевую роль в установлении важности той или иной черты в рамках лингвокультуры [6, с. 257].

Изучение концептов как сущностей, раскрывающих мировосприятия народа на языковом материале, представляется очень актуальным и перспективным направлением исследования. Проводя сопоставление концептов, принадлежащих сознанию представителей разных этносов и культур, вскрываются их универсальные и специфичные характеристики. Особая роль в этом процессе отводится фразеологизмам и пословицам, способным передавать из поколения в поколение культурные стереотипы и отражать ценностные установки народа. Базовые концепты культуры *love* и *уарзодзинад* рассматриваются с позиций когнитивной лингвистики.

Анализ чувственных концептов через призму лингвистики и культуры позволил выявить номинативную ин-

тенсивность их концептуальных характеристик и определить их значимость в системе ценностей осетинского языка. Параллельное обращение в процессе работы к английскому материалу оказалось мотивированным: эквивалентов среди осетинских и английских фразеологизмов, репрезентирующих позитивные и негативные эмоции и чувства, выявилось значительно больше, чем ожидалось.

Здесь уместны выводы Миры Цховребовой. Она отмечает, что в случае осетинских и английских идиоматических выражений полное совпадение встречается примерно в 30 процентах случаев, в то время как сходство составляет около 70 процентов. Лингвистическая наука утверждает, что параллели в идиоматических выражениях двух языков не обязательно подразумевают лингвистическую связь. Тем не менее, наличие такого обширного сходства вызывает вопросы. Нельзя упускать из виду наши исторические знания о глубоких и прочных связях между нашими предками-аланами и британскими племенами в период зарождения английского языка [14].

Материалы и методы исследований

Как в осетинском, так и в английском языках эмоция любви широко известна и в то же время полна противоречий. Она часто занимает первое место в спектре положительных эмоций. Такие уважаемые исследователи, как М. Арнольд, У. Джеймс и Дж. Уотсон, включили ее в число основных положительных эмоций. Любовь – это обширное и сложное понятие. Определения любви варьируются от высокоэмоциональной позитивной ориентации, которая выделяет свою цель среди других и ставит ее во главу угла в рамках личных потребностей и интересов индивида, таких как любовь к своей стране, матери, детям, музыке и т.д., до глубокого, мощного и относительно стойкого чувства индивидуума, физиологически подкрепленного сексуальными желаниями; проявляющееся в социальном контексте как стремление быть целостно представленным своими значимыми личностными характеристиками в жизни другого человека, чтобы вызвать взаимный отклик такой же глубины, пылкости и долговечности [4, с. 85].

В ходе исследования нами использовались различные методы. При изучении и описании концептов «love» и «уарзондзинад» мы использовали метод концептуального анализа; при выявлении концептуальных признаков, представленных в значениях фразеологических единиц, – компонентный анализ. Толкуя значение фразеологизма, применялся метод семантического определения, а при выявлении универсальных и специфических характеристик концептов «love» и «уарзондзинад» в разноструктурных языках – сравнительно-сопоставительный метод. С помощью описательного метода представлены полученные в ходе исследования результаты.

Результаты и обсуждения

Эмоция любви тесно переплетена с целым рядом как положительных, так и отрицательных человеческих чувств и аффектов. Хотя по своей сути любовь положительна, иногда она вызывает негативные эмоции, возникающие в результате неразделенной привязанности, такие как агония и зависть. Мучения, связанные с неразделенной любовью, рассматриваются как серьезное эмоциональное страдание, проистекающее из отсутствия взаимных чувств и стремления к их достижению. Любовь, как многогранное чувство, может вызывать самые разные эмоции в зависимости от контекста, начиная от экстаза, блаженства и нежности и заканчивая завистью и другими.

Лексическая и семантическая область концепта «любовь» охватывает множество эмоций, которые различаются по своей направленности на предмет, интенсивности, с которой они переживаются, и глубине чувства. Это переживание может быть безмятежным, как легкая симпатия, или бурным, как всепоглощающая одержимость. Сущность любви многогранна, охватывая весь спектр от удовлетворения сексуальных желаний до возвышенных платонических отношений, и ее цели могут включать в себя любимого человека, семью, родину и многое другое.

В осетинском языке чувство любви представлено 75 фразеологическими единицами, 40 из которых – полевой материал. Эти количественные показатели ставят любовь на пятое по степени значимости место в осетинской эмоциональной языковой картине мира, тогда как на английской шкале наиболее ценных эмоций любви отводится более почетное второе место. Это и понятно, учитывая традиционный уклад осетинского сообщества, где существовал институт сватовства, а вопросы создания семьи решались этим институтом сватовства в несравнимо большей степени, чем самими молодыми людьми, вступающими в брак. Поэтому сфера функционирования эмоции любви заметно сужалась и фокусировалась больше на любви между родителями и детьми/внуками, на преданной любви к родине, славе, и т. д. [15, с. 314].

Фразеологические единицы осетинского языка, репрезентирующие любовь, отличаются также высокой степенью вариативности. Они могут обозначать:

1. предмет любви. Следует отметить, что традиционно в Осетии жене не следовало называть по имени своего супруга, поэтому в осетинском языке нашли отражения эвфемизмы, позволявшие при упоминании мужа или обращении к нему не нарушать нормы речевого этикета (*зæды хай* – букв. «доля ангела», «любимый человек»; *мæ уды хай* – букв. «часть моей души», «любимый человек», *мæ хуры хай* – букв. «доля солнца», «любимый человек»);

2. степень её интенсивности (*сэлхæрдзинады онг ба уарзын* – букв. «полюбить до безумия», «влюбиться до безрассудства, безумия»);
3. виды любви (*мады уарзт* – *тыхдæттæг* – букв. «любовь матери – источник силы»; *къуырттон карк дæр ма йæ цъиуты уарзы* – «даже квочка своих цыплят любит»);
4. сложность и противоречивость любви (*æнæ гуырысхо уарзондинад нæ ваййы* – букв. «нет любви без сомнения»);
5. эффект, произведённый любовью (*йæ зæрдæйы йын монц арт ыссудзын кæнын* – букв. «разжечь огонь любви в сердце», «влюбить в себя кого-либо»);
6. зарождение любви (*зæрдæйы ныссæдзын* – букв. «застрять в сердце», «полюбить»);
7. разборчивость, причудливость любви, не признающей никакой власти (*уарзондинад сыгъзæринæй балхæнæн нæй* – букв. «любовь за золото не купишь»);
8. иррациональная, стихийная природа любви, толкающая субъект, её испытывающий, на безрассудство и риск (*мæрдтæм ыл цæуын* – букв. «ради кого-то отправится в мир мёртвых», «быть до смерти влюбленным в кого-либо», *къахы фæды дзыхъхъы дон ныуазын* – «сильно полюбить кого-либо»);
9. мера любви, её «цена» (*зæрдæ раттын* – букв. «отдать сердце», «влюбиться»);
10. наблюдения общего характера, касающиеся некоторых закономерностей в любви (*уарзондинад у ахæм низ, кæцыйæн нæй хос æмæ дзæбæхгæнæн* – «любовь – это такая болезнь, от которой нет ни лекарства, ни исцеления») [б, с. 267];
11. «изобретательность» любви, её способность добиваться своего, невзирая на цену (*уарзондинад дойнаг дур дæр дон кæны* – букв. «любовь даже камень в реке превратит в воду», «любовь не знает границ»; *уарзт фæндаг ссардæн* – букв. «любовь найдёт дорожку», «любовь найдёт дорогу (не знает границ)»);
12. перипетии любви (*уарзондинад æмæ хуыфæгæн бамбæхсæн нæй* – букв. «любовь, как и кашель, не спрячешь», «Любви, огня да кашля от людей не утаишь», *уарзондинад карз низæй уæлдай нæу* – букв. «нет разницы между любовью и неизлечимой болезнью»; *уарзондинад – зæрдæйы сындз* – букв. «любовь – сердечная заноза», «любовь – сердечная мука»);
13. выход интенсивно переживаемой любви в область других душевных состояний человека, например безумия (*æрратæ кæнын* – букв. «сходить с ума по кому-либо»; *фыр уарзтæй фæсæлхæр* – букв. «сойти сума от чрезмерной любви», «потерять голову от любви»; *монцты артæй фæсæлхæр уын* – букв. «сойти с ума от огня любви», «сойти с ума от любви»; *йæ сæры зонд фæцыд* – «сойти с ума

Таблица 1.

Фразеологические единицы, объективирующие эмоции и чувства любви в английском языке.

№п/п	Обозначения любви	Фразеологические единицы	Перевод на русский язык
1	Объект	the love of one's life	любовь всей жизни, возлюбленный
2	Степень интенсивности	to be over head and ears in love	по уши влюбиться в кого-либо
3	Виды	old love never dies	старая любовь не умирает
4	Сложность и противоречивость	love is never without jealousy	любовь никогда не бывает без ревности
5	Зарождение или утрата	to fall in love. to fall out of love	полюбить; разлюбить
6	Последствия	love will melt an icy heart	любовь и ледяное сердце растопит
7	Разборчивость	love cannot be forced	насильно мил не будешь
8	Необъятность	love knows no boundaries	любовь не знает границ
9	Смысл и важность	love makes the world go round	любовь заставляет мир вращаться
10	Стихийность и безрассудность	love is blind	любовь слепа
11	Находчивость и изобретательность	love will find a way	любовь найдет дорожку
12	Мера, цена и объем	love is neither bought nor sold	любовь не покупается и не продается
13	Закономерности	great love, great sorrow	большая любовь сопровождается большими страданиями
14	Заразительность	love begets love	любовь порождает ответную любовь
15	Переход в другие состояния	to love to distraction	любить до безумия
16	Перипетии	love is sweet in the beginning but sour in the ending	сначала любовь бывает сладкая, а в конце – кислая

от любви»; *фыруарстæй зондæй фæцух уын* – букв. «обезуметь от чрезмерной любви», «потерять голову от любви»);

14. безграничная сила любви (*уарзт алицæуыл дæр уæлахиз кæны* – букв. «любовь всё побеждает», «любовь господствует над всем»; *уарзондзинад дунейы царæнгæнæг у* – букв. «любовь даёт жизнь всему миру», «любовь движет миром»).

Фразеологические единицы английского языка, представляющие любовь, также отличаются достаточно высокой степенью вариативности. Из 90 фразеологических единиц, выбранных нами, мы выделили следующие обозначения любви (табл.1).

Некоторые особые, присущие чувству любви свойства, такие как ценность любви, её «заразительный» характер, значимость, способность вызвать ответное чувство и эмоцию не отразились в фразеологическом материале осетинского языка, но присутствует описание взаимной любви с первого взгляда, присущей юношам и девушкам (*цæстытæ кæрæдзийыл баззайын* – букв. «оставить глаза друг на друге», «влюбиться с первого взгляда»).

Особое место в лингвокультуре осетин занимает лю-

бовь к детям. Ряд фразеологизмов представляет собой обращение к любимому чаду (*мамайы карк* – «мамина курочка», *мамайы цæст* – «мамин глазик»), способы проявления сильной любви к нему (*бырынкъæй дæлæмæ нæ уадзын* – букв. «не опускать ниже уровня клюва», «сильно радоваться, любить кого-либо (чаще всего о ребёнке)»; *былтæй дæлæмæ нæ уадзын* – букв. «не опускать ниже уровня губ», «сильно радоваться, любить кого-либо (чаще всего о ребёнке)»), значимость и незаменимость ребёнка для матери (*арс дæр ма йæ хъæбулы уарзы* – «даже медведица любит своих медвежат»; *къуырттон карк дæр ма йæ цъууты уарзы* – «даже квочка своих цыплят любит»); а также иллюстрирует могущество материнской любви, для которой не существует никаких преград (*мады рæвдыд* – *хуры æмдых* – букв. «материнская любовь – свет солнца»; *мады уарзт* – *тыхдæттæг* – «любовь матери – источник силы») [16, с.180].

Заключение

Изучение элементов чувственной картины мира в языке представляет собой перспективный ресурс исследования, потому что даёт возможность проникновения в эмоциональную языковую картину мира носителей языков, способствует более точному и полному языковому моделированию образа «внутреннего мира» человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.В. Психологические аспекты любви и брака // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-lyubvi-ibraka>
2. Березуцкая Д.О. Анализ лексической вербализации лингвокультурного концепта «любовь» в русском, испанском и английском языках / Д.О. Березуцкая, И.В. Комарова // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №3 (141). URL: <https://research-journal.org/archive/3-141-2024-march/10.23670/IRJ.2024.141.83> (дата обращения: 01.07.2024). — DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.83
3. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189–208.
4. Гармаш Д.А. Концепт любовь как ценностная доминанта в английской и русской лингвокультурах // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 85–90
5. Изард К. Психология эмоций. СПб. 2006. – 452 с.
6. Зангиева З.Н. Фразеология как фрагмент языковой картины мира / Преподавание иностранных языков и культур в начале XXI столетия: инновации и традиции (Лемпертовские чтения X). Сборник статей по материалам Международного научно-методического симпозиума. 2008. С. 267–274.
7. Кайтмазова Н.С. Номинативное пространство фразеологизмов со значением эмоций: на материале английского и осетинского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кайтмазова Нина Сергеевна. – М., 2005–220 с.
8. Комарова И.В. «Любовь» как лингвокультурный концепт в русской и испанской языковых картинах мира на базе анализа лексических единиц / И.В. Комарова, Д.О. Березуцкая // Заметки ученого. 2023. № 5. Ч. 1. С. 175–179.
9. Комарова Л.А. Любовь как Высшая общечеловеческая ценность // Вестник КГУ. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-kak-vyshhaya-obshechelovecheskaya-tsennost-1> (дата обращения: 23.06.2024).
10. Круглая А. Языковое представление концепта «любовь» во фразеологии французского и испанского языков / А. Круглая // Минский государственный лингвистический университет. Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета, 15–16 апреля 2021 г.: в 4 ч. Минск: МГЛУ, 2021. Ч. 1. с. 52.
11. Миндзаева Д.Р. Семантическая классификация английских ФЕ, объективирующих эмоции гнева и любви // Современные исследования социальных проблем. № 2–3 (26). 2016. С. 254–261
12. Савченко А.А., Эдгар Ю. Фразеосемантическое поле «любовь»/ «love» в русском и английском языках / Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Сборник научных статей. Краснодар, 2021. – С.111-120.
13. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм. Москва: АСТ, 2022. с. 69–112.

14. Цховребова М.В. От Скифии до Британских островов. Цхинвал. 2021. – 40 с.
15. Цховребова Б.Ф., Зангиева З.Н. Семантические поля фразеологизмов, обозначающих свойства и качества характера человека со значением «честность», «верность», «преданность» / Актуальные проблемы современной науки: теория и практика. Материалы I международной научно-практической конференции, 2013. С. 310–316.
16. Цховребова Б.Ф., Зангиева З.Н. Функционально-стилистическая характеристика речевых формул пожелания / European and Russian literature: modern problems of study. Stuttgart, 2013. С. 177–189.

© Цховребова Белла Филушовна (bella-c@mail.ru), Зангиева Зарема Низамовна (zangieva_zn@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abraukhova V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Don State Technical University, Rostov on Don

Agoshkova T. – Lecturer, Moscow Aviation Institute

Akilova M. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology

Aleshin V. – Postgraduate student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Barybina E. – Student, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Baybuz G. – Kuban State Medical University, Krasnodar

Belikova N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kuban State Technological University

Beshukova F. – Professor, Adyghe State University, Maykop

Bobokhonov R. – Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Bochko V. – The North Caucasian branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice», Krasnodar

Boduleva A. – Cand. of Sciences (Philology), assistant professor, Ufa University of Science and Technologies

Borisova O. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow Technical University of Communications, and Informatics

Chikaeva K. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Dobrieva Z. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ingush State University

Dong Xinyu – Master's degree student of Qiqihar University, Qiqihar

Du Venhao – Perm State National Research University

Emelyanova O. – Senior lecturer at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow

Our authors

Fan-Yung G. – PhD of Historical Sciences, Docent, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan

Fedorov D. – Researcher engineer, Saint-Petersburg University

Gavrilova Ju. – PhD in Philology, Associate Professor, NRU MPEI, Moscow

Gorkush S. – associate Professor, Ph.D. in History, RTU MIREA, Moscow

Guo Zhe – Librarian, Heihe University Library, Heihe University Heihe University (Heihe, China)

Huang Haonan – Postgraduate student, St Petersburg University

Isaeva E. – PhD, associate professor, Perm State National Research University

Isaeva Ya. – Perm State National Research University

Isyangulova G. – Doctor of Philology, Professor, Ufa University of Science and Technology

Kartushina N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Khachetlova S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"

Khushvakhtov B. – Specialist of the Department of Recruiting and Support of Foreign Students International Cooperation Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology"

Khvostov A. – Postgraduate, Don State Technical University, Rostov on Don

Kirdyanova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, University for Industry and Finance "Synergy", Moscow

Komkova N. – Associate Professor, Candidate of Philology, Tula State University

Koroleva T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Far Eastern State University of Railway Engineering, Khabarovsk

Korovina S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Far Eastern State University of Railway Engineering, Khabarovsk

Kovaleva A. – Senior Lecturer, Velikiye Luki Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pskov State University"

Kruglikova O. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Far Eastern State University of Railway Engineering, Khabarovsk

Ksenia N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State Technical University

Kulimova R. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"

Liu Jiaming – Postgraduate, Heilongjiang University, Harbin, China

Liu Xiangji – postgraduate student, Zhongnan University of Economics and Law, Wuhan, China

Lomakina O. – Professor, Doctor of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Mayorov G. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, State University of Management

Meng Yaodeng – Associate Professor, Zhongnan University of Economics and Law, Wuhan, China

Musafirov M. – Candidate of Pedagogical Sciences, lecturer, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch), Orenburg State University

Ning Yanhong – head of the library of Heihe University, Heihe University (Heihe, China)

Panesh U. – Professor, Adyghe State University, Maykop

Pirmanova N. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Orenburg State Pedagogical University

Popryadukhina N. – Candidate of Psychological Sciences, docent, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch), Orenburg State University

Rubtsova A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Humanitarian Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University"

Savvinova S. – Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS

Shchigortsova E. – PhD of Sociological Sciences, Docent, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan

Shpachuk N. – Postgraduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration; Consultant, SKT LLC, Moscow

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Sledzevsky I. – Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Sleptsova E. – Ph. D. in Pedagogic, Associate Professor, Associate Professor Ryazan S.A. Yesenin State University

Sviardlou B. – Mogilev State University Named After A.A. Kuleshov

Tikhomirov D. – graduate student, State University of Education, Moscow

Tokareva M. – PhD student, Lomonosov Moscow State University

Tskhovrebova B. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow University of Finance, and Industry "Synergy"

Wang Lingling – Professor of Qiqihar University, Qiqihar

Xu Yingrui – Moscow state university

Yangirova G. – Cand. of Sciences (Philology), assistant professor, Ufa University of Science and Technologies

Yevtushenko S. – Senior lecturer of the Far Eastern State Technical Fisheries University

Zangieva Z. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz

Zuev A. – Candidate of historical sciences, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).